

Во втором издании монографии представлены дополненные и доработанные результаты более чем двадцатилетних авторских исследований, посвященных профессиональной, личностной и жизненной состоятельности современного человека. На концептуальном уровне предложено научное понятие «дело жизни» (ДЖ) как «первопричина жизни личности», наиболее ярко проявляющаяся в стремлении к достижению высшего предназначения, а также соответствующие методологические и практические ориентиры. Все это рассматривается как ДЖ-подход в психологической науке и практике. Особый интерес для читателя может представлять авторский взгляд на развитие феномена Майдана и формирование "общества высшего предназначения". Может быть полезна для научных работников, специалистов-психологов, студентов, а также широкого круга читателей, интересующихся современной психологией и человековедением.

Александр Ткаченко

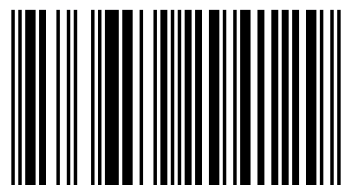
Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Издание 2-е, дополненное и доработанное

Александр Ткаченко

Ткаченко Александр Анатольевич.
Канд. пед. наук, ст. науч. сотр., доц. каф.
психологии и педагогики Университета
современных знаний, г. Киев. Занимался
исследованием профессиональной
надежности и летного состава. Последние 20
лет разрабатывает авторский
«деложизненный» подход в психологической
науке и практике. Автор свыше 90 научных
публикаций.

978-3-659-29412-9

Александр Ткаченко

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Александр Ткаченко

**Дело жизни: достижение личностью
высшего предназначения**

Издание 2-е, дополненное и доработанное

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

LAP LAMBERT Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@lap-publishing.com

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-29412-9

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2014 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2014

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

А.А. Ткаченко

Дело жизни

**достижение личностью
высшего предназначения**

Монография

Издание 2-е, дополненное и доработанное

УДК 159.9.01

Рецензены первого издания:

Г.А. Балл, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент АПН Украины - Институт психологии им. Г.С.Костюка АПН Украины; **Л.Ф.Бурлачук**, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент АПН Украины - Киевский Национальный университет имени Тараса Шевченко.

В первом издании рекомендована Ученым советом Кировоградского государственного педагогического университета имени Владимира Винниченко.

Ткаченко А.А. Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения. Монография. Изд. 2-е. - LAMBERT, 2014.

Во втором издании монографии представлены дополненные и доработанные результаты более чем двадцатилетних авторских эмпирико-практических и теоретических исследований, посвященных профессиональной, личностной и жизненной состоятельности современного человека. На концептуальном уровне предложено научное понятие «дело жизни» (ДЖ) как «первопричина жизни личности», отражающее стремление личности к достижению высшего предназначения, а также соответствующие методология и практика. Все это рассматривается как ДЖ-подход в психологической науке и практике.

Предназначена для научных работников, специалистов-психологов, студентов, обучающихся по соответствующим специальностям, а также широкого круга читателей, интересующихся современной психологией и человековедением.

ISBN 978-3-659-29412-9

© LAMBERT
© А.А. Ткаченко

ОГЛАВЛЕНИЕ:

А.А. Ткаченко.....	1
Предисловие ко 2-му изданию.....	5
Введение.....	7
I. ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ.....	9
Глава 1. ВЫСШЕЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ	9
1.1 Философский аспект.....	9
1.2 Психологический аспект.....	30
Глава 2. «ДЕЛО ЖИЗНИ» КАК АТРИБУТ СУБЪЕКТА ВЫСШЕГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ.....	45
2.1 «Дело жизни» и субъектность	45
2.2 «Дело жизни» и смысл.....	54
2.3 «Дело жизни» и поступок.....	70
2.4 «Дело жизни» и душа.....	88
Глава 3. «ДЕЛОЖИЗНЕННАЯ» ЛИЧНОСТЬ.....	98
3.1 ДЖ-личность как базовая характеристика высшего предназначения человека.....	98
3.2 Самоопределение ДЖ-личности.....	110
3.3 Формирование ДЖ-личности в системе высшего образования	120
II. МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА.....	137
Глава 4. «ДЕЛОЖИЗНЕННАЯ» МЕТОДОЛОГИЯ.....	137
4.1 Критические ситуации в «поле правды» как условие функционирования ДЖ-методологии.....	137
4.2 Общетеоретические очертания ДЖ-методологии.....	154
4.3 Теоретическая модель функционирования..... ДЖ-методологии.....	169
Глава 5. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И ГРУППОВАЯ «ДЕЛОЖИЗНЕННАЯ» ПРАКТИКА.....	186
5.1 ДЖ-практика как инструмент духовного производства.....	186
5.2 Индивидуальная и групповая психологическая	196
ДЖ-практика.....	196
5.2.1 Экспертиза самоопределения.....	196
5.2.2 Индивидуальная психологическая работа.....	200
5.2.3 Групповая психологическая работа.....	205
5.3 Индивидуальная и групповая образовательная	236
ДЖ-практика.....	236
5.3.1.Профессиональная подготовка операторов особо сложных систем управления в ДЖ-формате.....	242
5.3.2 Профессиональная подготовка психологов в..... ДЖ-формате.....	246
5.4 Индивидуальная ДЖ-практика взаимодействия	258
психолога и священника.....	258
Глава 6. СОЦИАЛЬНАЯ «ДЕЛОЖИЗНЕННАЯ» ПРАКТИКА.....	280
6.1 Социальная ДЖ-практика в культурно-историческом контексте поступка.....	280

А. А Ткаченко

6.2 Социальная идеологическая ДЖ-практика	287
как поступковое действие.....	287
6.3 Социальная психологическая ДЖ-практика как поступковое последствие	298
6.3.1 Кризис постсоветского общества	298
как интериоризация действия в поступковом последствии. .	298
6.3.2. Феноман «майдана» как катарсис в поступковом последствии.....	306
6.3.3 Формирование «общества высшего предназначения» как преображение в поступковом последствии.....	338
Заключение.....	350
Время перемен.....	352
(вместо послесловия к 1-му изданию).....	352
Литература.....	354

Предисловие ко 2-му изданию

В книге Александра Анатольевича Ткаченко «Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения» в русле гуманистического направления в психологии предложена смелая идея постнеклассического характера, направленная на создание фундаментальной науки о Человеке, опирающейся, как на один из основных источников, на научную адаптацию христианского учения. В качестве базовых понятий автор использует «высшее предназначение» человека, рассматриваемое как в онтологическом, так и в аксиологическом контексте, а также «дело жизни» (ДЖ), основное проявление которого трактуется как «стремление личности к достижению высшего предназначения». Теоретическое обоснование данного понятия и раскрытие его потенциала строятся на основе триединой структуры, включающей ДЖ-личность, ДЖ-методологию и ДЖ-практику.

Предлагаемый автором «расширенный» взгляд на психологию несколько диссонирует с рассуждениями в формате строгих научных понятий и причинно-следственных связей. Вместе с тем следует признать, что ДЖ-подход не только адекватно отражает многие современные жизненные реалии, но и вносит вклад в построение основ научного осмысления будущего развития личности и общества. Данная работа подводит к пониманию необходимости дальнейшего «расширения» традиционной психологической науки путем введения новых понятий, подобно «делу жизни».

Опираясь на философский принцип «всеединства», а также на разработку рядом теоретиков психологического понимания «духовной» или «смысловой» вертикали, автор в качестве универсального механизма личностной реализации «дела жизни» рассматривает смысловой процесс, который функционирует как «...смыслопостижение – одухотворение – смыслотворение...». Этот процесс охватывает как высшие сферы духовного мира человека, так и реальный мир его существования, ориентированный на достижение высшего предназначения.

А. А Ткаченко

Стремясь к психологической конкретизации идеи «духовной» вертикали, А. А. Ткаченко вводит понятие ДЖ-вертикали как субстанционально-процессуального образования, связывающего реальное лицо с его идеалом. Такое образование существует одновременно как ДЖ-формат, соответствующий текущему идеалу, и как смысловое наполнение, соответствующее реальной жизни, с поступковым механизмом функционирования. ДЖ-вертикаль формируется на основе принципа «медиационности», понимаемого как соединение несоединимого (например, реального и Идеального лиц). «Смыслопостижение» и «смыслотворение» как измерения ДЖ-вертикали функционируют благодаря «одухотворению», осуществляемому в т. н. «поле правды». Представление последнего как семиосферы, построенной на принципах психотерапевтического дискурса, выступает основанием для разработки соответствующей ДЖ-практики.

Гуманистическая психология направляет свои усилия на научное раскрытие предпосылок и механизмов наивысших духовных свершений и на то, чтобы эти предпосылки и механизмы стали достоянием многих людей. Это грандиозная цель; продвижение к ней требует смелого творческого поиска и самоотверженных усилий. Александр Анатольевич Ткаченко уверенно идёт по этому пути. Пожелаем ему успеха.

Г.А. Балл, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент НАПН Украины, зав. лабораторией методологии и теории психологии Института психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Введение

Жизнь и развитие человека и человечества пришли к точке бифуркации, когда становится необходимым осуществление выбора в сторону самосохранения как биологической субстанции, но неизбежной деградации, или дальнейшего развития ценой огромных усилий и напряжения духа ради трансформации (преобразования) человека в иное, истинно разумное одухотворенное состояние.

Идеи, изложенные в монографии, начали формироваться под влиянием более чем двадцатилетних авторских эмпирико-практических и теоретических исследований, посвященных самоопределению личности в достижении своего высшего предназначения, начиная с изучения проблемы формирования профессиональной надежности авиаспециалистов и явления «духовно-природной психотерапии» в процессе образовательной и психологической практики с участием будущих психологов. Они стали принимать теоретически завершенные очертания, когда мы обратились к философскому принципу «всеединства», сущности смысла жизни в философии и психологии, психологии поступка, а также оригинальной «философии ненасильственного развития», формулирующей идею фундаментального научного обоснования христианского учения и создания новой науки о Человеке на основе Разума, а также многим другим философским и психологическим идеям и концепциям.

Многие известные ученые в самых различных областях науки убедительно показывают, *что* собой представляет «конец цивилизации» и *что* необходимо для дальнейшего разумного развития Человечества. Но они в достаточной степени не раскрывают внутренний психологический механизм такого развития, вопрос - *как* человек будет трансформироваться в этих условиях. В нашем подходе эта глобальная проблема рассматривается через призму «высшего предназначения» человека, субъективизированного на основе научного понятия «дело жизни», проливающего свет на сущность духовного производства. В свете такого подхода новую геосоциальную организацию, построенную на научном понимании

А. А Ткаченко

христианской идеи, можно рассматривать как «общество высшего предназначения».

Данная идея раскрывается в смысло-логической последовательности, изложенной в двух частях монографии, где нововведенное понятие «дело жизни» (ДЖ) является основным смыслообразующим фактором. Первая часть, посвященная философии и теории, начинается с рассмотрения философского и психологического аспектов «высшего предназначения», как объекта научного познания, раскрываемого с позиций аксиологии и онтологии его формирования в научно-философском и психологическом контексте греческой «пайдеи», христианского «богоподобия», марксистского «духовного производства», а также современных проблем глобального общецивилизационного кризиса. Научное видение данного объекта представляется как триединое образование, включающее Идеальную Личность, Методологию ее формирования и Практику реализации этой методологии. Анализируется место предлагаемого научного понятия «дело жизни» как атрибута субъекта высшего предназначения человека в предметной области научной психологии на фоне таких общеизвестных понятий как «субъектность», «смысл», «поступок», «душа». Раскрывается представление о «дело-жизненной» личности как базовой характеристике, предусматривающей ее самоопределение в достижении высшего предназначения и стремление к формированию своего Идеала.

Во второй части, посвященной методологии и практике, рассматривается возможность формирования такой личности благодаря ДЖ-методологии и соответствующей ДЖ-практике. Последняя строится на основе смыслового анализа и механизма поступка, подразделяется на индивидуальную и социальную.

Во втором издании монографии научное понятие «дело жизни» в своей сущности рассматривается как «первопричина жизни личности», а в обоснование научного понимания ДЖ-методологии положена ДЖ-вертикаль как производная от психологического понимания «духовной» или «смысловой» вертикали. Социальная ДЖ-практика дополнена материалами развития феномена «майдана».

I. ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

Глава 1. ВЫСШЕЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

1.1 Философский аспект

Начало третьего тысячелетия ознаменовалось стремительным рывком в принципиально иную культурно-историческую реальность. В глобальном масштабе происходят динамические изменения в развитии человека и общества. Наблюдается мощный процесс сближения наций, народов, государств через создание общего социокультурного, экономического, информационного, образовательного пространства. Происходит переход от индустриального техногенного к постиндустриальному этапу общественного развития, который еще называют психогенным, путем возникновения нового, трансформационного состояния. Наряду с этим авторитетные ученые в различных областях научного знания приходят к общему заключению об активном развитии деструктивных процессов мировой цивилизации, которая сейчас стоит на грани своего дальнейшего существования. Экономист и государственный деятель А.Д.Панов отмечает, что драматизм современного исторического момента определяют переживаемые сейчас события, означающие переход на совершенно новую эволюционную траекторию развития от исторического до галактического масштаба

А. А Ткаченко

(Панов, 2004). Академик Н. Н. Моисеев предупреждает, что допустимые сценарии трансформации современной планетарной ситуации будут определяться характером развития в ближайшие десятилетия интеллекта и воли гражданского общества, формирования ответов на вопросы грядущего «века свершения» в соответствии с вызовом уходящего «века предупреждения». Цивилизация сможет сохранить себя только тогда, когда экономика будет поддерживать лишь существование человечества, а не определять его историю, а восхождение к Разуму делается действительно главной целью (Моисеев, 2000). Академик В. И. Осипов акцентирует, что современный человек, как биологический вид, находясь на начальном этапе развития, своей деятельностью противопоставил себя биосфере и создал условия для антропогенного экологического кризиса (Осипов, 2004). Профессор Э.В. Гирусов отмечает, что настало время перехода от доэкологической к экологической эпохе путем критического пересмотра всех направлений человеческой активности во имя достижения единой глобальной целостности на основе формирования нового человека и новой планетной оболочки, которую В. И. Вернадский называл ноосферой. Он подчеркивал, что ноосфера формируется людьми как дальнейшее продолжение организованности биосферы и формирование качественно новой системы социоприродного единства, где не только общество, но и природная среда находятся в состоянии взаимного изменения (Гирусов, 2003).

В целом, среди основных тенденций изменения современного общества на общеполитическом уровне выделяются глобализация, информатизация и стремление к самоуничтожению. Сложилось общее мнение, что единственный путь выживания цивилизации связан не с материальной и экономической, а с гуманистической, духовной составляющей ее развития. Это приводит к необходимости актуализации самоопределения личности в направлении достижения своего высшего предназначения, открывающего путь к выживанию и дальнейшему развитию человека в условиях новых социальных взаимоотношений, когда организация и существование основных формообразующих и интегрирующих сил общества перемещается с

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения материальной на информационную основу, все большее значение обретает общественное духовное производство.

Эта проблема всегда была предметом внимания во все эпохи существования человеческой цивилизации. Первые попытки ее решения проявились в античной Греции как феномен «пайдейи» и были связаны с воспитанием грека как государственного мужа, обладающего высшими моральными, нравственными, этическими и духовными качествами. Греческая «пайдейя» означает подлинное образование человека как творение души в соответствии с его существом, что наиболее точно отражено Платоном в известном «Мифе о пещере», использованном в трактате «Государство» для пояснения учения об идеях. Пайдейя в греческой культуре играла совершенно особую роль, была делом государственной важности, имела прямое отношение к национальной или культурной идентичности, предполагала формирование в эллине способности к автаркии как свободному и ответственному существованию в смысле власти над собой (телом, способностями и желаниями, знанием себя и своей души), видеть истинное благо и управлять другими. Философская пайдейя предполагала внутреннюю привязанность философии к проблематике власти, когда «быть, мыслить и властвовать» ставало единым. Пайдейя также предполагала институт наставничества – чтобы научиться мыслить самому, нужно научить мыслить другого. Переломный момент в истории пайдейи наступает тогда, когда эта практика в период эллинизма освобождается от привязки к политическому долгу граждан и оказывается искусством частной жизни («эра индивида»), когда забота о себе вынужденно отделяется от заботы о другом. Это говорит о возникновении внутреннего кризиса философской пайдейи, показавшего ее неустойчивое состояние и шаткую гармонию (Корецкая, 2007). В контексте анализа проблемы высшего предназначения человека

А. А Ткаченко

можно резюмировать, что 1) смысл «пайдеи» состоит в индивидуальном развитии врожденного природного потенциала как «культуры души», что на архетипическом уровне и сейчас перекликается с индивидуацией и самоопределением личности; 2) в античной пайдеи, как специфической практике «творения себя», выделяются два характерных проявления: воспитание в духе отцов в рамках традиций, заложенных богами, и воспитание божественного в общности душ.

Идеал пайдеи всецело отразился в ренессансном идеале человека, который существенным образом определил опыт формообразований сознания в «Феноменологии духа» Гегеля (Сергеев, Слинин, 1992). Но он оказался недостаточно эффективным, поскольку античный стиль воспитания не стал формой, конвертируемой в культуры последующих эпох. И уже безотносительно к опыту античной пайдеи, культура XIX-XX вв. пришла к критике идеи «природы человека» (Гирусов, 2003). Идея реализации античной пайдеи в современном обществе привлекла внимание В. Йегера, предложившего идеологию «третьего гуманизма» (Йегер, 2001)¹

С наступлением христианской эпохи высшее предназначение становится основной идеей развития общества и личности как «богоподобной». Обширный личностно ориентированный анализ этого феномена отражен во множестве философских и богословских трактатов и исследований. Наиболее ярко он представлен гениями философской мысли И. Кантом, Вл. С. Соловьевым, Н. А. Бердяевым, где осмысление предназначения человека является нравственным ядром, основанным на стремлении к духовной свободе вне всякого принуждения.

Говоря о Богочеловечестве как идее всеединства, Вл. С. Соловьев отмечал, что *смысл исторического процесса состоит в выделении человеческой личности как единственной, причастной*

¹ «Третий гуманизм» - идейное движение в Германии 20-х-30-х гг. XX в., возникшее по инициативе и под влиянием трудов В. Йегера и ставившее своей целью превращение системы духовных ценностей, унаследованных от классической Греции, в моделирующую силу современной немецкой культуры и образования. В. Йегер призывал к реформированию классического образования в школе в таком направлении, которое способствовало бы выполнению «особой исторической задачи, стоящей перед немецким народом» — «формированию нового, политического типа человека».

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения одновременно к природному и духовному мирам, как чего-то безусловного с собственной сущностью и объективной внутренней идеей. Реальный природный мир является несовершенным (ненормальным), потому требует своего объяснения из другого, сверхприродного (божественного) мира. Эти миры различаются не по существу, а лишь по положению. Один представляет единство всех сущих, а другой - утверждение их в себе и себя вне и против других, что есть зло, претерпевая против своей воли внешнюю действительность других, что есть страдание.

Единство божественного начала, субстанционально пребывающее в первом, идеально проявляемое во втором, может получить свое реальное осуществление только в третьем, душевном мире человека. Но если душа отделяется и утверждает себя вне Бога, тогда она лишается своего центрального положения, как посредника между творением и Божеством, все теряет свою общую связь и единство мироздания распадается. После всего космогонического процесса, в котором божественное начало, соединяя все с мировой душой, все более осиливает хаотическую материю и наконец вводит ее в совершенную форму человеческого организма и таким образом создается в природе внешняя оболочка для божественной идеи, начинается новый процесс развития самой этой идеи как начала внутреннего всеединства в форме сознания и свободной деятельности. Это смысл воплощения божественного Логоса в лице Иисуса Христа как явление нового духовного человека, который должен осилить злой дух, доминировавший в начале времен, а в конце времен изгнать его из всего творения. Это невозможно, если смотреть на Бога только как на отдельное существо, пребывающее вне мира и человека.

Истинная человеческая личность не только отрицательно безусловна в способности переступить за всякое конечное как залог бесконечного развития, но и может достигнуть положительной безусловности, обладающая всецелым содержанием как настоящая, полная сил действительность. Человеческое Я безусловно в возможности и ничтожно в действительности - в этом состоит противоречие зла и страдания. Освобождение от него состоит в

А. А Ткаченко

достижении безусловного содержания в сознании как идеи в себе в виде орудия осуществления все-общего содержания, независимого в себе самом и ото всех безусловного. В этом состоит идея жизни, предполагающая взаимоотношение человека и мира. Безусловное начало, требующееся умственным, нравственным и эстетическим интересом человека, дано только верою.

Отсюда выделяются три ступени миротворения: первая и главная ступень (естественное или непосредственное откровение) – природа как материал жизни, определяющая жизнь и судьбу человека; вторая ступень (отрицательное откровение) – божественное начало, состоящее в различии и противоположности с природой; третья ступень (положительное откровение) – человеческая личность как субъект жизни и сознания, «соединяющая несоединимое» - **авт.**, природу и материал жизни с божественным началом. Также определяется три отношения или положения абсолютного как определяющего себя относительно своего содержания: первое - как обладающее этим содержанием в единой субстанции, все сущее заключающей в своей безусловной мощи; второе - как проявляющее или осуществляющее свое абсолютное содержание актом самоопределения; третье - как сохраняющее и утверждающее себя в этом своем содержании, как находящее себя в другом вечно к себе возвращающееся и у себя сущее. Подобную тройственность представляет наш собственный дух: первый (субъектный) – заключается в содержании духа, сущности как обнаруженной или невоплощенной идеи, пребывании во внутреннем бездействии (первая фаза); второй – это проявление или обнаружение нашего духа в сознательной жизни, существующее действительно (актуально), в переживаемых душевных состояниях (вторая фаза); третий - это возвращение к себе, рефлексия как утверждение себя в своем проявлении переживающего субъекта, как чувствующего, мыслящего (третья фаза). Божественное начало признает в себе три единосущных и нераздельных субъекта: первый - безусловное Первоначало, Дух как самосущий; второй - вечное и адекватное проявление или выражение, Слово первого; третий - Дух, возвращающийся к себе как замыкающий круг божественного бытия, что есть Дух святой. Эти три идеи или три всеобщие

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения единства Бога как всеединого являются в христианстве, имеющем свое собственное, исключительное содержание, являемое как Христос или учение Христа о Себе самом в Евангелии. В божественном организме Христа существует действующее единящее начало - Слово или Логос.

Эти три положения, несовместимые в одном субъекте, в одном и том же акте, могут принадлежать ему только в различные моменты времени. Их можно предположить как три вечные субъекта (ипостаси), где второй, непосредственно порождаясь первым, содержание которого служит ему вечным, выражением или Словом, а третий, исходя из первого, как уже имеющего свое проявление во втором, утверждает его как выраженного или в его выражении. Бог, как первый субъект, не может довольствоваться тем, что имеет в себе все, Он должен иметь все не только в себе, но также для себя и у себя. Бог Отец по самому существу своему не может быть без Слова, Его выражающего, и без Духа, Его утверждающего. Логос познается в рас-пятом и воскресшем Спасителе, а Дух - в живом начале их духовного возрождения. Это отношение представляется как в-себе-бытие, для-себя-бытие и у-себя-бытие, где существуют такие способы (модусы) бытия: мышление (отношение моего «я» к предмету); воля и представ-ление (начало своего другого); чувство (рефлексия как отношение к своему Я - **авт.**). Наш собственный внутренний опыт образуется из воли, чувства и представления. Только воля, только представление, только чувство не могут быть обособлены, но обособляются как субъект в сущем как преимущественно волящий (чистый дух), преимущественно представляющий (ум), преимущественно чувствующий (душа - дух, осуществляющийся или действующий в другом). Дух есть сущее как субъект воли и носитель блага, субъект представления истины и чувства красоты. Ум есть сущее как субъект представления и носитель истины, субъект воли блага и чувства красоты. Душа или осуществляющийся дух, есть сущее как субъект чувства и носительница красоты, и лишь вследствие этого подлежащее также воле блага и представлению истины. Например, люди, полюбив, так составляют себе общее представление о

А. А Ткаченко

любимом предмете: люди духовные сначала любят или хотят, а затем уже по своей любви или воле представляют и ощущают; люди ума сначала представляют, а по представлению уже хотят и чувствуют; люди душевные прежде всего ощущают, а по ощущениям уже представляют и хотят.

Человек, как принадлежащий к обоим мирам, должен касаться мира божественного, находясь еще в мире борьбы и смутной тревоги. Это свойственно поэтическому творчеству. Первая сфера божественного мира состоит в единстве воли с Божеством в лоне Отца. Вторая сфера полноты божественного бытия состоит в представлении или умственной деятельности, где каждое «умное» существо есть определенная идея. В этих двух сферах (духовной и умственной) существа как чистые духи и чистые умы не имеют отдельного существования и не могут воздействовать на божественное начало. Живые существа, имеющие собственную действительность, воздействующие на божественное начало, называются душами. Божественное начало может трояким образом действовать на отделившееся от него и утвердившееся в злой воле начало человеческое: подавлять его проявления злой воли, а не саму волю, необходимо, чтобы оно само явилось для души как живая личная сила, могущая проникнуть в душу и овладеть ею, чтобы божественный Логос родился в самой душе, перерождая ее как действительный индивидуальный человек. Человек есть некоторое соединение Божества с материальной природой, предполагающее в нем три составных элемента: божественный, материальный и связующий, собственно человеческий. Собственно человеческое начало есть отношение как разум (*ratio*). Если отношение состоит в прямом и непосредственном подчинении природного начала божественному, то мы имеем первобытного человека; если действительность человека принадлежит его материальному началу, тогда мы имеем человека природного; если человеческая жизнь состоит в деятельном согласовании природного начала с божественным, такое отношение составляет духовного человека. Для того, чтобы согласование божественного начала с природным было действительностью в самом человеке, необходимо, чтобы оно совершалось индивидуально. Чтобы самое согласование

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения богочеловеческою личностью обоих естеств было свободным духовным действием, необходимо, чтобы в нем участвовала человеческая воля, отличная от божественной и через отвержение возможного противоречия с божественною волей, свободно ей подчиняющаяся и вводящая человеческую природу в полное внутреннее согласие с Божеством.

Понятие духовного человека предполагает одну богочеловеческую личность, совмещающую в себе два естества и обладающую двумя волями. Это является результатом свободного дела, подвига, и подвига двойного – самоотвержения божеского и человеческого. Ибо для истинного соединения или согласования двух начал необходимо свободное участие и действие обоих. Действительная богочеловеческая личность способна совершить двойной подвиг богочеловеческого самоотвержения в космическом и историческом процессе.

Сила личности, самоутверждаясь в своей отдельности, есть зло; та же сила, подчинившая себя высшему началу, является силою всеобъемлющей любви. Без силы эгоизма само добро в человеке является бессильным и холодным. Когда внешняя правда, правда людская, государственная, действительно сосредоточилась в одном живом лице, в лице обожествленного человека, римского кесаря, тогда явилась и правда Божия в живом лице вочеловечившегося Бога, Иисуса Христа.

На пути же этого достижения человеческая природа и воля Спасителя неизбежно встречаются с искушением зла. Испытывая ограниченность природного бытия, Богочеловек может подвергаться искушению сделать свою божественную силу средством для целей, вытекающих из этой ограниченности. Для существа, подчиненного условиям материального бытия, представляется искушение сделать материальное благо целью, а свою божественную силу средством для его достижения. Свободному от материальных побуждений Богочеловеку представляется новое искушение - сделать свою божественную силу орудием самоутверждения своей человеческой личности, подпасть греху ума – гордости. Самое сильное искушение - употребление

А. А Ткаченко

насилия, то есть зла для целей блага. Было бы признанием, что благо само по себе не имеет силы, что зло сильнее его, - это было бы поклонением тому началу зла, которое владычествует над миром (Соловьев, 1999).

И. Кант (Кант, 1964а; 1964б) отмечал, что главный смысл его философских исканий заключается в помощи человеку «научиться тому, каким надо быть», заняв подобающее место в мире, где личность является высшей ценностью и абсолютной целью. Она возвышает человека, мыслящего рассудком и подчиняющего весь чувственно воспринимаемый мир над самим собой. По И.Канту, быть человеком - значит чувствовать, мыслить и верить, быть существом общественным, быть деятельным субъектом свободы, личностью и гражданином в условиях правового государства, представителем человечества, носителем культуры и цивилизации. Быть человеком, означает им стать в процессе своего становления как субъекта, пользуясь своим разумом и волей, как объект. И. Кант рассматривал проблему человека через призму духовного осмысления мира и самого себя. Один из окончательных выводов его «Критики чистого разума» гласит о том, что спекуляции разума в его трансцендентальном применении в целом направлены на конечные цели - свободу воли, бессмертие души и бытие Бога. Однако последние не могут быть разработаны исключительно спекулятивно, но рекомендуются разумом для практического применения в том, что надлежит делать, если воля свободна при существовании Бога и загробного мира. Это говорит о том, что в философии И. Канта человек имеет двойственную природу: он одновременно принадлежит миру «природы», как миру чувственных явлений, и миру «свободы» как миру «вещей в себе» (Осмонова, 2004).

У другого великого философа и мыслителя Н.А. Бердяева, личность рассматривается как высшая ценность, стоящая выше государства, нации, человеческого рода, природы, представляющая собой религиозно-духовную категорию. Человек у Н.А. Бердяева рассматривается как творец самого себя и мира. Это природное и сверхприродное существо, принадлежащее соответственно к двум мирам. Он способен преодолевать себя в противоречиях и парадоксах, совмещая полярно несовместимые противоположности (Бердяев, 2001

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения). Если у И. Канта человек должен осуществить своеобразный скачок из царства необходимости в царство свободы посредством собственного разума с непреложными принципами долга и ответственности перед человечеством в целях совершенствования человеческого рода, начиная с самого себя, то у Н.А. Бердяева этот процесс предполагает создание нового, прежде Неведомого мира, где от человека требуется высочайшее напряжение сил для поиска высшего смысла, жесточайшая аскеза во имя творчества и постижения Предельной Истины. Высшее предназначение человека рассматривается как активное познание Смысла Вселенной и разумное творческое преобразование Космоса. В этом Н.А. Бердяев видел конец истории в переходе к космическому мироощущению, которому чуждо стремление к мещанскому благополучию и гедонизму, но присуща аристократическая самодисциплина, аскеза, высочайшее напряжение физических и духовных сил, риск на грани выживания. Не случайно академик, философ А. А. Гусейнов отмечал, что в современном мире «конец истории» может обернуться началом этики (Гусейнов, 2009).

Подобно И. Канту у Н.А. Бердяева человек тоже представляет собой природное и сверхприродное существо, принадлежащее к двум мирам и способное себя преодолевать, человек есть существо противоречивое, парадоксальное, совмещающее в себе полярные противоположности. Человек у Бердяева рассматривается не только как творец мира, но в известном смысле как творец самого себя. В этом отношении их взгляды соприкасаются. У И. Канта и Н.А. Бердяева осмысление предназначения человека является нравственным ядром их философии (Карпец, 2004). Предназначение человека, таким образом, состоит в стремлении к духовной свободе, отказ от всякого принуждения, террора и насилия. В этом смысле Н. Бердяев выступает не только ярким представителем русской религиозно - философской традиции, но и выразителем русской души, отразившей в себе всю духовную атмосферу начала XX века в России.

Он утверждает, что не следует уходить от мира, лежащего во зле, а опрокинуть, изменить его радикальной революцией в массовой психологии, иначе социальные революции неизбежны, поскольку

А. А Ткаченко

христианство свою задачу не выполнило, - часто служа кесарю, но не Богу. Гуманизм возомнил себя религией, а усреднённого человека и общество объявил высшим началом. Так возникли идеалы мирского богатства и благополучной жизни, тогда как от человека требуется высочайшее напряжение сил для постижения Предельной Истины как своеобразного аристократизма бытия для поиска высшего смысла.

Бог сотворил Вселенную и человека и требует встречного акта творения, чтобы человек мог стать вровень с Ним как Богочеловек. Высшее предназначение человека — это активное познание Закона Божьего через познание Вселенной, созданной Промыслом Божиим, и разумное преобразование Космоса как акт творчества, направленный к Богу.

По Н.А. Бердяеву, кроме Божьего Смысла в человеке присутствует

и злая первичная свобода. То же, но в других терминах, говорит вполне материалистическая глубинная психология, где по К. Юнгу, в человеке есть низменное биопсихосоциальное начало (Тень). Э. Фромм говорил об иррациональной деструктивности того же происхождения, оба они отмечают иррациональный порыв к творческому созиданию. Это говорит о том, что устройство сытого, самодовольного социального мира в принципе невозможно из-за заложенного в человеке потенциала иррациональной энергии Космоса. Если эта энергия не направлена на бесконечное творческое познание и преобразование бесконечной Вселенной, то она оборачивается различными формами иррациональной деструктивности. По мере углубления и усложнения организации общества человечество всё более втягивается в «героическую» борьбу с социальными проблемами, созданными им самим. В терминах К. Юнга — это патологическое углубление интроверсии в себя за счёт экстраверсии в Космос. В терминах христианства — это отпадение человека от Промысла Божьего и поклонение не Богу, но идолу. Н.А. Бердяев видел конец истории в переходе к космическому мироощущению, которому будет чуждо стремление к мещанскому благополучию, но будут присущи обуздание низменного начала и гедонизма, аристократическая самодисциплина, даже аскеза, высочайшее напряжение физических и духовных сил, риск на грани

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения выживания в бесконечной гонке за бесконечно расширяющимся Космосом.

Христианский философ Вл. Лосский пытался найти общее между Божественной личностью и Человеческой сущностью в понятии «воипостасированной природы» (Лосский, 2000).

Предназначение человека непосредственно связано с формированием духовного мира личности, что во многих фундаментальных философских трудах отражено в понятии духовного производства, введенного К. Марксом, которое в современную эпоху также находится в центре философских исканий судеб человечества (Маркс, 1967). Оно отражает как общую внешнюю зависимость развития духовной сферы от материальной, так и внутреннюю диалектику культурного творчества и созидания при господствующих материальных социальных отношениях. Конечный смысл всякого духовного производства заключается в личностном самосовершенствовании и развитии духовного мира человека. В широком смысле оно представляет собой как производство знаний, духовных ценностей, так и воспроизводство духовного мира личности через систему воспитания, обучения, образования во взаимодействии духовных и материальных факторов, приводит к исчезновению различий между умственным и физическим трудом, что соответствует коммунистической формации как высшей стадии общественного развития.

Понятие духовного производства характеризует не только общую зависимость духовной сферы от развития в конечном счете материального производства, социальных отношений, но и на внутреннюю диалектику культурного созидания, взаимосвязь творчества и преемственности. Произведения культуры, запечатленные в материале, языке, должны быть возрождены новыми поколениями, включены в их деятельность. Они не только производят определенные идеи, представления, но и отвечают за их судьбы и смысл. Конечный смысл всякого духовного производства в том, чтобы максимально развился личностный духовный мир каждого человека, что невозможно без непосредственной его работы над

А. А Ткаченко

собой, «выработки в человека» (Ф.М. Достоевский, Философский словарь, 1981).

Понятие духовного производства концентрирует в себе результаты творческих поисков мыслителей многих столетий в области постижения духовного начала в человеке. В наиболее серьезных работах формирование духовного мира личности рассматривается как следствие одновременного взаимного самосовершенствования результата и цели духовного производства. Определяется как фактор самоактуализирующего и самоактивизирующего начала личности. Как философская категория рассматривается как вид духовной деятельности и как целенаправленное создание идеального продукта. В широком смысле духовное производство охватывает весь цикл от производства до потребления духовных благ, в узком - только создание духовных благ (Явкина, 2003).

С позиций социальной философии под духовным производством обычно понимают производство сознания в особой общественной форме, осуществляемое специализированными группами людей, профессионально занятых квалифицированным умственным трудом. Материальный и духовный труд принципиально различны и по сущности и по отношениям между людьми. Духовный труд является всеобщим, осуществляется «в кооперации» не только с современниками, но и со всеми предшественниками. Основное противоречие духовного труда состоит в всеобщности по содержанию и индивидуальности по осуществлению. Поэтому применяемые в нем «средства труда» (идеи, образы, догмы) в силу их идеального характера, принципиально невозможно отделить (конфисковать, передать и пр.) от непосредственного производителя, когда все замкнуто на творческую индивидуальность. Духовная деятельность, суть творчества, сама по себе обладает огромной притягательной силой и напоминает игровую, когда удовлетворение приносит сам процесс. Она самоценна, обладает значимостью, нередко безотносительно к результату. Несоответствие индивидуального способа производства духовных ценностей и общественного характера их присвоения является движущей силой его развития. Перспектива развития духовного производства — в расширении

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения возможностей участия в производстве, а не только в потреблении духовных благ, всех без исключения индивидов.

Результатом духовного производства являются по меньшей мере, такие продукты: идеи, теории, образы, духовные ценности; духовные общественные связи и отношения индивидов; сам человек как духовное существо. Структурно духовное производство распадается на три основных вида освоения действительности: научное, эстетическое, религиозное.

Важнейшим видом духовного производства является наука, рассматриваемая и как система знаний, и как устойчивый социальный институт. Это систематизированное познание действительности и создание, как бы параллельного реальному, идеального мира, где реальность воспроизводится в самых существенных чертах. Наука, таким образом, началась с установления факта, что окружающий человека мир в сущности своей совсем не таков, каким он дан людям в непосредственности их ощущений, восприятий и представлений.

Если миф, религия являются способами духовной защиты человека от враждебного ему мира, то наука — это уже средство нападения, духовной экспансии человека. Поэтому наука может обойтись без религии, постепенно вытесняя ее из общественного сознания. Специфика научного познания состоит в систематичности и логической выводимости одних положений из других; объективной идеализированности; высоких требованиях к осознанному контролю, строгости и объективности.

Другой вид духовного производства, искусство, как и наука, представляет собой творение профессионалов (художников, поэтов, музыкантов как специалистов в области эстетического освоения мира). Конкретночувственная, наглядная форма этих отношений в объективном мире порождает своеобразный резонанс в душе человека. Функция и смысл искусства состоит в создании идеального мира как своеобразного испытательного полигона для многочисленных человеческих устремлений, желаний, страстей и т.п., где экспериментирование осуществляется не с живыми людьми, а с художественными образами как человеческими символами. Основной функцией искусства является эстетическая, но также существует

А. А Ткаченко

множество практически полезных функций – таких, как разведывательная (проб и ошибок), познавательная, воспитательная, аксиологическая, мемориальная и т.д. При ограничении активности человека в материальной сфере она произвольно перемещается в сферу духа. Поэтому искусство проявляет большую активность в предкризисные, кризисные, переломные исторические периоды, когда резко возрастает поисковая активность духа. Поэтому раньше других форм духовного производства искусство увидело тенденцию к дегуманизации всей общественной жизни как характерную черту современного общества.

Сущность религии, как формы духовного производства, понимается как: врожденные представления о сверхъестественном, порождение человеческих инстинктов как особой формы реагирования организма на окружающую среду; общественные идеи, представления и верования, которые носят обязательный характер для всех членов общества и тем самым связывают индивида с обществом, подчиняют его последнему; с позиций психоанализа это коллективный невроз навязчивости, массовая иллюзия, в основе которой лежит неудовлетворительное вытеснение бессознательных влечений; отражение человеческого бытия, где Бог создал человека, а человек создал Бога в своем воображении; марксистская философия считает, что религия является фантастическим отражением в головах людей внешних сил, господствующих над ними в их повседневной жизни. Эта философия подчеркивает социальные причины существования религии.

Особую роль во внутренней полноте осуществления духовного производства Вл. С. Соловьев отводил безусловной любви как идеальной всецелостной составляющей собственного содержания духовного начала, когда всеединая идея является собственным определением единичного центрального существа (Соловьев, 1999).

Предназначение человека как высшая цель развития и идеальная форма, включающая эталон личности, содержится в философской концепции А.Ф. Лосева в парадигме категории мифа, понимаемого как символ жизни, действительность, несущая в себе собственную историческую истинность и смысловую структуру, на заднем фоне которой находится религия. Здесь диалектическая формула мифа

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения выглядит как «в словах данная чудесная личная история», где окончательным смысловым ядром является «развернутое магическое имя» (Лосев, 1991). Это не сказочность или фантастичность убеждений, а способ открытия человеку действительности, в зависимости от его внутреннего психического состояния и внешних социоисторических условий. Миф, как живое субъект-объектное взаимодействие, заключает в себе собственную истинность и смысловую суть, формирующуюся в личности, где «чудесным» образом встречаются два плана: 1) личность сама по себе как идея, принцип, смысл всего становления, неизменное правило развития и 2) история этой личности как реальное протекание ее развития. В диалектическом синтезе этих двух планов состоит сущность воплощения идеи высшего предназначения, для реализации которой необходимо, чтобы специально определялось реальное культурно-историческое психологическое состояние личности в сравнении с ее идеальной моделью. Это соотношение реального и идеального в обыденной жизни фокусируется в осмыслении и осознании человеком своего «развернутого магического имени», рассматриваемого нами как содержание «личностной деформации» на всех уровнях бытия, на психологической работе, с которой акцентирована авторская практика самоопределения и развития.

В этом контексте можно обратиться к Вл.С.Соловьеву, который говорит о том, что божественный мир не есть загадка для разума, а представляется как нечто само по себе нормальное - то, что должно быть. Разум познается только действительным опытом и по существу своему не есть органом для познания какой бы то ни было фактической действительности. Но наша природа, данный действительный мир составляет загадку для разума. Объяснение этой фактически несомненной, но для разума темной действительности, составляет его задачу, которая сводится к выведению условного из безусловного, случайной реальности из абсолютной идеи, природного мира явлений из мира божественной сущности. Связующее звено между божественным и природным миром есть человек. В этом первом единстве мы имеем Христа как собственное божественное

А. А Ткаченко

существо. Второе имя София, есть начало человечества как идеальный или нормальный человек (Соловьёв, 1999).

В современной науке заслуживает внимания постановка этой проблемы на основании фундаментальных постулатов развития человека, представленных в христианстве, в контексте «философии ненасильственного развития» как продукта пост неклассической науки, предложенной И. Н. Острецовым. Она построена на основе научного понимания фундаментальной христианской аксиомы о Троиединстве, где наряду с иррациональным и материальным миром постулируется существование индивидуального иррационального объекта, проявляющегося лишь во взаимодействии с «другим» (групповым детерминированным миром). Это имеет отношение к высшему предназначению человека, заключающемуся в необратимом увеличении массива активного разума и его нетленности как главном условии реального развития. Осознание личностью своего предназначения высвобождает огромный энергетический потенциал Разума, достаточный для решения задачи преобразования и дальнейшего прогресса Человечества (Острецов, 2002). С.Л. Франк под «разумностью» подразумевает «смысл», полагая, что жизнь осмысленна, когда она служит какой-то разумной цели, содержанием которой никак не может быть просто сама эта эмпирическая жизнь, она должна быть служением высшему и абсолютному благу (Франк, 1992). Тогда, исходя из научно обоснованной христианской аксиоматики триединства, высшее предназначение человека мы связываем с «Духом» и «вразумлением» путем смыслообразования как «духовным продуктом», наполняющим Разум и определяющим формирование Идеальной Личности.

Вл .С. Соловьев считал, что личность и идея соотносятся как субъект и объект, они требуют друг друга. Личность, лишенная идеи, была бы чем-то пустым, идея без соответствующего субъекта - страдательным и бессильным. Для полного бытия необходимо внутреннее единство личности и идеи, как жара и света в огне. Безусловная идея, как всеобъемлющая или всеединая, во внутреннем субъективном существовании как единичное и единственное лицо, раскрывает понятие живого Бога. Идеальный человек - это универсальное и, вместе с тем, индивидуальное существо.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения. Действительный человек совмещает две великие истины: человеческой свободы и человеческого бессмертия. Как существо природное, человек существует только между физическим рождением и физической смертью, как явление он существует не только после смерти, но и до рождения.

Противопоставление себя всем другим и практическое отрицание этих других является коренным злом нашей природы. Невозможно, оставаясь в своей исключительности, быть действительно всем - есть коренное страдание. Зло и страдание имеют внутреннее, субъективное значение, они существуют в нас и для нас. Они суть состояния индивидуального существа: а именно, зло есть напряженное состояние его воли, утверждающей исключительно себя и отрицающей все другое, а страдание есть необходимая реакция другого против такой воли. Человек по отношению к Богу есть безусловно страдательным (Соловьёв, 1999).

Здесь можно усмотреть изначально заложенную сущность богочеловеческой идеи как воплощение Бога Живого в Идеальной Личности, и механизма ее реализации, основанного на ее сущностном индивидуальном состоянии зла и страдания, где зло активизирует волевые психические функции в стремлении к Идеалу, а страдание, обусловленное «другим», обеспечивает правильную ориентацию таких волевых усилий.

Тогда христианский постулат Троиинства на основе трактовки Вл. С. Соловьева, где таковой структурируется по принципу «матрешки», может выглядеть как три основных элемента высшего предназначения человека:

1. *Существование человеческой личности как субъекта жизни и сознания, божественного начала, существующего само в себе и для себя; сохранение и утверждающее себя в этом содержании, находя себя в другом и возвращая себе у себя сущее; рефлексия как утверждение себя в своем проявлении переживающего субъекта, замыкая круг божественного бытия - как Дух святой.*

Это личность животворящая (творящая новые живые смыслы), взвумляющаяся, стремящаяся к Идеальной/Богоподобной - это **личность (суть разумность).**

А. А Ткаченко

2. *Различие и противоположность с природой, свобода от бытия; самоопределение, осуществление своего абсолютного содержания; проявление или обнаружение духа в сознательной жизни, в переживаемых душевных состояниях, адекватное проявление или выражение - Слово первого.*

Это методология (суть способ вразумления).

3. *Непосредственный материал жизни, определяющий судьбу человека; положение абсолютносущего как единой субстанции, определяющего себя относительно своего содержания, существенно заключающегося в своей безусловной мощи; самосущность и содержание собственного духа как необнаруженная и невоплощенная идея.*

Это практика (суть одухотворение).

Отсюда механизм духовного воспроизводства, как наполнение разума, выглядит так: *вразумление-одухотворение-вразумление**... Здесь вразумление (суть разумность) является смысловым процессом как *смыслопостижение* и *смыслообразование*, а одухотворение (суть духовность) является энергетическим обеспечением, поддерживающим этот процесс в постоянном движении (функционировании). В человеке вразумление осуществляется *мозгом*, а одухотворение – *душой*. Вразумление больше принадлежит и зависит от человека как личности, а одухотворение от Другого.

Резюмируя вышеизложенное, приходим к следующей формуле ду-ховного воспроизводства (как формуле наполнения Разума): **Вразумление (смыслопостижение) – Одухотворение - Вразумление* (смыслообразование)**. Это и есть глобальная сущность того, что мы рассматриваем как «дело жизни» (ДЖ), а соответствующее бытие человека – как «деложизненный» формат (ДЖ-формат).

Как единое целое он существует и проявляется двояко: как динамический (процессуальный) и как структурированный (субстанциональный). Динамический (процессуальный) ДЖ-формат представляет собой бесконечный циклически осуществляющийся на всех уровнях (по принципу «матрешки») спиралевидный процесс наполнения разума, сущностным ядром которого является «...вразумление – одухотворение - вразумление*...» Структурный

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения (субстанциональный) ДЖ-формат представляет собой универсальную трехуровневую структуру, включающую *психологический, жизненный и духовный* уровни. Причем, психологический и духовный являются не материальными, но идеальными, существующими в различных, непересекающихся измерениях, а жизненный, наполненный взаимоотношениями человека с материальным и духовным мирами, их соединяет.

Эти два формата существуют как целое в контексте принципа всеединства (триединства) следующим образом. На психологическом уровне происходит смыслопостижение. На жизненном уровне происходит взаимоотношение личности с материальным и духовным мирами, взаимоотношение смысла и действия (на основе деятельности), деяния (на основе поступка), где их количественное соотношение должно быть оптимальным (каждому определенному действию или деянию должно соответствовать определенное смысловое содержание). На духовном уровне происходит смыслообразование как появление нового качества (наполнение разума).

Таким образом, представленная общепсихологическая аналитическая картина в своем концентрированном обобщении позволяет полагать, что *высшее предназначение человека*, как объект научного исследования, включает: Идеальную Личность как конечную форму развития человека в идее воплощения Бога Живого; методологию формирования такой личности как переход от начальной к идеальной форме посредством переживания страданий, обусловленных необходимым злом; практику, направленную на самоопределение личности в достижении своего высшего предназначения посредством психологической работы с личностными деформациями, обусловленными отклонениями реальной формы от идеальной, что сопровождается возникновением критических ситуаций и предельно высоким психическим напряжением.

1.2 Психологический аспект

На основе проведенного анализа выделяются две глобальные теоретические и практические парадигмы развития общества, из которых вытекают соответствующие методологические концепты самоопределения личности и построения жизненного пути человека. Первый – направлен лишь «на себя», собственные физиологические, материальные, гедонические потребности комфортного существования и самосохранения, предусматривающий уклонение от критических профессиональных и жизненных ситуаций и отработки личностных деформаций. Он ориентирован на деятельностьную психологическую теоретико-методологическую базу и материальное производство. Второй - направлен на овладение смыслом жизни, творение духовного продукта путем развития и работы души, достижение высшего предназначения человека благодаря преодолению критических профессиональных и жизненных ситуаций путем психологической работы с личностными деформациями. Он ориентирован на поступковую психологическую теоретико-методологическую базу и духовное производство. Если для первого направления существует обширная научно-теоретическая, методологическая и практическая основа, то второе направление гораздо меньше разработано, научно обосновано и практически апробировано.

В этом контексте философ А.А.Гусейнов указывал на то, что мы оказались на развилке, в точке бифуркации, из которой возможны разные выходы. Один - антропологическое возвышение человека, когда нормы человеческой стыдливости и порядочности станут органическими свойствами индивидов. Но не исключен другой вариант, который пока берет верх, когда эти нормы будут отброшены и люди деградируют в природное состояние, к чему так тянется западная культура (Гусейнов, 2009).

В итоге можно констатировать, что в современных жизненных реалиях начала третьего тысячелетия проблема человеческой личности, ориентированной на достижение своего высшего предназначения, предельно обострилась и остается не только нерешенной, но даже корректно не поставленной на современном научном уровне. Очевидно, подобные попытки всякий раз

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения наталкивались на недостаточное стремление человека преодолевать психологическую деструктивность и активизировать созидательные творческие возможности своей личности в угоду самоудовлетворению и физическому самосохранению.

Основная проблема современной психологии заключается в неспособности одновременного восприятия материального и духовного. Продолжает обостряться и углубляться кризис между материальным и идеальным в общей психологии, обозначенный еще Л.С. Выготским. Не получили необходимого развития в новых условиях основные общепсихологические категории, такие, как личность, деятельность, поступок. Однако, по мнению многих ведущих отечественных психологов на основании синтеза базовых научных психологических теорий, таких, как культурно-исторической, деятельности, поступка, сформировался необходимый понятийный аппарат, вплотную приблизивший психологию к своей искомой сущности как науки о душе, но пока еще не получившей последующего развития в жизненных и духовных измерениях существования человека. Несмотря на это, психологическая практика, стремясь быть адекватной современной жизни, поднимается над междисциплинарными противоречиями, все больше входит в сферы нравственности и духовности. Но ей пока не удастся уверенно конкурировать на рынке психологических услуг с ненаучными, часто манипулятивными и деструктивными социальными технологиями и парапсихологическими направлениями. Назрела острая необходимость путем введения новых понятий и категорий решительно расширять давно устаревшие рамки традиционной психологии, не отвечающие современным требованиям эпохи - жизни, науки и практики. Сейчас жизнеспособная психология, как наука о душе, становится особенно необходимой. В обновляющемся становлении она не отрицает уже наработанные практические подходы и конкретные экспериментальные методы, не находит существенных противоречий с уже существующими научными достояниями.

Автор работы (Зенько, 2000) убедительно показывает, что отечественная психология появилась благодаря теологам и

А. А Ткаченко

философам как наука о душе, существовавшая до «октябрьской революции». Потом, как отмечает В.П.Зинченко, в советское время психология, пытаясь выжить, создавалась в постоянных компромиссах с властью, идеологией, своей совестью, поэтому сохранила свои реальные достижения в сильно усеченном виде на фоне фальшивых авансов, примитивных концепций, легкомысленных моделей (Зинченко, 1993б). Сейчас, когда уровень социально-политической и экономической нестабильности и, в то же время, ответственности за будущее очень похож на революционное начало XX века, жизнеспособная психология как наука о душе, становится особенно необходимой. Все возвращается на круги своя. В современном обновленном становлении она ни в коей мере не отрицает уже наработанные практические подходы и конкретные экспериментальные методы (Зенько, 2000). А в свете радиогуманистической перспективы развития психологии, предложенной Г.А. Баллом, предусматривающей понимание рационализма как признание высокой ценности разума, существенно сглаживаются противоречия между стремлением современного человека к достижению своего высшего предназначения с уже существующими научными достояниями (Балл, 2006).

В сложившейся ситуации современная психолого-педагогическая наука и практика все больше ориентируются на жизненные общечеловеческие ценности, которые актуализируются во взаимоотношениях «социальной идеологической практики», как атрибута тоталитарного общества ушедшей эпохи, и «социальной психологической практики», как атрибута появляющегося нового гражданского общества, где личность получает полную свободу (Поппер, 1992а; 1992б), а основной акцент делается на самоопределении и самореализации в процессе жизнетворчества в единстве с Миром. Психика человека, живущего в современном глобализирующемся мире, приобретает все более трансцендентный характер. На первый план выступает необходимость развития личности путем поиска смысла и осуществления дела жизни, субъективизирующего ее высшее предназначение. Из современных западных исследований в этом контексте представляет интерес психология высших устремлений (Эммонс, 2004), обобщающая

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения экспериментально-психологические исследования личностных стремлений, жизненных целей, субъективного благополучия, духовности, мудрости. Непосредственно о высшем предназначении человека здесь речи не идет, хотя достаточно конструктивно затрагиваются проблемы духовности, духовного интеллекта и его конструкторов с учетом психологических и религиозных факторов.

Мы полагаем, что высшее предназначение постигается в раскрытии тайны развития личности, которая в психологической культурно-исторической теории рассматривается в контексте понятия символизма как опосредованности психики и сознания, превращения реальной формы в идеальную и наоборот, взаимоотношения субъекта с «другим» на «поверхностном», «глубинном» и «вершинном» уровнях (по Л.С. Выготскому). Как отмечают С.А. Белорусов (Белорусов, 2000) и В.П. Зинченко (Зинченко, 1993), через символизм, особенно интересно представленный философом А.Ф.Лосевым как равновесие между идеальным и реальным, становится возможным синтез традиционного духовного подхода и понятийного аппарата современной психологии, расположенных в разных системах координат и сущностей бытия. Однако, такие попытки пока еще оказываются малоэффективными. Практика и эмпирические исследования, в том числе и авторские, свидетельствуют, что погружение в духовный опыт и его изучение на уровне символических понятий, где четко выделяются позитивная оптимистичная духосфера и пессимистичная, трагическая «масса страданий», обычно символизирующаяся негативной духовной феноменологией, непосредственно связано с научной психологией и национальным культурным достоянием.

В психологической культурно-исторической теории символизм рассматривается как опосредованность психики и сознания, который содержит тайну развития человека, превращения реальной формы в идеальную, взаимоотношения субъекта с «другим». Л.С. Выготский указывал, что при рождении ребенка и возникновении начальной формы уже имеет место образ взрослости как идеальной формы, задающей целостность детства. Целостность человека не дана, а задана, и достигается личностью с помощью свободной умственной и

А. А Ткаченко

рефлексивной работы, вступления во взаимоотношения с более высоким Другим на уровне силового потока двойной «духопроводности» как введения идеальной формы, так и очеловечивания. Такую ситуацию Вл. С. Соловьев рассматривал в контексте принципа «всеединства» как вмещище богочеловеческого процесса в коммуникативном плане медиации (через знак, слово, смысл, символ, миф) и христианском ценностно-смысловом плане, завещанном в Евангелии (через любовь к ближнему, вечную жизнь, свободу).

С.Л. Рубинштейн в свое время показал, что психическое находится между материальным и идеальным. В нашей теоретической концепции взаимоотношение психического и материального определяется в «деловом» формате через традиционное понимание деятельности, а отношение психического и духовного – в «дело-жизненном» формате через поступок (в понимании В.А.Роменца). Это перекликается с идеей Л.С. Выготского относительно «вершинной» и «глубинной» психологии и деятельности как «вычерпывания» материального мира. Очевидно, подобным образом личность как бы «вчерпывается» в духовный мир благодаря поступку, где объективно существует высшее предназначение человека как ее идеальная форма, путем осуществления дела жизни. Отсюда можно предположить, что структура высшего предназначения как объекта научно-психологического познания, по меньшей мере, должна включать: 1) Идеальную форму (эталон) личности как человека-духовного; 2) Методологию достижения и творения такого идеала; 3) Практику, базирующуюся на соответствующем мотиве с энергетическим обеспечением функционирования методологии.

Идеальная форма проявляется как эталонная личность, высшая цель развития человека. На философском уровне мы ее рассматриваем в парадигме категории мифа, где она ассоциируется с понятием «чудо» в соответствии с концепцией А.Ф. Лосева. Миф понимается как символ жизни, действительность, несущая в себе собственную историческую истинность и смысловую структуру, на заднем фоне которой находится религия. Диалектическая формула мифа основана на понятиях личности, истории, чуда, слова и выглядит как «в словах данная чудесная личная история», где окончательным смысловым

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения ядром является «развернутое магическое имя», что можно найти в христианских молитвах и текстах. В данном случае миф является способом открытия человеку действительности, в зависимости от ее внутреннего состояния и внешних социо-исторических условий. Миф, как живое субъект-объектное общение, заключает в себе собственную истинность и смысловую сеть, искажение которой накапливается в виде «массы страданий» и в крайних формах иногда проявляется в демонической одержимости.

В контексте сказанного в высшем предназначении встречаются два личностных плана: 1) личность сама по себе как идея, принцип, смысл всего становления, неизменное правило развития и 2) история этой личности, реальное протекание ее развития и становления. В высшем предназначении они диалектически синтезируются в как бы двойном воплощении идеи: одно - в начальном, идеальном архетипе и парадигме, второе - в реально исторических условиях. Необходимо, чтобы постоянно специально определялось и сравнивалось реально-историческое (психологическое) состояние личности с ее идеальным (духовным) эталоном. Отсюда, в расширенном философском понимании суть «дело жизни» выглядит как формула творения Идеальной личности превращения мифа в действительность.

Тогда можно сказать, что «дело жизни» - это субстанционально-процессуальное житетворческое образование (своеобразный субстрат для творения «святого духа» как животворящего духовного продукта), которое играет роль медиатора (посредника-переходника), связывающего начальную (младенец) и конечную идеальную модель личности человека как богоподобного. Такое образование в каждый момент времени и месте пространства существует одновременно как ДЖ-формат (отвечающий текущему идеалу) и смысловое наполнение (отвечающее реальной жизни) с поступковым механизмом функционирования. «Дело жизни» также может рассматриваться на основе понятия «медиатора», сформулированного Л.С. Выготским вслед за А.Ф. Лосевым как посредника между материальным и духовным, субъектом и объектом (в данном случае между психическим и духовным). С учетом «деложизненного» и «делового» формата получаем целостный медиатор, куда входят уже отмеченные

А. А Ткаченко

знак, значение, слово, смысл, символ, миф. Тогда, по Вл. С. Соловьеву, на основе «всеединства», как принципа целостности медиатора, получаем «духовную вертикаль», которая соединяет несоединимое как «силу вещей», так и «связи людей» с Другим как непосредственным носителем бытийных смыслов (Зинченко, 1993а; 1993б; Эльконин, Зинченко, 1996). Схематически это представлено на рисунке 1.

Движущей силой этого процесса является *деложизненная мотивация*, которая проявляется аффективно. Это та энергия, которая связана «дальним» или «главным» (по А.Н.Леонтьеву) «деложизненным» мотивом, способствующим функционированию соответствующего индивидуального методологического механизма, формирование которого является одним из основных предметов психологической работы. Основой для объяснения энергетических свойств медиаторов может служить их деятельностная (в широком философском понимании) природа. Энергия в медиаторах в целом прирастает за счет разницы потенциалов между объективной и субъективной составляющими, онтологического и феноменологического планов путем осмысления содеянного с помощью поступкового механизма как «двигателя» духовной жизни. Энергия поступка трансформируется в энергию личности, которая расходуется на осуществление новых поступков. Таким образом, личность накапливает «смысловую энергию», пересиливает свой медиатор, не позволяет ему стать больше себя, расширяет сознание и приближается к своему Идеалу.

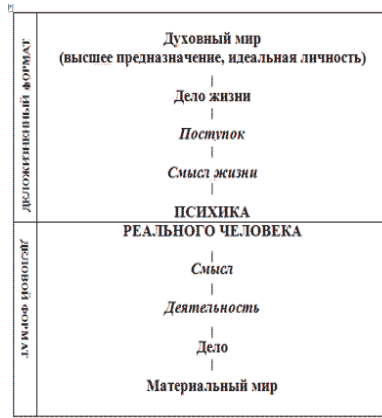

Рис.1 «Духовная вертикаль» (по Вл.С. Соловьеву) в «деложиженном» философско-психологическом представлении

Итак, в общепсихологическом понимании в контексте философской концепции мифа высшее предназначение человека включает: идеальную личность как «чудо» (по А.Ф.Лосеву) и как конечную форму ее развития (по Л.С. Выготскому); методологию формирования такой личности как «в словах данную удивительную личную историю» (по А.Н.Лосеву) и как переход от начальной к конечной форме (по Л.С. Выготскому); энергетическое обеспечение как основной глубинный мотив (по А.Н. Леонтьеву).

Ключевым функциональным фактором философско-психологической «конструкции» дела жизни является *деложиженная методология* достижения высшего предназначения как переход от начальной к конечной форме развития личности. Поэтому в последующем научном анализе целесообразно использовать более узкое и специализированное понимание высшего предназначения как «идеальная личность» и определить это как идеальный объект. А все, что касается методологии и энергетического обеспечения, рассматривать в контексте нововведенной категории «дело жизни».

Для выяснения энергетических источников основного мотива жизни человека обратимся к теории пассионарности², предложенной Л.Н.Гумилевым в контексте взаимосвязи этногенеза и биосферы Земли (Гумилев, 1989). Отсюда в теоретическом анализе через понятие «дело жизни» в целостной системе проявляется взаимоотношение энергетического обеспечения высшего предназначения человека.

По Л.Н. Гумилеву пассионарность характеризуется с учетом эмпирического обобщения В.И. Вернадского о неравномерности распределения биохимической энергии живого вещества биосферы за длительное историческое время как мера энергетического напряжения и отношения человека к миру, людям, себе, деятельности; не зависит от содержания деятельности и поведения; универсально проявляется во всех сферах деятельности; рано проявляется в детстве; устойчива в течение длительного периода жизни человека; является наследуемым свойством психики (Гумилев, 1989). Автор работы (Коваленко, 1999) в контексте характеристики психологического феномена пассионарности отмечает, что это великое открытие раскрывает энергетическую природу исторического процесса, благодаря которому можно понимать настоящее и даже прогнозировать будущее любого народа.

С.Л. Франк отмечает, что человеческая жизнь по самому своему существу есть труд и борьба, осуществляемая через самопреодоление, перевоспитание и впитывание в себя своего божественного первоисточника. В. Франкл (Франкл, 1990) связывал способность человека к страданиям с «упрямство духа», где фашистский

² «Пассионарность» (от латинского "passio") - это претерпевание, страдание, также страсть, аффект. В русском языке согласно словаря В.И.Даля этому понятию лучше всего соответствует слово «страсть»: 1) страданье, муки, маета, мученье, телесная боль, душевная скорбь, тоска, а также под-виг, сознательное принятие на себя тяготы, мученичества; 2) страх, испуг, ужас, боязнь; 3) бездна, пропасть, тьма, множество, сила; 4) душевный порыв к чему-то, нравственная жажда, безотчетное влечение, необузданное, нерозумное хотение. В отечественной культуре «пассионарий» мог быть или «страстником» (порабощенным страстями распутным грешником), или «страстотерпцем» (свя-тым мучеником, подвижником). В словаре С.И. Ожегова оно трактуется как: 1) сильная любовь, сильное чувственное влечение; 2) сильно выраженное чувство, воодушевленность; 3) крайнее увлечение, пристрастие к чему-нибудь; кроме того, сохраняется значение "страх, ужас". В психо-логических словарях «страсть» определяется как сильное, стойкое, всеохватывающее чувство, крайней степенью развития которого является фанатизм.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения концлагерь являлся в этом отношении своеобразным *experimentum crucis* (решающим экспериментом). Он отмечал, что чем больше человек стремится избежать страданий, тем больше он их усугубляет. В результате страданий, отдавая и жертвуя собой, человек реализует самого себя, растет и мужает. Жизнь всегда тем более осмысленна, чем труднее она дается. Настоящий смысл болезни заключен не в факте заболевания, а в особенностях страдания. Только в состоянии напряжения, как бы разрываясь между тем, что есть в действительности и тем, что должно быть, мы способны сохранять в своем представлении свой идеал. Страдание вызывает кардинально преобразующее, духовное напряжение, помогает человеку осознать то, чему не следует но должно быть. Пока человек способен к страданию, он остается живым духовно. Очевидно поэтому великий писатель и мыслитель Ф.М. Достоевский всегда боялся только одного, что он может оказаться недостойным мучений, выпавших на его долю (Франк, 1992).

Следует отметить, что пассионарность проявляется в непреборимом внутреннем стремлении к целенаправленной деятельности, обычно направленной на достижение мифического идеала. Можно предположить, что «пассионарность» через «дело жизни» связана с высшим предназначением человека. Основная проблема пассионарности в том, что это величина векторная, но направление вектора четко не определено. Оно может быть сориентировано куда угодно – как во благо, так и во зло. Это значительно снижает эффективность пассионарного влияния на личность и социум. Потому научно и практически обоснованная категория «дело жизни» и соответствующая методология позволит упорядочить и направить эту практически неограниченную жизненную энергию по назначению - на достижение высшего предназначения и формирование идеальной личности. На общем философско-психологическом уровне такое взаимоотношение «пассионарности» и «дела жизни» можно представить следующим образом.

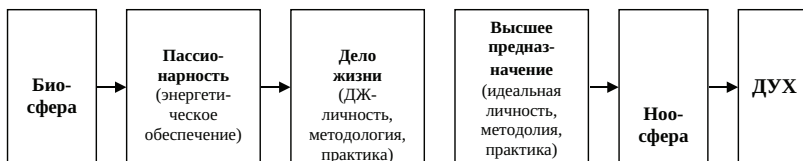

Рис2. Взаимоотношение «пассионарности» и «дела жизни»

Поэтому, под высшим предназначением также можно понимать «идеальную личность» как конечную форму развития человека в процессе жизни. А методологию достижения высшего предназначения и энергетическое обеспечение будем рассматривать в контексте нововведенной категории «дело жизни», где они определяются как «деложизненная методология» и «деложизненный мотив».

Человеческую суть в научной психологии Б.С. Братусь видит в подсознании (психоанализ), характере (бихевиоризм), личности (гуманистическая психология), а психологию человека - в нравственной психологии. При этом в ходе продуктивного развития подсознание, характер, личность «снимаются» соответственно сознанием, личностью, человеком. Здесь личность является внутренним ключом развития человека, который на определенном этапе исчерпывает свои возможности, личность отбрасывается как сослужившее, усвоенное, и открывается во всей полноте то, чему она служила. Нравственная психология, восходящая к человеку, способна вместить исследование разных сторон (этапов) психологии человеческого развития, объединенных общей задачей обретения человеком своей сущности, своего понятия. Человеку необходимо наличие целостного образа будущего, который живет в нем, в который он верит. Отмечая гуманитарную (имеющую конкретно-ценностные точки опоры вне себя для духовного роста, саморазвития, самоактуализации), нравственную (дающую определенное, вне ее обнаруживаемое понимание сущности человеческого развития), Христианскую (подразумевающую признание абсолютных оснований нравственности, сознательную ориентацию на христианский образ человека, христианское понимание его сущности) линии развития психологии, Б.С. Братусь акцентирует, что ушло время безответственной психологии, настала пора проявить личность, выбрать и осознать общие смыслы и ориентиры движения, понять и

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения честно признать, какому образу человека мы собираемся служить, соответствуя своей профессиональной деятельности. (Братусь,1997)

Научная идея, побудившая к проведению данного исследования, возникла в ходе авторских эмпирико-практических изысканий под влиянием кризисных процессов в обществе на рубеже двадцатого и двадцать первого веков. Они привели к предположению, что определенные условия существования современного человека и общества, наполненные критическими профессиональными и жизненными ситуациями, в сочетании с соответствующей психологической практикой, способствуют самоопределению и развитию личности в стремлении к достижению своего высшего предназначения. Такие условия мы обозначили как деложизненный формат. Пилотная психологическая практика и эмпирические исследования показали, что это происходит на поступковой основе при доминировании мотива необходимости, активизирующего соответствующую психическую энергию как основную внутреннюю движущую силу, обеспечивающую готовность к преодолению критических ситуаций, выступающих в качестве внешнего векторно-ориентирующего фактора. Такие критические профессиональные условия мы наблюдали в процессе профессиональной подготовки при формировании профессиональной надежности операторов особо сложных систем управления и психологов при формировании эмоциональной устойчивости и адекватности реальной жизни, Подобные критические жизненные условия отмечались в процессе авторской индивидуальной и групповой психологической практики деложизненного самоопределения личности, что требовало достижения психологом особого функционального состояния, нейтрализующего собственные личностные деформации; на социокультурном уровне в процессе социальной практики, отмеченной при исследовании общенационального социально-психологического кризиса, известного как феномен «майдана».

Для реализации данной идеи предлагается авторская концепция, предполагающая расширение общепсихологической научно-теоретической, методологической и практической парадигмы путем введения категориального понятия «дело жизни»,

А. А Ткаченко

характеризующего стремление к достижению высшего предназначения человека благодаря самоопределению личности в «деложизненном» формате психологического и социального развития на нравственно-этических, духовных основах – психологии понимания правды, смысла жизни, поступка, души. Это в известной степени позволяет осознавать новое состояние общества и роль обновленной психологической науки и практики, активизирует и упорядочивает общественное духовное производство.

Отсюда констатируем *проблему* исследования. На глобальном философско-мировоззренческом уровне она состоит в выборе направления дальнейшего развития личности и общества, детерминированного достижением высшего предназначения и развития человека в ДЖ-формате.

На общепсихологическом уровне данная проблема конкретизируется как «деложизненное» самоопределение (ДЖ-самоопределение) личности на духовном, жизненном и психологическом уровнях. (Самоопределение на духовном уровне детерминировано формированием идеальной личности «для другого» и ориентацией на духовный мир. Самоопределение на жизненном уровне детерминировано формированием идеальной личности «для себя» и ориентацией на витакультурный жизненный мир. Самоопределение на психологическом уровне детерминировано ориентацией на отказ от формирования идеальной личности и достижения высшего предназначения, уход в виртуальный психический мир с последующим саморазрушением).

Цель исследования – научная постановка проблемы достижения человеком своего высшего предназначения на основании: введения категориального понятия «дело жизни» и соответствующих теоретической, методологической и практической концепций; исследования самоопределения личности в ДЖ-формате, обусловленном критическими профессиональными и жизненными ситуациями как неотъемлемыми характерными условиями современного личностного и общественного развития.

Объектом исследования является *высшее предназначение человека*, включающее: идеальную личность как конечную форму ее развития; методологию формирования идеальной личности как

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения переход от начальной к идеальной форме; практику самоопределения и формирования идеальной личности путем психологической отработки личностных деформаций и творения духовного продукта.

Предметом исследования являются особенности самоопределения личности в критических профессиональных и жизненных ситуациях, представленные на основании психологического понятия «дело жизни», субъективизирующего высшее предназначение человека в виде: «деложизненной» личности (ДЖ-личности) как особого качества в виде индивидуального духовного продукта формирования идеальной личности; «деложизненной» методологии (ДЖ-методологии) как функционально-го духовного продукта и инструмента субъективизации высшего предназначения; «деложизненной» практики (ДЖ-практики) как психологической отработки личностных деформаций и творения духовного продукта.

Теоретическая гипотеза исследования основана на предположении, что сознательное достижение высшего предназначения путем формирования идеальной личности осуществляется в критических профессиональных и жизненных ситуациях в ДЖ-формате на основании принципа «единения несоединимого» (как вариант «совмещение несовместимого») в одномоментном функциональном единстве: 1) теоретической концепции на основе категориального понятия «дело жизни»; 2) методологии ДЖ-самоопределения как системы формирования идеальной личности; 3) ДЖ-практики как психологической отработки личностных деформаций, обусловленных отклонением реальной формы личности от идеальной и творения духовного продукта.

Для решения разноплановых задач данного исследования применялись *методы* разного уровня – от философско-методологического анализа до традиционных экспериментальных и авторских эмпирических и практических методик. Главные теоретические результаты были получены с помощью: а) аксиоматического метода; б) метода феноменологического анализа; в) метода теоретико-методологического анализа; г) метода категориально-типологического анализа. Основные методические и

А. А Ткаченко

практические результаты работы получены благодаря сочетанию д) эмпирико-практического жизненного метода на основании анализа нарративных материалов и е) метода эмпирико-практического формирующего эксперимента.

В нашем исследовании возникла потребность в коррективах основных принципов научных поисков истины, связанных с органическим сочетанием глобальных и индивидуальных характеристик, когда на первый план выходит аксиоматический и феноменологический подход.

Главным методологическим основанием работы выступили: «философия духовного производства» (К.Маркс), «философия мифа» (А.Ф.Лосев), «философия практики» (Л.С. Выготский) и «философия ненасильственного развития» (И. Н. Острецов). Исследование основывалось как на общепсихологических традициях, заложенных Л.С. Выготским, Д.Н. Узнадзе и развитых С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, В.А. Роменцом, так и на нетрадиционных методологических направлениях Г.П. Щедровицкого, А.Г. Асмолова, А.В. Фурмана. Теоретико-методологический смысл настоящего исследования определяется субъективизацией и опредмечиванием высшего предназначения человека как формирования идеальной личности на основе нововведенного категориального понятия «дело жизни» и соответствующей методологической концепции ее осуществления, что обусловлено концепцией Л.С. Выготского о начальной и конечной форме развития личности и превращения психологии в психопрактическую дисциплину, которую мы предлагаем рассматривать в контексте ДЖ-практики, ориентированной на творение духовного продукта и наполнение Разума.

Глава 2. «ДЕЛО ЖИЗНИ» КАК АТРИБУТ СУБЪЕКТА ВЫСШЕГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

2.1 «Дело жизни» и субъектность

По нашему мнению, предтечей возникновения понятия «дело жизни» стало понятие «субъектность», довольно активно разрабатываемое в отечественной психологии как центральное образование человеческой реальности в соотношении понятий «личность» и «индивидуальность». Проанализируем его как социальное, системное качество человека, используя работу (Куликова, 2004).

Возникновение и методологическое обоснование исследования это-го понятия связано со школой С.Л. Рубинштейна, сущность которого заключается в утверждении, что внутренние условия формирования человека на конкретном этапе жизни обусловлены не только внешними причинами, но и замыслом самого субъекта, приводящим к внешним изменениям в зависимости от сделанного в процессе жизни (Рубинштейн, 2002). Здесь субъектность понимается как способность человека осуществлять взаимообусловленные

А. А Ткаченко

изменения в мире и себе самом, где он рассматривается как активный творец своего психического облика. Указывается, что субъектность проявляется не столько в познавательном и деятельностном отношении к миру, сколько в отношении к другим людям, способности открывать Другого как личность, предполагающую качественно новый уровень развития человека в его субъектности. У А.Н. Леонтьева и А.Г. Асмолова субъектность представлена как одна из системных характеристик деятельности и рассматривается через структуру мотивации, где личность человека и его сознание порождается деятельностью. Внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет. По А.Г. Асмолову, высшей формой субъектности является личностный смысл, придаваемый событиям и действиям. «Центром» личности является то, что порождается в процессе движения, когда человек переходит от пассивного способа употребления, или усвоения культуры, к активному овладению деятельностью ради созидания образа жизни. Здесь смысл жизни – это своеобразное чувство своей субъектности, возможности творчества жизни. В этом же контексте В.Э. Чудновский (Чудновский, 1988) вводит понятие «ядро субъективности» как единое диалектически связанное целое, представляющее собой специфическое соотношение природных, возрастных и личностных особенностей, которое формируется в процессе взаимодействия «внешнего» и «внутреннего». В школе Б. Г. Ананьева (Ананьев, 2001), согласно концепции В.Н. Мясищева, свойство субъектности является условием развития личности, выступающей носителем преобразующих свойств субъекта. Здесь рассматривается активная роль самого человека в процессе жизнедеятельности, а также предпринимаются попытки разработать основы духовной психологии как особой формы знания о становлении субъектности.

В.А. Татенко (Татенко, 1995) выделяет основные мотивационно-операциональные механизмы субъектности: целеполагание собственного психического развития и себя; выбор, нахождение, продуцирование психологических средств; принятие и исполнение решений для максимального достижения поставленной цели; оценка результатов и анализ причин достигнутой степени успешности; накопление индивидуального опыта развития своей психики и

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения субъектных качеств. Это позволяет сделать вывод о том, что отношение человека к себе как к деятелю, творцу своей истории, связано с признанием собственной активности, способности к целеполаганию. Формирование субъектности происходит путем саморазвития, а отношения окружающих людей играют роль условий развития субъектности. В.И. Слободчиков (Слободчиков, Исаев, 2000) определяет пять основных ступеней, являющихся базисными стадиями развития субъектности человека: оживление, одушевление, персонализацию, индивидуализацию, универсализацию. В.И. Степанский (Степанский, 1991) предлагает общую схему процесса формирования субъектности путем рефлексивного осознания себя самого как физиологического индивида (соматическое Я), общественного существа (социальное Я), индивидуальности, характеризующейся собственным психическим миром (психическое Я), где субъектность представлена желаниями (потребностями, мотивами), чувствами, разумом (познавательными процессами), характером, способностями.

А.К. Осницкий (Осницкий, 1996) выделяет накопленный человеком субъектный опыт пережитого и переживаемого поведения, что способствует саморазвитию личности, компонентами которого являются: ценности, интересы, нравственные нормы и предпочтения, идеалы, убеждения, составляющие ориентиры усилий человека; рефлексия, включающая накопленные знания о себе, активизацию собственных возможностей; операциональные знания и умения как опыт сотрудничества при взаимодействии с другими.

Систематизация психолого-педагогических представлений о субъектных характеристиках предпринята в работах И.А. Зимней, где субъектность является динамическим началом, не существующим вне взаимодействия и представлена как единая ценность общения, деятельности, самосознания и бытия. Согласно Н.В. Ключевой, развитие человека осуществляется на двух уровнях становления его субъектности: адаптации и преобразования собственной психики и окружающего мира (Ключева, 2001). А.В. Захарова (Захарова, 1998) связывает динамику субъектности развития ребенка с установлением отношений в системе «Я – Другой», смещая его в сферу

А. А Ткаченко

взаимодействия со сверстниками. При этом субъектность рассматривается как индивидуально-личностное свойство педагога и ребенка. Выявляя специфику субъектности педагога, Е.Н. Волкова (Волкова, 1998) предполагает признание у учителя и учеников активности, сознательности, уникальности, возможности свободно выбирать путем саморазвития. Говоря о важности изучения субъектности педагога в контексте его профессионализма, И.А. Серегина (Серегина, 1999) акцентирует внимание на стаже педагогической работы и возрасте учителя, а также отношении к себе и ученику как к ценности и субъекту собственной профессиональной и его учебной деятельности. Для Т.В. Маркеловой (Маркелова, 2000) субъектность является интегратором профессиональных способностей человека и структурно включает четыре фактора: осознание собственной активности, уникальности и саморазвития; понимание и принятие другого человека; свободу выбора и ответственность за него; способность к рефлексии. Ф.Г. Мухаметзянова (Мухаметзянова, 2002) считает, что субъектность студента вуза заключается в степени инициации в овладении учебно-академической деятельностью и способностью к самостоятельному выбору и его реализации. Основные акценты в становлении субъектности она делает на активности, инициации, самодеятельности.

Ближе всех с «делу жизни» в определении субъектности подходит В.А. Петровский (Петровский, 1993, 1996) полагая, что это центральная категория психологии, характеризующая духовную потенцию и способность ее реализации в человеческой личности, возникающая на определенном уровне ее развития и представляющая необходимые личностные качества, относящиеся к мотивационно-смысловой сфере и самосознанию, где поиск смысла жизни является системным стержнем построения иерархии мотивов деятельности и поведения, акцентируемой на активно-преобразующей функции. Субъектность является определяемой характеристикой в его теории самопричинности личности, предполагающей причинность индивида в его взаимоотношениях с миром. Используя термин *causa sui* («причина себя»), он рассматривает теоретические основы психологии субъектности человека в качестве опоры для построения психологии личности, как особой предметной области, на основе свойства

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения самодетерминации ее бытия в мире. Как проявление субъектности В.А. Петровский выделяет надситуативную активность, включающую такие компоненты, как способность к целеполаганию, саморазвитию, свободе выбора и ответственности за него, а также наличие другого, способствующего изменению. Субъектность человека проявляется в его деятельности как особой активности, посредством которой он воспроизводит себя, свое собственное бытие в мире. Здесь смысл слова «деятельность» раскрывается как: жизнедеятельность (воспроизводство психофизической целостности человека); предметная деятельность или «деятельность» в узком смысле слова (воспроизводство мира в себе и себя в мире при осуществлении познавательных и практических актов); деятельность общения (воспроизводство общности с другими людьми, себя как носителя сознания - самополагание в рефлексии). Тогда личность - это субъект собственной жизнедеятельности, строящий свои ви-тальные (в широком смысле) контакты с миром как бытие его психофизического целого, когда «благополучие — неблагополучие» в витальной сфере понимается как переживаемая человеком мера его безопасности во взаимоотношениях с природным и социальным окружением, а уровень личности может быть зафиксирован в термине «индивидуум» или «ин-дивидуальный субъект» как «авторствование» человека применительно к построению им собственной жизни; это субъект предметной деятельности как производство человеком предметов духовной и материальной культуры, представленное в виде процессов опредмечивания и распредмечивания человеческих «сущностных сил», когда личность выступает в значении «деятель»; это субъект деятельности общения. По сути, представлена проблема инобытия или «идеального бытия» (отраженной субъектности) индивида. Строго говоря, быть личностью как субъектом общения, невозможно без той или иной степени идеальной репрезентированности (отраженности) человека в жизни других людей, при этом «открывая» собственное Я. Речь идет об изменении смысловых образований другого индивида, в которых как бы записаны эффекты воздействия первого (условно обозначенные термином «клад»). При такой постановке вопроса в качестве

А. А Ткаченко

специального предмета анализа выступает эффект присутствия индивида в «зазеркалье» общения с другим индивидом.

В.А. Петровский считает, что в основе многообразных проявлений такой активности лежит некая Цель, детерминирующая все, что совершается человеком или осуществляется в нем, сообразуемость с которой есть критерий совершенства взаимоотношений человека с миром. Такие телеологические представления обозначены как постулат сообразности, анализ которого на примере гомеостатических, гедонистических, прагматических и некоторых других концепций выявил, что, несмотря на очевидные различия между ними, их объединяет стремление указать эту изначальную Цель. Доказывается самопротиворечивость постулата сообразности применительно к исторически сложившимся моделям понимания человеческой жизни (гомеостатической, гедонистической, прагматической) и современным онтологическим моделям, включающим в себя представления о деятельности, общении, самосознании человека как фундаментальных «измерениях» его взаимоотношений с миром. Фундаментальное различие проводится между моментами самополагания и существования человека как субъекта активности, предполагающее возможность воспроизводства и продолженности (идеальной представленности) человека как субъекта активности в жизни других людей и его собственной.

А. Ф. Бондаренко рассматривает субъектность личности в этическом измерении как предмет отечественной психотерапевтической практики на основе переживания как предпосылки и условия развертывания психического бытия, когда направляющими являются «идеологемы», представленные сознанию индивида как «идеонии» (единицы анализа как индивидуально присвоенная и трансформированная идеология), где центральным и вершинным моментом существования личности является «смыслогенез», а порождение новых, личностно и экзистенциально ценных смыслов «идеогенез», где общим коррелятом переживания выступает «чистая экзистенция». Здесь наиболее существенными являются воздействия на высшие уровни субъектности личности, ее

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения «этические смыслы», именуемые как «духовность» (Бондаренко, 2007).

Резюмируем, что понятие «субъектность» еще недостаточно четко выработано и в своей характеристике больше ограничивается объяснением на уровне термина, обобщающего признаки, свойства и т. п. В существующих на сегодняшний день определениях субъектности содержатся такие смысловые нагрузки, связанные с контекстом проводимых исследований: системная целостность всех сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь, психических процессов, состояний и свойств сознания и бессознательного (Брушлинский, 1993); социальный, деятельностно-преобразующий способ бытия человека; как самость – это очевидная и конкретно данная форма самодействия человека; свойство, раскрывающее сущность человеческого бытия, заключающегося в осознанном отношении человека к себе как к деятелю, чтобы производить взаимообусловленные изменения в мире, в других людях, в себе (Волкова, 1998); приобретаемое, формируемое свойство, существующее благо-даря сложившейся природе жизнедеятельности человека (Осницкий, 1996); являясь конституирующей характеристикой личности, проявляется в ее деятельности как особой активности, позволяющей человеку воспроизводить себя, свое собственное бытие в мире (Петровский, 1996).

Изучение субъектности становится проблемой многих педагогических и психологических исследований. Основной сферой самовыражения является деятельность, труд, потому принято рассматривать категорию субъектности в контексте проблемы субъекта деятельности. В процессе онтогенетического развития человека происходит смена одного вида деятельности другим, хотя возможны и такие состояния, в которых противоречиво совмещаются вновь возникающие и «отмирающие» виды деятельности человека. Речь идет об известной триаде: игра, учение и труд.

Одной из основных задач развивающего образования является помощь школьнику в становлении его как субъекта саморазвития. В образовательной среде возникает специфическая ситуация, требующая от учителя специальных усилий для организации

А. А Ткаченко

взаимодействия, основанного на субъект-субъектных отношениях. Образовательный процесс рассматривается как системно организованная, развивающаяся среда, провоцирующая саморазвитие ее субъектов посредством осмысления личностных детерминант усваиваемого знания и индивидуального опыта отношений.

Итак, проведенный анализ показывает, что «субъектность» является особым свойством личности, определяющим ее самопричинность и самооценку как основу развития, ориентированного на Идеал. Представлена также градация, ориентированная на Другого. Но, несмотря на это, в психологии «воз и ныне там», существенного сдвига не происходит. Главная причина такой ситуации состоит в том, что представленная трактовка субъектности опирается исключительно на категорию деятельности и деятельностный подход. О каком-то ином способе взаимоотношения с миром, кроме деятельности, речь не идет.

В предлагаемом *дело-жизненном подходе* (ДЖ-подходе) мы используем принципиально иную категорию, определяющую взаимоотношение с миром и обществом - это поступок. Тогда, принимая «субъектность» как особое свойство самопричинности и самооценки личности, мы его рассматриваем как ДЖ-личность, ориентированную на производство духовного продукта и стремление к достижению высшего предназначения. Коренным отличием формирования такого особого личностного качества (свойства) как «субъективность» и «ДЖ-личность» состоит в способе взаимоотношения с миром и обществом. В случае субъектности - это деятельность. В случае ДЖ-личности – это поступок.

Критики такой позиции возразят, что деятельность включает в себя поступковое действие как особый вид деятельности. Частично с этим соглашаясь, уточним, что для развития научной и особенно практической психологии мы вносим ясность для удобства понимания принципиального различия способов взаимоотношения с миром, дающих материальный и духовный продукт, которые также принципиально отличаются.

В научной концепции «субъектности», заложенной С.Л.Рубинштейном, в психологии были разработаны основы ориентации на достижение человеком своего высшего

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения предназначения. Наверняка это хорошо понимали все ее последователи в различных психологических школах. Но возникает «наивный» вопрос: почему об этом прямо так и не было сказано? Ведь очевидно было то, что как получила развитие (воплощение) в психологии социально-экономическая теория К. Маркса в виде фундаментальной категории «деятельность», позволившей воплотить его идею о материальном производстве и воспроизводстве, таким же образом должно было осуществиться и развитие идеи духовного производства (воспроизводства), имеющей иную сущность и механизмы, через введение в психологию соответствующей категории – например, «духовная деятельность» или «поступок», чего сделано не было.

Отвечая на этот вопрос, попробуем стать на место «психолога» какой-то из «школ». Понятно, что для этого пришлось бы стать раскольников, сломав сами устои школы, что пока никому из «психологов» сделать не удалось, возможно, не хватило смелости. Не смогли этого сделать и сами зачинатели психологических школ, очевидно, по той же причине, но уже наличия «идеологического прокрустова ложа», которое регламентировалось еще жестче, поскольку идеология пришла «свыше», что говорит о какой-то «высшей воле». Но это ограничение не помешало создать основы научной теории и методологии, способной стать основанием для достижения высшего предназначения после снятия всех ограничений, что мы имеем сейчас.

А.Ф. Бондаренко, выделяя основные уровни, формы или функции научного познания в контексте исследования субъектности (феноменологический, эмпирический, теоретический социотехнический), отмечал, что можно идти любым из них, как следуя концептуальным схемам различных научных направлений, так и путем собственного научного поиска (Бондаренко, 2007). Отдавая предпочтение последнему, приходим к гипотетическому предположению, что «идеологические» ограничения в психологии позволили создать научно обоснованную методологию и механизм достижения высшего предназначения человека, венчаемый понятием субъектности. Самоуничтожение этих ограничений приводит к

А. А Ткаченко

переориентации с «идеологической», породившей понятие «субъектность», на «психологическую», породившую понятие «дело жизни», концепцию жизни и возможности заработать такому механизму на уровне «проектного» режима, что мы и связываем ДЖ-подходом.

Поэтому основная задача анализа субъектности человека состоит в ориентации на ДЖ-личность и искомый объект - Идеальную Личность. В этом контексте нововведенное категориальное понятие «дело жизни», необходимо субъективизирующее стремление человека к достижению своего высшего предназначения, мы рассматриваем как ключевой фактор личностного развития психогенной эпохи как составляющей жизненной парадигмы психологической науки и практики, проявляющейся в таком смысловом категориальном ряду, как *смысл, поступок, душа, дух*.

2.2 «Дело жизни» и смысл

В психологической науке и практике становится очевидным тот факт, что психика человека, живущего в современном мире, особенно в посттоталитарном обществе, приобретает все более трансцендентный характер. На первый план выступает потребность в развитии своей личности как субъекта жизни во взаимоотношении не только с материальным, но и духовным мирами на основе смысла и самореализации. В психологии индивида наряду с поиском и обретением смысла жизни приобретает потребность в его реализации и творении новых смыслов как осуществлении дела жизни для достижения своего высшего предназначения. Это особенно проявляется в психологической практике, где наряду с использованием уже известных понятий смысла и смысла жизни, появляется потребность во введении новых понятий, отражающих «дело жизни».

На важности не просто поиска смысла жизни, но и его реализации неоднократно акцентировали внимание отечественные и западные философы и психологи. Русский христианский философ и психолог С.Л. Франк (Франк, (1992) в начале XX века отмечал, что жизнь в целом имеет смысл в каждое свое мгновение, для каждого поколения людей и для каждого живого человека, иначе нет спасения

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения от бессмыслицы и греховности. В «смысле жизни» он видел некое вечное начало, единую, неизменную, абсолютно прочную основу человеческого бытия, когда всякое дело является производным человеческой личности, жизни и духовной природы. Если жизнь человека и человечества не имеет существенного смысла, укорененного в намного превышающей и не им сотворенной разумной почве, все его дела и он сам ничтожны и суетны.

В этом контексте В.Франкл (Франкл, 1990) в середине XX века в своей психологической концепции смысла жизни, наиболее полно представленной в его известной книге «Человек в поисках смысла» говорил о сверхсмысле как о целостности, в свете которой приобретает смысл человеческая жизнь, где Вселенная, бытие, история, человеческое существование по сути своей никогда не может быть бессмысленным. Здесь же Д.А.Леонтьев в своей вступительной статье определил связующее звено между смыслом и делом в виде свободной деятельности, как между субъектом и миром, через принципы предметности или интенциональности и деятельности. Один из авторов психологической теории деятельности А.Н.Леонтьев в своей книге «Деятельность. Сознание. Личность» отмечал, что движение развития личности начинается с действия субъекта ради своего существования, ради того, чтобы действовать – «делать дело своей жизни, осуществлять свое человеческое назначение». И далее добавлял, что на завершении этапа становления личности это «открывает неограниченные перспективы ее развития» (А.Н. Леонтьев, 1983: 226). Другой классик теории деятельности С.Л. Рубинштейн указывал на то, что «у человека, в конечном счете, одно дело в жизни: самому вносить в нее, сколько только может он, красоты и добра» (Рубинштейн, 1976: 354). Л.Н.Толстой в своих «Дневниках» отмечал, что дело жизни и ее назначение - это радость (Толстой, 1952б: 144), это делать доброе людям, увеличивать любовь (Толстой, 1952б: 185), это растить и воспитывать душу (Толстой, 1952б: 119). С.Л.Франк (Франк, 1992) говорит о абсолютном самодовлеющем благе, превышающем все личные интересы, понимаемом в объективном (как самодовлеющая ценность или самоцель, стремление к которой оправдано только ее внутренним

А. А Ткаченко

достоинством) и в субъективном (как нечто приятное, нужное, полезное средство для нашего благосостояния) смысле, когда жизнь в благе (благая жизнь, благо как жизнь) становится осмысленной целью наших устремлений в служении высшему и абсолютному благу, в лице любви дарующую полноту подлинной жизни.

Во всем этом важно понять сущность «смысла» и «дела» как рядоположенных и, вместе с тем, самоценных психологических феноменологических понятий, определиться в динамике их соотношения в жизни человека. В подлинном, метафизическом смысле С.Л.Франк отмечал существование у человека единственного духовного дела взращивания в себе субстанциального добра путем усилий жизни со Христом и во Христе как борьбе со всеми эмпирическими силами, препятствующими этому, реально уничтожая и вытесняя зло сущностным добром, где человек видится двояко: как внутренний, в метафизических глубинах которого совершается это истинное дело, и наружный, проявляющийся во внешних действиях, жизни, отношениях между людьми. Зло истребляется одним лишь духовным деланием - творением добра. Таким образом, вне нашей духовной действительности искание, раскрытие и внесение смысла жизни не существует (Франк, 1992). Такую двойственность в понимании смысла усматривает и В. Франкл, говоря о не попадающем в цель существовании, ориентированном не на логос, а на самое себя, или, имея своей целью логос, но не трансцендируя самое себя (Франкл, 1990). В конечном итоге С.Л. Франк выделяет теоретическое осмысление жизни на основе волевого отречения от ее эмпирического содержания и практическое осмысление жизни как действенное созидание и углубленное духовное перевоспитание. Жизнь, как наслаждение, власть, богатство, как упоенность миром и самим собой, есть бессмыслица; жизнь, как служение, есть Богочеловеческое дело и, следовательно, всецело осмысленна (Франк, 1992).

Как видим, на уровне высших общечеловеческих жизненных ориентаций выделяются две тенденции. Одна в качестве основного ориентира жизненного пути личности определяет *смысл*. Так, В.Франкл видел потерю смысла жизни в качестве основной причины возникновения в психике людей так называемого «экзистенциального вакуума», а Н. А. Бердяев в поиске смысла видел более важную

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения задачу, чем в поиске Бога (Бердяев, 1999). Сложность этой проблемы раскрывается, например, в том, что мы так до сих пор до конца не осмыслили содеянное в 1917 году, называемое «октябрьской революцией». Другая тенденция: движущей силой в жизни человека определяет *дело*, представленное, прежде всего, научно-психологической теорией деятельности, построенной на основе социально-экономической теории К.Маркса, ставшей таким образом краеугольным камнем отечественной психологии.

Л. Н. Толстой отмечал, что в деле и жизни главная мудрость состоит не в изначально правильном ведении дела, а в исправлении ошибок, освобождении от заблуждений и соблазнов (Толстой, 1953: 75). Тем самым он первичным в жизни видит действие и дело, а главным – его последующее осмысление. Здесь уместно вспомнить известную еще с донаучных времен библейскую истину о том, что сначала было слово, но человеку воздается по делам его.

Для лучшего понимания данных рассуждений попытаемся определить соотношение смысла и дела, опираясь, в первую очередь, на упомянутые психологические концепции смысла (С.Л.Франк, В.Франкл) и деятельности (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев), а также с учетом собственных изысканий и психологической практики. В качестве независимой аргументации в виде отдельных жизненных штрихов воспользуемся материалами личных «Дневников» Л.Н. Толстого, в которых очень подробно в виде откровения представлен более чем шестидесятилетний период жизненного пути великого писателя, мыслителя и одновременно обычного русского человека, осуществление дела жизни которого является очевидным, поскольку подтверждено историей и самой жизнью.

Для начала определимся в общем понимании как психологических феноменологических понятий терминов «дело» и «дело жизни». Для удобства рассуждений начнем с объединенного обозначения этих понятий как «дело». Это достаточно сложное, внешне обусловленное и структурированное образование из своеобразных узелков в ткани жизненного мира, базирующееся на самоопределении человека. Как указывал Ф.Е. Василюк вслед за

А. А Ткаченко

А.Н.Леонтьевым, жизненный мир человека как раз состоит из отдельных деятельностей (Василюк, 1984), которые мы рассматриваем и как «Дела». Причем, такая «деловая» составляющая этой ткани неоднородна, поскольку «дело» может приобретать разное качество и производить разный «продукт». Оно может приобретать вид самого простого и прагматичного, рассчитанного на удовлетворение элементарных физиологических жизнеобеспечивающих потребностей человека как добывание «хлеба насущного». Или же, наоборот, может быть связано с самыми высокими, духовными устремлениями, достижением состояния «акме», реализацией человеческого предназначения - дела жизни. Такой двойственный подход наблюдается и у Л.Н.Толстого, отмечавшего, что пример «низшего» служения (понимаем как обычное дело) заключается в приобретении земли, что необходимо детям. Пример «высшего» служения (понимаем как дело жизни) он представлял как ход к смерти, моменту вечности, в котором жизнь необходимо прожить наилучшим образом, напрягая все силы. В первом случае он видел возможность проверить самого себя для перехода на высшую ступень. Во втором - он уже не видел возможности проверить себя, поскольку мысль доходит до высших границ, служит чувствам, сердцу, жизни (Толстой, 1952а: 121-122).

«Дело» - это способ объективизации и своеобразная форма представления обретенного смысла в жизненном мире человека. Каждое «Дело» имеет свой уникальный «Смысл» (понимаем как объединенное обозначение смысла и смысла жизни). Бессмысленных дел не бывает. Только по делам можно наиболее объективно оценить жизненный путь человека. Упрощенно жизненный мир человека можно представить в виде «делового» каркаса и его «смыслового» наполнения как основных материалов, из которых он соткан, где человек является творцом и первооткрывателем. Оценка же качества содеянного человеком принадлежит некой внешней инстанции, имеющей взезное, высшее происхождение. Поэтому можно предположить, что такой жизненный мир человека выходит за рамки привычного четырехмерного бытийного мира и простирается в более сложные смысловые измерения. Всякая негармоничность или «дефектность» этой ткани могут отражаться и обнаруживаться в

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения психике человека в виде соответствующих чувственных следов в виде «содеянного». Обнаружение и устранение (путем осмысления) этой «дефектности» можно осуществить посредством чувственного восприятия, когда основным путеводителем, как показывает практика, является чувство страха, что особенно выражено в отечественной православной культуре.

На первый взгляд, очевидным является то, что «Дело» есть простая реализация соответствующего «Смысла». Но жизненная и психологическая практика говорит о том, что обретение смысла еще не решает основную проблему человека - достижение высшего предназначения. Главной задачей становится его адекватная реализация, т.е. соответствующее деяние, чего зачастую не хватает современному человеку. Или, хуже того, имеет место некая псевдореализация. Например, когда человек, постигнув смысл в духовном совершенствовании, предается не развитию себя в соответствующей творческой деятельности, а просто уходит в характерное религиозно-мистическое состояние, зачастую попадая в какую-то квазирелигиозную организацию. В результате он не только уходит от постижения своего реального жизненного мира, но и впадает в эгоцентрическое самолюбование, стремление к удовольствиям, по сути, уклоняясь от осуществления дела жизни. В известной степени это объясняется эффектом «калейдоскопизма» как проектированием своего мира на себя (Франкл, 1990: 70 -74) и «пристрастностью» значений деятельности в виде искаженного личностного смысла (Леонтьев, 1983: 180-186). В этом контексте Б.С. Братусь отмечал, что личностный смысл порождается отношением мотива (деятельности) к цели (действия как замкнутой на себе деятельности). Переходя к более общим смыслам в сложных формах активности, человек действует не ради достижения предмета потребности (или мотива, по А.Н.Леонтьеву), но ради целостного образа новой жизни, в который он должен поверить и принять его внутренне как существующий и определяющий, принять то, чего нет, как то, что есть. Это – работа веры. И если смыслы деятельности порождаются отношением мотива к цели, то смыслы жизни порождаются отношением будущего как живого образа веры к

А. А Ткаченко

наличному состоянию человека. Смысл зависит от веры, и потеря ее способна обесмысливать бытие. Надо превозмочь меру неверия через усилия и борьбу - «внутреннюю брань» - (Братусь, 1997: 3-20). Дискуссии по поводу сущности и понимания смысла в современной науке не утихают но находят все новые предметные области. До сих пор даже не определен общепринятый критерий наличия или отсутствия смысла. Пока не дал ответов симпозиум по смыслу жизни и акме, проходящий в России (Смысл... (2004).

Теперь сформулируем некоторые основные *признаки* феноменологического понятия «дело жизни» на фоне понятия «дело» как контрастного.

«Дело» определяется деятельностью, целенаправленностью, предусматривает конкретный результат, опредмечивает самоопределение человека в материальном мире. Оно наполняет человеческую жизнь материальным продуктом, по которому судят о человеке как о «дейтельном». Это наиболее объективное, реальное и бытийное проявление человеческой жизни, реализующее и определяющее ее место в материальном мире. Обычно дело соответствует профессии и трудовой деятельности человека.

«Дело жизни» определяется поступком и обозначает способ достижения высшего предназначения человека, продукт которого является частью его духовной природы и определяет его место в жизненном и духовном мире. Это понятие может приобретать профессиональные очертания и даже преобразовываться в обычное дело, тем самым превознося уровень самоопределения человека. Оно заставляет его постоянно совершенствоваться, развиваться и самореализовываться, подобно тому, как развитие душевной жизни человека расширяет его сознание, как творческий профессиональный уровень артиста определяет «качество» соответствующей сцены. Если дело, как профессиональная реализация, может быть общим и стандартным, то дело жизни, как и смысл, всегда сугубо индивидуально и уникально. У каждого человека свое дело жизни. Даже одинаковая по своему внешнему содержанию деятельность для разных людей может иметь совершенно различный смысл.

Если смысл, по словам А.Н.Леонтьева, является субъектно-объектной категорией (Леонтьев, 1994: 207-208), то дело – это,

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения преимущественно, объектная категория, принадлежащая миру и жизни. Субъектной, «человеческой», принадлежностью может отличаться только незаконченное дело. Но как только оно завершается и превращается в конкретный продукт деятельности, то уже человеку не принадлежит, «отчуждается», «овеществляется», «угасает в продукте» и полностью «уходит» в мир и жизнь (Маркс, 1973: 192). Поэтому дело, в отличие от смысла, всегда является реальным, беспристрастным, объективным и потому – необратимым. Одно и то же сделанное дело нельзя как-то изменить и переделать, ибо это будет уже другое дело, а обретенный смысл, пока он не реализован в деле, всегда можно изменить (переосмыслить). Часто серьезным толчком к такому переосмыслению может служить начатое, но еще не сделанное дело. В хорошей работе, которая является выполненной до половины, Л. Н. Толстой видел условие ее увлекательности (Толстой, 1952а: 30). Это может быть ситуация нахождения человека как бы между смыслом и делом, ситуация творческого поиска как осмысления начатого дела.

Несмотря на наличие явных различий, дело и смысл неразрывно связаны между собой через свободную деятельность. Выполненное дело - это до конца осмысленная деятельность. Основное психологическое наполнение дела можно представить как деятельностно-смысловое. В этом наполнении соотношение деятельностного и смыслового «ингредиентов» должно быть вполне определенным, что указывает на «качество» дела. Если такое соотношение не соблюдается человеком при выполнении дела, появляются избыточные смыслы или же недоосмысление. Это определяет уровень невротичности или искаженности сознания. Никакое дело нельзя считать завершенным или отчужденным в виде результата или конкретного продукта, если оно до конца не осмыслено. Только через работу (понимаем как дело – **авт.**) Л.Н. Толстой видел возможность освободиться, отрешиться от своего интереса (понимаем как смысл - **авт.**) путем передачи его в жизнь для дела божьего (Толстой, 1952б: 67). Законченное дело как бы изживается, можно сказать, психологически самоуничтожается (до конца осмысляется), полностью становится частью бытийного мира,

А. А Ткаченко

где уже может рассматриваться как материальный продукт, если речь идет о «деле», или как духовный продукт, если речь идет о «деле жизни». Человек, успешно завершивший свое дело жизни, после смерти оставляет позитивный след, как бы помогая оставшимся близким в их реальной жизни. И наоборот, незавершенное дело жизни после смерти человека еще больше усложняет реальную жизнь его близких. Его завершение ложится бременем необходимости на другого человека уже за счет его жизни, имеющего к тому же еще и свое собственное дело жизни. Возможно, поэтому в процессе авторской исследовательской психологической практики в определенных случаях выяснялось, что невыполнение дела жизни казалось человеку страшнее смерти. Это обычно были люди, имеющие большой жизненный опыт переживания критических ситуаций, когда они оказывались как бы «на пределе» или даже «за пределом». Имели место и другие ситуации, для которых было характерно появление «излишнего» смысла или домыслов, когда уже завершённое и до конца осмысленное дело искусственно удерживалось человеком, не передавалось жизни и миру из-за попыток еще и еще раз его переосмысливать. Очевидно, таким образом может создаваться в сознании человека тот самый «пристрастный» невротический личностный смысл. В качестве примера можно привести дело матери в виде рождения и воспитания ребенка, которое в определенный момент должно естественно завершаться при его уходе в самостоятельную жизнь. Однако известно, что зачастую мать пытается «не отпускать» ребенка, тем самым создавая серьезную психологическую проблему как для себя, так и для него.

Таким образом, понятие дела в основном относится к профессиональной реализации человека в жизни и сосредоточено на профессиональном самоопределении, научное обоснование которого широко представлено работами Е. А. Климова (Климов, 1996б). Дело принадлежит человеку, является условием его материального существования и физического развития. Понятие дела жизни имеет иную природу, которое уже не является полной «собственностью» человека. Оно принадлежит ему только в определенной ипостаси, проявляющейся на соответствующих этапах жизни, обычно

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения неожиданно и спонтанно, и сосредоточено на т. н. «деложизненном» самоопределении (ДЖ-самоопределение). Эти дополнительные понятия указывают на принадлежность человека к некой объектной высшей инстанции за счет творческих достижений в различных областях жизни, что в известной степени может соответствовать состоянию «акме» как системообразующей идее акмеологической науки. Как видим, принципиальное различие между «делом» и «делом жизни» сконцентрировано на механизме самоопределения. В деле человек определяется самостоятельно, базируясь исключительно на свободном выборе, который при желании может меняться. К делу жизни человек приходит по жизни и затем как бы в него «попадает». После этого ему приходится его идентифицировать и выполнять. Попытки устраняться, менять или исказить это выполнение чреваты психологическими и даже соматическими страданиями.

Теперь рассмотрим различные градации «дела жизни» на основании ценностных триад В.Франкла. Первая триада состоит из свободы воли, воли к смыслу и смысла жизни. Смысл жизни представлен второй триадой — ценностями творчества, переживания и отношения. А ценности отношения подразделяются на третью триаду — осмысленное отношение к боли, вине и смерти (Франкл, 1990). Сначала воспользуемся классификационным рядом жизненных ценностей, предполагающих созидательные ценности творчества, ценности переживания и ценности отношения, отражающих три основные пути нахождения смысла в жизни. Первый — это то, что человек *дает* миру в своих творениях; второй — это то, что он *берет* от мира в своих встречах и переживаниях; третий — это *позиция, которую он занимает* по отношению к своему тяжелому положению в том случае, если он не может изменить свою судьбу.

В нашем случае можно выделить творческое дело, дело переживания и неделание. *Творческое* дело характеризует созидательный творческий продукт человека, обычно связанный с его наиболее продуктивной профессиональной деятельностью. Дело *переживания* (переживание понимаем по Ф.Е. Василюку) представляет собой как бы общую количественную характеристику полезной массы прожитой жизни, включая воспитание детей,

А. А Ткаченко

семейную жизнь, взаимоотношения в обществе, в том числе и профессиональные. И, наконец, *неделание*. По мнению С.Л. Франка, неделание здесь действительно важнее самого важного и благотворного дела, ибо является первым (хотя и далеко недостаточным) условием для искания и нахождения смысла жизни, в чем состоит единственное человеческое дело вне всяких частных, земных дел (Франк, 1992). В определенной мере сюда может быть причислено и толстовское «непротивление». Или, например, дело государственного чиновника, живущего по справедливости находясь в жесткой исполнительной структуре, который без крайней необходимости не применяет свои властные насильственные функции.

Подобно Д. А. Леонтьеву, обнаруживающему существование смыслов в трех плоскостях (жизненный смысл как онтологический аспект; личностный смысл как феноменологический аспект; смысловые структуры личности как деятельностный или субстратный аспект смысла (Леонтьев Д., 1999: 113), «дело жизни» также можно концептуально рассмотреть в трех разноуровневых плоскостях, расположенных между субъектом и миром. В первой, *психологической*, плоскости происходит простая реализация обретенного смысла в виде обычного дела. Во вто-рой, *жизненной* плоскости - это действие субъекта ради своего существования, ради того, чтобы действовать и действие ради блага другого, ради того, чтобы жить и быть. Здесь первичной уже является предметная деятельность, которая, в первую очередь, направлена на обычное дело, независимо от его осмысления, и целевая деятельность, ориентированная на смысл. В третьей, *духовной*, плоскости - это независимая, духовно-психологическая инстанция, стоящая над первыми двумя и принадлежащая больше объекту и непосредственно представляющая дело жизни. Здесь опять обратимся к В. Франклу, усматривавшему суть человеческого существования в его самотрансценденции, направленности на что-то или кого-то, когда человек отдается *делу*, которому себя посвятил, или *Богу*, которому служит (**выделено мной**) (Франкл, 1990: 51). В данном случае дело жизни рассматривается как дело духовного развития и душевного совершенствования, как дело служения Богу. Именно это было

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения основным реальным жизненным кредо Л.Н.Толстого, особенно ярко проявлявшимся в последние годы его жизни. С.Л. Франк считал, что когда человек живет для чего-либо частного, стремясь к абсолютной цели, не имеющей отношения к его собственной, личной жизни, к интимному и основному запросу его духа, к его потребности найти самого себя, он неминуемо становится рабом и теряет смысл своей жизни. И лишь когда он отдает себя служению тому, что есть вечная основа и источник его собственной жизни, он обретает смысл жизни. Внешним критерием этого является степень, в какой эта внешняя деятельность направлена на ближайшие, неотложные нужды сегодняшнего дня, на живые конкретные потребности окружающих людей. Кто живет в сегодняшнем дне – не отдаваясь ему, а подчиняя его себе – тот живет в вечности. Это – сам Богочеловек, вечный и ненарушимый смысл нашей жизни (Франк, 1992).

Наша практическая психологическая работа пока более-менее определенно свидетельствует лишь о том, что все, связанное с делом жизни, подчиняется некой «закономерной случайности», происходит спонтанно и непредсказуемо. Человек не может точно предугадать, где, в какой сфере и когда он должен реализовывать свое дело жизни. Часто это тщательно маскируется жизнью, отвлекается различными соблазнами, как бы проверяя готовность человека к его выполнению. Начало выполнения дела жизни мы сравниваем с неким «попаданием», которое происходит случайно и непредсказуемо. Но в то же время, на смысловом уровне оно удивительным образом связано со всей предыдущей жизнью. В нашей практике это было связано с попаданием в «духовно-природную психотерапию». Так нами было обозначено и описано в монографии (Ткаченко, 2001а) явление, проявившееся в процессе осуществления групповой психологической работы на лоне живописной природы, ставшее мощным импульсом к дальнейшей психологической практике, которая сейчас пришла к необходимости оформления в рамках ДЖ-подхода.

Особенное значение в понимании сути анализируемой проблемы имеют взаимоотношения категорий «дело» как собственности самого человека и «дело жизни» как чего-то внешне обусловленного, предназначенного для какого-то «другого». В точке-

мгновении их контакта возникает принципиально другое качество, - обычное человеческое дело достигает совершенства, перестает принадлежать человеку, достигшему своей вершины («акме»), входящему в духовную ипостась и становящемуся способным осуществлять дело жизни. Заканчивается удовлетворение собственных потребностей жизнедеятельности и начинается удовлетворение потребностей и интересов «Другого». Такое материально-духовное естество точки-мгновения контакта дела и дела жизни предопределяет присутствие как материальной реальности, так и духовной действительности, которые определенным образом контролируют друг друга, необходимо находясь в диалогических позициях и отношениях. Как свидетельствует наша психологическая практика, в реальной жизни такая точка достаточно четко проявляется, но часто не замечается и не идентифицируется самим человеком. Она может быть характерной, материальной, но также идеальной и даже мистической. В какой-то мере ее возможно зафиксировать и оценить известными научными методами, но это невозможно сделать окончательно. Всегда остается что-то непонятное и поэтому привлекательное,стораживающее и даже пугающее. Окончательное осмысление может происходить уже после полного завершения дела жизни. Следует отметить, что «дело» и «дело жизни» по своей сути являются также и категориями материальной и духовной реальностей, отход от которых стал одной из важнейших проблем современной психологической науки и практики. Это связано с тем, что основная проблема психологии, как науки о душе, не только не была решена, а даже и не была поставлена в сути. Изымая из системы своих понятий «душу» и «духовность», психологическая наука всеми силами стремилась сохранить объективность и отойти от мистификации. Как показывает жизнь, это привело к тому, что она осталась и без души и без духовности, становится все более формальной и мистифицированной. Отечественная психологическая наука, у истоков которой стоял Г.И. Челпанов, начиналась с критики материализма и выяснения соотношения «мозга и души» (Челпанов, 1994). Уже тогда, в начале прошлого века, он видел необходимость научного обоснования этого соотношения. В нашей работе похожая проблема рассматривается

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения через выяснение соотношения нововведенных категорий «дело» и «дело жизни», к чему привела психологическая практика и сама жизнь. Все снова возвращается на круги своя. Но теперь это уже не просто дискуссионный философский вопрос, а жизненно важная проблема, касающаяся выживания и развития человека и человечества.

Таким образом, появление в психологической практике понятия «дело жизни» выступает как важный смыслообразующий фактор векторной ориентации продуктивности духовной активности человека в достижении своих профессиональных и нравственных вершин. Это понятие становится в практической работе незаменимым ориентиром и путеводителем, определяющим ее направление и содержание. Каждое дело жизни уникально, поэтому и психологическая работа с человеком тоже уникальна. Каждый клиент - это отдельное эмпирико-практическое исследование, которое требует соответствующего использования научного метода. В ходе практического исследования феноменологии понятия «дело жизни» были выявлены следующие характеристики: направленность на себя; направленность на «другого»; профессиональная направленность; духовная направленность (духовная реализация как продукт, творчество, моральные и этические ценности); предназначение, миссия, цель жизни, судьба; направленность на удовольствие, самоудовлетворение, счастье, наслаждение, гармонию, радость, добро; направленность на семью; след в жизни, родовая связь, жизненный путь, продолжение себя; общение, взаимоотношение; интенциональность (стремление добиваться чего-то, ожидание, активность); другое (место в жизни, соотношение «добра» и «зла», смысл, любовь, случай, выживание, человечность, мировоззрение, интересность, свободный полет, победа, просто жить, бесполезная утрата, непонятность и «чистый лист»).

Из вышеизложенного появляется предположение, что так называемая «деложизненная» направленность в психологии человека наиболее благоприятна для позитивной конструктивной трансценденции в переходе к качественно новой, одухотворенной ипостаси. Это подтолкнуло нас к проведению эмпирико-практических исследований, результаты которых представлены в последующих

А. А Ткаченко

главах. Пока можно сказать, что на основании сказанного представляется возможным определить некоторые общие гипотетические суждения. Если, к примеру, человек направлен на удовольствия, достижения и свое «я» или на поиск смысла, он может решать свои психологические проблемы, соответственно, при помощи фрейдовского психоанализа, адлеровского индивидуального психоанализа, франкловской логотерапии. Возникает логичный вопрос относительно помощи человеку в достижении его высшего предназначения как осуществления дела жизни. Можно считать, что ответ на него, в частности, заложен А.Н.Леонтьевым, который упоминал о психоанализе деятельности и индивидуального сознания в контексте «жизненной психологии» или психологии переживания (Леонтьев, 1983: 185-186). Он отмечал необходимость ввести в психологию единицы анализа, несущие в себе психологическое отражение опосредствуемых моментов человеческой деятельности (Леонтьев, 1983: 100). Исходя из нашей психологической работы, такой универсальной единицей может быть «содеянное» и «дело». Тогда дальнейшее развитие деятельностного подхода в практической психологической работе вполне можно представить как психологический анализ «содеянного» и «дел». «Содеянное» здесь выступает как результирующая производная деятельности и постижения смысла «дефектов» жизненного мира человека, имевших место в прошлом. О психологическом анализе «дел» может идти речь в случае продуцирования смысла, направленного на перспективу развития человека и его жизненного мира.

Некоторые признаки такого «анализа» проявились в процессе «духовно-природной психотерапии» и последующих нескольких лет индивидуальной и групповой психологической работы. Это, в свою очередь, позволило обозначить в виде основного ориентира ДЖ-самоопределение и соответствующую психосоциальную технологию. Но такой «анализ» пока не вписывается в рамки традиционной психологической и акмеологической науки и практики, поскольку уходит далеко в жизненные феноменологические, духовные пространства. Оказывается, что в результате «содеянного», а также его последующего осмысления и осознания человек приходит к новому мировосприятию, расширению своего жизненного мира. В

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения этих ситуациях практическая психологическая работа протекала в основном на уровне интуиции и чувственного восприятия. При этом человек «видел» наиболее важные и ключевые ситуации всего ранее «содеянного», что имело отношение к его психологической проблематике. Причем, эти ситуации часто располагались в жизненном мире далеко за рамками актуального жизненного времени человека и были связаны с другими людьми, обычно родителями, и еще далее уходящими родовыми связями. Такое «видение» было трудно отнести к какой-то модальности. Можно с достаточной уверенностью предположить, что это имеет отношение к гипотезе А.Н. Леонтьева, изложенной в его работе «Образ мира», о проявлении дополнительного «пятого квазиизмерения», основывающегося на смысловых связях и чувственном восприятии как мерности внутрисистемных связей предметного мира (Леонтьев, 1983).

В заключение логично резюмировать такую общую формулу сбалансированной человеческой жизни: что начинается со смысла, должно завершаться делом, и наоборот, что начинается с дела, должно наполняться соответствующим смыслом. То есть, для гармоничной сбалансированной жизни смысл и дело должны образовывать единое целое. Как оказалось, в своих рассуждениях о сущности смысла жизни С.Л.Франк, В.Франкл, Л.Н.Толстой и другие ученые, философы, мыслители независимо друг от друга отмечали две формы его существования, которые можно обозначить как «смысловая» (разумная) и «действенная» (интенциональная). Суть состоит в том, что смысл нужно не только находить и познавать, но еще реализовывать и творить (осуществлять). Тогда это «смысло-действенное» житнетворение можно разделить смыслопостижение и смыслообразование (смыслотворение). Это означает, что смысл должен быть не только понят, но и отрефлексирован. Смысловая составляющая сконцентрирована в мозге и поддается научному исследованию и описанию, она подвластна интеллектуальным процессам человека. Действенная составляющая, поддающаяся только рефлексии, сконцентрирована в душе и лишь отчасти подвластна человеку в той мере, насколько он способен к развитию и окультуриванию (пайдейе) и работе (праксису) души. Это определяет

А. А Ткаченко

его связь с Другим. Обе эти составляющие есть суть сам Человек как целостность в его искомом понимании и естестве как перспективном представлении. «Другой» – это тоже составляющая Человека, которого еще нужно познать (или сотворить), где основным инструментом является душа. Возможно, нечто подобное подразумевал Г.И. Челпанов в своей работе «Мозг и душа» (Челпанов, 1994)

2.3 «Дело жизни» и поступок

Научное обоснование поступка, как психологического понятия, началось еще в середине прошлого века попытками вписать его в концептуальные системы теории деятельности С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым. С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 2002) рассматривал поступок как действие, которое воспринимается и осознается действующим субъектом как общественный акт, выражающий отношение человека к другим людям. Это единство в деятельности внешнего и внутреннего на основе начальных мотивов ради конечной цели личности, когда поступки и переживания во взаимопроникновении образуют единство жизни и деятельности человека. А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 1994) понимал поступок как особенный вид волевых действий надпороговой ситуативной необходимости, требующих внутренних усилий, когда они входят одновременно в две разные деятельности на основе аффектных противоположных мотивов с подчинением одного другому. В отличие от них В.А. Роменец (Роменец, Маноха, 1998) отходит от рамок прокрустова ложа теории деятельности и предлагает принципиально отличный от деятельностного, поступковый психологический механизм, который мы рассматриваем как базовый в достижении человеком своего высшего предназначения. В.А.Роменец отмечает, что на протяжении индивидуальной жизненной истории отдельные признаки поступковой активности генерализируются в общую модель поступкового деяния личности, которая постепенно формируется, развивается и видоизменяется. Это динамическое образование заявляет о себе с момента рождения человека, являющегося его первым поступком. Каждый следующий поступок отличается от предыдущего уровнем проникновения в сущность

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения вещей, таким образом формируется ДЖ-формат человеческого бытия и механизм его существования. В таком представлении научное обоснование психологии поступка нас непосредственно приближает к определению сущности движущей силы осуществления дела жизни благодаря поступковому психосоциальному механизму.

Советская психологическая наука сначала определяла поступок как социально оцениваемый акт поведения, побуждаемый осознанными мотивами, совершающийся в соответствии с принятыми намерениями, социальными требованиями, этическими и правовыми нормами. Поступки оцениваются как нравственные или безнравственные, честные или нечестные, героические или трусливые и т. п. (Психологический словарь, 1983). Несколько позже поступок уже определялся как сознательное действие, акт нравственного самоопределения человека, в котором он себя утверждает как личность в своем отношении к другому человеку, себе самому, группе или обществу, природе в целом, как основная единица социального поведения, когда проявляется и формируется личность по определенному плану действий на основе сознательно выбранных намерений. Здесь важным становится нравственный смысл, а само действие является способом существования в ситуации, которая включается в нравственные общественные отношения (Психология. Словарь, 1990).

В последнее время, по мнению Д. А. Леонтьева (Леонтьев Д., 2006), психология поступка привлекает интерес психологов-теоретиков, взгляды которых объединяет, наряду с приданием большого значения ценностной нагрузке этого понятия, определение его через соотнесение с более «высокой» разновидностью действия и/или с сущностным проявлением личности. В то же время это не произвело заметного влияния на его дальнейшее исследование (Петухов, Столин, 1989; Зинченко, 1997; Соколова, 1999 и др.). Сам Д.А. Леонтьев определяет поступок как осознанное ответственное действие, основанное на личностной причинности в измерении продвижения на личностном пути (не следует путать с понятием «жизненного пути»). Здесь чувство пути представляется существенной компонентой смысла жизни, позволяющей лишь

А. А Ткаченко

ощущать «правильность» конкретных шагов, решений, поступков и отличается от чувства цели или направления движения, где они заданы в целом. Большая часть действий, не являясь поступками, индифферентны к этому пути и не способствуют личностному развитию. В целом, поступок предстает как действие, не вписывающееся в традиционные схемы психологической причинности, но требующее признания причинности иного рода, опирающейся на ответственность. (Леонтьев Д., 2006).

Более плодотворно глубокий и детальный анализ понятия поступка можно провести на основе философских работ, открывающих путь к пересмотру традиционной психологической парадигмы в сторону введения идеи сознательного выбора и ответственности. В русском языке этимология термина «поступок» связана со словом «ступать» как продвижение по некоторому пути субъекта как личности, в отличие от действия, приближающего к цели (Леонтьев Д., 2006). В украинском языке поступок понимается как «учинок» (действие). В польском языке это же выглядит как «postupowanie» («делание»). В то же время К. Войтыла (Войтыла, 2003), говоря о поступке, употребляет понятие на польском *uczynienie* («учинение»). Экзистенциальная и сущностная сплоченность личности с поступком в польском языке выражается оборотом «spełnianie czynu», где слово «spełniać» понимается как совершать, исполнять, довести до пол-ноты, когда делается акцент на самостановлении, содержательный смысл которого состоит в совершении. На основные европейские языки это понятие вообще непереводимо. Такое неоднозначное отношение традиционной научной психологии к поступку можно объяснить неспособностью принять образ человека как сознательного субъекта, находящего в мире основания для своих ответственно выбираемых действий, а не просто управляемого различными механизмами.

В начале XX века к этому пришел М.М. Бахтин, понимавший поступок как действие, не обусловленное данными в ситуации побудительными силами и причинами, но подверженное ее трансцендентному влиянию благодаря активной роли «участного сознания», «живой единственной историчности», «ответственно поступающего мыслью» как аналогов «субъекта» (Бахтин, 1986;

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения Микешкина, 2002). Очевидно, именно М.М. Бахтиным (Бахтин, 1986) были заложены теоретические основы научного понимания поступка на философско-психологическом уровне в контексте ответственности, нравственности, двойной сущности в содержании и свершении, которые следует анализировать с максимальным приближением к бахтинским оригинальным текстам.

Об ответственности М.М.Бахтин говорит в контексте долженствования, активности, волеизволения. *Долженствование рассматривается как некая установка сознания и своеобразная категория поступления-поступка. Великий символ активности представляется в явлении Христа, ибо мир, откуда Он ушел, становится принципиально иным. Активно вживаясь в такую индивидуальность как самоотречение и бытие-событие свершение, я ни на один миг не теряю себя и своего единственного места. Пассивное вживание есть потеря себя, поэтому не имеет ничего общего с ответственным актом-поступком. Обосновать поступок в его действительной совершенности может только содержательно-смысловая значимость, обусловленная божественным волеизволением, где есть верные моменты: 1) поступок должен быть абсолютно не случаен (понимаем как «закономерную случайность» - авт.), 2) абсолютная принудительность, категоричность долженствование для меня. При этом воля-поступок создает закон, умирающий в своем продукте (понимаем как творение духовного продукта - авт.). Ответственность поступка есть учет в нем смысловой значимости как фактического свершения во всей его конкретной историчности и индивидуальности, где теоретическая значимость, историческая фактичность и эмоционально-волевой тон фигурируют как моменты единого решения, плана и принципа. Ответственный поступок есть осуществление решения уже безысходно, непоправимо и невозвратно; это последний итог, всесторонний окончательный вывод; в своей ответственной мотивации он соотносит и разрешает в едином, единственном последнем контексте смысл и факт, общее и индивидуальное, реальное и идеальное. В своей целостности ответственный поступок более чем рационален. Поступок, взятый извне как*

А. А Ткаченко

физиологический, биологический и психологический факт, может представиться стихийным и темным как всякое отвлеченное бытие. Ответственно поступающий (поступок изнутри) знает ясный и отчетливый свет, в котором и ориентируется. Конкретная правда события, которую видит, слышит, переживает и понимает поступающий в едином акте свершения ответственного поступка, может отчетливо и ясно высказаться. Но для выражения поступка изнутри нужна вся полнота слова в единстве содержательно-смысловой (слово-понятие), наглядно-выразительной (слово-образ), эмоционально-волевой (интонация слова) составляющих. Такое полное ответственно-значимое, но не субъективно случайное слово может быть правдой. Ответственный поступок основан на признании должествующей единственности (понимаем как высшее предназначение человека – **авт.**). Это и есть основа действительной данности-заданности жизни как утверждение «не-алиби в бытии». Это означает, что человек не имеет нравственного права на «алиби» (уклонение от той особой ответственности, какой является реализация его единственно неповторимого «места» в бытии, чем должна явиться вся его жизнь). «Не-алиби в бытии» есть основа действительной нудительной данности-заданности жизни, превращающей пустую возможность через эмоционально-волевое отнесение к себе как активному в ответственный действительный поступок. Это позволяет войти в бытие именно там, где оно не равно себе самому - войти в событие бытия. Между тем внутри каждого человека сидит услужливый «авгур», готовый дать отсрочку или даже позволить «проспать» всю жизнь. Он может сидеть в подсознании и контролировать всю нашу жизнь или выходить оттуда и воплощаться во вредителя, создающего все мыслимые и немыслимые преграды, уничтожая то самое предназначенное. Такая его деятельность «разоблачается» в психоанализе З.Фрейда. Психология, которая роковым для нее образом ориентирована на пассивно переживающего субъекта, не должна вводить в заблуждение. Момент свершения мысли, чувства, слова, дела есть активно-ответственная моя установка – в контексте действительной единой и единственной жизни. В основе единства ответственного сознания лежит факт действительного

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения признания своей причастности к единому бытию-событию, где описан и участно пережит исток поступка. Я емь во всей эмоционально-волевой, поступковой полноте этого утверждения, и действительно емь, в целом и обязуюсь сказать это слово, и я причастен бытию единственным и неповторимым образом, я занимаю в единственном бытии единственное, неповторимое, незаместимое и непроницаемое для другого место. И вокруг этой единственной точки располагается все единственное бытие единственным и неповторимым образом. Единственность наличного бытия принудительно обязательна. Этот факт «моего не-алиби в бытии» лежит в основе самого конкретного и единственного долженствования поступка.

Акт-поступок эстетического видения возвышается своим продуктом над всяким эстетическим бытием и входит в иной мир как действительное единство события-бытия.

Подобно смыслу, поступок расколот на объективное смысловое содержание и субъективный процесс свершения. Из первого осколка создается в своей строгой ясности системное единство культуры, из второго можно в лучшем случае выжать и принять некое эстетическое и теоретическое нечто вроде *elan vital* (жизненной энергии). Но ни в том, ни в другом мире нет места для действительного ответственного свершения-поступка. Неосновательным и принципиально безнадежным является ориентация философии единого и единственного бытия-события на содержательно-смысловой стороне, объективированном продукте, в отвлечении от единственного действительного акта-поступка и автора его, теоретически мыслящего, эстетически созерцающего, этически поступающего. Только изнутри действительного поступка, единственного, целостного и единого в своей ответственности, есть подход и к единому и единственному бытию в его конкретной действительности, только на нем может ориентироваться философия такого же бытия-события. Поступок не со стороны своего содержания, а в самом своем свершении как-то знает, как-то имеет единое и единственное бытие жизни, ориентируется в нем, имея свой смысл и свой факт, осуществляя единственную правду и

А. А Ткаченко

факта и смысла в их единстве. Разделение поступка на его объективный смысл и субъективный процесс свершения условно, поскольку внутри самого поступка в его целостности нет ничего субъективного и психологического. В своей ответственности поступок задает себе свою правду как объединяющую оба эти момента, равно как и момент общего (общезначимого) и индивидуального (действительного). Действительное поступающим есть эмоционально-волевое, интонирующее мышление, и эта интонация существенно проникает во все содержательные моменты мысли. Эмоционально-волевой тон обтекает все смысловое содержание мысли в поступке и относит его к единственному бытию-событию. Эмоционально-волевой тон утверждает смысловое содержание, как некая должная установка сознания, нравственно значимая и ответственно активная, превращает возможность в действительность осуществленного поступка, поступка-мысли, чувства, желания и пр. Инициатива поступка по отношению к смыслу не может быть случайной и образуется в мире безысходной действительности, а не случайной возможности.

Современный кризис в основе своей есть кризис современного поступка в результате образовавшейся бездны между мотивом поступка и его продуктом, где деньги могут стать его мотивом, создающим нравственную основу внутри его самого. Поступок, отпустивший от себя теорию, сам начинает деградировать. Только как поэт, как ученый я объективен и духовен, т.е. только внутри созданного мною продукта должна строиться моя духовная биография. Отсюда вырисовывается чрезвычайная сложность продукта и элементарная простота мотива.

Анализ различия деятельности (понимаем как различия в производстве материального и духовного продуктов - **авт.**) устанавливает принципиальный раскол между содержанием-смыслом данного акта-деятельности и исторической действительностью его бытия. Реален только акт в его целом, когда встают друг против друга два мира, абсолютно не сообщающиеся и не проницаемые друг для друга: мир культуры (понимаем как духовный мир - **авт.**) и мир жизни (понимаем как материальный мир

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения - **авт.**), единственный мир, в котором мы творим, познаем, созерцаем, живем и умираем, в котором объективируется акт нашей деятельности (понимаем как личностный мир человека - **авт.**). Нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяют бы по отношению к одному-единственному единству. Вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок: я поступаю всей своей жизнью, каждый отдельный акт и переживание есть момент моей жизни-поступления.

Оценка значимости суждения – необходимый момент в составе поступка, безукоризненная техническая правильность поступка еще не решает дело о его нравственной ценности. Потому, поскольку я мыслю, я должен мыслить истинно. Искать действительный познавательный акт-поступок в оторванном от него смысловом содержании – то же самое, что поднять самого себя за волосы. Отвлеченное от акта-поступка смысловое содержание можно сложить в некое единое бытие, которое принципиально чуждо живой историчности. Менее всего в жизни-поступке я имею дело с психическим бытием. Из акта-поступка есть выход в его смысловое содержание, которое целиком приемлется и включается изнутри этого поступка, ибо поступок действительно свершается в бытии. Это единственное бытие-событие уже не мыслится, а есть в акте моего поступка-познания, оно переживается, утверждается эмоционально-волевым образом (Бахтин, 1986).

Очевидно, в контексте ДЖ-подхода анализ понимания поступка М.М. Бахтиным сводится к «не алиби в бытии», когда человек не имеет нравственного права на уклонение от реализации его *единственно-неповторимого* «места» в бытии, от *неповторимого* «поступка», каким должна явиться вся его жизнь. При этом речь идет прежде всего о творении духовного продукта «для Другого» как второй функции дела жизни.

В середине XX века К.Войтыла в контексте понятия поступка делает акцент на личном самостановлении, содержательный смысл которого состоит в совершении («я совершаю поступок»). Самосохранение (выживание) и самостановление (развитие) личности

А. А Ткаченко

происходит параллельно, но как бы в противоположных направлениях, приводя к конечной полноте структуру человеческой личности как самообладания и самогосподства, на которой зиждется нравственность как экзистенциальная реальность, благодаря которой происходит проникновение во внутренний строй человека как личности и обретает в нем свою стабильность. Именно в личности кроется живой корень нравственности, в реальности вне совершения и самореализации в поступке ее нет. Поступок рассматривается как внутренний и непреходный результат причинности. Условие личностной нравственности и этический критерий видится как самореализация личности через поступок и в поступке, что является призванием человека. На поступке зиждется истинность совести как основы трансценденции и самореализации личности. При этом личность видится как субъект, а сам поступок предстает как результат ее причинности, соединяющий в себе внешнее и внутреннее, переходное и непреходное, содержащее некую интенциональную ориентацию на определенные объекты или на группу объектов за пределами личности. В то же самое время поступок силою самостановления проникает в субъект, в «я», которое является его первым и основополагающим объектом, является развивающейся действительностью в измерениях внешнего мира человеческой деятельности и внутреннего мира личности. Относящийся к нему результат, объясняющийся причинностью самостановления личности, вовлеченной в свободу, стабильней его самого. Подобное опредмечивание происходит в нравственности, где посредством морально хорошего или морально плохого поступка сам человек как личность становится морально хорошим или морально плохим. Открывается путь к адекватной интерпретации совести через самореализацию личности через поступок. Человек реализуется как личность, но может реализоваться, а может, в известной степени, и не реализоваться. Аксиологически это совершается только через добро, но посредством нравственного зла оно отчасти является нереализованным (Войтыла, 2003).

В контексте ДЖ-подхода анализ понимания поступка К. Войтылой сводится к «я совершаю поступок» как самоопределение, самостановление, саморазвитие, содержательный смысл которого

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения зиждется на нравственности как экзистенциальной реальности, благодаря которой происходит проникновение во внутреннюю сущность человека как личности. При этом речь идет прежде всего о творении духовного продукта «для себя» как первой функции дела жизни

Наиболее полно это понятие в психологии было развито до уровня оригинальной категории В.А Роменцом в конце XX века в контексте истории психологии (Роменец, 1983; Роменец, 1989; Роменец, 1990, 1995, 1998, 2000, 2001, 2002). Он отмечал, что в современной отечественной психологии не предусматривалась сама возможность существования какой-то фундаментальной объединяющей концепции. Она завершилась деятельностным подходом, «формула» которого ограничивается только деятельностью в порождении, проявлении, построении признаков психического. Культурно-историческая концепция психологического развития (Л.С.Выготский) основана на «формуле» зависимости развития психики от социальных условий, когда психическое является тем же «материальным», превращенным в идеальное. Онтологизация субъекта деятельности (С.Л.Рубинштейн) определяется «формулой», предусматривающей способность человека к самореализации своей изначальной сущности в объективных продуктах субъективного творчества, когда история и культура переходят из детерминант в разряд условий, а деятельность находит своего Хозяина. Поступковое направление в истории стало поистине человеческим. Согласно М.М. Бахтину, в поступке и через него человеческая душа обретает изначальную природную целостность. В поступковом механизме раскрывается сущность психического развития. Он формируется как психолого-этическая целостность, соединяющая субъективное и объективное как трансценденция в новые жизненные измерения согласно общей формулы «не-алиби в бытии».

«Формулы» поступка по В. А. Роменцу (Роменец, Маноха, 1998) выглядят как: 1) ключевая ячейка бытия, проявляющаяся в активном творческом взаимодействии человека и мира; 2) средоточие бытия (всеобщий поступок), где человек и мир представляются зависимыми феноменами; 3) результат

А. А Ткаченко

взаимоперехода личности и макрокосмоса в творческом акте; 4) основное звено, ячейка любой формы человеческой деятельности; 5) определение поступкового действия и последействия как обобщенного коммуникативно-творческого акта между человеком и миром.

Большая логика поступка рассматривается как: «ситуация – мотивация – действие – последействие». Ситуация – это высший уровень единения среды и человеческих страстей, определенная пространственно-временная конфигурация сил, смыслов, действий, создающихся в активном соучастии бытия различных сущих. В своей основе она проявляет двойственность фаталистического и магического значений. Для античного мира было непримиримым противостояние богов и людей. В истории на ситуативном принципе организуется мифологический период, древний мир и средние века.

Мотивация (борьба мотивов) – это механизм превращения ситуации. В истории здесь характерна эпоха Возрождения, Барокко, Просвещения, Самоопределения человека.

Идея поступкового действия включает средство и цель как инструмент адаптации к среде. Как цель – это творчество, обогащение личности, ее жизненный творческий путь как смысл жизни, состоящий в самоопределении и самотворении. Поступковое действие включает такие этапы как: 1) подготовительный (определяется ситуацией); 2) осуществление (определяется поводом); 3) завершение (происходит беспроблемно). Поступковое действие, рассматриваемое как героизм, предусматривает: подвиг (принудительный отчужденный от человека, самопожертвование); мученичество (отличается от самоистязания); творчество. В истории здесь характерны XIX-XXв.в. Особенность XX века состоит в жертвенности во имя великих, но отчужденных от человека целей, когда жизнь остро ставит вопрос связи судьбы и культуры.

Последействие (рефлексия) – объясняет «совесть поступка», а так-же идею кармы, психологию самонаказания, перенесение вины на другого, раскрытие полного порочного круга моральных отношений. Его сверхзадача состоит в ликвидации антагонизма между подсознательными и сознательными установками. Общая структура последействия выглядит как: интериоризация-катарсис-экстаз (или

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения (преображение). Интериоризация - это переход межличностных отношений во внутренний план сознания (в себе бытие). Катарсис - очищение души через угнетение или репрессию, компенсация неудовлетворения, сверхкомпенсация - рассматривается как первый, этический и эстетический механизм. Субституция - подмена одного события или предмета другим – рассматривается как второй механизм (обычно используется в магии как форма отрицания предмета). Экстаз или преобразование - это слияние человека в духовном взлете с высшей сущностью, бытие «вне себя», включающее 1) эмпатию как представление себя на месте другого: 2) энтузиазм, вдохновение; 3) эмпатию как порождение из Единой Мировой Души; творчество. Это третий, высший механизм, когда человек приходит к себе после большого круга поисков.

В этом контексте проявляется механизм осуществления дела жизни. Очевидным является то, что таковым не может быть психологический механизм, предусмотренный теорией деятельности как реализация дела. Он должен базироваться на психологической концепции поступка, которая построена на иных, «высших» принципах. Следует отметить, что лишь высоконравственный поступок приводит к выполнению дела жизни. Если человек поступает аморально, он тем самым готовит почву для высоконравственного поступка, - накапливает «массив страданий», который потом придется отрабатывать на протяжении соответствующей практики. Жизненный опыт свидетельствует, что поступать аморально намного легче, чем потом это исправить высоконравственным поступком, что может быть невозможным в актуальной жизни самого человека, тогда это придется осуществлять его потомкам.

В основе поступка лежат две причины: внутренняя, коренящаяся в человеке, и внешняя, связанная с Миром и Вселенной, потому его не всегда можно запланировать. Не всякий поступок направлен на достижение высшего предназначения человека, что обусловлено детерминацией между делом и делом жизни. Специфика поступковой коммуникации заключается в укоренении в социум и человеческую духовность. Самым главным критерием поступка

А. А Ткаченко

является развитие души и продуцирование духовного продукта, то есть выполнение дела жизни, где субъектами поступковой активности могут быть Человек, Человечество, Природа, Вселенная, Дух. Социально-психологический механизм поступковой активности объясняется через продуцирование духовного продукта благодаря деяниям личности, когда она делает свой вклад в развитие других людей («продолжение себя в других»), что в конечном итоге становится взносом в самого себя, собственную душу, дух. Осуществление поступка рассматривается как нетривиальное событие в жизни, духовный рост, преобразование, установление новых отношений с миром.

Поступок как и смысл жизни больше принадлежит субъекту, то есть человеку, принимающему окончательное решение относительно овладения тем или иным смыслом или совершения того или иного поступка. Дело жизни больше принадлежит объекту, то есть жизни, Миру, Вселенной, поэтому человек уже не может выбирать, выполнять его или не выполнять. Но это не является фатальным, и человек может определять способ выполнения, куда входит и уклонение от такового. Но, если дело жизни выполняется не должным образом, человек получает возможность пережить тяжелые психологические и соматические страдания. Поэтому, одной «мерой» выполнения дела жизни есть «масса страданий», которые человек психологически отработал, то есть осознал и трансформировал в индивидуальный и общественный опыт (тем самым развил, воспитал «окультурил» свою душу). Второй такой «мерой» есть «масса духовного продукта», определяемая «другим» (внешним потребителем) и объективно оценивается позитивными изменениями в жизни человека.

Основной «мерой» поступковой активности (производительности) является уровень риска и самоотверженности (Роменец, Маноха, 1998; Основы психології., 1995), тогда как «мерой» необходимого овладения смыслов в жизни есть степень выражения «экзистенциального вакуума» (Франкл, 1990).

Таким образом, научное обоснование психологии поступка нас непосредственно приближает к определению сущности движущей силы выполнения дела жизни, основой которого является

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения поступковый механизм. Исходя из общей логики соотношения «дела» и «дела жизни», таковым не может быть психологический механизм, представленный в теории деятельности, который, скорее, мог бы ориентироваться на выполнение «дела». По нашему мнению, такой механизм базируется на психологии поступка. Поэтому заслуживает внимания следующий тезис-утверждение: если выполняется дело жизни, тогда ведущим в жизни человека является психологический механизм поступка; но, если у человека в жизни ведущим является психологический механизм поступка, это еще не означает, что он гарантировано выполняет дело жизни, потому что к этому приводит не всякий а лишь *высоконравственный* поступок.

Согласно В.А. Роменцу, поступок рассматривается как коммуникативный акт между личностью и миром, реально-практическая структура которого включает ситуативный, мотивационный, действенный и последственный компоненты; универсальная и единственная в своем роде ячейка человеческой деятельности, выражающая способ существования человека в мире, является постоянно действующим фактором исторических форм прогресса; средство и цель исторического продвижения человечества; единица бытия, пребывающего в постоянном развитии; универсальный механизм самовоспроизведения бытия, где человек является сознательным носителем этого механизма; универсальное средство самопроявления, самоусовершенствования, самосозидания и самоутверждения, присущее человеку, социальной группе, культуре; завершенная индивидуальная ценность; феномен, выступающий бытием сущего, обыденности, истины, красоты, добра, экзистенции, самопознания; деятельное звено творческой коммуникации (интуиции, фантазии, мышления и т. п.).

Далее выделим основные проявления психологического механизма поступка в контексте «дела жизни». В основе поступка лежат две при-чины: внутренняя, находящаяся в человеке, и внешняя, связанная с «Богом», поэтому его не всегда можно запланировать. Поступок и осуществляет и не осуществляет предназначение человека (понимаем как «дело жизни» - **авт.**), поэтому необходимо разрешение противоречия универсальности и индивидуальности через

А. А Ткаченко

перманентность активности поступка, где действует двойная детерминация и логика (понимаем как психологический механизм дихотомии между «делом» и «делом жизни» – авт.).

Специфика коммуникации поступка заключается в укоренении в социуме человеческой духовности. Самым главным критерием поступка является творение нового, где субъектами активности могут быть Человек, Человечество, Природа, Вселенная, Дух (понимаем как механизм производства «духовного продукта»). Социально-психологический аспект активности поступка объясняется через поступковое действие, понимаемое как «деяние» (производство духовного продукта как «одухотворение» другого), когда личность более-менее целеустремленно делает свой взнос в развитие других людей и речь идет о «продолжение себя в других». Поступок «для других», рано или поздно опосредствованно становится поступком «для себя», взносом в самого себя, собственную душу, дух (понимаем как механизм выполнения дела жизни «для себя»). Осуществление поступка рассматривается как событие в жизни, духовный рост, преобразование, установление новых отношений с миром. В истории и развитии человечества действует принцип поступка, согласно которому через поступок человек творит свой жизненный мир и себя в этом мире (понимаем как психологический механизм двойственного подхода к определению сущности дела жизни).

Поступковыми деяниями личность постепенно формируется, развивается и видоизменяется. В течение индивидуальной жизненной истории отдельные признаки такой активности личности генерализуются в общую модель поступковых деяний. Движению поступка «вширь» противостоит движение «вглубь» бытия. Каждый следующий поступок человека отличается от предыдущего уровнем проникновения в сущность вещей. В индивидуальном бытии личности пересекаются признаки общественной и индивидуальной истории бытийного деяния (Роменец, Маноха, 1998). Все это понимаем как общую сущность психологического механизма «деложизненной» направленности человека.

Резюмируя взаимосвязь дела жизни и поступка, приходим к следующему. С одной стороны, дело жизни, обусловленное высшей целью – это субъективизация высшего предназначения в постижении

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения Идеальной/Богopodobной Личности. С другой стороны - это поступковое действие (безнравственное или высоконравственное), являющееся результатом свободного выбора человека (Гумилев, 1989), включающее такие этапы (по В.А. Роменцу): 1) подготовительный как ожидание благоприятной ситуации; 2) осуществление действия; 3) завершение действия. В нашем понимании этапы осуществления дела жизни выглядят как: 1) подготовка к осуществлению дела жизни; 2) попадание в ДЖ-формат; 3) удержание в ДЖ-формате; 4) осуществление дела жизни как такового.

Отсюда *дело жизни* в соотношении с *поступком* может рассматриваться одновременно как: 1) *самостоятельная категория*, субъективизирующая высшее предназначение человека и определяющая правильную и праведную направленность развития личности в жизни и духе, - при этом поступок и поступковый механизм функционирует в ДЖ-формате как укорененный в его сущности и является обеспечивающим в достижении высшего предназначения; 2) *существенный (но не единственный) признак поступкового действия*, - в этом случае поступок и поступковый механизм является самодостаточной и самооценностной структурой, функционирование которой обуславливается обеспечением осуществления дела жизни.

Достижение высшего предназначения, как полноформатное осуществление дела жизни, состоит в их единении. Тогда «дело жизни» одновременно является целью и функцией, обеспечивающей ее достижение, выступая как укореняющее в себе сущность поступка в виде особого действия (деяния), благодаря чему поступковый механизм единственно способен обеспечивать стремление личности к достижению высшего предназначения. При этом цель определяется Другим как Идеальная/Богopodobная личность, функция определяется самим человеком как ДЖ-методология и ДЖ-практика достижения этой цели. Тогда ДЖ-личность в своей сути содержит вектор-цель развития человека в сторону Идеальной/Богopodobной и определяется духовной феноменологией христианского постулата Троиинства, а ДЖ-методология и ДЖ-практика в своей сути содержат функцию как

А. А Ткаченко

поступковое действие (деяние), которая определяется феноменологией поступка.

Получаем два различных смысловых процесса, отражающих смыслообретение (смыслопостижение) и смыслообразование. Смыслообретение осуществляется на основе деятельностного и поступкового механизмов согласно целеполаганию личности в соответствии с потребностью в самосохранении. Смыслообразование осуществляется на основе поступкового механизма, взращивания и окультуривания души в соответствии с необходимостью развития и достижения высшего предназначения в интересах Другого. В этом состоит сущность процесса наполнения Разума путем творения духовного продукта.

В завершение представим авторское видение понятия поступка в формате ДЖ-подхода, связав его с общей формулой духовного воспроизводства, наиболее полно отражающего взаимоотношение человека с духовным миром. При этом полагаем, что взаимодействие человека с материальным миром осуществляется на основе деятельности.

Как уже было отмечено: структура ДЖ-формата рассматривается как подготовка-попадание-удержание-выполнение; структура поступка рассматривается как подготовка-ситуация-мотивация-действие (поступковое) - последствие; структура духовного производства рассматривается как «вразумление – одухотворение - вразумление*», или же как «смыслообретение – одухотворение – смыслообразование». Рассмотрим их в смысловой логике соотношения поступка и дела жизни. Очевидно, что духовное производство осуществляется благодаря поступку в ДЖ-формате, когда дело жизни и поступок приобретают общую функцию, понимание и смыслонаполнение. Можно сказать, что поступок (как действие) в ДЖ-формате наполняется смыслом и приобретает характер осуществления дела жизни. Он становится осмысленным (смыслонаполненным) поступком, это поступок-действие, влекущее к смыслообразованию. В деле жизни поступок обретает свою искомую сущность, завершённую функцию как основу духовного производства – наполнение и приращение разума.

В структуре ДЖ-формата это выглядит следующим образом.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

На этапе *подготовки* они едины, с той лишь разницей, что в случае поступка речь больше идет о подготовке к действию, а в случае дела жизни - к осмыслению действия. Происходит накопление необходимых жизненных смыслов путем их постижения.

На этапе *попадания* случайно-закономерным образом возникает жизненная ситуация, детерминированная из вне, в которой происходит ее смысловое принятие как должного, как необходимого требования, обеспечивающего ДЖ-установку, ДЖ-самоопределение и адекватность личности и жизни в целом. Для этого необходимо, как минимум, уже накопить базовые жизненные смыслы и актуализировать главный жизненный мотив необходимости, когда функция целеполагания принадлежит «человеку духовному». В определенной степени такая ситуация обуславливается и предопределяется уровнем постижения жизненных смыслов, формирующих адекватную личность в «поле правды». По мере их накопления человек и его психика становятся субъективно готовыми к действию, способному его погрузить в пучину «одухотворения» как своеобразное испытание на духовность и соответствие духовному миру для последующего наполнения разума.

Этап *удержания* осуществляется благодаря актуализации главного жизненного мотива необходимости, актуализирующего ДЖ-самоопределение. Решается проблема борьбы мотивов «потребности» и «необходимости», происходит переход от смыслопостижения к смыслообразованию, от накопления жизненных знаний и опыта к их реализации в добывании и творении новых знаний и опыта. Такой мотив открывает доступ к энергии ноосферы и космоса, обусловленных пассионарностью, в зависимости от ее содержания и степени сформированности соответствующей ДЖ-установки.

Этап *выполнения* соответствует поступковому действию и последствию, когда приобретает новое качество - «одухотворение». Такое действие (суть поступковое), отражающее движение, не может быть структурировано или предугадано. Это как «погружение в пучину», «движение в темноту», «шаг в пропасть» и т.д., где происходит переформатизация смыслов. Поступковое действие, как одухотворение, есть точка качественного перехода

А. А Ткаченко

постигнутых смыслов в иное, одухотворенное/вразумленное содержание. Именно действие, как суть одухотворения, не связано непосредственно с мозговой, но с душевной функцией, как моментом контакта с ноосферой. Посредством такого действия и происходит оценка на разумность и истинность постигнутых смыслов в процессе жизни и развития личности. Тогда чем больше личность одухотворяется, тем она более продуктивна в части духовного производства и тем интенсивнее и продуктивнее работает (праксирует) человеческая душа. Последствие (субституция, преобразование) состоит в завершении формирования смысла (разума) как продукта духовного производства. В этом случае снова актуализируется мозговая функция, накапливаются сотворенные смыслы, определяющие разумное развитие личности и человека в целом.

2.4 «Дело жизни» и душа

Понятие «дело жизни» является двояким и связано с двойственным подходом к пониманию души, фигурирующему еще в концепциях Платона и Аристотеля. Это выражается в отношении к ней как к предмету или объекту (душа как субстанция), и как к средству спасения, гармоничного взаимодействия с силами Космоса, целостного формообразующего начала, естественной деятельности тела, определяющего принцип его развития (душа как деятельность) (Шабельников, 2003).

Напомним, что «наука о душе» на уровне термина (от греческого *psuchilogoz*) была введена немецким философом Христианом Вольфом еще в XVIII в. как понятие «психология». В современной же психологии использование термина «душа» заканчивается на уровне объяснения перевода этого слова. Сейчас это понятие используется в различных отраслях общего психологического знания, а также в психологической науке для фиксации, описания, анализа структурных элементов человеческого отражения и взаимодействия человека с самим собой и с миром в реальности его бытия, что требует использования понятия души (Минаева, 2005).

Еще в начале 90-х годов прошлого века Б.С. Братусь отмечал, что в психологии необходимо переходить на какой-то новый образ мышления, искать новую парадигму, одной из которых является

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения гуманитарная, построенная на представлении о символичности психологических построений, обладающих мощным потенциалом мифотворения и мифовоплощения. По мнению Б.С. Братуся, одной из главных причин нынешних проблем является отвержение ученым миром «гипотезы Бога», а церковью, - науки как занятия неблагочестивого, что привело к драматическому расщеплению единого дерева христианской культуры. Необходим переход, особенно в психологии личности, от гуманитарной парадигмы к парадигме эсхатологической, которая бы исходила из представлений о предельных, конечных смыслах бытия человека, его роли и назначении в этом мире и рассматривала бы психическую жизнь не как многовариантность возможных исходов мифотворения, а как реальный процесс боговоплощения в подобии Христу (Братусь, 1993).

В начале нынешнего века Б.С. Братусь в контексте поиска сущности психологии как науки о психике или душе отмечал, что постижение этих тайн возможно не в психологии, а прежде всего в богословских трудах, художественной литературе, жизнеописаниях. Термин «психология» (слово о душе) сторонники научного познания понимают как «науку о психическом отражении мира». В одном случае психология понимается как «душесловие», что в практике относится к «душепопечению» как «спасению» души (в богословском понимании), где в основу положена высшая цель и главное состоит в том, куда человек стремится, о чем думает и помнит. В другом случае психология понимается как учение о психике, психических процессах и состояниях, целью которого является «развитие» личности, когда основной акцент сделан на средствах достижения цели, эффективности функционирования его психики. Необходимо соединить эти разные психологии как «слово о душе» и «науку о психике», чтобы жизнь осуществлялась не в потемках, когда легко спутать добро и зло, а обретала ориентацию на высшее измерение и предназначение человека. Поэтому необходимо обратиться к истокам происхождения психологии, где изучаются разные стороны и проявления единой души человека. «Возвращение души» Б.С. Братусь связывает прежде всего с восстановлением полноценной картины человека в нашей культуре как образа и подобия Божьего,

А. А Ткаченко

постоянным трудом души как работой и подвигом всей жизни, что и есть смысловой сутью развития человека, соединения его со своей сущностью, когда психика получает свое место, необходимое и значимое. Тогда психология получает свое оправдание и высший смысл. Для этого научная психология должна признать факт существования высших проявлений души и конечного смысла развития человека, а умозрительная психология (душесловие) не должна забывать о реальных процессах соприкосновения души с конкретным, сегодняшним миром, законах развития и силе психического. Обе психологии изучают это «двойное бытие» на грани человеческой жизни и смерти. В противном случае легко впасть в гордыню, прелесть и иллюзию относительно своих духовных успехов, подобно монахам, «улетая в небо», или подобно ученым-психологам, придаваясь высокомерным осуждениям инакомыслящих (Братусь, 2000)

Довольно интересно подошла к вопросу о понятии души в психологии Н.С. Минаева. Она отмечает, что понятие души имеет целостную природу, не сводимую к какому-либо элементу психики; позволяет понять различие душевного и духовного начал в человеке, поскольку содержит идею воздействия на нее духа как подлинного бытия, созидающего экзистенцию человека; позволяет «индивидуализировать» психологию путем изучения индивида в конкретности его существования; выступает как некое объединяющее начало, единство сознательных образов и смутных переживаний и установок, формирующихся под влиянием бессознательного у отдельного человека, позволяя понять его как «производителя» и созидателя самого себя и мира путем его осмысления.

Если понятие психики может быть использовано для описания состояния субъекта в каждый данный момент, как пиковых переживаний человека, то понятие души связано с тем, каким образом человек переживает это состояние, что позволяет проанализировать процесс «работы души», основанный на переработке критических состояний на основании двух стратегий. Первая стратегия связана с усилиями души в переработке переживания, с принятием его как части биографии, получением личного знания и развития личности, которую мы понимаем как осуществление дела жизни. Вторая

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения стратегия связана с тем, что человек старается «забыть», отделить от себя свое же переживание, формируя некий виртуальный психологический «контейнер». Это приводит к нарушению целостности, в результате чего диссоциированная личность кардинально меняется, становится травмированной. Это можно сравнить с уклонением от «работы» души и осуществления дела жизни.

Выделяются следующие функциональные пары категорий, выражающие понятие души как сознание и бессознательное (противоположные полюсы души), а также субъект и объект. При этом взаимодействие сознания и бессознательного порождает пограничную ситуацию на стыке их взаимодействия, где подсознательное выступает как состояние, в котором размыты эти полюсы души. Другая пара противоположностей (субъект — объект) своим взаимодействием порождает возникновение деятельности. Противоположностью сознания в форме субъективного образа объективного мира выступает наличие некоего смутного переживания, предчувствия мира как бессознательной установки, как «бытие в форме объекта». Еще одной парой противоположностей, формирующих душу, выступает подсознание — деятельность. Содержание подсознательного включает в том числе и вытесненные формы, и результаты деятельности. И, напротив, содержание подсознания может способствовать и вызывать определенные виды деятельности человека в связи с работой его воображения, активизацией его памяти.

В душе осуществляется диалектическое взаимодействие сознания и бессознательного. Она выступает как тождество явной (образ) и имплицитной информированности человека о мире, и как представленное единство деятельностного (субъект) и страдательного (объект) мироотношения. Душа ощущается как внутреннее «я», «внутренний человек», как переживание внешних влияний мира и внутренних установок субъекта, вырабатывающих приемлемые, социально желательные образы мира и самого себя. Таким образом, душа человека понимается как некая связь между бытием и

А. А Ткаченко

существованием, «механизмом» извлечения смысла, формирования опыта жизни, знания самого себя и жизни.

Особого внимания заслуживают также понятия души народа, этноса, коллективной души. Душа народа, как «сверхиндивидуальная» душа, своим содержанием превосходит объем индивидуальной души. Понятие души позволяет представить ее как некое образование, связывающее человека и мир в его культурно-групповом существовании. Это культурное сообщество народа возможно лишь потому, что разум и дух выступают объединяющей их национальной идеей. Национальная душа является силой, формирующей индивида. Душа народа, согласно В. Вундту, существует как некая реальность, фиксированная в мифах, культурных, религиозных представлениях народа, выступающих предварительными условиями развития индивидуальной души.

Понятие души ставит в психологии задачу изучения жизни человека как освоения им мира и накопления опыта переживаний. Цельность жизни человека выступает как противоречие между пониманием и непониманием, возможной полнотой жизни и актуальной ее неполнотой, между душой и телом. Протекание же жизни реально связано с «жизнью души». Понятие «душа» может помочь в описании реализации человеком полноты жизни и его понимания этого процесса. Введение в научный оборот в психологии понятия души позволяет рассматривать различные пласты духовной и душевной жизни человека и как отдельного существа, и как человека в его связи с другими людьми в социальной материи жизни (Минаева, 2005).

В этом контексте лучше всего идею «работы души» выразил Вл. С. Соловьёв, отмечая, что Мировая душа, достигшая в человеке внутреннего соединения с божественным началом, перешедшая за пределы внешнего природного бытия и сосредоточившая всю природу в идеальном единстве свободного человеческого духа, - свободным актом того же духа снова теряет свою внутреннюю связь с абсолютным существом, в качестве природного человечества впадает во власть материального начала, в «работу тления», и только в безусловной форме сознания сохраняет возможность (потенцию) нового внутреннего соединения с Божеством. Божественная идея

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения является здесь душе как ее предмет и высшая норма, но не проникает в самое существо души (Вл. Соловьев, 1999).

На основании этого попробуем определить взаимоотношения между душой и делом жизни. Здесь душа - это точка-мгновение контакта дела и дела жизни, которое по своей глубинной сущности скрыто от сознания человека. Дело жизни не является сутью «душа» как субстанция или деятельность, - это причина (содееянное) и следствие (духовный продукт), или то, что находится до и после души, что ее формирует, взращивает, воспитывает, развивает, чтобы она в свою очередь творила духовный продукт, что в обобщении понимается как *работа души*. Благодаря научному и практическому пониманию категории «дело жизни» становится возможным без вмешательства в истинную суть души, обеспечивать ее развитие, воспитание, чтобы потом она могла творить духовный продукт, необходимый Миру и Вселенной. Таким образом, благодаря категории «дело жизни» психологическая наука и практика в рамках возможного и «позволенного» получает свой искомый предмет.

Сущность «дело жизни», независимо от способа его осуществления, также является двойственной. С одной стороны она заключается в развитии собственной души, как «производителя» духовного продукта – это выполнение дела жизни «для себя», своей *индивидуальной* души, своего собственного развития, становления и выживания. С другой стороны, она заключается в продуцировании («производстве») духовного продукта своей душой - это выполнение дела жизни «для другого» (Мировой души), что обеспечивает развитие и выживание всего общества. «Дело жизни» является духовным продуктом, единственным «производителем» которого выступает индивидуальная «душа», принадлежащая конкретному человеку, от которого зависит ее развитие и качество функционирования.

С «деложизненных» методологических позиций также должен существовать двойственный подход. Как *объект* «дело жизни» может исследоваться акмеологией в виде результата высших достижений (высшего проявления «дела»), отвечающих за формирование и развитие души и детерминирующихся качеством духовного продукта,

А. А Ткаченко

который она (душа) продуцирует. В этом случае содержательным предметом психологической/акмеологической практики является осмысление и превращение в продуктивный жизненный опыт так называемого «содеянного», - невротического жизненного «следа» человека.

Как предмет «дело жизни» рассматривается в виде духовного продукта (результата работы самой души) и должно исследоваться какой-то «новой» психологической наукой и психо-духовной практикой. Тогда объектом выступает основной потребитель такого духовного продукта – Другой (Мир и Вселенная). Осознание сущности духовного продукта по-является на основе понимания механизма взаимосвязи организации действия индивидуальной души между субъектом-исполнителем и субъектом-потребителем (Шабельников, 2003: 131). Именно функция субъекта-потребителя придает такому деянию векторную направленность, а также смысл и энергию.

«Дело жизни», - это причина («содеянное») и функция («духовный продукт») души. В этом контексте определенный интерес вызывает античная дискуссия философов и других представителей интеллектуальной элиты тех времен вокруг «пайдейи», в которой, в частности, Платон видел духовную основу, следствие и фактор перестройки государства через образование и одухотворение. В античной трактовке «пайдейя» рассматривалась как опыт духовного становления и душевного потрясения в самой сути человека; возвышение души к высшим уровням реальности как опыта духовного самоопределения; путь души к состоянию самоотношения всего сущего к собственной мере; способ превращения специализированных знаний в непосредственную духовную производственную силу самосознания (Нысанбаев, Курганская, 2001; Платон, 1999) (это можно трактовать как развитие души, то есть первую функцию «дела жизни»). В общем понимании «пайдейя» рассматривается как «культура души»; в более узком - как «образование», реализация личностного потенциала, индивидуация. Тогда общая сущность «дело жизни» может пониматься как «работа души». По существу, «пайдейя» и «дело жизни» являются звеньями одной цепи, протянувшейся через всю мировую историю культурного,

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения цивилизационного развития человечества и создания государства в постоянной борьбе материального и духовного, - от «культуры души» (накопление опыта, развитие, воспитание) к «работе души» (продуцирование духовного продукта), - в которой духовный фактор постепенно исчезал из актуального сознания и все больше доминировал социальный уклад, материальные инструменты и предметы (Зойя, 2004). Поэтому справедливо утверждать, что современное общество дошло до той грани, когда нужно делать выбор относительно дела жизни как активизации работы души человека на всех уровнях бытия.

* * *

Во втором издании мы пришли к тому, что все пути поиска первопричины жизни личности приводят к феномену «души», который для научного понимания пока остается недостижимым. Вместе с тем, полностью очевидным является факт «присутствия души» в личности, без которого она (личность) потеряла бы всякий смысл. К научному пониманию «дела жизни» нас подтолкнули противоречия между культурно - философской традицией романтической трактовки личности как какого-то идеала, недостижимого для рационального научного изучения, и традицией научного рационализма, которая рассматривает реальную личность в контексте научного дискурса, что выразилось, в частности, в полемике Г.А. Балла с В.П. Зинченком (Балл, 2006, с. 213-215; Интегративно-особистісний..., 2102, с. 17-19). В.П. Зинченко рассматривает личность с учетом души (Зинченко, 2002) и видит ее (личность) как какую-то неделимую целостность («личность видится сразу и полностью»), которая выходит за пределы традиционного научного познания. Г.А. Балл допускает рассмотрение личности с интегративной позиции в рамках научного дискурса при условии наличия научного мышления с использованием соответствующих понятий и методов. Выходит, что по Зинченко у личности признается целостность и душа, но пока не признается возможность ее научного познания, по Баллу у личности не только признается целостность, но и возможность научного подхода, но не упоминается о душе. В результате обобщения наиболее значимых научных концепций интегративности личности в

А. А Ткаченко

монографии (Интегративно-особистісний..., 2102, с. 44-45), такая понимается как то, что интегрирует все ресурсы человека, результаты ее «окультуривания» и «очеловечивания», благодаря чему она становится полноправным членом общества, способным осуществлять свой вклад в развитие культуры. «В идеале человек находит "дело жизни", которое в свою очередь, "интегрирует" и развивает все "ресурсы" человека, содействуя максимальному развитию и "очеловечиванию"». Как видим, здесь суть интегративной личности концентрируется на нахождении своего «дела жизни» в контексте стремления к идеалу, который перекликается с нашей трактовкой этого термина, но уже как научного понятия.

Достаточно интересной является оригинальная попытка решения этой проблемы на основе аксиоматического метода и научного понимания фундаментальной христианской аксиомы о Троиединстве в контексте «философии ненасильственного развития» И.Н.Острецова, где вместе с иррациональным и материальным миром постулируется существования т.н. «индивидуального иррационального объекта», который проявляется лишь во взаимодействии с «другим» (групповым детерминированным миром). Это имеет отношение к человеческой личности, стремящейся к достижению высшего предназначения, осознание которого высвобождает огромный энергетический потенциал Разума, достаточный для решения задания преобразования и последующего прогресса Человечества (Острецов, 2002). Исходя из этих трактовок и пытаясь их объединить на основе научного понимания идеи Троиединства, мы вводим понятие «дело жизни».

Следовательно, *дело жизни* (ДЖ) - рус., *справа життя* (СЖ) - укр., *cause life* (CL) - англ., *causa vita* (CV) - лат. – это *первопричина жизни личности* (рус.), *першопричина життя особистості* (укр.), *original cause of the life of the personality* (англ.), *initium causa et vita et personalitas* (лат.). Под *первопричиной* будем понимать то, без чего человеческая жизнь теряет всякий смысл, который является источником творения оригинала жизни личности и воплощается в ее стремлении к достижению высшего предназначения. «Высшее предназначение» здесь понимается как некая целостность, которая рассматривается как триединство Идеала личности, Методологии его достижения и Практики реализации данной методологии. *Жизнь*

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения понимается как экзистенция личности, реализующая саму человеческую суть в стремлении к достижению высшего предназначения, воплощаясь в модусах культуры как «присутствие души». *Лицо* рассматривается в контексте интегративно - личного подхода в психологии и включает «деложизненную личность» и «лицо». *Деложизненная личность* является медиатором, который связывает реальное лицо с ее Идеалом. *Лицо* рассматривается как воплощение культуры в человеческом индивиде и как компоненты культуры, которые появляются в личном модусе и могут воплощаться в более масштабных модусах социально значимого творчества.

Принимая суть понятия «дело жизни» как «первопричину жизни личности», можно определить ее существование по такими основными признаками: 1) *стремление лица к достижению высшего предназначения*, которое рассматривается как триединство ДЖ-личности, ДЖ-методологии и ДЖ-практики. Это наиболее сложная характеристика, которая отображает те высшие ценности, к которым человек всегда должен стремиться, что порождает именно это стремление, создает человека в его сути, без чего его нет как такового; 2) *реализация смысла жизни* и наполнения разума - это наиболее общая характеристика, вытекающая из теории смысла жизни и предполагающая ее последующее развитие; 3) *формирование самоактуализирующейся личности*, благодаря которой реализуется ДЖ. Здесь предусматривается развитие теории самоактуализирующейся личности (по А. Маслоу); 4) *авторство своей жизни*, характеризующее творение оригинала своей жизни, когда можно говорить о субъектности как самопричинности личности, ориентированной на достижение Идеала (по В. А Петровскому); 5) *праксис души* как «присутствие души» в личности и ее жизни, как поступок, который определяет механизм творения духовного продукта и реализации ДЖ; 6) *главное жизненное задание*, что позволяет рассматривать ДЖ в контексте психолого-педагогической категории «задания».

Глава 3. «ДЕЛОЖИЗНЕННАЯ» ЛИЧНОСТЬ

3.1 ДЖ-личность как базовая характеристика высшего предназначения человека

Речь пойдет о проблеме взаимосвязи личности человека с его высшим предназначением, которая все чаще возникает в жизни и психологической практике, заставляя традиционную психологию выходить за привычные научные рамки в сфере этики, нравственности, душепопечения, духовности. В отечественной и зарубежной психологии существуют различные подходы и теории изучения личности. Биологический подход в основу развития личности ставит биологические процессы созревания организма. Социокультурный подход объясняет психическое развитие личности и человека как продукта всей истории существования человечества, когда все богатство человеческой психики обусловлено присвоением (усвоением) общественно-исторического опыта. Психогенетический подход на первый план выдвигает развитие собственно психических процессов, не отрицая значения биологии и среды.

В психологии имеется множество определений, отражающих многогранность личности: это «субъект деятельности», выражающий целостное образование особого рода, формирующееся в процессе

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения жизни как относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека (А.Н. Леонтьев); это совокупность внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия (С.Л. Рубинштейн); это целостная психологическая система, возникающая в процессе жизни человека и выполняющая определенную функцию в его взаимоотношениях с окружающей средой, позволяющая не только приспособляться, но сознательно преобразовывать ее и самого себя (Л.И. Божович); это тайна человека как индивидуальности, окончательно раскрывающаяся в его универсальности, являющейся высшим уровнем духовного измерения личности, высшей ступенью духовного развития человека, осознающего свое бытие и место в Мире, Тайну своей единоприродности с Миром, свою причастность к Миру как бесконечному целому (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев).

Природа личности чрезвычайно сложна, в ней неразрывно связаны не только биологическая и социальная, но также и духовная основы. Существующие точки зрения на природу и базовые факторы развития личности отличаются друг от друга акцентированием различных сторон (биологической, социальной, деятельностной и т. д.), которые разрабатываются как основа личностного развития человека. Тем не менее, существенного прогресса в теории развития личности не наблюдается, поскольку многочисленные теории скорее дополняют друг друга, раскрывая многогранность личности, но не позволяют выйти на качественно новый уровень ее высшей цели развития и предназначения. В ходе наших практических и теоретических поисков мы предположили, что высшее предназначение как объект научного познания, может фокусироваться на достижении некой идеальной (эталонной) формы личности как человека-духовного и субъективизироваться как предмет психологической практики и исследования благодаря введению категории «дело жизни».

Философско-психологический аспект ДЖ-личности

Вл. С. Соловьёв (Вл. Соловьёв, 1999), рассматривая понятие духовного человека, предполагает одну богочеловеческую личность, совмещающую в себе два естества и обладающую двумя волями. Она

А. А Ткаченко

является результатом свободного дела, подвига, и подвига двойного – самоотвержения божеского и человеческого. Для истинного соединения или согласования этих двух начал необходимо свободное участие и действие обоих. Действительная богочеловеческая личность способна совершить двойной подвиг богочеловеческого самоотвержения в космическом и историческом процессе.

К. Войтыла (Войтыла, 2003) говорит об особой случайности человеческой личности, если ее мыслить как существо потенциальное, а не в полной мере актуальное. Она основана на нравственности, рассматриваемой в онтологическом плане как аксиологическом факте. Каждое существо, которое должно обрести собственную полноту и которое подлежит актуализации, — случайно. На этом основан этический аспект случайности личности, а вместе с тем — и значение совести. Личность, наделенная духовным динамизмом, реализуется через истинное добро и не реализуется через неистинное добро, черта разделения между которыми сводится к переживаемой совестью истине о благе. Здесь трансценденция свободы переходит в трансценденцию нравственности, где совесть выявляет содержащуюся в свободе человека зависимость от истины. Истинность совести является основой трансценденции и самореализации личности в поступке. В этом состоит призвание человека. Главным показателем призвания личности может стать долг на позитивном пути притягательности и принятия ценностей, признаваемых истинными спонтанно или рефлексивно. Любой долг так или иначе дает знать о призвании личности, ибо в каждой из них есть отзвук того основополагающего «императива»: быть как человек хорошим и не быть как человек плохим, где соприкасаются онтология и аксиология человека именно как личности.

На философском уровне нас особо привлекает рассмотрение идеальной формы личности, которая проявляется как высшая цель развития человека, в парадигме категории мифа в соответствии с концепцией А.Ф. Лосева (Лосев, 1991). Здесь миф является способом открытия человеку действительности в высшем предназначении личности, где она рассматривается сама по себе как идея, принцип, смысл всего становления, неизменное правило развития, а также как история этой личности, реальное протекание ее развития и

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения становления, что диалектически синтезируется как в начальном, идеальном архетипе, так и в реальных исторических условиях. В этом и есть суть «дело жизни» как творение идеальной личности, которое в каждый момент времени и месте пространства существует одновременно как деложизненный формат (отвечающий текущему идеалу) и смысловое наполнение (отвечающее реальной жизни).

По мнению Б.С. Братуся, в психологическом контексте нравственности и духовности, подразумевающим наличие некоего высшего органа, координирующего и направляющего не имеющий аналогов в живой природе процесс формирования и самостроительства в себе человека, личность обретает смысл как особый инструмент творения намного ее большего и неопределенного, что неизбежно создает напряжение, наполняет ее энергией и придает необходимый масштаб, являясь важнейшим условием существования такой личности. Б.С. Братусь также отмечает, что личность – это лишь уникальный «внутренний ключ», который на определенном этапе исчерпывает свои возможности в достижении того, чему она служила, и требуется новый целостный образ будущего (мы его называем «идеальной» личностью), живущий в каждом человеке на уровне веры (Братусь, 1997).

Тогда ДЖ-личность возникает и существует как продукт и инструмент развития-творения подсознания, характера, психологической личности, «снимаемый» (термин Б.С. Братуся) «другими» (в контексте нашего понимания категории «дело жизни») инстанциями, такими, как сознание, идеальная личность, человек-духовный. Такой процесс мы называем «делом жизни», в котором субъективируется и опредмечивается высшее предназначение человека и реализуется смысл жизни, обретаемый в более сложных (поступковых) формах активности, когда человек действует не ради достижения предмета потребности и личностного смысла на основании соответствующего мотива потребности (Леонтьев, 1968), но ради целостного образа новой жизни на основании уже иного, более общего, ДЖ-мотива необходимости. Это – работа правды, веры, души. В современную психологию все больше «проникают» понятия нравственности, духовности, происходят дискуссии о сущности

А. А Ткаченко

человека, смысле и назначении его жизни. Справедливо предположить, что если в дальнейшем понимание психического расширится до поиска инструмента познания человеческой сути на уровне высшего предназначения, тогда будут исчезать противоречия с его этическим, философским, богословским пониманием и появится возможность создания общей теории, методологии и практики его достижения.

В этом контексте отметим, что в философии сейчас определились следующие черты личности: способность к «трансцендированию» как выходу за собственные пределы; способность отказаться, «освободиться» от своего Я, чтобы открыться «другому»; способность понимания «другого», принятие его позиции, точки зрения (понять - значит простить), пытаться найти вину в себе, а не в другом; способность взять на себя ответственность за судьбу «другого», разделить с ним его огорчения, радости и заботы; способность к самоотдаче, бескорыстному великодушию. Мир таких личностей и есть прообраз идеального общественного устройства (Назаров, 1996).

Богословско-психологический аспект ДЖ- личности

В дальнейших рассуждениях о сущности идеальной личности с психологической и богословской позиций мы пока еще наталкиваемся на их принципиальное различие. Психологическая – рассматривает формирование личности благодаря практике и науке, где идеальный уровень считается недостижимым. Хотя, та же христианская психология склонна опираться скорее не на формирование, а на богоуподобление, где идеальная личность считается заданной. Богословская – рассматривает однозначную данность такого идеала, не подлежащего изменениям, который должен приниматься как вера безо всякого исследования и формирования.

Известный христианский философ Вл. Лосский указывал, что не встречал в святоотеческом богословии того, что можно было бы назвать разработанным учением о личности человеческой, хотя учение о Лицах или Ипостасях Божественных изложено чрезвычайно четко. К возникновению понятия человеческой личности как совершенной особенности и неповторимости каждого человека привело разработанное в богословии понятие ипостаси (от греческого

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения ὑπόστασις, hypostasis - «сущность»). Основная мысль В.Лосского состоит в поиске общего между Божественной личностью и Человеческой сущностью, не противопоставляя их как две различные реальности, а объединяя, к примеру, в понятии «воипостасированной природы», когда уровень постановки проблемы человеческой личности простирается в сферу некоей метаонтологии (Лосский, 2000).

В настоящее время открытые дискуссии психологов и богословов, в частности на Рождественских чтениях 2006 (Лоргус, 2006; Чурсанов, 2006), обнаруживают принципиально различное понимание личности, вытекающее соответственно из различий понятий «психика», как более узкого, и «душа», отражающего всю полноту реальной жизни. Назрела необходимость переосмысления основных категорий психологии в направлении разработки методологического основания, включающего категорию души, возникшую в философии и богословии. Сейчас с проявлениями души плодотворно работают психологи-практики, поднявшись над дисциплинарными противоречиями, реально соединяя в своей личности сферы души и психики.

В психологии личность рассматривается только как возможность, основанная на функции формирования. В богословии личность рассматривается как над- и вне- временное понятие, которая дана в духовной природе как богоподобное проявление человека, основанное на качествах души. Священник С. Чурсанов предлагает богословское понимание личности как несводимой к природе, свободной, открытой, творческой, уникальной, целостной (неделимой) и нерушимой идентичности, непознаваемой аналитическими объективирующими методами онтологической основы человека, определяющей образ бытия его индивидуализированной природы (Чурсанов, 2006). Богословы отмечают, что именно личностность, в которой выражается образ Божий, является определяющим существенным признаком человека, призванного не только к восприятию божественных действий или энергий, опосредованных тварными явлениями, процессами или событиями, но и к непосредственному усвоению или воипостасированию нетварных божественных энергий, приобщению к самому божественному

А. А Ткаченко

естеству. Образ Божий, понимаемый как личность, рассматривается в православном богословии как абсолютная данность связи образа Божия с образом бытия человека, устанавливающейся в богословии через понятие «подобие». Это то, что человек призван реализовать в своей жизни.

В психологическом комментарии по этому поводу Б.С. Братусь отмечал, что конечные ключи от искомого смысла психологии находятся выше – в философии и богословии. Чтобы найти общие точки соприкосновения психологии и богословия, сначала необходимо объединиться, каждому понять свои возможности, тогда уже размежеваться. В.И. Слободчиков в своем комментарии акцентировал на невыводимости категории личности из системы знаний классической психологии. Он высказался за обсуждение природы, происхождения, обнаружения и обретения человеком некой совершенной формы образа и подобия Божия путем формирования личности не как данности, а явленности, рассматриваемое в пространстве проблем, а не тайн. Слободчиков также предупредил, что в нашем мире это может быть страшным и губительным, поскольку личность - это не хорошо адаптированная социальная персона. Она не дана, но может быть только выстроена (или выстрадана – **авт.**) в «мерцательном режиме» человеческого бытия, одновременно совмещая в себе Божий дар как лик и бесовское подспорье как личину. К ДЖ-личности очень точно подходит характеристика В.И. Слободчикова как «мерцающая» субстанция.

В качестве опосредующего нехватяющего методологического звена, основанного на категории, учитывающей душу, мы предлагаем «делоужизненную» теоретико-методологическую концепцию, согласно которой высшее предназначение человека (как Идеальная личность) достигается путем осуществления дела жизни на основании ДЖ-самоопределения и формирования ДЖ-личности. Она основывается на принципе «единения несоединимого», предусматривающего одномоментное творение, познание тайны Идеальной личности и богоуподобание путем служения благодаря достижению Рабочего идеала в каждый момент времени и месте пространства человеческого бытия. Можно согласиться с мнением С.Франка (Франк, 1992) и В.Джемса (Джемс, 1910), что единым критерием истинности такого

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения пути являются значительные реальные позитивные изменения в жизни человека.

По сути, предлагается третий подход достижения высшего предназначения, учитывающий и психологический и богословский, одновременно интегрируя и отрицая их. Признается существование Идеальной личности как тайны (или мифа), но которая исследуется и достигается практически, превращаясь в реальность жизни на этическом, нравственном уровне человека-духовного как богоподобного. Многочисленными примерами тут могут служить не только жизненные пути великих исторических личностей (богословов, философов, художников, ученых), но и многих «простых» людей, живших по совести, правде и вере. В наших исследованиях и практике нечто подобное проявлялось в «духовно-природной психотерапии» (Ткаченко, 2001а), и взаимодействии психолога и священника (Ткаченко, 2007в). Тогда в контексте ДЖ-личности психолог ориентирован на достижение Идеальной личности как высшего предназначения человека путем творения духовного продукта, а богослов сориентирован на достижение Богоподобной личности путем служения, для которого высшей целью является Божественная Личность. При этом для психолога формирование личности сводится к осуществлению дела жизни благодаря постоянному ДЖ-самоопределению - это путь творца (художника, ученого, конструктора, учителя, врача - как творческих личностей). Для богослова о каком-то формировании речь не идет, а говорится о богоподобии благодаря выполнению Божьих заповедей, осуществлению молитв, постов, добрых дел. Это путь слуги Божьего (пастыря, священника, монаха). Таким образом, путь к Богочеловеческой личности лежит через богоподобие как богослужение, путь к Идеальной личности лежит через осуществление дела жизни как творение духовного продукта. Оба пути ведут к человеку-духовному.

Возникает очередной вопрос существования общего пути для психолога и богослова, предусматривающего совершенствование и работу души. Говоря о духовном и мирском делании, философ и психолог С.Л. Франк отмечал, что мирянин должен пытаться по мере

А. А Ткаченко

сил идти сразу двумя путями: прямо к Богу и вместе с тем через переработку и совершенствование мирских сил в себе и вокруг себя, через приспособление их всех к служению (Франк, 1992). Здесь обнаруживается личность духовника, которая в отечественной культуре исторически оформилась как способная находиться и на пути духовного служения (священник, монах, пастор), и на пути светского, мирского творения (художник, ученый, учитель, врач). Подобное сочетание в одной личности пастора и мирянина пытается осуществлять священник и психолог С. Лоргус. Он отмечает, что личность является основным инструментом как в пастырской, так и в психологической практике, она всегда целостна и не может раздвоиться, это не два разных человека. Но священник всегда должен оставаться в рамках Церкви (Лоргус, 2005).

Именно ипостась психолога-духовника может рассматриваться как результат деложизненно-богоподобного самоопределения на пути к Идеальной Божественной личности. Третий путь, который их совмещает, базируется на психолого-богословском подходе и общей деложизненной парадигме и методологии, где общей целью выступает высшее предназначение человека как Идеальной/Богоподобной личности, которая способна стать Бого-Человеком. Это путь творца Божьего замысла (психолога-духовника). Психолог и духовник здесь сосуществуют как единение несоединимого, как две разные ипостаси, которые находятся в диалогических отношениях, постоянно оценивая и контролируя друг друга, придавая им характер духовного общения, когда нахождение истины и правды становится закономерным результатом. В нашей практике взаимодействия психолога и священника четко проявлялось, тщательно отслеживалось и становилось основным условием продуктивности, когда творение и служение во взаимосодействии действительно давали более серьезный результат, чем функционируя по отдельности.

Тогда полноформатная ДЖ-личность – это «творец-служитель» (ученый, художник, пастор) как целостно-«мерцательное» лицо человека духовного, общей чертой - признаком которого является особенное состояние одухотворения, переживаемое в творении духовного продукта. Только у ученого и художника оно воспринимается и осмысливается как «состояние правды», а у пастора

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения – как «состояние верь». По этому признаку можно идентифицировать появление ДЖ-личности как рабочей ипостаси Идеальной, Богоподобной личности. В такой интерпретации ДЖ-личность становится общим понятием психологии и богословия, одинаково учитывающим праведный духовный путь «по вере» и правильный жизненный путь «по правде», предусматривающих как развитие души (пайдейю), так и ее последующую работу (пракисис). В своем взаимоотношении они одновременно совмещаются и отрицаются, как совмещаются и отрицаются вера и правда относительно истины: вера предусматривает бездоказательное признание истины, а правда требует ее научного поиска и обоснования.

В итоге получаем общую психолого-богословскую сентенцию: достигать высшего предназначения и формировать Идеальную личность как Богоподобную, что означает осуществлять дело жизни, служить верой и правдой и творить духовный продукт, как единственный, действительно необходимый самому человеку, Другому (Человеку, Миру, Богу, Вселенной), в итоге возвращающийся к Человеку-Богоподобному.

Культурно-психологический аспект ДЖ-личности

В этом контексте рассмотрим «высшие» и «общие» представления о индивидуально-психологических характеристиках личности. В контексте «высшего» понимания Н.А. Бердяев (Бердяев, 1999) говорил об «эсхатологической личности», ориентированной на конечные судьбы человека. Ф.М.Достоевский и Л.Н.Толстой говорили о «лучшем» человеке с позиции народа (Достоевский, 1981) и «разумных» (Толстой, 1952б). В. Джемс в контексте высшего уровня религиозного состояния человека отмечал святость (Джемс, 1910).

Научный анализ понимания ДЖ-личности мы начали с рассмотрения понятия пассионарности, введенного Л.Н.Гумилевым (Гумилев, 1989) в контексте энергетического обеспечения развития этносов. Автор психологической концепции поступка В.А.Роменец (Роменец, Маноха, 1998) рассматривает пассионариев как носителей энергии поступка в кризисном обществе. В современной психологической науке наиболее конструктивно духовно-психологическая сущность такой личности рассматривается в

А. А Ткаченко

диалектической психотерапии юнгианской аналитической психологии (Юнг, 1998). В авиационной психологии В.А. Пономаренко говорит о «духовном профессионале» (Пономаренко, 1997; 2004). В нашем исследовании такая личность обозначилась как «психолог-духовник».

Если же говорить о своеобразном примере-этalone ДЖ-личности и ее характеристике, то это несомненно личность самого Иисуса Христа, как реально существовавшая в истории. Современный исследователь-евангелист Джон Л. Маккензи предлагает его следующую характеристику: «Его личность затрагивается лишь постольку, поскольку она проявляется вовне. Иисус не был чрезмерно откровенен. Он не был экстравертом, который открывает глубину своего сердца первому встречному... И эта сдержанность сочеталась с величайшей доступностью и дружелюбием. Однако близко Его знавшие чувствовали, что всегда в Нем остается нечто невысказанное. У Него были человеческие чувства, Он не скрывал их, но ученики видели, что Его чувства, в отличие от их собственных, всегда остаются под контролем. Он обладал редкостным достоинством и авторитетом. Но, несмотря на сдержанность, слова и поведение Его были всегда искренними; ни в уловках, ни в дипломатии Он не нуждался» (цитируется по Мень, 1998: 386).

К контексту «общего» понимания можно отнести распределение людей Л.Н.Толстым (Толстой, 1952б) по отношению к вере и совести: те, у кого совесть нуждается в деле, изменении жизни, приближении к тому, на что указывает разумная любовь («разумные»); те, которых совесть тревожит и мучит, поэтому необходимы жертвы, молитвы, раскаяния, обращения к вере («сумасшедшие»); те, которых совесть не тревожит и они могут спокойно делать зло («невинные»). Говоря о существовании двух пониманий мира, постигаемого опытом, В. Джемс отмечает религии «однажды рожденных» (когда мир рассматривается, как прямолинейное и однозначное явление, ориентированное на счастье и удовольствие) и «дважды рожденных» (когда мир представляется двойственной тайной жизни в природе и в духе). Чтобы стать причастным ко второй, нужно умереть для первой, когда нельзя достичь душевного покоя простым принятием положительных и исключением отрицательных сторон жизни (Джемс, 1910).

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Н.Л. Гумилев (Гумилев, 1989) всех людей разделяет на: пассионариев (способных жертвовать собой и своим потомством ради иллюзорных вожделий, стремящихся к идеалу победы, устремленных к успеху, идеалу знаний и творчества, прагматиков-авантюристов, ищущих удачу с риском для жизни, просто энергичных людей, стремящихся обустроить свою жизнь, ничем не рискуя); гармоничных (такие люди, являясь интеллектуально полноценными и уживчивыми, составляют ядро этноса, вос-производят его, умеряют вспышки пассионарности, умножают материальные ценности по уже созданным образцам); субпассионариев (они не могут полноценно адаптироваться в среде, неспособны сдерживать витальные потребности и полноценно заботиться о потомстве, безвольны и эгоистичны, нетворческие, нетрудоспособные, эмоционально и умственно неполноценные и равнодушные).

Украинский психолог П. Мясоед классифицирует практических психологов в заведениях образования по реализуемым моделям психологической практики: «организационной» - работать только по инструкциям и предписаниям; «жизненной» - делать все, что можешь, осмысливать ситуацию, находить свое место в жизни в единстве с Миром; «рефлексивной» - интегрируя предыдущие, осознавать и рефлексировать собственную деятельность, соединяя практическую и исследовательскую работу (М'ясоїд, 2004).

А.Ф. Бондаренко (Бондаренко, 1997) классифицирует практических психологов согласно трех уровней репрезентации как субъектов деятельности: уровень идеологического и социально-ролевого нормирования труда («социальной роли»), где специалист, работающий с людьми, должен сам быть больше, шире, сильнее той роли, которую он принимает на себя; производственный («технологический») уровень, выделяющий собственно трудовую деятельность, содержащий богатые резервы активизации и совершенствования подготовки и переподготовки специалистов; уровень проявлений социального индивида, личности, требующий персонализации, не зафиксированной ни в каких должностных инструкциях и непосредственным образом представляющий «человеческий фактор» таким, как он есть, где специалист выступает

А. А Ткаченко

уже вне ролевых и функциональных рамок как живая индивидуальность, именуемая «функциональной личностью» специалиста.

Наша классификация основана на накопленной «массе страданий» как «деложизненном» потенциал.

3.2 Самоопределение ДЖ-личности

Речь идет о философско-психологическом обосновании феномена самоопределения личности на уровне смысла жизни, который рассматривался практически всеми философами в контексте жизненных онтологических проблем. Здесь термин «самоопределение» употребляется в самых различных значениях и содержаниях. Самоопределение личности описывается в социальном, жизненном, профессиональном, нравственном, семейном, религиозном и других значениях. В социально-философской литературе широко представлены различные стороны социального самоопределения личности, такие, как методологические проблемы социальной природы жизненного пути индивида; сущность и содержание самоопределения личности; идентификация личности. Проблема жизненного самоопределения личности и ее идентификация представляет интерес для многих известных психологов разных научных школ и направлений (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Х. Салливан, Э.Фромм, А.Маслоу, К. Роджерс, Дж. Мид, Т. Шибутани, В.С. Агеев, А.Г.Асмолов, М.Р.Гинзбург, А.В.Петровский, В.Ф.Сафин, Д.И.Фельдштейн и др.). Социальный уровень самоопределения, наиболее полно представленный в различных психологических и социальных концепциях, связывается с понятиями активной жизненной позиции (К.А. Абульханова-Славская), жизненного пути человека (М.М.Бахтин, С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев).

В психологических исследованиях экзистенциальная, социальная и витальная направленности развития личности как интегрального образования, актуализирующего тот или иной уровень жизнедеятельности в зависимости от актуальной потребности, структуры ценностей, фактически не сочетаются. В большинстве случаев рассматривается многоплановый процесс интеграции личности, имеющий разноуровневую структуру, включающую в себя:

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения стремление индивида к гомеостатическому состоянию и удовлетворению витальных потребностей, характеризующих эгоистическое стремление к чувственному, физическому удовольствию и гомеостазу; социальную адаптацию, содержащую комплекс когнитивных, коммуникативных, трудовых, моральных др. социальных потребностей, реализующихся в совокупности разных социальных сфер; смысложизненную определенность своего существования на экзистенциальном уровне.

Согласно теориям психоанализа и необихевиоризма личностное самоопределение невозможно, поскольку человеческое поведение полностью детерминировано бессознательным. В контексте проблемы идентичности это твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя как непрерывность опыта взрослой жизни. Согласно психологических теорий свободы и ответственности, это выражается в занятии определенной позиции по отношению к внутренним и внешним обстоятельствам, в осознании собственных возможностей в рамках судьбы, в способности выбирать из числа имеющихся личностных конструкторов и создании новых, в способности воздействовать на самих себя, конструируя собственную судьбу. С позиций абсолютной свободы личность самоопределяется благодаря внутренней творческой силе, а также выбору и самоактуализации.

В отечественной психологической науке личностное самоопределение основано на взаимоотношении внутренних и внешних факторов по принципу детерминизма, когда действие внешних причин преломляется через внутренние условия. В таком взаимоотношении человека с миром С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 1976, 2002) выделял три аспекта отношений: к предметному миру; к другим людям; к самому себе. В этом контексте можно говорить о познании человеком самого себя и отношения к жизни, преобразовании самих себя в новом личностном опыте, осуществлении выбора жизненного пути, жизненной концепции, осознании способов достижения цели и смысла жизни, объединяющихся смыслом своего существования. В классическом понимании проблема личностного самоопределения возникает на стыке взаимодействия «субъективной» и «объективной» реальностей -

А. А Ткаченко

личности и общества. Согласно неклассического системного подхода, во взаимодействии субъекта с объектом рождается новая реальность, в которой исчезает детерминизм «внешнего», так как оно тоже становится «внутренним» по отношению к образовавшейся системе. Человек является сложной самоорганизующейся психологической системой, производит новообразования сложной «совмещенной» природы, на которые опирается в своем самодвижении, саморазвитии.

Развивая эти идеи, К.А. Абульханова-Славская (Абульханова-Славская, 1991) представляет стратегии жизни человека как его способность к самостоятельному построению своей жизни, и выделяет три основных ее признака: выбор основного для человека направления, способа жизни, определение ее главных целей, этапов их достижения и соподчинение этих этапов; решение противоречий жизни, достижение своих жизненных целей и планов; творчество, созидание ценности своей жизни, соединение своих потребностей с жизнью на основе ее особых ценностей.

Самоопределение по М.Р. Гинзбургу (Гинзбург, 1988; 1994; 1995) - это «содержание жизненного поля личности», «определение себя как личности, занятие активной позиции, имеющей ценностно-смысловую природу». По Е.И. Головахе - это выбор молодежью линий своего жизне-осуществления, соотношение профессионального самоопределения и жизненной перспективы, особенности ее формирования (Головаха, 1998; 2000). У других авторов это жизненные пути и ориентации в процессе включения в общественную жизнь; соотношение субъективных и объективных факторов в жизненном самоопределении (жизненная перспектива, ценностные ориентации, стиль жизни, смысл жизни, жизненная прог-рамма).

Л.И.Божович (Божович, 1997) отмечает, что жизненное самоопределение как явление возникает на границе старшего подросткового и млад-шего юношеского возраста и продолжается на протяжении всей юности.

Н.С.Пряжников (1996а, 1996б), определяя основные ориентиры самоопределяющегося человека, указывает на взаимосвязь жизненной и профессиональной структур. К жизненному самоопределению он относит проблемы построения человеческой судьбы, связанные с жизненными сценариями и жизненными стратегиями и выделяет

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения такие основные типы самоопределения человека: в конкретной трудовой функции, операции; на конкретном трудовом посту; в специальности; в профессии; жизненное самоопределение (выбор образа жизни, карьеры как успешности в жизни, предполагает высокую степень свободы выбора); личностное самоопределение как высшее проявление жизненного, когда человек становится хозяином своей жизни; самоопределение личности в культуре (как высшее проявление личностного), когда человек становится «чело-веком человечества».

А.Ф. Бондаренко (Бондаренко, 1991) исследует самоопределение личности (личностного «Я») человека, живущего в неблагоприятном социуме как потенциального клиента психолога. Здесь проблема самоопределения личности является сугубо житейской и практической, которая в прежние времена часто решалась предложением «героя» как предмета идентификации (Павка Корчагин, Павлик Морозов, «советский человек»), где в обязательном порядке фигурировали атрибуты «идейности». В этом случае проблема самоопределения человека в жизненной ситуации решается, как правило, не в терминах идеологических клише и даже не в терминах самой этой ситуации, а в масштабах внеситуативной оппозиции: «человек — мир», концентрированной в понятии «жизненный мир». Такая экзистенциальная оппозиция содержит принципы личностного бытия в виде двух взаимообусловленных бинарных структур: «удовольствие — страдание» и «реальное — идеальное». А.Ф. Бондаренко показывает, что каждый из этих принципов личностного бытия соответственно порождает культурный персонаж и определенный схематизм вневременного и внеситуативного восприятия, отвечающий известным архетипам. Так, принцип страдания (реального) порождает континуум персонажей от «Жертвы» до «Героя», предполагая борьбу или отречение от борьбы как личностный способ бытия. Принцип страдания (идеального) порождает континуум персонажей, объединенных типом Художник, предполагая сотворение прекрасного и способ бытия — созидание, когда мир реальный выступает лишь поводом или истоком сотворения мира духовного.

А. А Ткаченко

Таким образом, все больше актуализируется проблемное пространство бытийного проявления человека, наполненное вопросами: какой он есть, каким должен быть в идеальном представлении, каким образом строится жизненный путь от человека обычного (потребляющего) к человеку-творцу (отдающему). Путь к себе, лучшему, своей форме жизнедеятельности, не позволяющей влачить скучное существование, будучи безынтересным себе и другим, в рассмотрении русских мыслителей разных поколений (А.Н. Радищев, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон, В.С. Соловьев, Н.О. Лосский и др.) лежит через распознавание в себе дарованных природой сущностных человеческих свойств и их приумножение, осмысление авторской позиции в построении себя и своей судьбы (Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев, М.М. Мамардашвили, С.Л. Франк, Э. Фромм, Э. Эриксон и др.). В личности человека скрыта его идея, верность которой развивается только в побуждении к ее «вскрытию» и познанию. Человек оценивается через творческую форму выражения своей интегрированной индивидуальности.

Итак, на протяжении всей жизни человек постоянно сталкивается с проблемой личностного самоопределения в обретении новой осмысленности жизни, осуществляет множество выборов в соответствии со своими ценностными предпочтениями, представляющими собой одновременно явление и процесс. По нашему мнению, с наступлением взрослости, когда, с одной стороны, личность становится «зрелой», достигая своего высшего уровня психологического развития «акме», а с другой, - активизируется «кризис среднего возраста» и все чаще начинают возникать «трудные жизненные ситуации» (Морозова, Будич, 2005). Наступает переломный момент, когда личностное самоопределение все больше приобретает «дело-жизненный» характер и можно говорить об актуальном формировании ДЖ-личности (такую ситуацию мы называем «попадание в дело жизни»).

В своих эмпирико-практических исследованиях мы попытались выяснить особенности такого ДЖ-самоопределения личности на психологическом, жизненном и духовном уровнях при помощи «экспертизы самоопределения» (авторской методики). Основная

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения исследовательская идея этой процедуры состояла в создании экспериментального «поля правды» чтобы предоставить испытуемому возможность обнаружить и проявить свое самоопределение в любом виде безо всяких ограничений.

Экспертиза самоопределения на *психологическом* уровне являлась индивидуальной и включала два задания. Первое носило характер чисто личностной самооценки «здесь и теперь», другое задание предусматривало создание диалогической ситуации, когда результаты полученного «самоопределения» подвергались оценке другим человеком как экспертом. Экспертиза самоопределения на *жизненном* уровне являлась групповой и проводилась в экспериментально создаваемом «поле правды» с помощью специально формируемой экспертной комиссии. Задание исследуемого заключалось в том, чтобы абсолютно правдиво с необходимо полным смысловым наполнением отвечать на любые вопросы комиссии без права не отвечать или говорить неправду. Задание комиссии заключалось в том, чтобы, используя результаты психологического самоопределения, задавать вопрос исследуемому относительно его жизненного самоопределения. Экспертиза самоопределения на *духовном* уровне предусматривала «откровение» в виде особенной процедуры, к которой человек приходил по жизни, осуществлявшейся непредсказуемо как акт рефлексии Другого. Более подробно данная методика будет рассмотрена далее, в практической главе. Результаты эмпирико-практического исследования показали, что ДЖ-самоопределение на психологическом уровне удавалось пройти всем испытуемым, на жизненном таковых оказывалось гораздо меньше, а на духовном – буквально единицам. Заметим, что повышенный интерес к жизненному и духовному уровням проявляли взрослые и зрелые люди, особенно участники мастер-классов, большинство из которых были профессиональные психологи (исследователи, практики).

В результате авторской психодуховной практики и многочисленных эмпирических исследований оформилась методологическая концепция ДЖ-самоопределения личности, энергетическая суть которого состоит в соединении пассионарной

А. А Ткаченко

энергии с высшим предназначением человека. Это придает тонус души (состояние готовности к осуществлению дела жизни), что в контексте методологических проблем неклассической психологии понимается как установка (Асмолов, 2002).

Проведенный нами концептуальный методологический анализ позволяет утверждать, что благодаря поступковому механизму осуществляется взаимосвязь на бессознательном уровне идеальной личности, ДЖ-установки и основного ДЖ-мотива необходимости. В этом контексте можно предложить градацию самоопределения ДЖ-личности на духовном, витакультурном (в терминологии А.В. Фурмана) или жизненном и психологическом уровнях.

Самоопределение неделожизненной (деловой) личности происходит на *психологическом* уровне и определяется самоотстранением от своего энергетического потенциала, полной ориентацией на самосохранение и свои потребности, самоустранением от осуществления своего дела жизни и достижения высшего предназначения. У такой личности имеет место отрицательная пассионарность. Это субпассионарии (по Л.Н. Гумилеву), «невинные» (по Л.Н. Толстому), психологи, которые работают формально только по предписанию, реализуя «организационную» и «клиентную» модели психологической практики (по П.Мясоеду). В нашей градации это те, которые уже практически не способны психологически отработать свой «массив страданий», осмыслить все «содеянное» и реализовать свой ДЖ-потенциал.

Неделожизненная (деловая) личность формируется на основании деятельностного механизма под влиянием операционных установок и для нашего анализа интереса не представляет, рассматривается как контрастная при идентификации более высоких, «деложизненных» уровней развития личности.

Самоопределение ДЖ-личности на *жизненном (витакультурном)* уровне определяется сбалансированной пассионарной энергией, одинаково направленной и на самосохранение и на творение духовного продукта. В этом случае человек ориентируется на осуществление дела жизни «для себя» - развитие и окультуривание собственной души и подготовке ее к

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения творению духовного продукта «для другого». Такой личности соответствуют гармоничные непастионарии (по Л.Н. Гумилеву), «генералы», «денежные мешки», «образованные» (по Ф.М. Достоевскому), «сумасшедшие» (по Л.Н. Толстому), психологи, воплощающие «жизненную» модель психологической практики (по П. Мясоеду). В нашей градации это те, у которых накоплен достаточно большой «массив страданий», но при условии соответствующей психологической работы они способны осознать «содеянное» и осуществлять дело жизни.

«Деложизненная» витакультурная личность формируется под влиянием целевой установки на ДЖ-выбор. Основным качественным содержанием такой личности является поиск смысла жизни, который в бессознательном связан с основным мотивом посредством неосознанных мотивов и смысловых установок на ДЖ-выбор, который придает деятельности и поступкам личностный смысл.

Такая установка является интегрирующей и соединяет несоединимое – это ее основная суть и результат смыслового оформления. Она на целевом уровне в бессознательном содержит начальную и конечную формы развития личности. В такой личности как результат развития, окончательно формируется осмысление и достижение смысла жизни как основной цели.

В системе методологической концепции ДЖ такая личность функционирует на основании как деятельностного, так и поступкового механизмов.

Самоопределение ДЖ-личности на духовном уровне ориентировано на осуществление дела жизни «для другого». В этом случае полностью используется индивидуальный пассионарный энергетический потенциал, непосредственно связанный в бессознательном с основным ДЖ-мотивом благодаря полному отработыванию накопленного «массива страданий» в ущерб самосохранению для творения духовного продукта для Другого. Такая личность соответствует пассионарным людям (по Л.Н. Гумилеву), «лучшим» людям в понимании народа (по Ф.М. Достоевскому), «разумным» (по Л.Н. Толстому), психологам, реализующим «рефлексивную» модель психологической практики (по П. Мясоеду).

А. А Ткаченко

В нашей градации это те, которые уже в процессе жизни сами смогли отработать свою «массу страданий», осознать все «содеянное», в полной мере реализовывать свой энергетический пассионарный потенциал, прийти к духовности и вере. Они свободны и независимы.

«Деложизненная» (духовная) личность формируется под влиянием смысловой установки, максимально используя пассионарный энергетический потенциал основного мотива. При этом уровень сформированности смысловой установки должен соответствовать достижению уровня личностного смысла жизни. Только в этом случае становится возможным формирование необходимых качеств духовной личности, способной достигать своего высшего предназначения – идеальной личности.

Очевидно, что в основном такая личность формируется в бессознательной сфере на надындивидуальном уровне в непосредственной связи с ноосферой, являясь ее составляющей. Причем, смысловая установка на уровне личного смысла жизни в бессознательном имеет доступ как к начальной форме жизни человека, появляющейся при рождении, так и к конечной форме - идеальной личности. В таком случае можно считать существующей установку смысла жизни достаточной для формирования духовной личности. При этом духовная личность в идеальном виде в своей объектной сути уже изолирована от своей начальной формы и принадлежит Другому.

В системе ДЖ-методологической концепции такая личность формируется только с помощью поступкового механизма.

Тогда ДЖ-личность методологически и практически соединяет пассионарный индивид, основывающийся на пассионарной энергии, через основной ДЖ-мотив, ДЖ-установку и ДЖ-самоопределение, с идеальной личностью как высшим предназначением (человеком-духовным). На индивидуально-личностном уровне представление о ДЖ-личности может выглядеть следующим образом (рисунок 3). Из данной схемы концептуально просматривается общий механизм достижения человеком своего высшего предназначения. Как отмечал Л.С. Выготский, человек с рождения уже является носителем своей начальной (понимаем как младенец) и конечной (понимаем как

А. А Ткаченко

(идеальной личностью) и в основном находится в бессознательной сфере человека, то ДЖ-самоопределение полностью принадлежит человеку и личности и находится в сфере его сознания. По сути, это осознаваемая составляющая ДЖ-установки, которая запускает весь механизм самоопределения и затем осуществления дела жизни. Поэтому от того, как этот пусковой механизм сформируется (на деятельностной или поступковой основе), зависит дальнейший уровень формирования установки (смысловой, целевой или операционной) и функционирование методологии формирования ДЖ-личности, соответственно психологической, витакультурной или духовной.

3.3 Формирование ДЖ-личности в системе высшего образования

На постсоветском образовательном пространстве все больше активизируются инновационные процессы, порожденные постиндустриальным психогенным этапом общественного развития. Так, профессор А.Д.Урсул рассматривает модель образования XXI века как опережающую систему, ориентированную на устойчивое развитие, где инновационная составляющая функционирует как компонент ноосферы (сферы разума) на уровне надындивидуальных интеграционно-информационных структур, когда становятся «опережающими» исследования, самоопределение, развитие, что обеспечивает появление нового состояния коллективного сознания и выживание (сохранение) человечества (Усул, 2009). Президент АПН Украины профессор В. Г. Кремень на фоне общих тенденций развития человечества в трансформации образования во главу угла ставит «человеко-центризм» как: обеспечение оптимального баланса между глобальным и локальным; понимание человека как наивысшей ценности; способность к сознательному эффективному функционированию; минимизацию асимметрии между материальным и духовным. Для этого предлагается: принять новую парадигму и изменить нормативы в содержании образования; организовать обучение на протяжении всей жизни; перейти от акцента на квалификации к компетентности в жизненных ситуациях; формировать личностно-ориентированные педагогические системы и

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения готовить специалиста, адаптированного к жизни; формировать личность, способную к адекватному восприятию изменений; придать образованию общий инновационный характер (Кремень, 2003, 2006, 2008). Исследования перспектив человека в сфере молодости свидетельствуют о возможности коренного переконструирования его жизни. Трансгуманистическая идея существенного повышения средней продолжительности жизни; взрослый инфантилизм и появление «кидалтов»; феномен «детей-индиго» с изначально более высоким уровнем развития; трансчеловек, способный искусственно «улучшать» свое тело путем имплантации, приводящей к бесплости, искусственному размножению и т.п. – все это составляет серьезную проблему развития человека, решение которой в значительной мере зависит от будущего образования (Луков, 2008). Наш опыт реализации инновационных методов на психолого-педагогическом и психологическом факультетах государственного и негосударственного вузов показал, что на индивидуальном уровне кризис развития современной молодежи концентрируется в противоречии личностей преподавателя, ориентированного на «прошлое», и студента, ориентированного на «будущее», высший уровень развития (зрелости или «акме») которого, вероятнее всего, будет реализовываться в совершенно ином обществе, которое мы определили как «общество высшего предназначения» (Ткаченко, 2009а).

Неоднозначная практика внедрения идей Болонского процесса на постсоветском образовательном пространстве вскрыла противоречия между сущностью западной и отечественной систем образования, создававшихся независимо, каждая в своих социокультурных условиях: отечественная - как «человеко-центрированная», а западноевропейская - как «техно-центрированная». Очевидно, идея дальнейшего развития состоит в их совмещении для получения третьей, «духовно-центрированной» как более высокоразвитой, обеспечивающей императив развития человеческой личности на основе Разума. Для такой интеграции на уровне ноосферы требуется разработка соответствующих образовательных инновационных технологий и стандартов с учетом

А. А Ткаченко

нового, более высокого качества взаимоотношения студента (ученика) и преподавателя (учителя).

Итак, на современном этапе поиска путей развития отечественного высшего образования возникает необходимость глобальной ориентации на достижение высшего уровня развития человека, уходящая в далекое прошлое. В античности она выглядела как «пайдейя» (вращивание и окультуривание души), с началом христианской эпохи она приняла вид идеи «богоподобия», в советскую эпоху в свете социально-экономической теории марксизма она рассматривалась как формирование «советского человека» - строителя коммунистического общества. Очевидно, поэтому в недавнем прошлом советская идеологически ориентированная высшая школа признавалась одной из лучших в мире. Сейчас на смену такой социально обусловленной «идеологической» приходит индивидуально ориентированная «психологическая» практика образования, рассматриваемая нами в рамках ДЖ-подхода, предусматривающего самоопределение личности в достижении высшего предназначения. Успешное решение этой проблемы зависит от создания соответствующей методологии образования, как психодуховного инструмента творения жизни человека путем введения категориального понятия «дело жизни» и теоретико-методологической концепции ДЖ-самоопределения (Ткаченко, 2007б). Ее сущность заключается в использовании пассионарной энергии ноосферы (по В.И. Вернадскому, Л.Н. Гумилеву) благодаря созданию соответствующей операционной, целевой или смысловой установки (в контексте методологических подходов в неклассической психологии (Асмолов, 2002)) как состояния готовности к осуществлению «дела жизни». Проведенный нами методологический анализ позволяет утверждать, что это происходит на основе самоопределения и формирования ДЖ-личности как особого качества, благодаря поступковому механизму, актуализирующему ДЖ-установку и соответствующий мотив необходимости, открывающий доступ на бессознательном уровне к пассионарной энергии. Градация такого самоопределения на духовном, жизненном и психологическом уровнях была представлена выше.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

В рамках ДЖ-подхода к обучению в психолого-педагогическом «поле правды» одновременно функционируют практическая (основанная на правде) и исследовательская (основанная на истине) профессиональная подготовка, субъектами которой являются ученик и учитель. Наши исследования показывают, что психологический механизм поступка как инструмент сознательного житнетворчества, начинает вызревать на этапе выбора пути подготовки к осуществлению «дела жизни», когда накапливается необходимый потенциал знаний, профессионального и жизненного опыта. Это начало активного периода окультуривания («пайдейи») души как осуществление дела жизни «для себя», что обычно у студентов возникает приблизительно в середине процесса обучения в вузе. В методологическом ДЖ-формате психолого-педагогическая практика подготовки психологов функционирует в «поле правды» и направлена не только на усвоение знаний, но и на «очистку» сознания благодаря «включению» поступкового психологического механизма с момента совмещения учебной и научно-исследовательской профессиональной деятельности как поиска истины по актуальной проблеме. Актуализируется взаимодействие правды и неправды, возникает эмоциональное напряжение и конструктивный конфликт (когнитивный диссонанс) при понимании различных установок и самоопределении в дальнейшей жизни, уровень которого определяет готовность к поступковому действию, обусловленному внешне детерминированной жизненной ситуацией. Здесь на первый план выходят взаимоотношения преподавателя-мастера как духовной личности, способной применять методы актуализации личности студента, когда основной акцент делается на самоопределении саморазвитии. Как показал наш практический опыт учебно-воспитательного процесса по этой методе на психологическом факультете высшего учебного заведения, в таком формате как студент, так и преподаватель получают возможность максимально активизировать свои внутренние психологические ресурсы и духовный потенциал путем рефлексии и понимания самоопределения и самореализации с ориентацией на свое высшее предназначение. На первое место выступает человеко-центризм, а фактор технологизации

А. А Ткаченко

как основное условие реализации кредитно-модульной системы, выступает как наиболее эффективный инструмент.

Предложенный ДЖ-подход в подготовке психологов, прежде всего на жизненном и духовном уровнях, в своей практической реализации находит подобие с общеизвестной «системой Станиславского» в подготовке актеров (Станиславский, 1989), а также с методом «психодрамы» в психологической работе с личностью (Д. Морено), тоже основывающихся на использовании феномена «правды» и «поступка». У нас это выглядит как психолого-педагогическое «поле правды» и «поступковый механизм», а у К.С. Станиславского – это стремление актера доводить работу всех элементов внутреннего самочувствия как двигателей психической жизни, до нормальной человеческой, познавая в себе самую подлинную правду жизни. Там, где правда и вера, там само собой создается на сцене «я есмь». Самое маленькое действие или чувство получают огромное значение, если только они доведены на сцене, в момент творчества, до самого предельного конца, где начинается жизненная, человеческая правда, вера и «я есмь». В обоих случаях основным инструментом является психологический механизм поступкового действия. У К.С. Станиславского это катализатор, заправка, которая сразу доводит реакцию до предела в виде неожиданного экспромта, детали, действия, момента подлинной правды, все равно какого – душевного или физического. Это стремление актера к предельному самовыражению через «сверхзадачу» и «сквозное действие». Подобно тому, как сверхзадача и сквозное действие поглощают все большие задачи и делают их подсобными, так точно сверхсверхзадача и сверхсквозное действие всей жизни человека-артиста поглощают сверхзадачи пьес и ролей его репертуара. Они становятся подсобными средствами, ступенями при достижении главной жизненной цели. В случае ДЖ-подхода это ДЖ-самоопределение, основанное на ДЖ-установке как смысловой, обусловленной смыслом жизни. Такие «катализаторы» великий драматург ищет в представлениях, видениях, суждениях, чувствах, желаниях, мельчайших душевных и физических действиях, мельчайших деталях вымысла воображения, объекте общения, неуловимых подробностях окружающей обстановки, мизансцене, стремясь находить маленькую, подлинную, человеческую, жизненную

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения правду, вызывающую веру, создающую состояние «я есмь». В нашем случае это самоопределение личности, основанное на «дело-жизненной» смысловой установке, обусловленной внешней ситуацией путем введения в обучение элемента реальной профессиональной деятельности, стимулирующего предельное напряжение - ситуация «клиент с улицы», реализуемая в специальном тренинге профессионального мастерства психолога-консультанта (Ткаченко, 2009 в) или «реальный жизненный эксперимент», реализуемый в процессе преподавания профессионально-ориентированной дисциплины «Экспериментальная психология» (Ткаченко, 2009г). Идея контекстного обучения, которую предлагает А.А.Вербицкий, также заключается в том, чтобы в учебном процессе интегрировать обучение, науку и производство. В таком профессионально ориентированном обучении все знания предоставляются и изучаются только в контексте с будущей профессиональной деятельностью. Выделены такие три базовых формы деятельности как учебная академического типа, квазипрофессиональная, учебно-профессиональная деятельность. Данный автор также указывает на необходимость совмещения этих видов деятельности и перехода от деятельностного к ситуационному обучению на основе поступка (Вербицкий, 1991).

Опытный актер и психолог-мастер способны использовать такую «счастливую случайность» для активизации поступкового механизма в поиске правды. В психологической работе с личностью с помощью общеизвестного метода «психодрамы» (по Д.Морено) это рассматривается как «спонтанность» (Гриншпун и др., 2000).

Тогда «работа актера над собой» в рамках «системы Станиславского», успешно прошедшая жизненную апробацию на протяжении многих лет, вполне может быть практическим ориентиром для ДЖ-подхода в профессиональной подготовке психологов. В этом подходе речь идет о формировании психолога-духовника, способного адекватно отражать правду жизни в работе с личностью, ориентированной на достижение высшего предназначения на основании научно обоснованной категории «дело жизни».

А. А Ткаченко

Актерская психотехника и образовательная ДЖ-практика способны создавать благоприятные условия для активизации творческой работы личности на сознательном и бессознательном уровнях благодаря органическому использованию простой случайности из реальной жизни. Как опытный актер, так и психолог-мастер использует такую случайность в активизации поступкового механизма. Ключевое значение в начальном толчке к достижению высшего предназначения имеет первый шаг ДЖ-самоопределения, который наиболее оптимально осуществляется во время учебы в вузе. От этого зависит выживание и развитие в профессии и уровень жизнеспособности в целом. Чем выше уровень ДЖ-самоопределения, тем выше качество будущего специалиста как профессионала, личности, адекватного субъекта жизни.

Мы определили аналогии ДЖ-подхода в образовании с «системой Станиславского» и «психодрамой», которые состоят в работе с «психологической правдой» и «правдой жизни» на основании использования «сверхзадачи» и «спонтанности». При общей ориентации в подготовке психологов и актеров на основе ДЖ-подхода и «системы Станиславского» на высшее предназначение человека их существенное отличие заключается в предмете профессионального применения. У актера это ориентация «во вне» на публичное сценическое действие, где показывается «правда жизни», заложенная в роли, когда его личность, выполнив функцию «правдоподобия», отодвигается на второй план. У психолога предметом является «личностная правда», ориентированная на индивидуальную психику и душу человека, соответствующая жизненной истине, где роль является вспомогательным приемом. Здесь уже не идет речь о «правдоподобности», а непосредственно о правде, поскольку это не сцена, а сама жизнь. У Станиславского «сила страстей» актера направлена «во вне» на роль. У Морено она уже ориентирована на личность самого пациента, но опять же через роль. В нашем подходе предусматривается формирование Идеальной личности непосредственно в условиях реальной профессиональной деятельности как поступковым действием.

Основным принципом для актера является «сверхзадача», существующая в «сквозном действии» от роли к роли на протяжении

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения всей актерской профессиональной жизни. Это должно привести к достижению «высшей цели», созвучной с высшим предназначением. Это происходит в «сценическом» варианте, но не в жизненных реалиях, где порой все бывает наоборот как своеобразная «плата» жизни за достижение «высшей цели» на сцене. У психолога по форме происходит нечто подобное, но по сути иное. Здесь можно найти аналоги и «сверхзадачи» и «сквозному действию» как ДЖ-самоопределение на протяжении жизни. Основным предметом тут является отдельная личность, с которой он работает как практик, изучает как исследователь, воспитывает и учит как наставник и учитель. Это путь от консультации к консультации, от клиента к клиенту, от исследования к исследованию, от публикации к публикации, от ученика к ученику и т.д. Как у актера роли, это у психолога является тем духовным продуктом, наполняющим духовный мир, что и обуславливает достижение высшего предназначения.

Из идей драматурга К.С.Станиславского близки психологу Д.Морено призыв следовать «истине страстей» (у Д.Морено - принцип психологической правды в психодраме) и призыв идти от себя к роли, «поднимаясь до нее», при этом чувства, переживаемые актером, принадлежат только ему (аналогия в психодраме - проживание во вне своих чувств, в том числе при участии в чужой драме в качестве выбранного на какую-либо роль как вспомогательного «я»). Формулу драматурга «идти от себя» можно понимать как задачу найти себя в роли, воплотить в соответствующей форме собственное отношение к жизни. Ведущая роль при этом отводилась интуиции и «душевной технике» актера (Гриншпун, Морозова, 2000). Образно говоря, если у К.С. Станиславского актер стремится «во вне», чтобы сыграть «роль Бога», решая «сверхзадачи» в «сквозном действии» достижения «я есмь», у Д. Морено пациент стремится к «соединению с Богом» опять же через роль, то в ДЖ-подходе человек (в данном случае учащийся или профессиональный психолог) стремится к Себе, своей Идеальной личности через ДЖ-самоопределение.

А. А Ткаченко

Анализируя ролевой подход в контексте самосознания личности, И.С. Кон (Кон, 1984) отмечает, что «роль» является лишь «изображением», скрывающим личность. На сцене сталкиваются личность актера и персонаж, которые взаимопроницают друг в друга, но никогда не сливаются. Стимулируется самоанализ и прояснение внутреннего мира личности на основе единого процесса с противоположными тенденциями ощущения «себя в роли» к ощущению «роли в себе» как «воплощение» и «остранение» (по К.С.Станиславскому). Исследование большой группы американских актеров показало, что свыше 70% из них испытывали «перенос» каких-то черт своих сценических образов на реальную жизнь. Здесь отмечается важность способности субъекта встать в позицию наблюдателя или управляющего по отношению к самому себе и в позицию исследователя по отношению к другому. В результате неизбежно возникает «когнитивный диссонанс» и формируются убеждения и установки (Фестингер, 1999:15-52). При этом личность, поступающая вопреки своим установкам, будет испытывать диссонанс, который окажется тем сильнее, чем слабее внешние силы, оказывающие на нее давление. Для уменьшения диссонанса необходимо изменение первоначальной установки в духе ее приспособления к совершенному поступку. Наибольшее изменение установки происходит в ситуации наименьшего внешнего принуждения.

В случае ДЖ-подхода личность сливается с «ролью» как своей Идеальной личностью, «здесь и теперь» трансформирующуюся в ДЖ-личности. При этом человек, как бы играя сам себя, становится тем, кого играет. Здесь очень важным является базовая установка - кого играть. В этом состоит задача ДЖ-самоопределения. Базовым психологическим качеством тут является способность сопереживания и идентификация с самим собой как Идеальным. У А.Ф. Бондаренко (Бондаренко, 1993; 1997) это можно сравнить с непосредственной, чувственной реальностью социального бытия психолога как обнаженной, зримой, переживаемой человеком феноменологии общественных и межличностных отношений. Поэтому существенным профессиональным нормативным требованием к личности психолога-практика выступает его способность вбирать новый личностный опыт,

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения совмещать ролевые этические стандарты с большой экзистенциальной «емкостью» собственного «Я», свободно действовать в пределах собственного жизненного мира. При этом подчас уровень профессиональной подготовки психологов-практиков поднимается до самой человеческой жизни и судьбы, что выдвигает этическую проблематику на первое место. Тогда возникает необходимость вхождения в ипостась «психолога-духовника».

В контексте исследования эмпатии у актеров, как отмечает автор (Бенеш, 2000), можно выделить такие основные направления их профессиональной подготовки: классическая система К.С. Станиславского; развивающие упражнения из различных направлений индийской йоги; техника оздоровительной гимнастики на основе даосско-буддийской системы Цигун; развитие внутренней техники путем применения методов аутогенной тренировки; методики гештальттерапии и «психодрамы». Движущий механизм психической жизни на сцене выглядит как: ум (начинает и направляет действие) – воля (мотивационно–поведенческая сторона психической жизни актера) – чувство (привносит подлинность, искренность, правдивость). Овладение элементами творческого самочувствия в актерской психотехнике осуществляется посредством механизмов идентификации, заражения, подражания, децентрации, персонификации.

В результате происходит развитие трех сторон эмпатии: когнитивной, аффективной, мотивационно-поведенческой.

Теперь изложенный подход спроектируем на уже существующее профессионально-личностное моделирование преподавателя высшей школы, обобщенное в работах (Матушанский, 2000а, 2000б). Общее понимание моделирования Г.В.Суходольский определяет как процесс создания иерархии моделей, в которой определенная реально существующая система моделируется в различных аспектах и различными средствами (Суходольский, 1976). Отсюда следует, что практическая ценность педагогической модели определяется ее адекватностью относительно реально существующей системы, которую она воспроизводит.

А. А Ткаченко

В последние годы преимущественно разрабатывались модели специалиста, определяющие его адекватную реализацию в будущей профессиональной деятельности. Здесь рассматриваются «профессиографические» (формирующиеся на основе содержания профессии и требований к специалисту) и «персоналогические» (формирующиеся на основе личности и ее многофакторных особенностей) модели (Суходольский, 1976). Одним из самых распространенных видов профессиональных моделей следует считать квалификационные характеристики специалиста, состоящие из двух основных разделов. Первый - отражает назначение, характеристики видов и объектов деятельности и включает: цель, сферу, объекты, уровни, квалификационно-должностные градации, характеристику основных проблем и задание деятельности. Второй – состоит из характеристики личности преподавателя в соответствии с требованиями к профессиональной подготовке и включает: знания, умения и навыки. Об учете духовного фактора речи не идет.

Другое научное направление профессионального моделирования связано с формированием профессиональной надежности специалиста, в частности, пилота воздушного судна, отраженное в работах В.А.Пономаренко и Р.Н. Макарова, что позволило выйти на определение «духовности профессионала» (Пономаренко, 2004; Макаров, 1990). Если говорить о преподавателе-мастере, способном эффективно решать проблемы, стоящие перед современной отечественной высшей школой, необходимо решать задачу разработки фактора «духовности» как основного системообразующего элемента его профессиональной модели, предполагающего высокий уровень «разумности» обучения. Здесь также может быть полезным использование психологического содержания понятия «личностной надежности» как свойства личности, определяющего ее готовность к надежному выполнению тех или иных социальных функций, сформулированного Г.А.Баллом в рамках радиогуманистического подхода с учетом соотношения с общим понятием надежности, психологической устойчивости, личностной свободы, а также проблемы педагогического содействия совместному развитию этих качеств (Балл, 2006: 289).

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Следует выделить оригинальный подход к построению функциональной модели личности психолога-практика А.Ф. Бондаренко (Бондаренко, 1997), согласно которого проблематика профессиональной (в том числе и личностной) подготовки включает четыре взаимосвязанных аспекта проектирования и становления «функциональной» личности психолога-консультанта: 1) построение теоретической модели специалиста, включающей разработку стандартов требований к личности и деятельности; 2) первичный отбор профессионально пригодных кандидатов; 3) разработку содержания обучения и развития; 4) решение проблемы собственного профессионального самоопределения. Такая модель предусматривает три уровня репрезентации специалиста как субъекта деятельности: уровень идеологического и социально-ролевого нормирования труда, соответствующий понятию «социальная роль», когда специалист должен сам быть больше, шире, сильнее той роли, которую он принимает на себя; уровень, отражающий производственный («технологический») аспект, выделяет в качестве предметной области собственно трудовую деятельность с подчиненной функцией психологической науки; уровень субъективности специалиста как социального индивида и личности, требующий персонализации, не зафиксированной ни в каких должностных инструкциях и самым непосредственным образом представляющий «человеческий фактор», где специалист выступает вне ролевых и функциональных рамок, обращаясь своей живой индивидуальностью, феноменологией своих жизненных проявлений к другим людям как субъект самого себя, автор и исполнитель своего личностного бытия, живущий другой логикой, отражающей личностное бытие, что рассматривается как «функциональная» личность специалиста.

Говоря о трехуровневой модели личности, представляет интерес подход МакАдамса (McAdams, 1996), предлагающего модель, позволяющую понимать индивидуальность и описывающую личность на следующих трех уровнях. На первом уровне представлены сопоставимые диспозиционные черты, отражающие характеристики наиболее общих поведенческих паттернов человека, являющихся глобальными и устойчивыми свойствами как «базовые тенденции»

А. А Ткаченко

(McCrae, Costa, 1996). При этом отмечается, что такое описание человека является предварительным, соответствующим «психологии незнакомца» (McAdams, 1992). На втором уровне представлены личные интересы и устремления в соответствующем контексте, позволяющие решать различные жизненные задачи и достигать значимые цели, конструктами которого являются личные проекты, жизненные задачи, личные стремления как более глубокие единицы личности. Они рассматриваются как «конструкты личного действия» и противопоставляются обобщенным диспозициям, отраженным в чертах (Little B.R., 1996). На третьем уровне представлены интеграционные истории жизни или жизненный нарратив, отражающий ощущение смысла и цели, приводящий к единству элементы первого и второго уровней как «живую кровь личности» (Singer, Salovey, 1993) и «созиданию» человеком своего Я. Такая модель описания личности обращает внимание на богатство человека как субъекта жизни.

В этом случае, основной составляющей модели преподавателя, способного реализовать не только современные задания, определенные Болонским процессом, но и обеспечить последующее развитие до масштабов общеевропейского образовательного пространства, является духовность профессионала, основанная на ДЖ-самоопределении. В общем виде под духовностью профессионала будем понимать особое психологическое состояние человека, которое обнаруживается эмпирически, воспринимается и рефлексивируется на бессознательном уровне (обычно на фоне религиозных символов) и концентрируется вокруг ядра, обозначаемого как «вера» и «правда». По сути - это «состояние веры и правды», возникающее по «закону случайности» в соответствии с внешне обусловленной ситуацией. Пребывание в нем ограничено и кратковременно, сопровождается предельными энергетическими проявлениями жизненных и профессиональных функций человека. Время пребывания (удержания) в этом состоянии может характеризовать своеобразную «меру» духовности.

Достаточно интересным в определении более подробного содержания такой ДЖ-личности могут стать характерные черты здоровой (самоактуализирующейся) личности, на которые

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения ориентируется Г.А.Балл в рамках рациогуманистического подхода, разработанные Г.Олпортом, В.Франклом, А.Маслоу, К.Роджерсом в контексте своих психологических теорий (Балл, 2006: 325-330).

Г. Олпорт указывает следующие характерные черты зрелой здоровой личности: расширенное «чувством "Я"»; теплое отношение к другим людям, невзирая на различия в ценностях и установках; положительный «образ "Я"»; реалистическое восприятие мира, не допускающее систематических искажений в угоду своим потребностям и фантазиям; объективная оценка себя; ясный, целостный подход к жизни, делающий ее осмысленной.

Так выглядят качества здоровой личности, предложенные В.Франклом в интерпретации Д. Шульца: свободный выбор своих действий; принятие на себя ответственности за течение своей жизни и определение судьбы; не детерминированность внешними силами; нахождение подходящего смысла жизни; сознательный контроль своей жизни; выражение творческих ценностей; преодоление беспокойства о себе.

В трудах А. Маслоу раскрываются следующие основные черты самоактуализирующейся личности: простота, естественность, непринужденность как в поведении, так и во внутренней жизни, мыслях, побуждениях; свежесть восприятия, способность наслаждаться окружающим миром; преимущественный интерес к миру, а не к себе; наличие дела, в которое она верит, «моя миссия в жизни»; объективный взгляд на жизнь и людей; объективное (не невротическое) восприятие проблем; готовность при изменении условий вносить изменения в свои взгляды и поведение; наличие творческих способностей; большая, чем у других, способность испытывать радость и счастье, когда «добродетель вознаграждается»; сочетание получения максимум удовольствия от настоящего с наличием цели в будущем; выраженная способность к любви и глубокой личностной связи с другими людьми; предпочтения в общении с людьми, обладающими привлекательными чертами характера (честность, искренность, доброта, смелость) безотносительно к поверхностным характеристикам (социальному и национальному происхождению, образованию, вероисповеданию,

А. А Ткаченко

внешности); демократичность, неподверженность снобизму; ощущение своей идентичности с человечеством, пренебрежение политическими, экономическими, национальными границами; четкое различие добра и зла; отсутствие повышенного интереса к отрицательным явлениям в жизни или искусстве; уважение к себе и способность уважать других; склонность к философскому юмору; низкая внутренняя конфликтность.

К. Роджерс так характеризует черты «личности завтрашнего дня»: открытость миру, новому опыту, взглядам, идеям, образу жизни; «экзистенциальность» как способность к полнокровной жизни; чувство субъективной свободы, вера в осуществление своих жизненных планов и реализацию выбора; стремление к аутентичности, что включает правдивость, отказ от лицемерия и хитрости; стремление к целостности тела и духа, мысли и чувства, науки и здравого смысла, работы и игры; стремление к тесной духовной связи с другими людьми; отношение к жизни как к процессу, нахождение в движении, изменении, готовность к риску; забота о людях, готовность оказать помощь; чувство близости к природе, проявление заботы о ней; доверие к собственному опыту, готовность выносить самостоятельные нравственные суждения; способность жить в обществе и играть в нем конструктивную роль; антиинституционализм (антипатия к жестко организованным бюрократическим организациям); скептицизм к манипуляционным и поддержка гуманных научно-технических достижений относительно людей; отсутствие стремления к деньгам и привилегированному материальному положению, равнодушное отношение к богатству; предпочтение относительно духовных ценностей, духовных личностей.

В нашем специальном понимании это особое психическое качество, оформляющееся как «деложизненная личность», проявляется в способности достижения своего «акме» как высшего уровня профессионально-психологического развития; постижения смысла и цели жизни; осуществления дела жизни; достижения высшего уровня профессиональной надежности (как устойчивости в критических ситуациях); трансформировании невозможного в возможное при выходе из критических ситуаций; работе «с душой» не

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения ради материальной выгоды; совмещения несовместимого (материального и духовного) в своей «профессиональной личности» для сохранения целостности; производства духовного продукта (для «Другого»); духовного общения как диалога с Другим; существования в состоянии как творческой и профессиональной, так и жизненной свободы (полноценные семейные отношения, жизненная состоятельность и независимость); понимания «языка жизни» (смысловые связи, события, знаки и т.п.); переживания предельных и запредельных состояний и критических жизненных ситуаций; жить по совести и не делать ничего того, что противоречит моральным и этическим нормам; не предпринимать никаких действий, нарушающих состояние духовности (состояния «веры и правды») и т.п. Это сопоставимо с тем, что А.Ф.Бондаренко называет «функциональной личностью» специалиста, а мы «ипостасью психолога-духовника».

Имеющиеся уровни моделирования, отражающие «техно-центрированный» и «человеко-центрированный» факторы, в состоянии обеспечить лишь определенную программу минимум вхождения в общеевропейское образовательное пространство, не позволяющую эффективно использовать отечественное стратегическое преимущество в реализации «духовно-центрированного» императива. Решающим является ДЖ-самоопределение личности преподавателя-мастера. С этих позиций концептуально представим трехуровневое профессионально-личностное моделирование преподавателя высшей школы с учетом «техно-центрированного» и «человеко-центрированного» факторов, интегрированных «духовно-центрированным» императивом.

Типы моделей.

I. Модели подготовки: минимальная образовательная программа; квалификационные требования; государственные требования к минимуму содержания и уровню профессиональной подготовки; государственный образовательный стандарт; *международные (общеевропейские) требования к минимуму содержания, уровню образования и профессиональной подготовки;*

А. А Ткаченко

международный (общевропейский) образовательный стандарт; модель формирования духовной составляющей профессионала.

II. Модели профессиональной деятельности: психограмма; профессиограмма; квалификационная характеристика; фонд комплексных квалификационных задач; модель деятельности.

III. Модели творения духовного продукта: модель ДЖ-личности; модель индивидуальной ДЖ-методологии; модель индивидуальной ДЖ-практики.

Основные уровни моделирования.

I. Деятельностный уровень моделирования отражает «техноцентрированный» фактор, базируется на деятельностном механизме осуществления образовательного процесса и включает: проблемы (задачи); уровень деятельности (репродуктивный, продуктивный); виды деятельности (педагогическая, научная, административная, управленческая, коммерческая, общественная); технологии, методы и приемы в деятельности; функции (обобщенные характеристики основных обязанностей в зависимости от специальности); *результат деятельности (жизненно и профессионально конкурентоспособные технологии на уровне бака-лавра, специалиста, магистра).*

II. Личностный уровень моделирования отражает «человекоцентрированный» фактор, базируется как на деятельностном, так и на поступковом механизме осуществления образовательного процесса и отражает: знания; умения; навыки; профессионально-педагогические качества и способности; психофизиологические качества и способности; установки, ценностные ориентации; уровень профессиональной компетентности; уровень педагогического мастерства; *профессиональный опыт; профессиональная личность (как «инструмент» деятельности).*

III. Деложизненный (духовный) уровень моделирования отражает «духовно-центрированный» императив ориентации человека на достижение своего высшего предназначения и базируется на ДЖ-личности преподавателя-мастера и поступковом механизме осуществления образовательного процесса.

II. МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Глава 4. «ДЕЛОЖИЗНЕННАЯ» МЕТОДОЛОГИЯ

4.1 Критические ситуации в «поле правды» как условие функционирования ДЖ-методологии

Согласно выдвинутой в нашем исследовании общей гипотезе, критические ситуации составляют основное наполнение жизненного бытия человека, ориентированного на достижение своего высшего предназначения, обозначенное нами как ДЖ-формат. Это своеобразная психологическая территория жизни, на которой создаются благоприятные условия для наиболее эффективного развития личности благодаря функционированию соответствующей ДЖ-методологии. Отметим, что эта методология является личностно ориентированной, уникальной, сугубо индивидуальной, как индивидуальная метода жизни. Освоивший такую методу способен целенаправленно жить в направлении достижения своего высшего предназначения. Первым и одним из наиболее важных элементов в

А. А Ткаченко

ней является жизненная ситуация, возникающая по принципу «закономерной случайности». В данном случае в контексте построения понятий аристотелевского типа в динамической психологии К.Левина (Левин, 2001) под «случайностью» понимаем «индивидуальное проявление». Поэтому, формирование необходимого научного представления о ситуации, возникающей в соответствии с закономерностью индивидуального проявления личности, определяемой жизнью, имеет для нас ключевое значение.

Слово «ситуация» происходит от латинского «*situs*», означающего: 1) положение, расположение; 2) поставленный, положенный, лежащий, находящийся; 3) обитающий, живущий. В словарях С.И. Ожегова и энциклопедическом оно обозначает совокупность обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение.

Одним из первых попытку концептуального осмысления феномена ситуации предпринял Гегель (Гегель, 1999: 238) в своих лекциях по эстетике, где в самом общем виде характеризовал ее как особенность человеческого состояния, которое вносит в его субстанциональное единство разлад, напряженность, побуждающие к действию. В первом открытом обсуждении вопроса о ситуации К. Ясперс (Ясперс, 1991) предлагает называть таковой конкретную действительность, означающую преимущество, возможность, вред или преграду индивидуального бытия. Т. Парсонс (Парсонс, 2000) говорит о ситуации действия как части внешнего мира, значимой для агента, складывающейся из объектов, условий и средств действия, как среда отношений субъекта и объекта, как то, что объективно по отношению к субъекту деятельности. Как отмечает автор (Тюгашев, 2009), понятие «ситуация» является одним из ключевых, используемых для социокультурного и философско-эмпирического анализа действительности, а потребность в его понимании актуализируется на достаточно высоком уровне развития науки при достижении ею зрелости и стремлении обеспечить практику точной методикой. По мнению автора (Касавин, 2002), ситуационные исследования в самом общем виде представляют собой междисциплинарную методологию анализа индивидуальных субъектов, локальных групповых мировоззрений.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Психологи определяют ситуацию в общем как систему внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредующих его активность. Ситуация фиксирует конкретную действительность в аспекте невольного затруднения как то, что человек должен претерпевать. Структурно она понимается как субъект-объектное отношение. Основным вопросом ситуации является вопрос об экзистенциальной встрече, открывающей момент истины. Развернутое понимание ситуации необходимо приводит к представлению о множестве ситуаций, в которых осуществляется коммуникация, экзистенциальная встреча одного и другого личного бытия. Ситуация распознается по множеству конституирующих ее признаков, таких, как: определенность, текучесть, негативная окрашенность, пассивность и др. Она является характеристикой субъекта в перспективе его объективации, когда тот сливается с обстоятельствами и действует как они того требуют. С одной стороны, внешние и внутренние определенные обстоятельства, состояния и отношения превращаются в ситуацию только через душевное переживание и страсть, как реакцию на эти обстоятельства, сохраняясь в них. С другой стороны, ситуация дифференцируется в своей определенности, создавая противоположности, препятствия, осложнения и нарушения, так что душа чувствует себя вынужденной непременно действовать сообразно этим обстоятельствам, дабы устранить преграды и по-мехи, препятствующие ее целям и страстям (Тюгашев, 2009).

Как отмечают авторы работы (Бурлачук, Коржова, 1998), до настоящего времени отсутствует единство в психологическом представлении сущности понятия ситуации. В наиболее общем виде она понимается как естественный сегмент социальной жизни, определяющийся вовлеченными в нее людьми, местом действия, сущностью деятельности и др. Здесь под термином «ситуация», кроме отдельных случаев, подразумеваются жизненные ситуации как внешние условия протекания жизнедеятельности человека, перекликающиеся с такими понятиями, как «социальный случай», «случай», «социальный эпизод» и трактуется двояко – объективно и субъективно. Под объективной ситуацией понимается актуальное

А. А Ткаченко

физическое и социальное окружение, а под субъективной - любой компонент ситуации, субъективно воспринимаемой человеком и получающей в этой связи то или иное значение. Поведение человека обусловлено не столько внешним окружением, сколько его интерпретацией в психической сфере.

В отечественной психологии нас интересует понимание ситуации, основанное на понятии личностного смысла, введенного А.Н. Леонтьевым и понимаемого как оценка жизненного значения для субъекта объективных обстоятельств и его действий в них, а также на теории установки (Д.Н. Узнадзе, Ш.А. Надирашвили), согласно которой реакция индивида, помимо стимула, обуславливается установкой как целостным психическим состоянием индивида, формирующимся у субъекта под воздействием действительности. В.Н. Мясищев в концепции отношений личности предложил понятие «значимой ситуации», подчеркнув при этом уязвимость личности со стороны определенных факторов среды, что понимается как комплекс неких условий, внешних сил и стимулов, воздействующих на индивида. Полагается, что растущий интерес к психологии среды должен скорректировать традиционные направления исследований в психологии, сосредоточив внимание на человеке как едином целом.

Зарубежные исследования, проводимые в этом контексте (Магнуссон, 1983) основаны на положении, согласно которому влияние ситуации опосредуется «воспринимающе-когнитивными системами индивида». В сознании индивида ситуация представлена такими моментами, как формирование и развитие конструкта ситуации и функционирование конструкта, отражающего ситуацию в качестве элемента целостной системы, представляющей целостную картину мира. В зависимости от степени полноты такой представленности описываются уровни психологической репрезентации ситуации, которая вносит упорядоченность и задает контекст восприятия человеком такой общей картины. Выделяются структурные аспекты ситуаций, определяющие ее как некий гештальт, характеризующийся сочетанием действующих лиц, осуществляемой ими деятельности, а также ее временем и местом, или делается акцент на содержательном аспекте анализа когнитивной репрезентации имеющих место социальных интеракций (Pervin, 1970). Другая

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения классификация подходов к анализу ситуаций может включать: анализ особенностей восприятия ситуаций; анализ мотивационной стороны; анализ реакций на ситуацию (Магнуссон, 1983).

В настоящее время в понимании «ситуации» психологи склонны придерживаться модели личностно-ситуационного взаимодействия, которая в наиболее общем виде представлена следующим образом: поведение является функцией непрерывного процесса взаимодействия личности и ситуации; личность в этом интерактивном процессе выступает в качестве активного, целенаправленно действующего субъекта; существенными личностными детерминантами поведения являются когнитивные и мотивационные особенности; существенными ситуационными детерминантами поведения являются психологические значения ситуации (Магнуссон, 1983).

Таким образом, опираясь на понятия «субъективной ситуации», «интерпретации ситуации», «субъективности ситуации», а также в некоторой степени «ситуации как когнитивных конструктов», «установки», «значимой ситуации», «личностного смысла», подразумевается перцептивный аспект ситуаций как элементов среды. Это снимает кажущееся противоречие между пониманием ситуации как внешних условий протекания жизнедеятельности на ее определенном этапе, и как системы субъективных и объективных элементов, объединяющихся в жизнедеятельности. А изменения поведения при исследовании в разных ситуациях не обязательно означают личностные изменения, поскольку: выявленные изменения поведения могут быть в большей степени результатом применения ненадежного теста, нежели влияния ситуационных факторов; необходимо учитывать особенности выборки испытуемых, например возраст, сильно влияющий на результаты обследования; личностные характеристики могут быть прежними, но проявляться в другой форме; существуют различия в стабильности разных людей (Pervin, 1970; 1978). Проблема соотношения личностных и ситуационных переменных в настоящее время решается путем обращения к категории поведения, которое является функцией взаимодействия личности и ситуации.

Личностные особенности могут быть представлены как условные возможности, реализующиеся в актах поведения в конкретной ситуации. Согласно концепции психологии переживания, предложенной Ф.Е.Василюком, преодоление критических ситуаций является основным условием психологического развития, становления и жизнеспособности личности. Именно в критических ситуациях человек выходит за пределы собственного «Я» в трансцендентные состояния, обретает способность посмотреть на себя со стороны и трансформироваться в другую идентичность. Рассматривая в самом общем плане суть понятия критической ситуации в жизнедеятельности человека, Ф.Ю. Василук отмечает ситуацию невозможности реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и т. п.). Ключевыми понятиями, описывающими в современной психологии критические жизненные ситуации, являются стресс, фрустрация, конфликт и кризис. Тип таких ситуаций определяется характером состояния «невозможности», в котором оказалась жизнедеятельность субъекта, определяемая парализованной жизненной потребностью в результате неспособности справиться с имеющимися внешними и внутренними условиями. Такие условия, тип активности и специфическая жизненная необходимость определяют основные характеристики типов критических ситуаций.

Стрессом обозначается критическая ситуация, возникающая у существа, не способного справиться ни с какими требованиями среды. Полную реализацию гипотетического существования, когда блага даны прямо и непосредственно и вся жизнь сведена к витальности, можно усмотреть только в пребывании плода в чреве матери. Частично это свойственно жизни на основе установки на «здесь и сейчас удовольствие», или то, что З. Фрейд называл «принципом удовольствия». Квалифицируя это как стресс, его можно понимать как возможность совмещения идей «экстремальности» и «неспецифичности». Это позволяет стресс считать и как критическим событием и, вместе с тем, рассматривать как перманентное жизненное состояние. Следовательно, категориальное поле понятия стресса обозначается как «витальность», понимаемая как непреодолимое

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения измерение бытия по «закону» установки на здесь и сейчас удовольствие.

Необходимым условием фрустрации является сочетание сильной мотивированности к достижению определенной цели и препятствиями на пути к ней. Достаточные условия фрустрации заложены в характеристиках этого состояния, проявляющегося в следующем характерном поведении: двигательное возбуждение; апатия; агрессия и деструкция; стереотипия; регрессия или «примитивизация поведения», снижение «качества выполнения». Центральной характеристикой фрустрации есть «поведение без цели» (когда достижение данной цели лишено смысла относительно начальной цели или мотива данной ситуации). Выделяются такие важнейшие параметры поведения в фрустрационной ситуации как наличие осмысленной перспективной связи поведения с мотивом, который конституирует психологическую ситуацию; организованность поведения какой угодно целью, независимо от того, ведет ли достижение этой цели к реализации указанного мотива. Допускается, что оба параметра могут в каждом отдельном случае иметь позитивное или негативное значение. Тогда, в затруднительной для субъекта ситуации можно наблюдать формы поведения, которые отвечают каждому из следующих четырех типов: подчинение организующей цели и явно не являющееся фрустрационным; когда человек, преднамеренно «закативший истерику» в надежде добиться своего, полностью теряет контроль над своим поведением со стороны воли, но не со стороны сознания, еще сохраняя смысловую связь между поведением и мотивом, а также надежду на решение ситуации; потеря связи мотива действия и смысла, отсутствие сознательного контроля связи поведения с начальным мотивом; «катастрофическое» поведение, не контролируемое ни волей, ни сознанием и не находящееся в содержательно смысловой связи с мотивом ситуации. Тогда ситуации затрудненности отвечает поведение первого типа, а ситуации фрустрации - поведение остальных трех типов. Категориальное поле понятия фрустрации задается категорией деятельности. Это поле может быть изображено как жизненный мир, главной характеристикой условий существования в котором является

А. А Ткаченко

«трудность», а внутренней необходимостью этого существования - реализация мотива. Нормой такой жизни является преодоление трудностей на пути к цели, а специфическая критическая ситуация возникает, когда трудность становится непреодолимой и переходит в «невозможность».

Конфликт с общих позиций можно определить как столкновение чего-то с чем-то и его характер. Как необходимое условие конфликта выделяется осознание собственных чувств, наличие внутренней системы ценностей и индивидуальной актуализации сложного внутреннего мира. Если препятствия (запрещения), как внешние психологические барьеры, перестают быть самоочевидными и становятся внутренне проблематичными, тогда ситуация фрустрации превращается в ситуацию конфликта и внутренняя активность сознания направлена на достижение согласованности внутреннего мира (сравнение и выбор мотивов, нахождение компромиссных решений, преодоление трудностей). Критической ситуацией здесь является такая, когда субъективно невозможно ни выйти из ситуации конфликта, ни решить ее путем нахождения компромисса между побуждениями, противостоящими друг другу. Можно различать ситуацию осложнения и критическую конфликтную ситуацию, когда сознание уступает перед субъективно неразрешимыми противоречиями мотивов.

Теория кризисов в основном касается индивида и подчеркивает не только возможные патологические последствия, но и возможности роста и развития личности. Выделяются такие стадии кризиса: 1) первичный рост напряжения, стимулирующего привычные средства решения заданий; 2) дальнейший рост напряжения, если эти средства оказываются безрезультатными; 3) еще больший рост напряжения, которое требует мобилизации внешних и внутренних источников; 4) если все оказывается тщетным, наступает стадия повышения тревоги и депрессии, чувство беспомощности и безнадежности, дезорганизации личности. Кризис может окончиться на какой угодно стадии, если исчезает опасность или находится решение. Системообразующей категорией концепции кризисов является индивидуальный жизненный путь человека. Собственно кризис – это

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения кризис жизни, критический момент и поворотный пункт жизненного пути.

Внутренней необходимостью жизни личности является реализация своего пути, как жизненного смысла. Психологическим «органом» проведения этого смысла в жизнь является воля. Когда она становится бессильной, возникает специфическая жизненная критическая ситуация кризиса. Выделяются два рода кризисных ситуаций: ситуация кризиса первого рода может существенно затруднять и осложнять реализацию жизненного замысла, но сохраняется возможность возобновления прерванного кризисом протекания жизни; ситуация второго рода, собственно кризис, делает реализацию жизненного замысла невозможной, результатом чего является метаморфоза личности, ее перерождение, принятие нового смысла жизни, ценностей, жизненной стратегии, «образа-Я».

Таким образом, категориальное поле, которое создается идеей критической ситуации, воспроизводит особенное измерение жизнедеятельности человека, ориентированного на достижение высшего предназначения. Оно имеет собственные закономерности, которые характеризуются соответствующими условиями жизнедеятельности, типом активности и специфической внутренней необходимости. Такое поле мы относим к ДЖ-формату.

В экспериментальной критической ситуации, возникающей на авторском тренинге профессионального мастерства психологов-консультантов, благодаря выполнению специального задания «клиент с улицы», согласно которого участник должен в буквальном смысле выйти на улицу, предложить свои услуги как психолога-консультанта первому встречному человеку, получить согласие и предоставить эту услугу непосредственно на виду у тренинговой группы. Рассмотрим эту ситуацию как критическую, соответствующую ДЖ-формату, с позиций наличия указанных составляющих стресса, фрустрации, конфликта и кризиса. В этой ситуации создается задание, требующее решения проблемы актуализации реальных умений психолога-консультанта и их демонстрации «здесь и теперь», качество которой оценивает внешняя независимая экспертиза в лице «другого», представленного «клиентом с улицы». Именно это гарантирует

А. А Ткаченко

возникновение стрессовой компоненты и создание критической ситуации. Причем, здесь также реализуется требование «неспецифичности» стрессовой реакции за счет овладения неспецифичными профессиональными умениями, являющимися универсальными в профессиональной деятельности психолога-консультанта.

Фрустрационная составляющая экспериментальной критической ситуации достигается за счет таких факторов. С одной стороны – создается сильная мотивация достижения цели и удовлетворения потребности в подтверждении своего профессионального уровня и профессиональной состоятельности как психолога-консультанта. С другой стороны – для этого приходится разрушать практически непреодолимые препятствия, связанные с собственной психологической и профессиональной несостоятельностью. Следует отметить, что реально и полностью выполнить это задание удавалось далеко не каждому участнику тренинга. Как правило, это были мужчины, хотя большинство присутствовавших на тренинге были женщины.

Составляющая конфликта создавалась за счет столкновения в психологическом мире личности участника тренинга внутренней потребности в актуализации и демонстрации себя как профессионального психолога-консультанта и внешней сложности задания. Здесь наглядно актуализируется субъективная невозможность ни выйти из ситуации (это значит признать себя профессионально несостоятельным), ни решить ее за счет каких-то компромиссов в виду большой сложности задания.

Кризисная компонента создается за счет подтверждения наличия действительно решающего жизненного момента в участника тренинга, когда речь идет о реализации смысла учебы и овладении профессиональным уровнем психолога-консультанта. Здесь можно увидеть все составные кризиса: рост напряжения и стимулирование получения необходимого уровня профессиональной подготовки; последующий рост напряжения, поскольку имеющийся уровень оказывается недостаточным; мобилизацию внешних и внутренних источников и актуализацию необходимых профессиональных качеств; наконец, возникновение реальной депрессии и беспомощности. Но

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения когда кто-то из членов группы успешно справляется с заданием, кризис исчезает и удается наглядно увидеть овладение умениями психолога-консультанта, в «элитности» которых как подтверждении профессионального мастерства, уже никто не сомневается (Васильюк, 1984).

Как отмечает А.А. Баканова в контексте исследования отношения к жизни и смерти в изучении критических жизненных ситуаций, в рамках психологической науки растет осознание появления полноправной сферы духовного измерения в изучении человеческого опыта, где особое место занимает экзистенциально-гуманистическая парадигма, рассматривающая развитие и становление личности как творческий поиск человеком своего предназначения, согласия с самим собой, актуализации своих возможностей. Жизненный путь личности связан с прохождением различных критических ситуаций как этапов разрушения, ломки, отрицания некоторых естественных способов видения мира, познания себя и отношения к окружающему. Наиболее значимыми и сильными критическими ситуациями в жизни человека и развитии личности являются те, которые связаны с осознанием собственной смертности (неизлечимая болезнь, участие в боевых действиях и т.п.) или столкновением со смертью другого (переживание потери близкого человека). В экзистенциально-гуманистической парадигме любые критические ситуации можно рассматривать как своеобразное столкновение со смертью, которая в данном контексте понимается как трансформирующий процесс, отказ от старых, привычных способов бытия и подбор, совершенствование новых более адекватных жизненных условий. Критическая ситуация переживается личностью по-разному: может оказывать разрушительное действие, повышая тревогу и депрессию, чувство беспомощности и безнадежности, что ведет к жизненному кризису; или наоборот, может придать жизни смысл, сделать ее более полной и содержательной. В любом случае столкновение с критической ситуацией болезненно переживается личностью и изменяет ее отношение к жизни, смерти, себе и своим ценностям. Поэтому актуализируется вопрос о необходимости психологической помощи людям, находящимся в таких критических

кризисных жизненных ситуациях. Однако современный уровень развития теории кризисов не имеет разработанной собственной системы категорий, не проясняет связь используемых понятий с академическими психологическими представлениями, не выявляет пути и механизмы преодоления критических ситуаций.

Данный автор считает, что критические ситуации требуют от человека изменений в жизненном стиле, образе мышления, способе познания и видения мира или отношения к себе и окружающим. Они могут вести к кризису и стать поворотным моментом в жизни личности. Понимание кризиса зарубежными психологами раскрывает его пусковые механизмы. Любой кризис содержит как позитивный, так и негативный компоненты и описывается как трансформирующий, одновременно несущий не только отказ от старых, привычных способов бытия, но также поиск и совершенствование новых. В отечественной психологии критические ситуации и связанные с ними личностные изменения рассматривались в структуре жизненного пути личности. В рабочей трактовке А.А. Бакановой критической является такая ситуация, в которой субъект не может реализовать основные потребности своей жизни и которая ставит его перед необходимостью изменения способа бытия (отношения к себе, другим, жизни и смерти). А кризис рассматривается как реакция личности на критическую ситуацию, которая выражается в неспособности личности разрешить ее в короткое время и привычным способом. Любая критическая ситуация потенциально может явиться для личности кризисной (то есть ведущей к кризису), что зависит от ее адаптивных возможностей. В отечественной психологии переживание критических ситуаций понимается как предпосылка личностных изменений.

В результате исследования, проводимого на выборке, включающей заключенных в местах лишения свободы, военнослужащих, получивших ранения во время боевых действий и женщин с онкологическим заболеванием, оказалось следующее. Для человека, лишённого свободы, характерно жить сегодняшним днем, причем с тенденцией к получению как можно большего количества переживаний и впечатлений. Смысл жизни видится либо в получении удовольствий и благ, либо в помощи и заботе о других. Это говорит о том, что ограничение свободы дает личности представления о

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения собственной жизни как бесконечном процессе роста и развития, а также необходимости принятия ответственности. Для солдат срочной службы, прошедших «горячие точки», также характерно жить настоящим с тенденцией к получению как можно большего количества положительных впечатлений, с учетом будущих целей. Смысл жизни также видится ими в получении удовольствий и благ, или в заботе о семье. Следовательно, участие в боевых действиях изменяет отношение военнослужащих к жизни и смерти. Направление этих изменений будет зависеть от возможности личности интегрировать психотравмирующий опыт, связанный с военными действиями и непосредственным убийством противника. В ситуации онкологического заболевания среди смысложизненных ориентации в такой критической ситуации преобладают тенденции жить будущим и настоящим. Смысл жизни видится в основном в заботе о других, что раскрывает особенности роли женщины и может рассматриваться как личностный ресурс для совладания с кризисом, а также как способ защиты. Отношение к жизни женщин с онкологическим заболеванием отличается по своим особенностям от отношения мужчин. У женщин в отношении к смерти системообразующим является не рациональная (как у мужчин), а эмоциональная компонента, состоящая в принятии смерти и чувства по отношению к ней. Ведущей является направленность на любовь, движение к мудрости с одинаково значимыми мужской и женской сущностью, а не чувство онтологической защищенности. У онкологических больных представление о смерти, как переходе в другое состояние, связано с наличием внутренних конфликтов, с повышенной ответственностью за свое выздоровление. Принятие смерти выступает вполне вероятным элементом личностного роста, а непримиримое отношение к смерти приводит к сосредоточению на благополучии тела, уменьшая при этом шансы на открытые отношения с миром, аутентичность и удовлетворенность жизнью.

В критических ситуациях личность сталкивается с необходимостью переоценки своих представлений о жизни и смерти, где выделяются «критическая ситуация как возможность роста» и «критическая ситуация как страдание». В первом случае, критическая

ситуация воспринимается личностью как возможность более глубокого, аутентичного бытия и включает в себя принятие судьбы, чувство онтологической защищенности, осмысленность жизни, ответственность, стремление к росту, принятие духовного и телесного аспекта своей личности, терпимость к изменчивости жизни, а также принятие чувств по отношению к смерти и веру в бессмертие души. Во втором случае критическая ситуация воспринимается личностью как наказание или искупление и выражается в концентрации на своих страданиях, связанных с болезнями, старостью, страхами, злом, беспомощностью, одиночеством. Такое отношение к жизни связано с представлениями о смерти как абсолютном конце и страхом по отношению к ней. В итоге автор исследования приходит к следующему: отношение к жизни и смерти представляет собой систему, основными эмоциональными и рациональными компонентами которой являются степень принятия жизни и смерти, онтологическая защищенность, принятие себя, видение смысла, ответственность, стремление к росту, представление о смерти как переходе в другое состояние или как об абсолютном конце; отношение к жизни и смерти обуславливается такими жизненными стратегиями совладания с критическими ситуациями, как «стремление к росту», «поиск смысла жизни», «гедонизм», «самоуничжение», «любовь к жизни», «страх перед жизнью», «страх изменений», «захват жизни»; критические ситуации изменяют отношение личности к жизни и смерти, которое зависит от возможности личности интегрировать психотравмирующий опыт и отношения к самой ситуации; отношение личности к критической ситуации проявляется либо как возможность роста (позитивное отношение к себе и идее трансцендентности личности), либо как наказание или искупление (концентрация на собственных страданиях); специфические особенности отношения к жизни и смерти в критической ситуации связаны с их условиями (заключенные отличаются появлением идеи собственной трансцендентности и выбором жизненной стратегии «гедонизм», участники боевых действий — стремлением максимально использовать жизнь, выбирая жизненные стратегии «поиск смысла жизни» и «захват жизни», онкологические больные женщины сосредотачиваются на страданиях, заботе о близких и страхе смерти,

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения выбирая жизненную стратегию «страх перед жизнью»), а также с особенностями мужской и женской психологии (Баканова, 2000).

Итак, проведенный анализ показывает, что истинные ситуации, составляющие ДЖ-формат, возникают случайно и задаются закономерностями индивидуальных жизненных реалий и духовной действительности. Поэтому они всегда характеризуются личностным содержанием и критической сущностью.

Другой важной характеристикой ДЖ-формата является «поле правды», содержательно наполняющее пространство существования человека, где он способен достигать своего высшего предназначения. В этом формате взаимоотношения человека с миром происходят на основе не потребностей и соответствующей деятельности с целью самосохранения своей биологической сущности, но на основе поступка и необходимости духовного развития. В качестве научно-психологической основы понимания такого «поля правды» можно рассматривать понятие «психологического поля», предложенное К.Левиным в контексте динамической психологии (Левин, 2001).

Согласно теории «поля» К.Левина, с учетом мнения М.Г. Ярошевского (Ярошевский, 1996), личность живет и развивается под влиянием своих потребностей в психологическом поле окружающих ее предметов, каждый из которых имеет определенный заряд, именуемый валентностью. Здесь различаются два рода потребностей - биологические и социальные, именуемые квазипотребностями. Согласно К. Левину, психологическое поле представляет собой феноменологический мир, придающий субъективный характер объективной реальности. Речь идет о «жизненном пространстве» индивида, включающем действующего субъекта и его психологическое окружение, когда во взаимодействии валентных объектов и потребностей валентность вещи должна соответствовать смыслу потребности.

Нас интересуют именно квазипотребности, учитывающие не только существующую в данный момент ситуацию, но и ее предвосхищение в сознании человека, определяющее его деятельность, что позволяет ему «встать над полем», преодолевая непосредственное влияние окружающих предметов. Такое поведение

А. А Ткаченко

К. Левин называл «волевым», в отличие от «полевого», возникающего под влиянием непосредственного сиюминутного окружения. Он также считал, что развитие динамической теории приводит к отнесению определенных явлений в единый класс «процессов воли», для этого необходимо их исследование в русле общего вопроса о «душевных силах» и их законах. Говоря о психической энергии и структуре души, он отмечал, что «отдельные психические переживания, действия и аффекты, намерения, желания и надежды прежде всего включены в совершенно определенные психические образования (комплексы), сферы личности и целостности процессов». А «принадлежность к строго определенным душевным комплексам имеет большое значение и для динамически значимых психических напряжений и энергий» (Левин, 2001: 114-115). Для волевого, намеренного действия важно возникновение «душевных сил напряжения», которое в силу их динамического родства с настоящими потребностями К. Левин и обозначал как квазипотребности.

Б.В. Зейгарник (Зейгарник, 1981) в контексте анализа квазипотребностей и психологического поля также подчеркивала их социальную обусловленность и динамическую характеристику по своему происхождению, поскольку речь идет о побуждаемых ими действиях и поступках. Удовлетворение квазипотребности состоит в стремлении к разрядке ее динамического напряжения, являющегося решающим детерминирующим фактором психической деятельности человека. При всем этом К. Левин подчеркивал особую важность того, что содержание квазипотребности может быть различным. В дальнейшем развитии этих содержаний психологического поля мы видим в понимании «поля правды».

«Поле правды» нами определено как ключевое условие функционирования предложенной методологии, которое рассматривается как воплощение психологической, жизненной и духовной истины. Довольно оригинально на вопрос «Что есть правда?» отвечал философ А.А.Гусейнов. Под «что» он подразумевал силу, направляющую человека в сторону неведомой конечной цели, под «правдой» - обозначение этой цели, с которой человек органично связан, под «есть» - бытие, когда быть и мыслить есть одно и то же (Гусейнов, 2009). В итоге «поле правды» трактуем как «силу бытия в

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения стремлении к достижению высшего предназначения человека». Согласно психологу В.В. Знакову (Знаков, 1999), в наиболее полном смысле правда является важнейшим компонентом духовного развития человека и человечества, поскольку актуализирует духовное начало, которое порождается из взаимосвязей субъекта с миром из глубин самой человеческой личности. По типу понимания, правда разделяется на: инструментальную, детерминированную утилитарными рассуждениями и представлением о справедливости (определяет «психологическое поле правды», где формируются искаженные личностные смыслы, в результате чего человек живет «неправильно» - **авт.**); этическую, которая регулируется морально-этическими принципами и мотивационной направленностью на представление о справедливости (определяет «жизненное поле правды», когда постигаются жизненные личностные смыслы, в результате чего человек живет «правильно» - **авт.**); рефлексивную, детерминированную способностью к личностной коммуникативной рефлексии на основе совести (определяет «духовное поле правды», когда творятся духовные смыслы, соответствующие разуму, в результате чего человек живет «праведно» - **авт.**).

«Поле правды» определяющееся не потребностями как психологическое, а квазипотребностями, отражающими необходимость, поэтому может рассматриваться как квазипсихологическое, относящееся к волевым процессам, определяющим душевную жизнь человека. Если «психологическое поле» имеет потребностную сущность, определяется напряжением (валентностью) окружающих предметов, где ведущая роль принадлежит вещам, имеет место «полевое» формирование психики, не имеющее смысла в развитии личности. Если ведущую роль играют квазипотребности, получаем «волевое» формирование психики, имеющее смысл для развития личности. «Поле правды» имеет изначальную смысловую сущность и наполнение. В «психологическом поле правды» при неделожизненном самоопределении личностный жизненный смысл отсутствует и человек существует лишь как потребитель в «обществе потребления»; в «жизненном поле правды» при ДЖ-самоопределении на жизненном

А. А Ткаченко

уровне происходит смыслопостижение; в «духовном поле правды» при ДЖ-самоопределении на духовном уровне происходит смыслообразование и наполнение мира разумом (наполнение ноосферы), что и есть главной сущностью и высшим предназначением существования человека.

Резюмируя изложенное, приходим к пониманию ДЖ-формата как своеобразного духовно-психологического жизненного пространства человека, организованного и функционирующего согласно закономерностей существования критической ситуации в «поле правды». Очевидно, в подтверждение существования таких закономерностей большую популярность сейчас приобретают телешоу, базирующиеся на выявлении и использовании неординарных способностей (талантов) человека. В Украине это такие известные проекты, как «Шанс», «Танцуют все», «Украина имеет таланты» и т.п. Здесь желаемый результат достигается за счет создания благоприятных условий для возникновения критической ситуации и необходимости осуществления поступкового действия в «поле правды» благодаря возможностям телевидения.

4.2 Общетеоретические очертания ДЖ-методологии

Как уже отмечалось, на основе современных философско-мировозренческих концепций и благодаря введению категории «дело жизни» вырисовываются две глобальные теоретические и практические парадигмы, из которых вытекают соответствующие две методологии построения жизненного пути человека и общества. Первый - направленный лишь «на себя», собственные физиологические, материальные потребности комфортного существования и самосохранения, отстранения от моральных, духовных ценностей, где основным психологическим ориентиром выступает чувство удовольствия, обозначенный нами как «жизнь – деятельность». Второй - направленный на овладение смыслом жизни и достижение высшего предназначения, постоянную самоактуализацию, преодоление препятствий, решение психологических и жизненных проблем, где основным психологическим ориентиром выступает чувство страха, связанное с

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения проработкой соответствующего «массива страданий», обозначенный нами как «жизнь – поступок».

Успешное решение этой глобальной проблемы жизнепостроения в большой мере зависит от создания соответствующей теоретико-методологической концепции жизни человека, направленной на достижение его высшего предназначения, которую мы назвали «деложизненная методология» (ДЖ-методология). С целью поиска соотношения высшего пред-назначения, имеющего духовное происхождение и объективно принадлежащего «Другому», с психикой и жизнью, субъективно принадлежащих человеку, нами была введена категория «дело жизни», как их субъект-объектное связующее образование, которое системно структурируется на психологическом, жизненном и духовном уровнях.

Данная концепция базируется на научно-мировоззренческих представлениях о нестабильности современного мира И. Пригожина (Пригожин, Стенгерс, 1986; Пригожин, 1991), достижениях культурно-исторического (Выготский, 1982; 2000) и деятельностного (Рубинштейн, 1976; 2002; Леонтьев, 1968; 1983; 1994) подхода в отечественной психологии, философско-психологической теории поступка В.А.Роменца (Роменец, 1983; 1989; 1990; 1993; 1995; 1998; 2001), философско-психологических теориях смысла жизни С.Л.Франка (Франк, 1992), В.Франкла (Франкл, 1990) и самоактуализации А.Маслоу (Маслоу, 1999а; 1999б), анализе принципов и категорий психологии А.Н.Ткаченко (Ткаченко, 1979), современных методологических концепциях мыследеятельности Г.П.Щедровицкого (Щедровицкий, 1995; Щедровицкий, 2000; 2004; 2005) и профессионального методологизирования А.В.Фурмана (Фурман, 2005; 2006), психологии понимания правды В.В.Знакова (Знаков, 1994; 1999), представлениях о категориальном пространстве самоопределения современной психологии В.А.Татенко (Татенко, 1995; 2004), а также современных идеях относительно расширения сферы психологии.

В самых широких очертаниях «деложизненная» теоретико-методологическая концепция начинает проявляться в контексте «философии нестабильности» через взаимоотношения феноменов

«нестабильность» и «детерминизм», «хаос» и «порядок» (по И. Пригожину). Здесь рассматриваются два способа видения универсума: 1) как внешнего мира в виде регулируемого автомата в бесконечном движении и 2) как внутреннего мира человека, который на протяжении всей жизни продуцирует творческие импульсы и наполняет универсум духовным продуктом. Сегодня наблюдается сближение этих миров как одно из важнейших культурных событий нашего времени. Благодаря такому «единению несоединимого» вырисовываются контуры новой психосоциальной рациональности в категориальном ДЖ-формате с поступковым содержанием.

Нестабильность как бы пронизывает универсум, обеспечивая на разных уровнях разный ход событий. В одном случае, когда среда однородна, нестабильность ведет к образованию сложных структур, в другом - к их разрушению. Здесь можно видеть уже упоминавшиеся два пути последующего развития человечества – «жизнь – деятельность» или «жизнь – поступок». Саморазвитие и выживание происходит за счет исключения нежизнеспособных форм как проработки «дефектов» жизни в виде «содеянного». В наших эмпирических и практических исследованиях психосоциальный механизм нового общения человека с природой в нестабильной среде был зафиксирован дважды, на локальном уровне в виде явления «духовно-природной психотерапии» (Ткаченко, 2001а) и на глобальном уровне в виде феномена «Майдана» (Ткаченко, 2006а). В обеих ситуациях, которые происходили абсолютно независимо одна от другой с промежутком времени в 8 лет, были обнаружены ряд одинаковых эффектов и закономерностей.

В теоретических исследованиях И.Пригожина нас интересует особенность общенаучной разработки феноменов «хаоса» и «порядка» (Пригожин, Стенгерс, 1986), которые в рамках «деложизненной» теоретической концепции мы связываем соответственно с «массивом страданий» и «массивом духовного продукта». По нашему мнению, в психологической науке к исследованию подобных явлений ближе всех подошли С.Гроф (Гроф, 2000) и К. Юнг (Юнг, 1995; 1998). С методологических позиций И.Пригожин отмечал, что «источником порядка есть нестабильность ..., то, что порождает «порядок из хаоса» (Пригожин, Стенгерс, 1986: 357). В нашем исследовании, где

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения основным объектом является высшее предназначение человека, наибольший интерес представляет сам момент превращения хаоса в порядок, ровно как «массива страданий» в «духовный продукт» и закономерности его протекания в теоретико-методологическом ДЖ-формате.

Согласно И.Пригожину, основным начальным условием такого явления выступает предварительное накопление «хаоса», что неминуемо приводит к возникновению сильно неравновесных состояний (неустойчивости, нелинейности, флуктуации). Все это является отличительными особенностями так называемых «диссипативных структур» - специфических образований, которые обеспечивают необратимость протекания естественных процессов и, как следствие, появление порядка. Эти сложные процессы свойственны лишь открытым естественным системам, к которым принадлежат и психосоциальные. Имеет место новый диалог человека с природой, в котором он уже значительно больше ограничен в своих активных «диктаторских» возможностях, чем в сфере ньютоновских линейных законов. Природа как бы требует от человека формирования нового, принципиально иного образа и содержания, чтобы дать ему возможность последующего полноценного общения с собой. Общее схематическое представление нового общения человека с природой представлено на рисунке 4 (Пригожин, Стенгерс, 1986: 371).

Рис. 4. Новое общение человека с природой (по И. Пригожину)

Обратим особое внимание на диссипативные психические образования, которые впоследствии приобретают вид все более стройных структур, характеризующих уровень личностных изменений. Можно допустить, что для их формирования используется

А. А Ткаченко

пригожинский «хаос», которому больше всего отвечают «автономные психологические комплексы» К.Юнга и «системы конденсируемого опыта» С. Грофа, как определенные психические образования, существующие на всех уровнях, объединенные сильным энергетическим зарядом и концентрированные вокруг соответствующих тематических содержательных архетипических ядер, выступающих объектом психологического анализа «содеянного». В целом все это образует «массив страданий», который трансформируется в «духовный продукт».

Предложенная схема теоретически может рассматриваться как методологический психологический механизм нового общения человека с природой, который по своей сути похож на поступковый (по В.А. Роменцу). Исходя из ДЖ-подхода можно заметить также два принципиальных способа общения человека с природой и миром - новый и старый. Новый - предусматривает переход хаоса в порядок, уменьшение энтропии, который в психологии можно определить как «поступковый», отвечающий теоретико-методологическому ДЖ-формату и направленный на осуществление человеком своего высшего предназначения. Старый - предусматривает «замирание» в хаосе и увеличение энтропии, который в психологии можно определить как «деятельностный», направленный лишь на самосохранение.

Далее представим современную психологию в теоретико-методологическом ДЖ-формате. Начнем с сакрального вопроса относительно назначения психологии как науки о душе, к реализации которого ученые и практики уже подошли вплотную. Остро проявилась проблема необходимости перехода от обычного образа изучения и осуществления жизни, который мы определили как «деловой» с «деятельностным» наполнением, к такому, который мы определили как «деложизненный» с «поступковым» наполнением. В таком формате психология должна ориентироваться на достижение высшего предназначения человека, изучая на основе общего принципа «единения несоединимого» - «нестабильность», «поступок», «дело жизни», а следовательно, и душу человека. В этом контексте необходимо рассмотреть условия трансформации деятельностных психологических принципов и категорий, предложенных Л.С.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения Выготским, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, в поступковые на основе теоретических позиций М.М. Бахтина (Бахтин, 1986), К Войтылы (Войтыла, 2003), В.А. Роменца (Роменец, Маноха, 1998) в теоретико-методологическом ДЖ-формате с учетом достижений современной психологической науки, представленных, в частности, в концепциях «мыследеятельности» Г.Щедровицкого (Щедровицкий, 1995) и «профессионального методологизирования» А. Фурмана (Фурман, 2005; 2006).

В своем научном наследии А.Н.Леонтьев указывал, что разработка системы понятий психологии деятельности остановилась и «замерзла» (Леонтьев, 1994: 245). В выяснении причин такого состояния важнейшим он считал вопрос о внешней и внутренней деятельности. Пытаясь стать на позицию С.Л. Рубинштейна, А.Н.Леонтьев отмечал, что деятельность разделяется на внутреннюю («богу богово») и внешнюю, особенно практическую, которая не является психологической, где образуется некая «ничейная зона». Происходит обособление психики-образа как внешней деятельности в свернутом виде (Леонтьев, 1994: 256). Очевидно, что подобная «зона» существует и во внутренней сфере, которая не вписывается в традиционные научно-психологические рамки. Вполне возможно, что для осмысления практической работы и эмпирического исследования явления «духовно-природной психотерапии» мы попали именно в такую «ничейную зону», что собственно и побудило к введению категорий «дело» и «дело жизни».С.Л.Рубинштейн отмечал, что психическое соединяет реальное и идеальное, где его взаимоотношения с материальным определяются деятельностью. Однако взаимоотношения психического и духовного четко не были определены. Это осуществлялось опосредствованно через поступок как разновидность деятельностного действия (Рубинштейн, 2002). Мы также принимаем понимание отношений между психическим и идеальным через поступок, но который по своей сущности и механизму принципиально отличается от Деятельности и является самостоятельной категорией. Тогда, «расширенная» характеристика психического как инфраструктуры в суперструктуре общества и мира с учетом «ничейной зоны», заполненной предложенными нами

А. А Ткаченко

категориями «дело» и «дело жизни», может выглядеть так, как представлено на рисунке 1. Основным принципом, обосновывающим «расширение» сферы психологии в ДЖ-формате, является «единение несоединимого». Такую позицию мы рассматриваем в контексте принципа «всеединства», предложенного философом Вл.С.Соловьевым. На современном уровне психологического знания В.П.Зинченко (Зинченко, 1993а) видит это как целостность человека, которая не дана, а задана, и достигается личностью с помощью свободной умственной и рефлексивной работы, вступлением во взаимоотношения с более высоким Другим на уровне силового потока двойной «духопроводности» как введения идеальной формы, так и очеловечивания.

Анализируя изначальный замысел психологической теории Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьев акцентировал внимание на необходимости связать жизнь с сознанием, рассматривая психологию как науку об особенной, высшей форме жизни, когда внешнее (материальное) и внутреннее (идеальное) выступают как единое. Для этого с самого начала нужно отыскать единение этого несоединимого. Сейчас имеется разрыв – «там или здесь» (Леонтьев, 1994: 39). Академик РАО В.А. Пономаренко (Пономаренко, 1997; 1998; 2004) предлагает своеобразную формулу духовности профессионала-летчика, которая предусматривает одновременное нахождение «там и тут» во время возникновения катастрофической ситуации («там» понимается как внутреннее, трансперсональное; «тут» - как внешнее, профессионально-деятельностное).

Родоначальник отечественной психологической школы Л.С.Выготский был склонен к надпсихологическому пониманию деятельности, когда изучение сознания происходит в области «вершинной» психологии, противостоящей «поверхностной» и «глубинной» (Выготский, 1982: 443). С.Л.Рубинштейн принципы психологии деятельности сводил к ключевой точке «единства сознания и деятельности», рассматривая деятельность как психологическое и внепсихологическое явление (Рубинштейн, 1976: 87). А.Н.Леонтьев придерживался идеи «двойной детерминации» психического (Леонтьев, 1994). Как видим, предложенный нами

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения принцип «единения несоединимого» в сущности был уже заложен в отечественной философии и психологии.

Теперь относительно механизма и движущей силы такого «расширения» психологии. Наша авторская практика и эмпирические исследования свидетельствуют, что таким механизмом является поступковый, а движущей силой – ДЖ-мотив. С.Л. Рубинштейн рассматривает поступок как действие, которое воспринимается и осознается действующим субъектом как общественный акт, который выражает отношение человека к другим людям. Это единство в деятельности внешнего и внутреннего на основе начальных мотивов ради конечной цели личности, когда поступки и переживания во взаимопроникновении образуют единство жизни и деятельности человека. Генезис поступка рассматривается как сложный противоречивый, но единый процесс, который создает основу объективного познания психики на основе реакции и сознательного действия.

Позитивные и негативные поступки могут выражаться одинаковыми чертами, поэтому, чтобы выяснить истину, необходимо найти действительный личностный смысл (Рубинштейн, 2002), понять правду (Знаков, 1999). А.Н. Леонтьев понимает поступок как особый вид волевых действий, которые требуют внутреннего усилия, когда они входят одновременно в две разные деятельности на основе эффективных противоположных мотивов с подчинением одного другому. Поступок также понимается как действие, которое входит в двоякую деятельность, но их мотивация, будучи разной, не является противоположной по знаку. Поступок требует осознания отношений между обеими деятельностями с учетом обоих мотивов, - это есть сложномотивированное действие, которое имеет сложный смысл (Леонтьев, 1994: 50). Но все же С.Л.Рубинштейн и А.Н.Леонтьев принципиально не разделяют деятельность и поступок, а лишь рассматривают его как особый вид деятельностного действия.

В.А. Роменец, исследуя поступок на философско-психологическом уровне, выделяет его как самостоятельный по своему механизму акт отношений человека и мира. Он отмечает, что в основе поступка лежат две причины: внутренняя, содержащаяся в

А. А Ткаченко

человеке, и внешняя, связанная с его духовной природой, когда и осуществляется и не осуществляется назначение человека, поскольку действует двойная детерминация. Специфика поступковой коммуникации заключается в укоренении как в социуме так и человеческой духовности. Осуществление поступка рассматривается как событие в жизни, духовный рост, преобразование, установление новых отношений с миром (Роменец, Маноха, 1998).

Для определения ДЖ-мотива можно исходить из мнения А.Н.Леонтьева относительно «главных» мотивов, которые занимают ведущее положение в развитии и жизни личности, имеют единый стержень, побуждают к достижению большой жизненной цели человека, овладению смыслом собственной жизни (Леонтьев, 1994: 242-343). Этот мотив проявляется в соответствующих объективных условиях развития деятельности. Его осознание является особой проблемой, нуждается в осуществлении определенной «работы» как действия на человека в правильных, адекватных понятиях, тогда силы его сознания резко увеличиваются. Если мотив раскрыт в ошибочных понятиях и деятельность не может развиваться, его сила теряется, он не проявляется и остается абстрактным (Леонтьев, 1994: 245).

Ключевой функциональной характеристикой ДЖ-методологии является ее энергетическое обеспечение, открывающееся через соответствующий ДЖ-мотив. Это позволяет определиться в понимании ДЖ-самоопределения, которое мы рассматриваем как тоническую настройку души (готовность к осуществлению «дела жизни»), что в психологической науке в контексте методологической проблематики неклассической психологии (по А.Г.Асмолову) соответствует сущности понятия установки. Для этого необходимо решить проблему активизации этого мотива, механизма его запуска и функционирования, который в психологии решается через понимание установки как готовности, обусловленной потребностями и мотивами личности – это предрасположенность субъекта, возникающая при предвосхищении им появления определенного объекта и обеспечивающая устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности по отношению к данному объекту (Психология. Словарь, 1990). В нашем исследовании обратимся к взгляду на установку в контексте методологических проблем неклассической

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения психологии (Асмолов, 2002). А.Г. Асмолов предлагает гипотезу об иерархической уровневой структуре установки как механизма стабилизации деятельности по критерию мотива (предмет потребности), цели (осознаваемый предвидимый результат) и условиям осуществления. Соответственно выделяются уровни смысловой, целевой, операциональной установок и уровень психофизиологических механизмов как реализаторов установки. Ведущей является смысловая установка как форма выражения личностного смысла, актуализируемая мотивом и представленная личностным смыслом (как единица сознания, отражающая пристрастность субъекта по отношению к событиям окружающего мира). Под целевой установкой понимается готовность к достижению осознаваемого предвидимого результата. Под операциональной установкой понимается готовность субъекта к осуществлению определенного способа действия на основе предвосхищения, опирающегося на прошлый опыт с учетом условий наличной ситуации. В повседневной жизни такие установки действуют в привычных стандартных ситуациях. Уровень психофизиологических механизмов является самым низшим в реализации установки.

Особый интерес в нашем исследовании вызывают бессознательные области формирования установки и деятельности в представлении неклассической психологии как расположенные за пределами сферы психического. Следует отметить такие специфические черты бессознательного, как нечувствительность к противоречиям (непосредственное эмоциональное вчувствование, идентификация, эмоциональное заражение, объединение в одну группу порой совершенно различных явлений через «сопричастность») и вневременной характер бессознательного (прошлое, настоящее и будущее сосуществуют, объединяются друг с другом в одном психическом акте, а не находятся в соотношении с линейной необратимой последовательности). В неосознаваемом психическом отражении мир и субъект образуют одно неделимое целое, где события окружающего мира слиты воедино. Выделяются следующие особые классы проявлений бессознательного. 1) надындивидуальные несознательные явления (имеют социальное

происхождение, покрыты таинственностью, служат почвой для мифологических построений). Здесь открывается социальный генезис сферы бессознательного в целом, где В.И.Вернадский видит источник появления ноосферы как нового пласта реальности в коллективной бессознательной работе человечества. 2) неосознаваемые мотивы и смысловые установки личности как побуждения и нереализованные предрасположенности к действиям, детерминируемые желаемым будущим, в свете которого различные поступки и события приобретают личностный смысл, часто искажающий действительность (по А.Н.Леонтьеву). Эти эффекты бессознательного устраняются и осознаются личностью только при совместном переживании с другим человеком или группой людей (психоаналитический сеанс, групповая психотерапия и т.п.). Их сущность представляется следующими особенностями динамических смысловых систем личности: производность от деятельности субъекта и его социальной позиции в системе общественных отношений; интенциональность как ориентированность на предмет деятельности, поскольку смысл всегда что-то выражает и кому-то или чему-то адресован; независимость от осознания (личностный смысл может быть осознан субъектом, но самого по себе осознания недостаточно для его изменения); невозможность воплощения в значениях и неформализуемость; феноменально смысловые образования про-являются в виде кажущихся случайными, немотивированными «отклонениями» поведения от нормативного для данной ситуации (например, обмолвки, лишние движения и т.п.). 3) неосознаваемые регуляторы способов выполнения деятельности (операциональные установки и стереотипы), возникающие в процессе решения различных задач (перцептивных, мнемических, моторных, мыслительных) и детерминирующиеся неосознанно предвосхищаемым образом событий и способов действия, опирающихся на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях, что непосредственно вписывается в проблему автоматизации различных видов внешней и внутренней деятельности (стирание грани между субъектом и объектом, растворение субъекта в деятельности). 4) неосознаваемые резервы органов чувств, которые могут быть представлены феноменом «шестого чувства» как субсенсорной

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения областью раздражителей (неслышимых звуков, невидимых световых сигналов и т.п.), вызывающих непровольную объективно регистрируемую реакцию.

В итоге А.Г. Асмолов приходит к общему выводу, что благодаря взаимопроникновению подходов, связанных с исследованием бессознательного, деятельности и установки, каждый из них в буквальном смысле слова обретает свое второе дыхание. Выявление общих черт и специфики этих скрытых планов сознания позволит найти адекватные методы их исследования, раскрыть их функцию в регуляции деятельности, дополнить и изменить существующую картину представлений о деятельности, сознании и личности в культурно-исторической неклассической психологии.

Исходя из сказанного, концептуально просматривается общеметодологический механизм достижения человеком своего высшего предназначения, рассмотренный ранее в контексте ДЖ-личности. С момента рождения на уровне индивида закладывается потенциальная возможность доступа к энергетическому обеспечению достижения высшего предназначения человека и развития Идеальной/Богopodobной личности. Главная задача ДЖ-методологии состоит в формировании индивидуальной ДЖ-методы, позволяющей реализовать этот энергетический потенциал посредством соответствующего жизнепостроения и житнетворчества. Мы полагаем, что именно ДЖ-установка является основным фактором формирования такой индивидуальной методы жизни, доступ к которой обеспечивает ДЖ-самоопределение как ее смысловое содержание, определяющее готовность к осуществлению «дела жизни». При этом ДЖ-установка изначально связана с начальной формой человека (пассионарным индивидом) и конечной формой (идеальной личностью) и в основном находится в бессознательной сфере, а ЖД-самоопределение полностью принадлежит человеку и личности и находится в сфере сознания как осознаваемая составляющая ДЖ-установки, запускающая методологический механизм самоопределения и осуществления «дела жизни». От того, как этот пусковой механизм сформируется, на деятельностной или поступковой основе, зависит дальнейший уровень формирования

А. А Ткаченко

установки (смысловой, целевой или операционный), функционирования методологии и формирования личности, психологический, витакультурный или духовный. ДЖ-установка актуализирует энергетический потенциал достижения высшего предназначения через соответствующий ДЖ-мотив, что и является основной функцией ДЖ-практики, базирующейся на поступковом механизме.

Сейчас в психологии вырисовывалось глобальное кризисное состояние, которое нуждается в принципиально иных решениях и теориях. В. А. Роменец отмечал, что психологи много сделали для возвышения идеи и принципа действия и деятельности на высший уровень научных ценностей, но уже в середине XX в. почувствовали его «беспринципность». Возник вопрос, какого именно человека формирует деятельность, которая ограничивается лишь самообслуживанием (Роменец, 2000). Исходя из нашей теоретико-методологической концепции, выход из кризиса лежит через ориентацию психологической науки на высшее предназначение человека путем ее «расширения» благодаря введению категории «дело жизни», подходу к поступку как механизму осуществления «дела жизни» на основе ДЖ-мотива со смысложизненным наполнением. Все это интегрируется на основе общего принципа «единения несоединимого», который является «чистилищем» в наполнении данного теоретико-методологического ДЖ-формата. Благодаря этому мы непосредственно выходим на научное и практическое обоснование души человека как глобального предмета психологической науки и практики, выступающей «творцом» духовного продукта.

В теоретико-методологическом ДЖ-формате поступок приобретает намного более широкие искомые характеристики и формы, высшее качество и смысл. Это достойная сцена для всестороннего раскрытия всех его возможностей. Здесь жизнь человека приобретает поступковое содержание, сориентированное как на самоактуализацию и саморазвитие (в понимании А. Маслоу (Маслоу, 1997), так и на обслуживание «Другого»). Поступок является механизмом «пайдейи» и праксиса души, поэтому его суть всегда скрыта, объективна и пока еще недостижима для человека как человека

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения разумного, пока он не трансформируется в человека одухотворенного/вразумленного.

Основанием для инструментального обоснования такого теоретико-методологического формата может служить методологическая организация психологии как «мыследеятельности» (Щедровицкий, 1995; 2000; 2004; 2005), дополненная «профессиональным методологизированием» (Фурман, 2005), которая позволяет получить единую актуальную структуру из «прошлого», «настоящего» и «будущего», чего требует многомерная сущность анализируемой проблемы. Такая методология также предусматривает в виде ее «единиц» выделение простых структур основных механизмов жизни как актов деяний (Щедровицкий, 1995: 232-281), которые в нашей парадигме опредмечиваются как «содеянное», открывающее доступ к смыслопостижению, и «дела», являющиеся основой для смыслообразования. Содеянное как «дефекты» жизни, можно заметить в поступковом характере рефлексии в мыследеятельности как напряженности разрыва мышления, которое определяется «испорченностью» индивидуального взноса в историю (Щедровицкий, 2004; 2005).

По Г.П.Щедровицкому полная схема мыследеятельности включает: 1) пояс чистого мышления (**М**), который разворачивается невербально, имеет четкие правила (идеальные процедуры), где между реальным и идеальным содержанием существует прямое соответствие («параллелизм»); 2) пояс полифонической мысли-коммуникации (**М-К**), которая прежде всего закрепляется в словесных текстах, существует по принципам полилога (многих логик), конфликтов, борьбы и взаимопротиворечий; 3) пояс социально организованного и культурно закрепленного коллективно-группового мышления (**мД**), предусматривающего нормирование, социальную организацию, целевую, логическую, техническую детерминацию объективными законами, где все системы гетерогенны. В каждом таком поясе существуют свои специфические действительности, которые отображаются друг в друге (Щедровицкий, 2004; 2005).

Смысл теоретической модели организации этой методологии заключается в предметном рассмотрении ее как гетерогенной

А. А Ткаченко

(ступенчато-иерархической) и гетерархированной (подобно «матрешке») системы в психологической, жизненной и духовной плоскостях, основную «субстанцию» которой образует методологическое понимание и рефлексия (Щедровицкий, 2004), на чем А.В. Фурман акцентирует особенное внимание в своем дополнении поясной структуры мыследеятельности профессиональным методологизированием (Фурман, 2005). Здесь благодаря методологизированию по Щедровицкому-Фурману, которое в своей сути направлено на «очистку» сознания, «включается» поступковый психо-логический механизм. Тогда сферу «мыследеятельности» можно рассматривать и как «деложизненную». К сожалению, ни В. А. Роменца, ни Г. П. Щедровицкого уже нельзя вовлечь в непосредственную мысле-деятельностную коммуникацию. Тогда, если психология (по Щедровицкому) является «сферой мыследеятельности», что (по Роменцу) есть суть «сфера поступка», то психологический механизм уточняется как «мысле-деятельностно-поступковый», что отвечает сути «расширенной» психологии как практической науки, которая захватывает этические, эстетические, духовные сферы.

Основным условием функционирования предложенной методологии нами определена правда, которая, согласно В.В. Знакову (Знаков, 1999), рассматривается как воплощение психологической, жизненной и духовной истины. В наиболее полном смысле правда является важнейшим компонентом духовного развития человека и человечества, поскольку актуализирует духовное начало, которое порождается из взаимосвязей субъекта с миром из глубин самой человеческой личности. По типу понимания, правда разделяется на: инструментальную, детерминированную утилитарными рассуждениями и представлением о справедливости; этическую, которая регулируется морально-этическими принципами и мотивационной направленностью на представление о справедливости; рефлексивную, детерминированную способностью к личностной коммуникативной рефлексии на основе совести. Личностная ориентация на тип понимания правды определяет «психологический стержень» позиции субъекта и его деложизненную направленность.

4.3 Теоретическая модель функционирования ДЖ-методологии

Как показали наши эмпирико-практические исследования, предлагаемая методология функционально связывает высшее предназначение человека с его энергетическим обеспечением посредством ДЖ-самоопределения и имеет сложную объект-субъектную сущность, теоретически самоопределяющуюся в сфере «расширенной» научно-психологической парадигмы, предусматривающей опредмечивание души. Она возникает как на индивидуальном, так и социальном уровнях, является целостным образованием, которое конструируется, функционирует и исследуется одновременно, подобно методологической «машине» Г.П. Щедровицкого (Щедровицкий, 2005). В теоретико-методологическом ДЖ-формате она функционирует благодаря поступковому механизму и понимаемо-рефлексивной рабочей субстанции при условии возникновения ситуативного поля правды на психологическом, жизненном и духовном уровнях.

Как уже было отмечено, новое представление общения человека с природой из психологических позиций можно рассматривать как «поступковое», которое по В.А. Роменцу выглядит так: **подготовка к поступку - ситуация - мотивация - поступковое действие – последствие**. Старое представление, названное нами «деятельностным», в трактовке К.К. Платонова выглядит так: **цель - мотив - деятельностное действие – результат** (Платонов, 1972). Согласно нашим исследованиям, методологический ДЖ-формат существует в динамическом развитии таких этапов: **подготовка - попадание - удержание - идентификация – выполнение**. Ключевым и, очевидно, пока единственным понятием, позволяющим в рамках научной психологии говорить об объединении этих механизмов, активизирующих в человеке взаимоотношения его материальной и духовной природы, является «субъектность» личности. В контексте предлагаемого подхода, принимая это понятие как особое свойство самопричинности и самооценности личности, мы его рассматриваем

А. А Ткаченко

также и как имеющее прямое отношение к ДЖ-личности, ориентированной на производство духовного продукта и достижение высшего предназначения. Коренным отличием формирования таких особых личностных качеств (свойств), как «субъективность» и «делоужизненность», состоит в способе взаимоотношения с миром и обществом. Мы определили, что в случае «субъектности» личности - это деятельность, а в случае ДЖ-личности – это поступок.

Для получения целостной методологической картины воспользуемся представлением В.А.Татенко о категориальном пространстве самоопределения психологии как субъекта познания на основе общей позиции относительно объекта, предмета и метода (Татенко, 2004). Исходя из такой позиции, можно сказать, что объект «дела жизни» должен отвечать на вопрос относительно качественной специфики той реальности, на которую направлено ее исследование и практическая проработка. Предмет определяется методологически и отвечает на вопрос, как именно следует исследовать и прорабатывать эту реальность. Содержательное и функциональное объединение/разъединение категориальных оппозиционных пар «субъект-объект» и «предмет-метод» теоретически представляется возможным на основе принципа «единения несоединимого» в векторно определяемом методологическом категориальном ДЖ-формате. Здесь «дело жизни», как самостоятельная категория, выступает субъектом высшего предназначения человека, принадлежащего общему объекту. Специфическим объектом выступает душевная субстанция человека как абсолютная психическая реальность. Тогда предметом «дела жизни» становится «смысл жизни», как его психическое наполнение, а базовым методом исследования/практики выступает поступковый психологический механизм.

Схематически категориальное пространство опредмечивания души через поступковую активность (**П(Д)**) в теоретико-методологическом ДЖ-формате представлено на рисунке 5.

Концептуально-схематически это пространство функционирует так. **Готовность** к выполнению дела жизни появляется с овладением смысла жизни, что рефлексируется как заполнение «экзистенциального вакуума» (по В.Франклу), возникают

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения *неустойчивые динамические системы* как характерные состояния в жизни человека. В результате объективизируется высшее предназна-

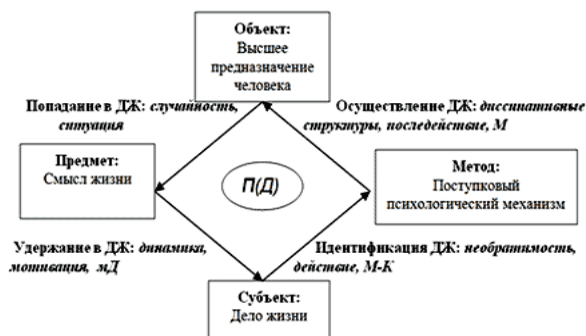

Рис. 5. Категориальное пространство опредмечивания души в теоретико-методологическом ДЖ-формате

чение человека как рефлексирование «другого». **Попадание** в дело жизни происходит благодаря *случайному* возникновению соответствующей *ситуации*, которая инициируется **объектом** с позиций высшего предназначения и **опредмечивается** как смысл жизни. **Удержание** в деле жизни осуществляется благодаря возникновению мыследеятельностной *динамики* и соответствующей *Мотивации*, которая определяет дело жизни как **субъект** высшего предназначения и активизирует пояс коллективно-группового мышления (*мД*). **Идентификация** дела жизни осуществляется благодаря возникновению *необратимости* в результате поступкового *действия*, которое определяет **метод** как поступковый психологический механизм и активизирует пояс мысли-коммуникации (*М-К*) как мысле-деятельностно-поступковой функциональной системы. **Выполнение** дела жизни осуществляется благодаря образованию *диссипативных структур* в результате поступкового *последствия*, которое активизирует пояс чистого мышления (*М*) в мыслепоступковой функциональной системе и завершает методологический цикл творения духовного продукта соответственно требованиям **объекта**. Это наиболее важный этап функционирования поступкового механизма, потому что именно здесь происходит окончательная «оценка качества» духовного продукта

А. А Ткаченко

благодаря полному разрушению старых и созданию новых жизненных систем, отвечающих обновленному одухотворенному состоянию человека. Мы соглашаемся с В. В. Знаковым (Знаков, 1999) в том, что механизм творения духовного продукта основан на соотношении текущего состояния осмысляемого субъекта (понимаем как осуществление дела жизни), с тем, каким он должен быть в идеальном эталонном варианте (понимаем как высшее предназначение). Исходя из этого, творение духовного продукта может происходить: благодаря интеллектуальным и этическим усилиям человека, направленным на устранение противоречий между реальными социальными ситуациями и нормативно-идеальными; благодаря осознанию своего места и роли в универсуме в отношениях с другими людьми как постоянного движения личности к идеалу путем разрешения противоречий; в морально-этических продуктах жизнедеятельности, памятниках старины, произведениях науки и искусства как объективизации творчества высших проявлений человеческого духа; в ситуативных и личностных факторах, связанных с угрозой для жизни, что способствует возникновению у человека духовных состояний; в обращении к высшим ценностным инстанциям конструирования личности путем саморазвития и самореализации и др.

Особенное место занимает **наблюдатель**, который олицетворяет Человека как субъекта общения с Природой и Духом благодаря поступковому психологическому механизму.

Категориальное пространство самоопределения теоретико-методологической модели в ДЖ-формате находит себя в измерении «понимание – рефлексия» в виде трехсоставной трехуровневой «матрешко»-ступенчатой структуры. Причем, понимание и рефлексия здесь существуют на всех уровнях и во всех составляющих как необходимая «рабочая субстанция». Понимание рассматривается как производная смысла, а рефлексия - как производная «пайдейи» и праксиса души. В избранной нами «расширенной» научно-психологической парадигме такое измерение простирается далеко за рамки научно-натуралистического формата. В этом контексте А.Н.Леонтьев, анализируя «образ мира», говорил о «пятом квазиизмерении» (Леонтьев, 1983), Г.П. Щедровицкий предусматривал максимальное развитие психологии при условии

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения выхода на первый план творения нового мыследеятельностного мира через рефлексивность (Щедровицкий, 2004). В нашей парадигме понимаемо-рефлексивная субстанция создает необходимую среду творения духовного продукта для «другого», что созвучно с позицией В.А. Роменца, который отмечал, что производство для других придает поступковому действию истинный смысл и является проявлением настоящего мастерства самого действия (Роменец, Маноха, 1998).

Базовым методологическим ориентиром здесь выступает ДЖ-самоопределение как реализация смысла жизни в виде дела жизни благодаря поступку, что является конструктивно-функциональной производной методологического принципа «единение несоединимого». Смысл жизни рассматривается как внутренняя, психологическая, субъектная инстанция, которая больше принадлежит человеку, а дело жизни как внешняя объектная субстанция, больше принадлежащая «другому». Критерием качества функциональной «единицы» выступает поступковое действие.

Категориальное пространство самоопределения теоретико-методологической модели в ДЖ-формате базируется на методологических категориальных парах «объект-субъект» и «предмет-метод», центрируемых благодаря деятельностному и поступковому механизмам (рис.6). Структурно он разделяется на три самостоятельных методологии: психологическую, направленную на «уклонение» от выполнения дела жизни; жизненную, направленную на выполнение дела жизни «для себя», и духовную, направленную на выполнение дела жизни «для другого». Они функционируют на соответствующих трех уровнях, состоящих из теоретической, деложизненного самоопределения и функционально-практической составляющих.

В организации вектора *понимания* методологического пространства доминирует структура по типу «матрешки», которая

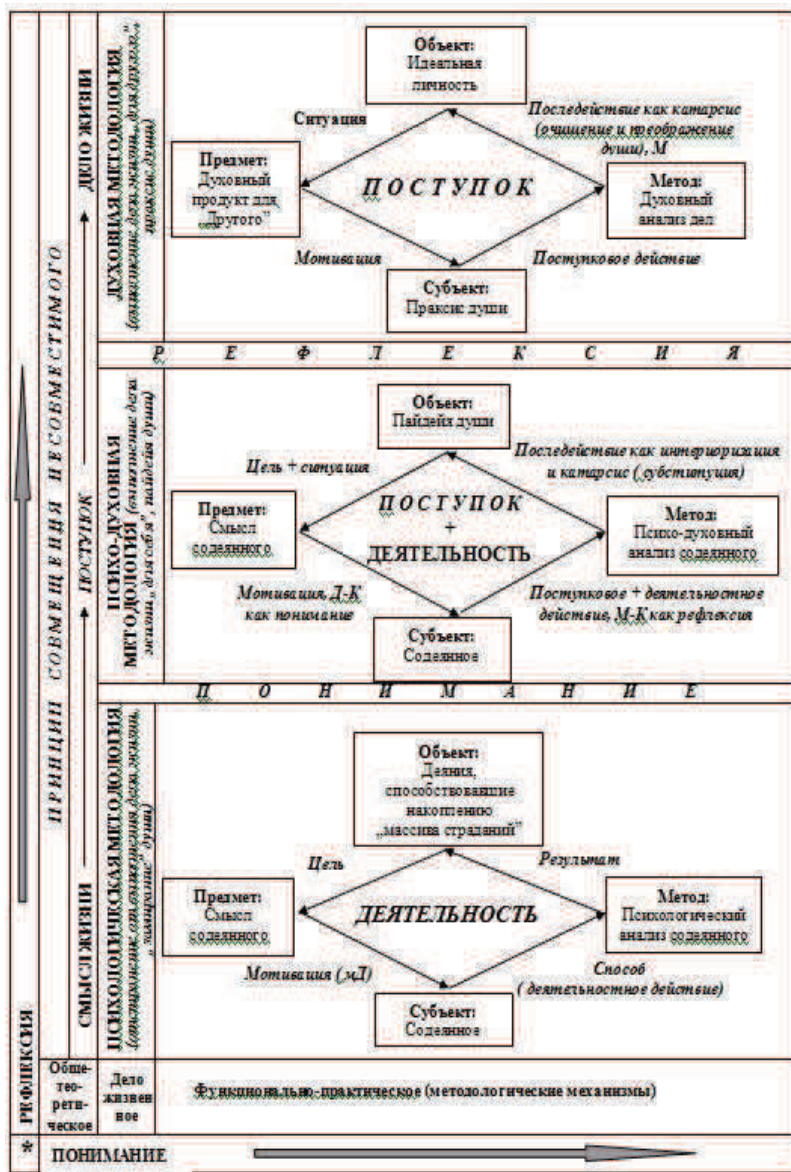

Рис. 6. Категориальное пространство самоопределения методологического ДЖ-формата

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения образуется из составляющих: теоретической, деложизненного самоопределения и функционально-практической. **Теоретическая** составляющая формируется на основе принципа «единения несоединимого» и базируется на категориях «смысл жизни», «поступок» и «дело жизни». В составляющей **деложизненного самоопределения** происходит выбор между «уклонением» от осуществления дела жизни, осуществлением дела жизни «для себя» и осуществлением дела жизни «для другого», что в сущности сводится к выбору пути «жизни-деятельности» или «жизни-поступка». **Функционально-практическая** составляющая находит себя в формировании и использовании соответствующих методологий (методологических механизмов), а именно: психологической, жизненной и духовной, что представляет собой целостное функционально-методологическое пространство, которое прорабатывается благодаря понимаемо-рефлексивной субстанции.

В организации *рефлексивного* вектора методологического пространства доминирует ступенчатая структура на психологическом, жизненном и духовном уровнях, функционирующая с помощью соответствующих методологий.

Психологическая методология функционирует на основе деятельностного психологического механизма, где основным условием является создание «поля инструментальной правды» (Знаков, 1999).

Сюда относятся аморальные поступки, которые по характеру действия также можно считать деятельностными. Как указывал В.А. Роменец, они предусматривают наиболее адекватное понимание, предварительную подготовку к осуществлению и тщательный анализ поведения после этого, чтобы скрыть истинные мотивы (Роменец, Маноха, 1998). Происходит накопление определенного «массива страданий» как духовного потенциала, создающего необратимую интенцию относительно необходимости в будущем осуществлять уже высоконравственные поступки. Практически почти весь инструментарий этого методологического формата построен на понимании, основная функция которого заключается в психологической проработке искаженных смыслов, которые А.Н. и

А. А Ткаченко

Д.А. Леонтьевы называют «личностными» (Леонтьев, 1983; Леонтьев Д., 1999).

В функционировании психологической методологии цель векторно задается объективной необходимостью проработки «массива страданий» путем их осмысления как «содеянного» и опредмечивания соответствующих деяний. Это стимулирует возникновение мотивации относительно субъективизации этих деяний на основе традиционной индивидуальной и групповой психологической практики. Способом реализации является соответствующее деятельностное действие, а методом – психологический анализ «содеянного». Как результат функционирования методологии, появляется понимание совершенных деяний и их осознание в виде негативного жизненного опыта. Это и является психологическим продуктом, который обнаруживает «массив страданий» и обеспечивает возможность перехода к жизненной методологии. На этом уровне может функционировать пояс социально-организованного и культурно закрепленного индивидуального и коллективного мышления (*мД*) (Щедровицкий, 1995; Щедровицкий, 2004; 2005).

Наша практика показывает, что психологическая методология обычно способствует уклонению от осуществления дела жизни. В современной жизни и культуре украинского общества этот уровень понимается как «постмайданный синдром» (Ткаченко, 2006а).

Жизненная методология выполняет функцию связующего звена между психологическим и духовным уровнями благодаря ДЖ-самоопределению, интегрирует психологическую и духовную методологии, где основным условием является создание «поля этической правды» (Знаков, 1999). Следует отметить, что психологическая и жизненная методологии функционируют по разным принципам, что обусловлено разным характером протекания поступкового и деятельностного психологических механизмов. Но они связаны через психологическую функцию *понимания*, благодаря которой человек осознает необратимость осуществления высоконравственных поступков как альтернативы уже осуществленным аморальным и безнравственным. Здесь определяется место витакультурного пространства, в котором теоретически строится соответствующая практика и методология в рамках

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения концепции А. В. Фурмана (Фурман, 2005). В таком пространстве совмещаются витальное (жизненно-природное) и культурное (общественно-духовное) психические содержания, куда **уже** не может полностью включаться психологическая плоскость как лишенная позитивной культурной функции в осуществлении дела жизни человека, а также **еще** не совсем достигается духовная плоскость, где выполняется высшее предназначение человека. В таком методологическом формате уже предусмотрено осуществление дела жизни за счет «включения» поступкового психологического механизма благодаря необходимости «деложизненного» выбора и творения жизненного духовного продукта на основе поступкового последствия в форме интериоризации и катарсиса как субституции (замещения субъективно искаженных виртуальных психологических смыслов на объективные, отвечающие жизненной реальности) (Роменец, Маноха, 1998).

Жизненная методология и ее категориальное пространство образуются благодаря деятельностному и поступковому психологическим механизмам. Поступок, направленный на осуществление «дела жизни», функционирует вместе с деятельностью, которая направлена на «дело», одновременно обеспечивается и самосохранение как обеспечение физического существования и накопление «массива страданий», так и выполнение дела жизни «для себя». Такой характер сосуществования поступка и деятельности обуславливает соответствующее содержательное наполнение методологического категориального пространства, где объектом выступает пайдейя индивидуальной души человека, субъектом является содеянное вследствие высоконравственных и аморальных поступков, предмет рассматривается как смысл содеянного, а методом избирается психо-духовный анализ содеянного. Начало функционирования методологии задается объективной необходимостью окультуривания («пайдейи») души благодаря осознанной цели и ситуации, которая возникает как «закономерная случайность». Это требует опредмечивания смысла содеянного, в результате чего возникает мотивация к субъективизации пайдейи души. Для этого используется метод психо-духовного

А. А Ткаченко

анализа содеянного, что одновременно может происходить и на поступковой, и на деятельностной основе. Результатом является последствие как глубинная интериоризация вплоть до уровня рефлексии индивидуальной души и катарсиса в виде субституции. Именно здесь происходит замещение ранее накопленного и осознанного негативного опыта совершения аморальных и безнравственных поступков в виде «массива страданий» на позитивный опыт высоконравственных поступков в виде индивидуального «духовного продукта», который обеспечивает развитие и окультуривание (пайдейю) индивидуальной души до необходимого уровня зрелости как способности к последующей работе (праксису). Именно такой духовный продукт уже является осуществлением дела жизни и позволяет перейти к следующему духовному методологическому уровню.

С позиций концепции мыследеятельности Г. Щедровицкого здесь может существовать пояс мысли-коммуникации (**М-К**) (Щедровицкий, 1995; Щедровицкий, 2004; 2005) благодаря функции понимания между изначально виртуальной психологической и искомо реальной жизненной плоскостями на основе деятельностного психологического механизма, который специфически функционирует на уровне аморальных и безнравственных поступков и функции рефлексии между реальножизненной и действительно духовной плоскостями на основе поступкового механизма, который специфически функционирует на уровне высоко-нравственных поступков. В современной жизни украинского социума и культуре эта сфера понимается и рефлексруется как «пост-майданный эффект» (Ткаченко, 2006а).

Духовная методология является наиболее весомой в осуществлении дела жизни, поскольку предназначена «для другого». Здесь поступок, как основа функционирования методологии, приобретает наивысший уровень, выходит за рамки индивидуальной психики и души, начинает работать на социальном, национальном, мировом и универсальном уровнях, где основным условием является создание «рефлексивного поля правды» (Знаков, 1999). Объектом здесь выступает «Другой», которым может быть Человек, Нация, Мир, Вселенная, а субъектом – индивидуальная душа человека,

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения успешно прошедшая этап пайдейи и начавшая праксировать. Тогда предметом становится «чистый» духовный продукт для «Другого», а методом избирается духовный анализ дел, направленный на его творение. Эта методология полностью базируется на поступковом деянии, которое включает последствие в форме катарсиса в виде очищения и преобразования души. Она возвышается над первыми двумя и отрицает влияние с их стороны, предусматривает лишь использование созданной ими почвы в виде соответствующего психологического и жизненного продукта.

Функционирование такой методологии начинается с возникновения ситуации, полностью обусловленной «Другим», как «закономерной случайности», без всяких признаков осознанной цели. Она задает вектор в сторону необходимости создания предмета в виде наилучшего духовного продукта. Это в свою очередь мотивирует работу (праксис) индивидуальной души и побуждает к поступковому действию, которое прорабатывается на основе метода духовного анализа дел, приводящего к творению духовного продукта на основе катарсиса в виде очищения и преобразования души. Результатом методологии является кардинальное обновление, одухотворение человека, он становится иным в соответствии с объективными требованиями «Другого».

Качественно иной характер имеет соотношение жизненного и духовного методологического пространства. Их взаимосвязь существует лишь благодаря *рефлексии*. То есть, осознанное влияние происходит исключительно в направлении «от Другого», а духовный продукт также односторонне направлен «к Другому». Благодаря этому осуществляется значительная селекция при прохождении через такой рефлексивный «фильтр», определяющий эффективность функционирования жизненной методологии благодаря пайдейе индивидуальной души. Если пайдейя души оказывается недостаточной, рефлексии духовной методологии не происходит. По концепции мыследеятельности Г. П. Щедровицкого, эта методология функционирует в поясе чистого мышления (*М*) в сфере объективной духовной действительности.

А. А Ткаченко

Наилучшей демонстрацией эффективной рефлексии и включения духовной методологии на наивысшем уровне можно считать феномен «истинного Майдана» (Ткаченко, 2006а).

Таким образом, теоретико-методологическая ДЖ-модель концептуально выглядит так. *Общий формат* определяется «дело-жизненной» теоретической концепцией, который образуется из психологической, жизненной и духовной структурных составляющих, где реализуются соответственно «уклонение» от дела жизни, выполнения дела жизни «для себя» и выполнение дела жизни «для Другого». Базовым функциональным механизмом является поступковый. В психологической структуре функционирует негативный аморальный, безнравственный, в жизненной - позитивный нравственно-этический, в духовной – духовный поступковый механизмы. *Рабочей субстанцией* является понимаемо-рефлексивная. В психологической структуре функционирует понимание, в жизненной - понимание и рефлексия, в духовной - только рефлексия. Основным *условием* является правда в виде создания ситуативного «поля правды», где *инструментом* выступает соответствующее слово правды. Условием функционирования психологической структуры является инструментальная правда, жизненной - этическая правда, духовной – рефлексивная правда.

Такая методология оказывается одновременно как функциональной составляющей высшего предназначения и как продуктом житнетворчества человека, она имеет как общие объектные, так и индивидуальные субъектные характеристики. Поэтому основным условием ее полноценного функционирования является сочетание в личности как общих объективных идеальных характеристик высшего предназначения, так и реальных жизненных характеристик по принципу «единения несоединимого».

Тогда, на основании ДЖ-методологии, определяющей «вчерпывание» человека-разумного в духовный мир путем стремления его личности к достижению своего идеала как высшего предназначения, становится возможной трансформация в человека-одухотворенного/вразумленного, что происходит благодаря соответствующей ДЖ-практики, которую мы разделяем на индивидуальную и групповую, а также социальную.

Во втором издании книги мы пришли к тому, что методологические основания научного понимания ДЖ основаны на идее «духовной вертикали». В.П.Зинченко представляет развитие сознания человека как «подъем по духовной вертикали», структурно включающей бытийный, рефлексивный и духовный слои. Бытийный слой образуют взаимодействующие биодинамическая ткань действия и чувственная ткань образа; рефлексивный — взаимодействующие значения и смыслы; духовный — взаимодействующие Я-Ты (Другой). Тогда развитие сознания рассматривается как гетерогенез в виде единого синхронистического акта (Зинченко, 2006).

В.Э. Чудновский выделяет два измерения смысла жизни: «горизонтальное» и «вертикальное», где первое проявляется в отношении к жизни как к целостному смысловому пространству, а второе позволяет человеку занять позицию над своей индивидуальной жизнью вообще и обусловлено нормами общечеловеческой нравственности, религиозных догматов, родовых традиций и т. д. Такая смысловая вертикаль как бы формирует двуединство смысла жизни Я и мира. В качестве важнейшего психологического механизма выстраивания смысловой вертикали В.Э. Чудновский видит феномен совести как внутреннюю суть человека, существующую одновременно в нем и вне его и помогающую ему решать проблемы, связанные со смыслом жизни. Горизонтальное и вертикальное измерения существуют параллельно во взаимодействии. Обращение к прошлому и создание модели будущей жизни является неотъемлемой составляющей процесса «строительства» смысловой вертикали, как это происходило (по мнению В.Э. Чудновского) на разных этапах недавнего советского прошлого (Чудновский, 2012).

В своих исследованиях в данном направлении мы утвердились в том, что в современной науке заслуживает внимания постановка этой проблемы в контексте непрерывности наполнения Разума, что нами рассматривается как постижение и творение Смысла. Такой аксиологический ориентир развития человека в культурно-историческом процессе, направленном в будущее, наиболее целостно мы наблюдаем в философии в контексте принципа «всеединства» (по

А. А Ткаченко

Вл. Соловьеву), а также в психологии в контексте понимания «духовной вертикали» (по В.П.Зинченко) и «смысловой вертикали» (по В.Э. Чудновскому). В общепсихологическом понимании, наполнение Разума можно считать смысловым процессом, который функционирует как «...**смыслопостижение-одухотворение-смыслотворение...**». Это мы рассматриваем как универсальный механизм личностной реализации ДЖ, функционирующий как целостное образование, где нет основных и второстепенных составляющих. Это сверхсложный процесс, который охватывает как высшие сферы духовного мира человеческой природы, так и реальный мир существования личности. Все его составляющие функционируют одновременно с доминированием одного из них в зависимости от ситуации. Он необходимо предусматривает существование высшего предназначения человека, в котором мы выделяем такие три элемента: 1) **идеальное лицо** - рассматривается нами как индивидуальная составляющая *высшего смысла* («высший смысл» в понимании В.Франкла), который олицетворяется в виде *Person* как духовное Я; 2) **методологию** формирования такого лица - рассматривается нами как *способ смыслопостижения и смыслотворения*; 3) **практику** реализации методологии - рассматривается нами как *одухотворение*, которое осуществляется благодаря поступковому действию.

Соответствующее бытие человека рассматривается как ДЖ-формат, который проявляется как динамическое (процессуальное) и структурное (субстанциональное) образование. Динамическое проявление ДЖ-формата представляет собой бесконечный спиралевидный процесс наполнения смысла, существующий на всех уровнях бытия, сущностным ядром которого является *смыслопостижение-одухотворение-смыслотворение*. Структурное проявление ДЖ-формата представляет собой универсальную структуру на дорефлексивном (психологическом), рефлексивном (жизненном) и духовном уровнях, которые сопоставимы соответственно с бытийным, рефлексивным и духовным слоями развития сознания, обозначенными В.П.Зинченко. При этом, дорефлексивный и духовный уровни существуют в разных измерениях, а благодаря рефлексивному они соединяются на основе ДЖ-личности, осуществляющей отношения человека с материальным

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения и духовным мирами. Из этих позиций мы рассматриваем авторскую концепцию ДЖ-личности в контексте радиогуманистического и интегративно-личностного подходов, предложенных Г.А.Баллом (Балл, 2006; Интегративно-особистісний..., 2012). Здесь радиогуманизм в самом широком смысле понимается как признание высшей ценности разума как одной из сторон гуманизма, а интеллектуальная культура рассматривается как одно из важнейших достояний человечества, что в методологии человекотворения требует максимального использования этого богатства в гармоничном взаимодействии с другими составляющими культуры. В контексте основных характеристик интегративно-личностного подхода мы выделяем возможность говорить в научно психологическом дискурсе о человеке «таким каким он должен быть» благодаря психологическому анализу личностных идеалов путем интеграции методологического и онтологического аспектов лица. Лицо рассматривается как воплощение культуры в человеческом индивиду и как компоненты культуры, которые появляются сначала в личном модусе, а впоследствии могут воплощаться в более масштабных модусах в материальных и идеальных формах социальной памяти и социально значимого творчества. Обозначается четкое различие понятия *личность* (англ. *personality*, рус. *личность*), которое характеризует определенное системное качество индивида, и *лицо* (англ. *person*, рус. *лицо*), как характеристика индивида, имеющего такое системное качество. Считается, что любые свойства лица, которые служат средствами реализации функций субъекта культуры, можно считать компонентами (качествами) личности как системного качества лица. Существенным является то, что указанные свойства проявляются по-разному, – в зависимости от направленности лица. К тому же, отмечается относительность отличия между свойствами и качествами, а также то, что осознание лица как целого является *методологическим идеалом*, который, будучи недостижимым в абсолютном измерении, направляет теоретический и эмпирический поиск. В нашем подходе ДЖ-личность рассматривается в соотношении с феноменом Идеального лица.

Тогда можно сказать, что ДЖ-вертикаль - это субстанционально-процессуальное образование, выполняющее роль медиатора, связывающего реальное лицо с его идеалом. Энергетической основой медиаторов может служить их деятельная (в широком понимании) природа. Энергия в медиаторах в целом прирастает за счет разницы потенциалов между объективной и субъективной составляющими, онтологического и феноменологического планов путем осмысления сделанного (совершенного) на основе поступкового механизма как двигателя духовной жизни. Энергия поступка трансформируется в энергию личности, которая направляется на осуществление новых поступков. Таким образом, лицо накапливает «смысловую энергию», расширяет сознание и приближается к своему Идеалу. Такое образование в каждый момент времени и месте пространства существует одновременно как ДЖ-формат, соответствующий текущему идеалу, и смысловое наполнение, соответствующее реальной жизни, с поступковым механизмом функционирования. ДЖ-вертикаль формируется на основе принципа «медиационности», который мы понимаем как соединение несоединимого в рамках ДЖ-формата, включая крайние инверсионные позиции (реальное и Идеальное лицо). Тогда в ДЖ-вертикали горизонтальное измерение можно рассматривать как «смыслопостижение», а вертикальное как «смыслотворение». Эти измерения функционируют благодаря «одухотворению» как поступку в т. н. «поле правды», представляющем собой семиосферу, построенную на принципах психотерапевтического дискурса (Калина, 2001).

Таким образом, на основании вышеизложенного приходим к тому, что ДЖ-вертикаль функционирует благодаря методологическому субъект-объектному и объект-субъектному механизмам в функции личностной реализации ДЖ на дорефлексивном, рефлексивном и духовном уровнях. На *дорефлексивном* уровне, как этапе подготовки к реализации ДЖ, реальное лицо субъективируется в функции «подготовки» к реализации ДЖ. Это объективирует реальное лицо в функции ДЖ-личности как свойстве подготовки к реализации ДЖ. На *рефлексивном* уровне, как этапе «попадания» и «удержания» в ДЖ, реальное лицо субъективируется в функции ДЖ-личности как свойстве готовности к реализации ДЖ «для себя». Это объективирует

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения
Идеальное лицо в функции ДЖ-личности как качестве реализации ДЖ «для себя». На *духовном* уровне, как этапе «реализации» ДЖ, субъективируется Идеальное лицо в функции ДЖ-личности как качестве реализации ДЖ «для другого». Это объективирует Идеальное лицо как совершенный духовный продукт, наполненный высшим смыслом.

Глава 5. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И ГРУППОВАЯ «ДЕЛОЖИЗНЕННАЯ» ПРАКТИКА

5.1 ДЖ-практика как инструмент духовного производства

Ранее мы определили, что формула духовного производства на общепсихологическом уровне выглядит как «вразумление-одухотворение-вразумление*», где в основе лежит понятие «разум». Данная формула отражает процесс его наполнения. На общепсихологическом уровне понятие «разум» наиболее полно раскрывается через понятие «смысл», а при определенных допущениях является его синонимом. Тогда «вразумление» конкретизируется как смыслопостижение, «одухотворение» - поступковое действие, «вразумление*» - смыслообразование. Здесь ключевым является содержание и наполнение момента перехода от смыслопостижения к смыслообразованию благодаря поступку, активизирующему душу человека. Далее, с учетом структуры поступка, данная формула конкретизируется следующим образом: *смыслопостижение – поступковое действие - смыслообразование (поступковое последствие)*. Здесь и включается суть ДЖ-подхода как состоящего

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения из соответствующей теории, методологии и практики, который основывается на категории поступка, где «дело жизни» одновременно выступает и как функциональная сущность духовного производства (в широком понимании), и как суть «поступковое действие» как одухотворение (в узкоспециализированном понимании).

Тогда, исходя из базового христианского постулата о Троицизме (Отца – Сына – Святого Духа), ДЖ-подход, предусматривающий единство теории, методологии и практики, трактуется следующим образом. На уровне теории речь идет о главной идее как Идеальной Личности, представленной «сыном», символизирующим личность Христа, реализуемой в человеке в ДЖ-личности. На уровне методологии речь идет о вселенском методе достижения такого идеала как Творце, символизируемым «отцом» и реализуемым в ДЖ-методологии. На уровне практики речь идет о непосредственном человеческом бытии, призванном привести человека к его высшей цели, высшему предназначению, Идеальной богоподобной личности, способной наполнять Мир и Вселенную разумом как главным и единственным продуктом своего предназначенного существования и соответствующего производства, символизируемом «святым духом» и реализуемым в ДЖ-практике.

Как уже отмечалось, поступковый психологический механизм выглядит как: мотивация – ситуация – действие – последствие. Здесь мотивация и действие детерминированы человеком (постижением смысла содеянного), а ситуация и последствие – Другим (творение духовного продукта как образование новых смыслов). Последствие (рефлексия) как формирование смыслообразующих установок выглядит как: интериоризация – катарсис – преображение. В ДЖ-практике это может выглядеть следующим образом. Сначала в процессе психологической практики человек, обретая жизненные смыслы, формирует мотивацию для их реализации. После этого, когда возможности традиционной психологической практики исчерпываются, человек уходит в жизнь, где попадает в условия «ожидания ситуации», детерминированной Другим. Возникают переживания этического и эстетического характера, сопровождающиеся критическими ситуациями, в

А. А Ткаченко

определенный момент перерастающими в духовный кризис. Появляется интенциональная направленность на психологическую работу более высокого, духовного уровня, требующую обращения к духовнику и священнику, что во многих случаях для постсоветского человека сопряжено с поступком и необходимостью «отдаться» Другому, чтобы трансцендироваться и выйти на предел или за предел собственной личности. Это сопровождается состоянием катарсиса и оформляется в понятиях символической духовной феноменологии характерного содержания, позволяющего идентифицировать и переосмыслить искаженные жизненные смыслы, которые отразились в психике человека как «содеянное». После этого появляется состояние преображения (одухотворения). И здесь в работу должен включаться психолог как духовник, поскольку идентификация и уровень такого преображения оценивается только в реальной жизни. Суть и содержание психологической работы заключается в рефлексировании и осмыслении результатов катарсиса. Только после адекватного понимания и осознания завершается работа поступкового механизма творением духовного продукта в виде новых смыслов и наполнения разума, что и является формированием ДЖ-личности.

Можно сказать, что основным «героем» психологического анализа как осмысления «содеянного» является «деформированная» личность как продукт прошлых жизненных деяний. Поэтому профессиональная подготовка практического психолога должна предусматривать прохождение этих этапов и окончательным продуктом может быть его преображение в новой ипостаси уже как психолога-духовника. После этого необходимо пройти еще и практическую апробацию в виде стажировки непосредственно в работе с клиентами, когда уже сама жизнь раскрывает истину.

Л.С. Выготский прогнозировал, что краеугольным камнем психологической науки станет социальная практика. Согласно Ф.Е. Василюку, психологическая практика представляется как практическая психология, предусматривающая опосредованное участие психологии в социальной жизни через социальные институты медицины, образования, спорта и прочие социокультурные сферы, и как психологическая практика, предусматривающая непосредственное участие психологии в решении жизненно значимых задач.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения Деятельностью врача, учителя, воспитателя, мудреца-наставника, священника как субъектов «смежных» практик, целенаправленно создающих жизненные ценности в виде здоровья, знания, воспитанности, мудрости, святости сопоставляется с деятельностью психолога-практика, основывающейся на осмысленности всего предыдущего как специфической цели и ценности. Для этого предлагаемая психотехническая система должна стать по своей форме синтезом психологической теории, практики и образования (Василюк, 2007). Принимая эту идею, можно представить ДЖ-практику также двойкой и системно: как *индивидуальную* личностно-ориентированную, предусматривающую непосредственное участие психологии в решении жизненно значимых задач личности, назовем ее «индивидуальной деложизненной практикой» (индивидуальная ДЖ-практика) и как *социальную*, предусматривающую опосредованное участие психологии в общественной жизни через различные социальные институты, назовем ее «социальной деложизненной практикой» (социальная ДЖ-практика).

В целом ДЖ-практика нами определяется как помощь человеку: а) в обретении смыслов и «производстве» духовного продукта «для себя» путем применения известного инструментария психологической и акме-ологической практик с целью достижения «акме» (высшего уровня психологического развития «взрослости» и «зрелости») ради надлежащего развития собственной души, и б) в продуцировании смыслов и «производстве» духовного продукта «для другого» на основе творчества в самых разных направлениях и отраслях, наполняя жизнь, Мировую душу, Вселенную. Мы рассматриваем такую практику как одновременное функционирование практической, исследовательской и образовательной психологической работы, субъектом которой является клиент, исследуемый, учащийся и сам психолог - как практик, исследователь, преподаватель (учитель). Все эти субъекты могут быть как в разных, так и в одном лице. В отдельных случаях, когда речь идет о продуцировании новых, еще не известных смыслов и производстве духовного продукта для Другого, психолог должен выступать как Его полномочный представитель. Это означает, что каждый акт психологической практики нельзя считать

А. А Ткаченко

завершенным, пока он до конца не проработан практически, не исследован с соответствующими валидными выводами, не осмыслен и отрефлексирован самим психологом и не изучен в процессе профессиональной подготовки. В ДЖ-формате для психолога это также означает четкое осознание и рефлексию «деловой» и «деложизненной» составляющих такой практики. Согласно нашей концепции, за «деловую» составляющую психолог получает конкретное фиксированное вознаграждение (обычно в виде денежного гонорара за услугу или оклада) непосредственно от «заказчика» (клиента или организации). «Деложизненная» составляющая оценивается уже самой жизнью в виде случайных жизненных событий, которые происходят (или не происходят) у самого психолога. Здесь материальный фактор уходит на задний план. «Дело жизни» нельзя купить, вполне достаточно простого участия в его выполнении. Это то, за что человек не получает денежного или другого материального вознаграждения, но к чему всегда безудержно стремится, творя, переживая, преодолевая страдания. В. Франкл отмечал, что человек ваяет свою жизнь в творчестве, переживаниях или страдании из материала, данного ему судьбой, созидая соответствующие ценности. Быть человеком, значит быть обращенным к смыслу, требующему осуществления, и ценностям, требующим реализации. Для этого необходимо жить в поле напряжения, возникающего между полюсами реальности и идеалов, требующего материализации. Жизнь всегда тем более осмысленна, чем труднее она дается. Под конец жизнь во многом состоит из того опыта поступков и переживаний, которые накопил человек на своем жизненном пути (Франкл, 1990) .

В авторском концептуальном понимании современную социальную психологическую практику, как альтернативу идеологической, можно рассматривать в виде сочетания соответствующей формы и содержания. По содержанию это *психологический анализ „содеянного” и „дел”*, по форме - *психосоциальная технология деложизненного самоопределения*. Этот метод вытекает из *психологического анализа по единицам*, предложенного еще Л.С. Выготским. «Под единицами мы понимаем такой продукт анализа, который в отличие от элементов владеет всеми

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения основными свойствами, свойственными целому и которые являются неразложимыми живыми частями этого единства» (Выготский, 1982б: 15). Принимая во внимание мнение А. Ф. Бондаренко (Бондаренко, 2007), что выбор предельной единицы анализа определяется исключительно научными симпатиями или индивидуальными склонностями исследователя, мы эти единицы называем деяниями, которые скрываются за «содеянным» и «делами». Это минимальные целостные структуры (форматы) осуществления дела жизни. По своей сущности такая практика направлена на поиск реальности бытия за счет создания психопрактического «поля правды», способствующего развитию человека и общества, единению с Миром и в известной мере со Вселенной.

Некоторые признаки такого «психологического анализа» проявились в процессе исследования явления «духовно-природной психотерапии» и последующих нескольких лет авторской индивидуальной и групповой психологической работы. Это в свою очередь позволило отметить в виде основного ориентира ДЖ-самоопределения и соответствующую психо-социальную технологию. Такой «психологический анализ» простирался далеко за рамки актуального жизненного времени человека в феноменологические, духовные пространства и был обусловлен связями с другими людьми, обычно родителями и родственниками, подобно тому, как это представлено в контексте так называемого «синдрома предков» (Шутценбергер, 2001). Можно с достаточной уверенностью допустить, что это касается гипотезы А.Н.Леонтьева, изложенной в его работе «Образ мира» (Леонтьев, 1983) относительно проявления дополнительного, так называемого «пятого квазиизмерения», основанного на чувственном восприятии и смысловых связях предметного мира.

Посредством такой практики отрабатывался культурно-исторический психологический материал, накопленный отдельными людьми и обществом в целом, большей частью в советский период. Во время работы с глубинными психологическими образованиями этот материал проявлялся, как правило, двояко. В одном случае это была своеобразная «масса содеянного», когда речь шла об аморальных

А. А Ткаченко

поступковых деяниях относительно других людей, что можно сравнить с «дефектностью» жизни. Сюда следует отнести тяжелые психологические проблемы, порожденные наиболее яркими событиями недавнего тоталитарного прошлого: голодоморами, репрессиями, социальной несправедливостью и т. п. В психологической работе с «содеянным» это большей частью проявлялось в психологии потомков непосредственных исполнителей, в чем и заключались основные трудности. Нужно было через чувственное и сверхчувственное восприятие «попасть» в «пятое квазиизмерение», что-бы добраться до соответствующего деяния как реального предмета («ядра») «содеянного», которое обычно располагалось далеко за пределами актуального жизненного времени человека. В другом случае это была «масса не содеянного», когда речь шла о деле жизни, которое не выполняется. В обоих случаях имели место переживания страданий, одинаково касающихся как «содеянного», так и «не содеянного».

Таким образом, психологическая работа сводилась к отработке соответствующей «массы страданий» путем их осмысления и распределения на условно названные «содеянную» и «не содеянную» составляющие, где первая была направлена на внутренний психологический мир человека, осмысление и осознание негативных деяний, а вторая на активизацию внешнего социального бытийного мира человека, ДЖ-самоопределение и образование новых жизненных смыслов. Следует отметить, что по результатам практической работы в обоих случаях человек приходил к более высокому уровню духовности. Можно даже допустить, что при «попадании» в уже упомянутое «пятое квазиизмерение», к чему побуждала накопившаяся «масса страданий», происходил духовный рост личности. А сама «масса страданий», независимо от ее качественного содержания, определяла духовный потенциал человека и общества.

Тогда содержательной методической сферой функционирования правды в предлагаемой психологической практике следует считать психологический анализ «содеянного» как смыслообретение и «дел» как смыслообразование. Психологическая работа с «содеянным» представляла собой понимание и осознание деятельностно-смыслового наполнения соответствующего деяния, порождающего

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения «дефицитность» (в понимании А.Маслоу (Маслоу, 1997) как невротический «след» в виде «дефектов» жизненного мира человека, которые имели место в прошлом. В. Франкл отмечал, что жизнь всегда тем более осмысленна, чем труднее она дается и под конец жизнь во многом состоит из того опыта поступков и переживаний, который накопил человек на своем жизненном пути (Франкл, 1990). Психологическая работа с «делами» заключалась в создании определенных смысловых установок, соответствующих основным бытийным ценностям и необходимой интенциональности относительно выполнения «дела жизни». В. Франкл в этом отношении отмечал, что человек ваяет свою жизнь из того материала, который дан ему судьбой: в творчестве, в переживаниях или страдании, создавая ценности творчества, переживания и отношения (Франкл, 1990).

А. Ф. Бондаренко рассматривает в качестве предмета отечественной психотерапевтической практики субъектность личности в этическом измерении, когда психолог работает с единицами в виде атитюдов из ценностных ориентаций, системы мотивов, личностных или конфликтных смыслов, когнитивных или аффективных образований, «Я - образов». В этом случае переживание является предпосылкой и условием развертывания психического бытия, общим коррелятом которого выступает чистая экзистенция.

В качестве направляющих здесь выступают идеологемы, состоящие из идеономий, выступающих как индивидуально присвоенная и трансформированная идеология индивида. Общую основу психотехники составляет значение как соотношение того, что означает, с означаемым (предметом, нормой, идеей), где означивающим является «Я» индивида, а означаемым – его индивидуальные идеологемы.

В психологической практике выделяются смыслогенез и идеогенез. Смыслогенез выступает как центральный и вершинный момент существования личности, условием которого является персонализированный социальный индивид, выросший в проектировании своего социального бытия в личностный неповторимый, уникальный способ бытия «Я». Такой личностный

уровень конституирует смысл как само личностное бытие человека и его сознание. Идеогенез является порождением новых, личностно и экзистенциально ценных смыслов (в нашем понимании это рассматривается как «смыслообретение» и «смыслотворение»).

В этой практике используются следующие психотехнические принципы. Принцип «событийности», который «запускает» переживания, материализует идеальное (субъективное), в самом общем плане является основой психологического воздействия в отечественной психотерапии в направлении этического персонализма. Принцип «квантования психической активности», позволяющий достичь преобразования коммуникативных актов в психологические события как аспект психической деятельности, приобретающей другую субъективно представленную временную реальность, создающую эффект замедления времени, что позволяет за астрономически короткое время пережить важные эмоциональные потрясения, связанные с идеогенезом, когда происходят трансформации сознания, необходимые для дальнейшего личностного развития. Вместе с принципом онтологизации они составляют психотехнический базис предлагаемой практики. При этом решаются такие основные задачи: развитие субъектности «Я» (обеспечение условий для самопонимания и повышения осмысленности жизни, персонализации личности и «возвращение человека к самому себе», осознания ценности своего «Я» и самоопределения, запускается идеогенез и смыслогенез); обеспечение принятия «Я-перцепции» (проекция образа или концепта человека на систему идеономии других людей); рефлексия «Я», где центральной переменной выступает смысл и особой значимостью обладают ценностные смысловые переживания, рационалистически понимаемые как суждения, иррационально умопостигаемые как символы; создание условий для катарсического переживания, представляемого через такие основные научные метафоры, как энергетическую (предоставление, порождение, отнятие и разрядка энергии), пространственную, отражающую сознательно-бессознательное, интерперсональное–интраперсональное пространство с замещением структурных компонентов или формы деятельности, расширение психологического пространства личности и направление переживания

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения на другой объект, размыкание - замыкание психологического пространства, дистанцирование как психологический вектор переживания; временную (временное контрастирование, расположение события в долгодействующей перспективе или фиксация на каком-то моменте времени), генетическую (регрессия, катарсис осознания, интроекция, сублимация), информационно-когнитивную (оценивание, интерпретация в интеллектуальной или перцептивной формах).

При выборе психотехнической парадигмы следует учитывать, что в этическом сознании отечественного культурного ареала не представлены понятия и логика выгоды (утилитарности), а архетипической чертой ментальности выступает созерцательность и эсхатологизм, отсутствие стремления к какой-то ситуативной прагматической цели, когда высшую этическую ценность составляет категория любви, а не свободы, категория долга, коллективного, а не индивидуального, что формирует стойкие контуры личностного бытия. Поэтому более существенной представляется проблематика, касающаяся воздействия на высшие уровни субъектности личности, ее этические смыслы, именуемые духовностью (Бондаренко, 2007).

В соответствии с рассмотренной ранее методологией, функциони-рование индивидуальной ДЖ-практики будем рассматривать на психоло-гическом, жизненном и духовном уровнях. При этом предполагается, что на психологическом уровне происходит работа с «содеянным», выраженным в искаженных смыслах, тогда основным результатом является «смыслопостижение»; на жизненном уровне происходит одухотворение на основе совершения поступкового действия; на духовном - «смыслообразование» на основе поступкового последействия. В индивидуальной ДЖ-практике это оформлено в виде *психосоциальной технологии дело-жизненного самоопределения*, предусматривающей такие концептуаль-ные элементы – конструкты: 1) индивидуальная психологическая ДЖ-практика, включающая экспертизу самоопределения, индивидуальную психологическую работу, групповую психологическую работу; 2) индивидуальная образовательная ДЖ-практика, включающая обучение на уровне профессионально-

А. А Ткаченко

ориентированных дисциплин и специальную профессиональную подготовку; 3) индивидуальная ДЖ-практика взаимодействия психолога и священника.

5.2 Индивидуальная и групповая психологическая ДЖ-практика

5.2.1 Экспертиза самоопределения

Такая экспертиза предусматривает возможность осуществления первого шага в ДЖ-самоопределении. Она является началом активной конструктивной психологической ДЖ-практики и входом в технологию, функционирует публично и даже предусматривает на высших стадиях использование широкой аудитории с помощью телевидения. С этой экспертизы может начинаться индивидуальная личностная самооценка и нравственное очищение, как рядового гражданина, так и государственного чиновника.

Экспертиза самоопределения проводилась на психологическом, жизненном и духовном уровнях по оригинальной авторской методике. Основная цель этой процедуры состояла в том, чтобы дать возможность человеку проявить и обнаружить свое ДЖ-самоопределение в любом виде, которое затем подвергалось анализу и осознанию

Самоопределение на *психологическом* уровне предусматривало индивидуальную экспертизу и включало два задания. Первое заключалось в том, чтобы на чистом листе бумаги проявить «мое самоопределение здесь и теперь», которое должно было появиться в виде рисунка, текста или обоих одновременно. Здесь происходит «здесь и теперь» проявление правды жизни в настоящем без прошлого и будущего (за основу бралась методика Т.М.Буякас (Буякас, 2000а)). Второе задание предусматривало создание диалогической ситуации, когда результаты полученного «самоопределения» предлагались для оценки другому человеку, с которым исследуемый не имеет никаких эмоциональных связей, поэтому является максимально объективным. Перед этим экспертом формулировалось такое задание, заключающееся в оценке самоопределения другого человека по критерию правдивости и

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения смысловой содержательности. Свой вердикт необходимо было сформулировать одной фразой, которая должна появляться «здесь и теперь» на основе рефлексии, но не в результате какого-то анализа. Такой вердикт являлся именованным.

На основании анализа полученного эмпирико-практического материала психологическое самоопределение отличалось следующим характерными содержательными признаками: гедоничность (удовольствие, удовлетворение, счастье, наслаждение); профессиональность; психопрактичность (психотерапевтичность); коммуникативность, социальность (общение, взаимоотношение); предметное сравнение; отстранение или уход от самоопределения (безысходность, страх, тупик, неопределенность); отражение индивидуального «Я».

Самоопределение на *жизненном* уровне предусматривало групповую экспертизу и общение в «поле правды» исследуемого с экспертной комиссией. К такой экспертизе человек привлекался на основе осознанной необходимости, основывающейся на «главном» мотиве и установке на ДЖ-самоопределение.

Экспертная группа подбиралась из 3-х человек. Один из них являлся руководителем группы, обычно это был профессиональный психо-лог-практик, имеющий опыт проведения экспертиз, или обычный человек с большим жизненным опытом, уже прошедший такую экспертизу. Другие два члена комиссии подбирались либо по собственному желанию на основании ощущения способности объективно оценить исследуемого, или по желанию самого исследуемого. Основными условиями являлись: внутреннее ощущение способности осуществления объективной оценки исследуемого в «поле правды» и отсутствие каких-либо личных эмоциональных связей с исследуемым.

Задание исследуемому заключалось в том, чтобы на протяжении 20 минут абсолютно правдиво, с необходимым смысловым наполнением отвечать на все без исключения вопросы комиссии. Вопросы могли быть какие угодно и должны были появляться в ходе экспертизы. У исследуемого не было права не отвечать или говорить неправду.

А. А Ткаченко

Задание комиссии заключалось в том, чтобы, используя результаты психологического самоопределения, задавать вопросы относительно жизненного самоопределения исследуемого. Вопросы могли быть какие угодно по содержанию и форме, безотносительно «хороших», «плохих» или «некорректных». Они должны были появляться и не быть результатом анализа. Единственным ограничением рекомендательного характера являлось избегание невротичных вопросов, продиктованных не столько мотивом самоопределения в жизни, сколько желанием собственной психотерапии. Они должны были адресовываться «другому».

Этим процессом руководил психолог-исследователь, который обеспечивал создание и поддержание «поля правды», а также соблюдение этических принципов. Он мог в какой угодно момент вмешаться в процедуру с собственным вопросом или замечанием.

Вопросы задавались до тех пор, пока исследуемый не «иссякал» в изложении всех смыслов и комиссии не ставало понятным, каким должен быть вердикт. Данная процедура также предусматривала и наличие внешних наблюдателей, которые тоже могли задавать вопросы.

После завершения процедуры задавания вопросов комиссия формулировала вывод по самоопределению исследуемого и озвучивала его перед ним в виде своего вердикта. Завершал экспертизу психолог-исследователь своим мнением, которое имело совещательный статус и было максимально откровенным. Исследуемый мог высказаться относительно согласия/несогласия с результатами экспертизы.

Анализ эмпирико-практического материала выявил такое содержание жизненного самоопределения: направленность на себя; направленность на семью; ретроспективная направленность (след в жизни, родовая связь, жизненный путь, продолжение себя); интенциональность (стремление к чему-то, желание добиваться чего-то, ожидание чего-то, общая активность); геопсихосоциальное; целенаправленное (акцентированное, осмысленное); другое (место в жизни, соотношение добра и зла, смысл, любовь, гармония, радость, добро, человечность, случай, выживание, мировоззрение,

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения интересность, свободный полет, победа, просто жить, бесполезная трата, непонятность, «чистый лист»).

Самоопределение на *духовном* уровне предусматривало групповую экспертизу в виде «откровения». Это особенная процедура, к которой человек приходил по жизни. Она осуществлялась непредсказуемо, по принципу «закономерной случайности» как взаимосвязь с «Другим». В нашей практике она происходила намного реже предыдущих как акт рефлексии Другого. Поэтому специально не планировалась, появлялась неожиданно, не имея точно определенной темы, а лишь общее направление.

Технологически эта процедура была похожа на групповую экспертизу жизненного самоопределения, но дополнительно предусматривала еще видеосъемку и, по меньшей мере, наличие двух компетентных экспертов. Главное заключалось в том, чтобы дать возможность исследуемому высвободить именно глубинные и вершинные (духовные) содержания, требующие своего осознания. Они проявлялись как «чистые» смыслы, способные определять последующую жизнь и путь к выполнению высшего предназначения.

Во время такой процедуры человек буквально пробивался к своим сакральным смыслам, пытаясь ими овладеть или их сотворить. Это то, что в обычной жизни никогда не проявляется, а нуждается в особых, специально созданных условиях, когда человек попадает в критическую ситуацию и вступает во взаимоотношение со своей духовной сущностью.

Для «откровения» исследуемому предоставлялось до 1 часа. Сначала на протяжении 15-20 минут он излагал то сокровенное, которое наболело и появлялось лишь тогда, когда начиналось высказывание. Такая процедура предусматривала высвобождение большого количества психической энергии и очень высокое напряжение, поэтому требовала соблюдения соответствующих нравственных и этических правил и норм относительно поведения всех участников. Для большей эффективности «откровения» эксперты могли уточнять отдельные моменты и задавать необходимые вопросы. Главное, чтобы они не тормозили и не противодействовали, а лишь активизировали эту процедуру.

А. А Ткаченко

Анализ эмпирико-практического содержания духовного самоопределения выявил направленность на «другого», отражающую реализацию духовного продукта в виде творчества, моральных, этических ценностей, предназначение, миссию, цель жизни, судьбу, а также космическое, вселенское содержание.

5.2.2 Индивидуальная психологическая работа

Таковая предусматривала индивидуальную психологическую практику, реализуемую психологом-консультантом. На этапе ДЖ-самоопределения такое консультирование должно осуществляться на уровне «психолога-духовника». Основной проблемой здесь может быть подготовка психологов, способных работать на уровне духовного профессионала. Сейчас стало понятным, что это не может происходить искусственно, например, в рамках соответствующего высшего учебного заведения. Подготовить такого психолога-мастера - в состоянии лишь реальная жизнь. Первые шаги в данном направлении свидетельствуют о том, что для этого должна существовать элитная, научно обоснованная и практически апробированная национальная программа.

Такая работа проводилась в виде индивидуальных психологических консультаций. В зависимости от проблематики они распределялись по психологическому, жизненному и духовному направлениям, но в определенные периоды принимали смешанные формы.

Психологическое направление предусматривало самостоятельную психологическую работу, профориентационные и психологические консультации, отражающие как конкретные практические запросы клиентов и соответствующие рекомендации, так и отработку уже сугубо психологических проблем, связанных с психологической неадекватностью и несостоятельностью. Начинали вырисовываться определенные контуры собственных возможностей и дальнейшей психологической работы, человек начинал верить в себя и в дальнейшем уже самостоятельно решать свои проблемы. В процессе психологических консультаций основным предметом психологической работы становилось *содянное*, имеющее отношение

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения непосредственно к данному клиенту и по времени совершения располагающегося в пределах его сознательной жизни.

Самостоятельная психологическая работа. Как конструктор технологии начинала функционировать после экспертизы самоопределения и осуществления выбора относительно активной психологической практики. Основным методом здесь является написание, рефлексирование и осознание так называемой «личной жизненной истории», отвечающей идее психологии самосознания, предложенной С.Л.Рубинштейном. Она предусматривает не историческое, а психологическое изложение, рефлексирование и осознание своего реального психологического развития на протяжении жизненного пути и в известной мере напоминает биографический и нарративный методы исследования. Ярким примером такой психологической практики являются «Дневники» Л.Н.Толстого.

Профориентационные консультации отражали конкретные практические запросы клиентов и предполагали такие же конкретные рекомендации. Они в основном были связаны с определенной профессиональной информацией (профинформационные консультации) а также сообщением и кратким комментарием результатов профессиональной диагностики (профдиагностические консультации). Такая работа была наиболее характерна на первых этапах психологического консультирования. С подобными проблемами обычно обращались безработные по рекомендации службы занятости и школьники старших классов.

Следует отметить, что такие консультации хотя и были довольно конкретными и прагматичными, как правило, не решали проблему профессионального запроса клиента. Почти в каждом случае просматривались более глубинные психологические проблемы. Было понятно, что без их решения клиент вряд ли сможет должным образом воспользоваться полученными рекомендациями. Кроме этого, было также понятно и то, что профессиональный запрос клиента является во многом формальным и, скорее, в своей реальной сути предполагал более глубинную психологическую работу. Необходимость такой работы чаще ощущалась интуитивно, а

А. А Ткаченко

внешний профессиональный запрос был лишь поводом обращения к психологу.

Поэтому на более поздних этапах психологической работы такой профориентационный запрос быстро отработывался и происходил переход к психологической проблематике. Следует отметить, что профессиональная проблема в конечном итоге снова актуализировалась, как правило, уже после довольно большого периода психологической работы с клиентом в виде т.н. «деловых» консультаций. Тогда она имела уже совсем иное содержание, нежели то, которое было заявлено вначале, и именно это обеспечивало общий успех. Профессиональное консультирование ориентировалось на «дело», которое было необходимо выполнять в будущем.

Психологические консультации были направлены на отработку или решение психологических проблем, связанных с психологической неадекватностью и несостоятельностью. Здесь обычно речь не шла о каких-либо советах или рекомендациях, как это было в случае профориентационных консультаций. Часто было достаточно просто выслушать клиента с минимальными, но существенными замечаниями и комментариями с позиций «человека со стороны». Уже только это почти всегда приводило к психологическому облегчению, более спокойному взгляду на свою психологическую и жизненную ситуацию. Начали вырисовываться определенные контуры собственных возможностей и дальнейшей психологической работы. Во многих случаях этого уже было достаточно, чтобы человек начинал верить в себя и в дальнейшем уже самостоятельно решать свои проблемы. Хотя, как показала практика, эффективность таких самостоятельных решений обычно была невелика. Поэтому многие обращались за следующей помощью. Тогда начиналась более серьезная психологическая работа на духовно-психологическом уровне. Основное содержание такой работы сводилось к обнаружению, осознанию и принятию собственного сознательно содеянного. Это требовало достаточно значимых энергетических психологических усилий, но вполне приемлемых и посильных для клиента.

Содержание содеянного в этом случае было сугубо индивидуальным и разнообразным. Хотя, в общем, можно выделить

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения личные отношения с другими людьми, особенно с близкими. Речь идет прежде всего о неблагоприятных действиях, например, нанесение явного вреда как другим, так и себе, связанных с аморальными и безнравственными поступками. В общем, содеянное здесь понимается как действие (деяние), приводящее к устойчивому невротическому состоянию, которое с течением времени имеет тенденцию к увеличению своей негативной энергетической насыщенности. Такая реакция может исчезнуть лишь при полном осознании и принятии содеянного в виде осмысления и жизненного опыта.

Жизненное направление предусматривало глубинную практическую психологическую работу с содеянным другими индивидами, непосредственно связанных с личностью данного клиента.

Глубинная практическая психологическая работа. Имела место при отработке содеянного, расположенного во временных пространствах психического жизненного мира индивида до момента осознания им действительности, в том числе и относящихся к другим индивидам, непосредственно связанных с личностью данного клиента. Энергетическая насыщенность такой психологической работы оказалась гораздо более значимой, часто предельной и даже запредельной. Здесь следует выделить следующие характерные зоны: пренатальную, мистическую и зону истинного содеянного.

Пренатальная зона связана с родовым и младенческим периодом, когда индивид еще психологически неотделим от матери. В этой зоне психологическая работа связана с чувственными реакциями на значимые действия в родовом, родовом и послеродовом периоде. Эти действия как правило, непосредственно относились к матери и ее психике. Но, тем не менее, оказалось возможным для индивида также определенным образом на основе чувственного восприятия обнаруживать, осознавать и принимать это содеянное. Интересно, что в процессе такой работы заметно актуализировалась и психика матерей, когда их дети (клиенты психолога) излагали «увиденное» или «услышанное», а также осмысленное содеянное. В одних случаях у матерей возникали определенные мистические реакции, что иногда

А. А Ткаченко

приводило их к необходимости в свою очередь также начинать работу с психологом.

Далее следует выделить мистическую зону, в которой у человека возникали разного рода мистические реакции. Обычно это были мифические образы соответствующей культуры. Работа в этой зоне оказалась очень сложной и даже драматичной. Постоянно имела место опасность ухода в разного рода мистические фантазии. Причем возникающие образы постоянно могли менять друг друга до бесконечности. Поэтому известный метод гештальттерапии, предусматривающий подобную психологическую работу, оказался неэффективным. Часто он просто фиксировал работу в одной плоскости, не способствуя дальнейшему продвижению к содеянному. Появлялось ощущение «зависания в приятном гештальте». Подобное мнение высказывал и А.Н.Леонтьев в контексте пятого квазиизмерения в своей одной из последних работ «Образ мира» (Леонтьев, 1983). Главным принципом психологической работы здесь было, несмотря ни на что, идти на страх, переходить из плоскости в плоскость, все больше погружаясь в глубинные истоки содеянного. Если страх преодолевался, осознавалось очередное психическое содержание, он уменьшался вместе с психическим напряжением и работа продолжалась с еще большей нагрузкой и интенсивностью. И так до тех пор, пока клиент, наконец, не добирался до зоны непосредственно содеянного.

Зона непосредственного расположения содеянного характеризовала именно те действия, которые и привели к искомой глобальной невротизации психики индивида. Как оказалось, такие зоны во многих случаях имели отношение к трагическим событиям нашего народа, таким, как голодоморы, репрессии, войны и др. Можно также предположить, что за каждым мистическим содержанием и устремлением индивида (такие устремления часто были направлены в определенные нетрадиционные религиозные группы и организации), в конечном итоге скрывается свой индивидуальный «голодомор», «холокост», «концлагерь» и др. Можно предположить, что психика человека сохраняет невротические содержания о содеянном, пока оно не понято и адекватно не осознано. Причем, даже если человек, который совершил соответствующее

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения действие и уходит из жизни, содеянное как соответствующая невротическая реакция как бы передается его ближайшим родственникам, чаще всего детям.

В индивидуальной психологической практике, позволявшей отрабатывать лишь отдельные, наиболее «легкие» психические содержания, подобные ситуации оказались довольно редкими в силу своей очень большой энергетической насыщенности. Для работы с более масштабным содеянным была необходима групповая психологическая работа.

Духовное направление предусматривало индивидуальные психологические консультации, направленные на «дело жизни». Такие индивидуальные *деложизненные* психологические консультации, в отличие от профориентационных, были направлены на развитие бытийности своего жизненного мира. Здесь клиент уже не касался психологических проблем, а был сориентирован на внешний мир и его изменение и развитие. Важное значение здесь имело четкое понимание и разграничение «дела», как профессиональной реализации с производством материального продукта и «дела жизни» как духовной реализации с производством духовного продукта. Это заключалось в основном в собственном душевном совершенствовании и совершенствовании души другого человека. Профессиональное дело здесь использовалось как корректный повод контакта с человеком, в процессе которого и происходило душевное совершенствование.

5.2.3 Групповая психологическая работа

Групповая психологическая работа в рамках индивидуальной ДЖ-практики осуществлялась в психологическом, жизненном и духовном направлениях, которые в свою очередь реализовывались в виде т.н. «ориентирующих», «определяющих» и «природных» тренингов в культурных и природных условиях. В соответствии с концепцией ДЖ-методологии эти тренинги рассматриваются как единая функционально-структурная составляющая психосоциальной технологии ДЖ-самоопределения.

«Определяющие» тренинги направлены на внешнюю социально-профессиональную, «ориентирующие» направлены на

А. А Ткаченко

внутреннюю, глубинную психологическую, а «природные», одновременно совмещая и отрицая предыдущие, ориентированы на духовную сферы личности. Это отвечает методологическому подходу, одновременно совмещающему и разделяющему «поверхностную», «глубинную» и «вершинную» психологические сферы личности. Методологическое и психопрактическое соотношение «ориентирующих» и «определяющих» тренингов и определение их понятий мы рассматриваем в контексте философии психологии А.Н.Леонтьева через понимание ориентируемых и определяющих реф-лексов и их взаимосвязи с основным жизненным мотивом (Леонтьев, 1994). Подобно «ориентирующему» рефлексу «ориентирующий» тренинг прокладывает путь между реальным предметным миром индивида и его психологическими способностями, базирующимися на основном стратегическом жизненном мотиве. Подобно «определяющему» (условному) рефлексу «определяющий» тренинг эту связь закрепляет и оформляет ее в жизни. Таким образом реализуется связь между внутренним стратегическим глубинным ДЖ-мотивом и внешним предметным миром на основе деятельностного механизма. «Природный» тренинг, интегрирующий два предыдущих на основе поступкового механизма, эту связь выводит на уровень ДЖ-самоопределения с последующим стремлением к достижению высшего предназначения.

Появление авторской тренинговой практики началось еще в начале 90-х годов прошлого века в сфере профориентационной работы в государственной службе занятости и на психологическом факультете негосударственного ВУЗа. Реальная социально-профессиональная ситуация, сложившаяся в то время в обществе, была связана с зарождением отечественного рынка труда и образовательных услуг, что привело к необходимости создания активных методов психологической работы. Для этого мы начали разработку специализированного семинара для безработных и тренинга самоопределения для студентов-психологов.

Специализированный семинар для безработных был построен на определяющем тренинге, предусматривающем два основных направления (Ткаченко, Харченко, 1995). Первое - моделирование презентации себя на рынке труда в мнимой «телепередаче» и

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения «трудоустройство» в процессе собеседования с мнимым «работодателем» с использованием видеосъемки, обеспечивающей активную рефлексивность. Содержание такой презентации и соответствующая психологическая ситуация рассматривались на предшествующих индивидуальных профориентационных консультациях. Задание клиента заключалось в том, чтобы в течение 3-5 минут перед видеокамерой представить себя как «специалиста». Затем, уже в роли «работодателя», просматривая видеозапись, клиент как бы принимал этого «специалиста» на работу с последующей групповой объективной оценкой. В качестве «работодателя» выступал реальный специалист кадровой службы с базовым психологическим образованием. Накопленный практический опыт и соответствующий эмпирический материал, позволили провести пилотную апробацию в виде реальной телепрограммы, вышедшей в эфир на областном телевидении. Это стало эмпирико-практической основой определяющих тренингов. Таким образом, удалось сформулировать основной принцип «дело-жизненных» тренингов, заключающийся в создании критической ситуации «невозможности» (по Ф.Е.Василюку), которая в своем решении должна была привести к «возможности невозможного» и выходу на уровень духовной рефлексии. Именно такие ситуации, а вернее, их преодоление, содействуют реальному психическому и духовному развитию человека за счет «включения» поступкового механизма. (В данном случае ставало возможным ранее невозможное трудоустройство).

Идея ориентирующих тренингов возникла на основе хорошо известной практики групповой психологической работы с проблематикой профессионально-личностного самоопределения и личностного роста со студентами-психологами, которая впоследствии дала толчок природным тренингам, рассматриваемым в контексте явления «духовно-природной психотерапии». Основная функция и особенности определяющего и ориентирующего тренингов обнаружилась на завершающем этапе исследования этого явления, когда исследовательская тренинговая группа непосредственно подошла к необходимости ДЖ-самоопределения в выборе дальнейшего жизненного пути. Участники исследования, в основном

А. А Ткаченко

студенты-психологи, прошедшие довольно много таких тренингов, стали погружаться в собственные психические переживания, что существенно нарушило баланс между внутренней и внешней психическими сферами и требовало рефлексии в жизненных реалиях. Тренинги стали превращаться в своеобразные «посиделки», начали появляться отдельные признаки сектантства в виде предложения организовать некое «братство», что привело к необходимости в переключения группы на реальный внешний жизненный мир путем актуализации социально-профессиональных отношений в виде профессиональной апробации. Тогда окончательно оформилось понятие такого тренинга как «определяющего». Участникам исследования было предложено как можно более четко определить место новообретенных психических содержаний в своих профессиональных способностях, умениях и возможностях. После этого произошло четкое разделение групповой психологической работы на «ориентирующие» и «определяющие» тренинги, которые далее рассмотрим более подробно.

Ориентирующие тренинги предусматривали внутреннюю психо-логическую работу с индивидом в целом и конкретной «деформиро-ванной» личностью, ее невротическими образованиями как *содеянным* с целью постижения его смысла. Для этого на таком тренинге устанавливались следующие правила: нельзя было оставлять группу до полного завершения работы; группа работала спонтанно без конкретной цели, и результат определялся в самом конце; соблюдалась полная добровольность и отсутствовало всякое принуждение; не позволялось вводить в состав группы в процессе работы посторонних людей. К такому тренингу человек готовился в процессе индивидуальных консультаций, пока не начинал ощущать необходимость в более глубокой психологической работе. Это были тренинги, проводимые по заказу отдельных клиентов и организаций на профессиональной основе, и учебные тренинги, проводимые в рамках профессиональной подготовки психологов.

К участию в *профессиональном ориентирующем* тренинге клиенты допускались после успешного прохождения экспертизы самоопределения и определенного количества индивидуальных консультаций. Окончательное решение об участии в тренинге

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения принимал сам клиент. Эти тренинги проходили по общепринятым правилам для такого рода работы. Конкретной прагматической цели перед группой не ставилось. Поэтому каждый участник имел возможность решать собственную проблему. Для этого в начале работы в процессе знакомства каждому участнику необходимо было как можно более четко сформулировать свой заказ, чего он хочет от тренинга. Формулировка такого заказа давала возможность определить своеобразный контракт с ведущим психологом.

В состав группы, состоявшей из 8-12 человек, обычно входили незнакомые и эмоционально независимые люди. Если же по определенным причинам эмоциональная зависимость все же имела место, это существенно осложняло работу. На первых этапах исследования такой эмоциональной зависимости избежать не удавалось, поскольку совмещение исследования и практической психологической работы требовало присутствие стабильной экспериментальной группы. Это впоследствии привело к достаточно негативным психологическим последствиям, которые удалось экспериментально зафиксировать и затем отрабатывать. Суть проблемы состояла в том, что после прохождения ряда ориентировочных тренингов, когда уже все были «свои», возникало желание обособиться и отделиться от жизни в собственном чувственном «тренинговом» невротическом мирке в виде некоего «братства». Такой тренинг превращался в некую «тусовку для своих», где людям, желающим серьезно работать со своей проблематикой, уже было некомфортно и эффективность резко падала. В итоге исследовательская группа, которая раньше сформировалась и была ориентирована больше на получение психического удовольствия от психологической работы, уверенно прошедшая «детский», «подростковый» и «юношеский» этапы исследования, почти полностью распалась, не пройдя испытание на ответственность и «взрослость». Зато вскоре спонтанно сформировалась новая исследовательская группа, состоящая уже из взрослых людей, что позволило начать последний, «взрослый» этап исследования.

Несмотря на запрещение всякого разглашения сведений, полученных и услышанных на тренинге, данное требование довольно

А. А Ткаченко

часто нарушалось, особенно в группах—«посиделках» и «тусовках». Этот фактор существенно отразился и на личности самого психолога-исследователя, что стал основным объектом претензий клиентов, что затем приходилось отрабатывать в процессе индивидуальных консультаций и в конечном итоге получать положительный психологический эффект. Как оказалось, больше всех страдал не тот, по поводу которого разглашались сведения, а тот, кто это делал. Получалось так, что человек, проблема которого распространялась среди других в обычной жизни, получал дополнительный, уже жизненный стимул для интенсификации психологической работы, что, при условии активной психологической работы, даже повышало его жизненный социальный статус. Все это в конечном итоге ставало или предметом работы с психологом, или стимулом к самостоятельному осмыслению содеянного. И то и другое приводило к его осознанию и принятию. Оказалось, что многие «секреты», которые так тщательно скрывались и хранились человеком, прежде всего от самого себя, со стороны другими людьми успешно замечались. А собственное понимание и принятие приводило к их выяснению и объективизации, что значительно снижало невротическое напряжение.

Каждая такая тренинговая группа имела свою психологическую направленность, титульное обозначение, возникавшее на основании ве-дущей психологической проблематики одного или нескольких участников, отличавшихся наибольшей личностной «дефектностью», энергетической насыщенностью, масштабностью и глубиной. Как затем выяснилось, содержание актуализированной психологической проблематики остальных участников было похожим, но менее насыщенным, масштабным и глубинным. Такой участник обычно становился эпицентром психологической работы. Благодаря ему группа постоянно активизировалась и актуализировалась.

Большую сложность в этих случаях вызывали мистические психологические содержания и их соответствующие носители, обычно имеющие большой мистический опыт и практику работы с различными, так называемыми «духовными практиками». Такой материал был наиболее сложным в отработке. Кроме этого, возникала опасность увода группы в такие же мистические виртуальные пространства, что могло привести к довольно тяжелым последствиям.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения. Поэтому в таких ситуациях ведущий должен был быть особенно внимательным. Дело в том, что по правилам ориентирующего тренинга, предусматривающего полное откровение, ведущий не мог ограничивать проявление мистических психических содержаний таких участников. Иными словами, таким образом удавалось проявлять глубинные психические содержания, за которыми скрывалось содеянное, соответствующее «массе страданий», составляющее качественную и количественную характеристику. Главное состояло в том, чтобы всеми способами буквально прорываться к содеянному, хотя бы «прикоснувшись» к нему, обозначив его истинную сущность.

Наиболее серьезным здесь оказались события, происходящие, как правило, в процессе жизни индивидов и их родственников, обычно по материнской линии, особенно проявления каннибализма в период голодоморов или событий, связанных с предательством, биологическими экспериментами над людьми в концлагерях и т.п. Проявление данного материала обычно происходило на чувственном интуитивном уровне в виде видений, слуховых и мыслительных манифестаций как результат возможного проникновения психики в области «пятого квазиизмерения», обозначенного А.Н.Леонтьевым. Подобное проникновение в глубины своей психики одного из участников резко активизировало похожие проявления и у других, что приводило к такой же резкой активизации всей тренинговой работы. Когда она выходила на предельные уровни, начиналось то, что называют «расширение сознания». В таком тренинге очень важным было его завершение. Каждому из участников необходимо было определиться и прийти к осознанию определенного уровня самоопределения на тренинге, которое обычно фиксировалось уже в конце всей работы и связывалось с первоначальным запросом и степенью его удовлетворения. Было важно четкое осознание и понимание всего, что происходило с каждым из них, к чему они пришли, и, что самое главное, что с этим делать и как строить дальнейшую жизнь.

После ориентирующего тренинга обычно активизировалась индивидуальная психологическая работа, в процессе которой

А. А Ткаченко

происходила необходимая доработка того, что было начато. Этому способствовали личные отчеты-откровения, в которых каждый участник получал возможность изложить все, что считал нужным и неосознанным на тренинге. При условии их написания в достаточно полном и содержательном виде участник получал право читать все остальные отчеты, что выступало дополнительной мотивацией и нередко приводило к жизненному смыслопостижению.

Наиболее важным стимулирующим фактором ориентирующего тренинга являлось создание в тренинговой группе своеобразного «поля правды и праведности», что означало: участник не имел права сознательно говорить и слушать неправду. Это правило сообщалось в самом начале и за его выполнением ведущий следил особенно тщательно. В таком «поле» как на лакмусовой бумаге довольно четко проявлялись истинные невротические содержания, порожденные содеянным.

Учебные ориентирующие тренинги проводились в рамках тренинговой подготовки в учебном процессе практических психологов. Здесь принципиально менялась общая задача тренинга по сравнению с профессиональным. Если в профессиональном основной акцент делался на работе с психологической проблемой и возможными путями ее решения, то в учебном достигался лишь обучающий эффект, а работа с психологической проблемой здесь лишь обозначалась для наглядности. Хотя, в отдельных случаях, следуя профессиональной этике, приходилось доводить решение отдельных проблем до определенного логического завершения и достигать фоновой психологической адекватности участников, которые «демонстрировали» свои проблемы. Полная психологическая корректность достигалась посредством предложения таким участникам пройти уже профессиональную индивидуальную или групповую психологическую работу. Это к тому же еще и наглядно обозначало (демонстрировало) связь учебного процесса с практикой.

Определяющие тренинги были ориентированы на дело как смыслообразование. В этом случае психологические проблемы и невротические образования принципиально не рассматривались и не отработывались. Гипотетически считалось, что человек полностью адекватен и готов к идентификации и осуществлению своего дела

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения жизни. Такие тренинги строились и организовывались по противоположным принципам и правилам, чем ориентирующие. Там создавалась практически противоположная ситуация: предлагалась четкая структура с конкретной целью и необходимостью достижения ожидаемого результата; требовалась ответственность за сделанные заявки относительно собственных профессиональных и творческих достижений с необходимостью их объективного подтверждения; предусматривалось обязательное присутствие независимого эксперта (специалиста в профессиональных и творческих направлениях, прорабатываемых на тренинге); предоставлялась возможность добровольного отказа от работы и покидания тренинговой группы в любой момент. Таким образом, моделировались условия реальной профессиональной деятельности и жизнетворчества. Каждый из тренингов имел определенную цель и задачи, а также предусматривал конкретный прогнозируемый результат, соответствующий изначальному заказу клиента. Личные эмоциональные и другие связи и отношения во внимание не принимались. Тренинговая группа состояла из любого количества участников в зависимости от потребностей заказчика и особенностей поставленных целей, решаемых задач и организационных возможностей. Кроме этого, в процессе работы участник мог покинуть группу (если это специально не оговаривалось и не было предусмотрено заданием) и прекращать работу. Информация, имеющая место на тренинге (кроме отдельных специально оговариваемых ситуаций) не была конфиденциальной. Выдвигались четкие требования перед участниками, которые должны были выполняться.

В процессе эмпирико-практического исследования были выделены следующие определяющие тренинги: специализированные семинары для безработных; подготовка страховых агентов и интервьюеров для проведения социологических исследований; подготовка рабочих групп для организации работы психологических клубов старшеклассников; совместные встречи-совещания (с иностранными и отечественными специалистами различных организаций по проведению совместной работы); психологическая работа с персоналом (работа с персоналом других организаций-

А. А Ткаченко

заказчиков; работа с персоналом по созданию команды); учебные и профессиональные тренинги умений для практических психологов-консультантов; профессиональные тренинги самоопределения; тренинги-экспедиции; психологические встречи самоопределения.

Все перечисленные тренинги были направлены на реальную деятельность в современном обществе по конкретным направлениям. Все они имели психологический характер, были максимально связаны с соответствующей деятельностью и ориентировались на выполнение конкретного дела. В то же время основной целью здесь все же было не производство продукта соответствующей профессиональной деятельности, а психологическая подготовка к производству данного продукта. Тут создавались условия для ДЖ-самоопределения благодаря организации гармоничной связи между внутренней и внешней психологическими сферами индивида, максимального совмещения действия с ДЖ-мотивом личности путем вытеснения невротических содержаний содеянного. Для детального и более глубокого анализа данной исследовательской и практической ситуации рассмотрим подробно перечисленные тренинги.

Определяющие тренинги в виде *спецсемиранов* были одними из наиболее многочисленных, что обуславливалось наличием соответствующего социального заказа, особенно на работу с безработными по направлению службы занятости. Достаточно высокая эффективность этих тренингов имела место лишь в случаях с безработными, поскольку только там существовала соответствующая социальная государственная структура. В остальных эффективность была невысокой, что можно объяснить низким уровнем личной мотивации и активности самих клиентов и отсутствием соответствующих социальных государственных и рыночных структур, а также низким уровнем психологической отработанности невротических содержаний.

Определяющие тренинги в виде *психологических встреч самоопределения* возникли на поздних этапах психологической работы и исследования и предназначались для разработки методики первой встречи с психологом с целью дальнейшей работы. Содержание этих тренингов было изложено ранее как «экспертиза самоопределения». Здесь следует добавить, что по мере развития они

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения стали приобретать форму ориентирующих. Выделялись клиенты, которые достаточно часто и регулярно посещали тренинги и больше стремились к психологической работе с невротическими содержаниями, нежели с поиском своего дела. Поэтому, пришлось ввести более жесткие требования для активизации «деловой» психологической направленности. Они заключались в том, что вводилась денежная оплата, ограничения по количеству посещаемых встреч лишь в качестве стороннего наблюдателя без прохождения индивидуальной и групповой экспертизы самоопределения и дальнейшей индивидуальной или групповой психологической работы.

Важную роль в процессе групповой психологической работы сыграли *профессиональные тренинги самоопределения*. Они возникали в достаточно сложных жизненных ситуациях, когда у индивида очень четко ставал вопрос выбора и самоопределения. В нашей практике такая ситуация появлялась при пресыщении психологической работой внутреннего, ориентирующего характера, когда образовывалась довольно устойчивая и постоянная тренинговая группа, кочующая от тренинга к тренингу. Создавалась ситуация «психологической заболоченности» или «зависания» в невротических содержаниях. Здесь необходимо было сделать прорыв в дальнейшем развитии. Как уже отмечалось, в этот момент появилось и определение определяющего тренинга. Кроме этого, были ситуации и менее острые, но более социально и жизненно обусловленные. Когда студенты психологического факультета, обычно на средних и старших курсах, ставали перед проблемой выбора дальнейшего жизненного и профессионального пути, что совпадало с «кризисом самоопределения» (Любимова, 2000), такой тренинг помогал определиться в профессиональной специализации, коррекции дальнейшего обучения и наработыванию необходимой практики и жизненного опыта.

Не менее важное значение имели *учебно-профессиональные определяющие тренинги для психологов-консультантов*. Они оказались наиболее конструктивными и востребованными. Поэтому были введены в учебный процесс в виде профессионально ориентированной спецдисциплины для практических психологов в

А. А Ткаченко

области психологического консультирования. Сначала они проводились только как учебные, но вскоре стало ясно, что профессиональные умения психолога-консультанта являются очень важным фактором в будущей профессии, и обрели четкую профессиональную направленность. Такой тренинг обозначал переход от учебной к профессиональной деятельности. Те, кто его успешно проходили, обретали уверенность в себе и были в состоянии профессионально работать с реальным клиентом и реальной психологической проблемой. В наиболее целостном и конструктивном виде определяющие тренинги сформировались как тренинги профессионального мастерства для психологов-консультантов. Здесь эффект профессиональной апробации создавался кроме рассмотренных ранее «презентаций» перед «работодателем» еще и использованием задания, которое получило название «клиент с улицы». Имеется в виду создание реальной эмпирической профессионально-жизненной ситуации психологической работы практического психолога-консультанта с реальным клиентом. Но при этом для создания ситуации «возможности невозможного» оказалось необходимым использовать еще один базовый принцип, что условно можно определить как «расскажи и покажи». Он заключается в том, что ведущий такого тренинга (или же приглашенный эксперт) профессионально демонстрировал реальную работу с клиентом и таким способом решалась проблемная ситуация «возможности невозможного». Содержание и сущность такого тренинга подробно изложена в учебном пособии автора (Ткаченко, 2009в).

Довольно скоротечными но специализированными были определяющие тренинги в виде *встреч-совещаний и работы с персоналом*. Они предназначались для решения текущих вопросов. Такие встречи-совещания проводились совместно с другими организациями и даже совместно с зарубежными психологами. Решались также и кадровые вопросы, связанные с выполнением, распределением функций и расстановкой кадров. В тренинговом варианте все это имело объективный и довольно интересный вид, который значительно отличался от существующего в современной жизненной практике формализма, надуманности и необъективности. Идея тренинговой

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения ситуации здесь состояла в том, чтобы сохранить «поле правды», создаваемое на ориентирующих тренингах и в решении текущих производственных вопросов. Это оказалось довольно сложно и психологически тяжело. Участники (сотрудники) часто психологически просто не выдерживали даже такую «текущую» правду жизни. Это касалось и тех, кто прошел целый ряд ориентирующих тренингов и индивидуальных консультаций. Именно на таких определяющих тренингах проявлялся момент истины, или момент личностной правды о себе. Стало понятно еще и то, что только лишь ориентирующие тренинги, к которым обычно стремятся клиенты, являются сами по себе неэффективными, а при их избытке даже создают негативный эффект невротического «зависания».

И, наконец, определяющие тренинги в виде *экспедиций*. В нашей работе проводились в виде экспедиций в живописные природные места, связанные с определенными культурными и духовными традициями и психическими содержаниями. В двух случаях это было древнее языческое капище, возникшее около 3 тысяч лет назад. Это был тренинг-экспедиция по определению рабочей концепции очередного природного тренинга, а также при решении судьбоносного вопроса двух клиентов, связанный с выбором дальнейшего профессионального пути в области практической психологии. Такие определяющие тренинги-экспедиции уже обозначали определенную конструктивную связь с наиболее радикальными, масштабными и духовно насыщенными природными тренингами.

Вышеизложенное можно резюмировать следующим образом. Определяющие тренинги проводятся по конкретным заказам и направлены на решение определенных заданий и достижение соответствующих целей. В рамках концепции ДЖ-самоопределения они фиксируют достижение успеха в процессе профессиональной подготовки, жизнетворчестве и психологической работы в заявленной технологии. В общей практической тренинговой парадигме они базируются на уже разработанной и традиционной методологии тренингов умений (Рудестам, 1998). Их существенное отличие состояло в использовании эмпирико-практических ситуаций реальной

А. А Ткаченко

профессиональной деятельности, которые обеспечивали наиболее объективную идентификацию, демонстрацию и апробацию полученных умений. В зависимости от конкретной задачи они проходили от 1-го до 5-ти рабочих дней. В таком тренинге может быть апробирована практически любая профессиональная функция, способность или умение. В каждом случае важно адекватно и профессионально использовать два основных принципа, предусматривающих создание ситуации «возможности невозможного» (для участников) и «расскажи и покажи» (для ведущего). Кроме этого, тренинг обязательно должен предусматривать присутствие независимого эксперта, роль которого заключается в рефлексии группы в реальной социально-профессиональной и жизненной ситуации. При этом создается ситуация диалога, когда эксперт становится тем «другим», кто гарантирует жизнеспособность и продуктивное развитие. В частности, это еще и обеспечивает удержание группы от «сваливания в психотерапию» и работу с невротическими содержаниями. В профессиональном рыночном варианте важно предусмотреть достаточно высокую квалификацию и оплату работы такого эксперта, что определяет профессиональный статус и рыночный уровень тренинга. Именно эксперт может гарантировать создание ситуации «возможности невозможного» и реализацию принципа «расскажи и покажи». Это также позволяет осуществить независимую адекватную оценку профессиональных умений и демонстрацию профессиональной апробации.

Природные тренинги, как форма психологической работы в естественных условиях обитания человека, возникли спонтанно и естественно как продолжение ориентирующих тренингов. Это стало для многих участников каким-то ошеломляюще-грандиозным явлением, оказавшем на их психику очень большое влияние, сравнимое с расширением сознания и трансценденцией личности. Они реально представляли собой критические жизненные условия. Эта психологическая работа в равной степени включала в себя и ориентирующую (внутреннюю) и определяющую (внешнюю) формы. Это показало, что только одновременная работа с внутренними и внешними психологическими образованиями может приводить к

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения продуктивному «расширению» и развитию, а не к деструктивному одностороннему «сдвигу» сознания человека.

В жизненном мире существует два глобальных феномена «Человек» и «Природа», диалог которых порождает духовное общение и создает своеобразное духовное пространство, которое мы обозначили как «поле правды и праведности». Именно на это и были направлены природные тренинги, где такое «поле», заложенное ранее на ориенти-рующих и частично на определяющих тренингах, а также индивиду-альных консультациях глубинного и вершинного характера, в естественных природных условиях перерастало в грандиозное своеобразное «пространство одухотворения», где ставало возможным практически все, на что была способна человеческая психика на тот момент. Именно здесь достигался эффект неограниченности в психологической работе. В таком пространстве, как на лакмусовой бумаге, проявлялись наиболее скрытые и завуалированные, глубинные психологические проблемы и невротические содержания, составляющие «содеянное».

Подобная психологическая и духовная практика, осуществляемая в полевых природных условиях обитания человека, имела место в различных регионах постсоветского социокультурного пространства. Речь идет о тренингах, которые проводились непосредственно на лоне живописной природы в естественных условиях. До определенного времени они, как правило, носили выраженный мистический парапсихологический характер, где отрабатывались всевозможные духовные техники и практики, как правило, из других, нехристианских, культур. Это не поддавалось научному описанию, считалось проявлением мистики и часто не без основания. Современная психологическая практика овладевает все новыми и новыми духовно-психологическими пространствами, вводит их в зону адекватного научного осмысления. Речь пойдет о двух явлениях, отображающих два принципиальных подхода в проведении такого рода эмпирико-практических исследований.

Явление первое было зафиксировано нами в 1996-1998 годах, названо «духовно-природной психотерапией» (ДППТ) и изложено в монографии автора (Ткаченко, 2001). Оно идентифицировалось в

А. А Ткаченко

процессе *глубинной психологической работы* на природных тренингах, которые проходили на территории Украины в живописных заповедных местах на берегу Днепра, в Крыму на берегу Черного моря в окрестностях Судака и Нового Света, в Карпатах неподалеку от монастыря Манявский Скит. Базовым практическим психологическим принципом здесь было «идти к природе» чтобы она ни предложила, путем осмысления психологического материала, который постоянно появлялся и проявлялся. Задание целевого применения какой-либо психологической техники или духовных практик не ставилось. Использовалось и работало только *слово* в виде традиционных в психологии вербальных разговорных методов, что способствовало пониманию и осмыслению «всплывающих» психологических проблем. К этому мы пришли также вполне естественно и спонтанно после проведения групповой психологической работы со студентами-психологами, посвященной проблемам самоопределения и самореализации, после завершения которой появилась потребность продлить работу на лоне природы.

Явление второе, было отмечено профессором В.В.Козловым и изложено в его монографии (Козлов, 2001а). В его терминологии это явление обозначено как «духовные странствия» (ДС). Здесь также проводилась глубинная, но в терминологии автора *психосоциальная работа* на территории России в живописных местах Алтая, Байкала и Уральских гор в 1999-2001 году. В данном случае имела место достаточно четко спланированная психологическая работа на основе духовно-психологических техник и практик, которые можно найти в его книге (Козлов, 2001б). Природный фактор, как стало понятным после изучения данной монографии, здесь играл вспомогательную функцию, направленную на обеспечение работы психолога и стимулирование участников.

В ДППТ четко выделялись соответственно четыре этапа, каждый из которых имел характерные психологические и эмоциональные особенности, проявляющиеся в своеобразном социально-психологическом «взрослении» тренинговой группы и психологической работы в целом, что позволило выделить четыре характерных этапа: первый, «детский» этап, завершился «днепровским» тренингом; второй, «подростковый» этап, завершился

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения «первым крымским» тренингом; третий, «юношеский» этап, завершился «карпатским» тренингом; четвертый, «взрослый» этап, завершился «вторым крымским» тренингом.

После осмысления собственного исследования и внимательного изучения исследования профессора В.В.Козлова попробуем определить и кратко охарактеризовать принципиальные отличия и общие факторы, которые возникали в процессе работы. Сразу отметим, что представленные в монографиях материалы отображают лишь малую частицу того, что происходило реально из-за большой сложности объективной фиксации. Поэтому вполне можно согласиться с метафорой В.В. Козлова, сравнивающего этот материал с «обломком удивительного бриллианта». Это можно понимать как большую ценность для практики и науки и, в то же время, ограниченность и фрагментарность этого материала. Согласно нашим наблюдениям, адекватному изложению в виде отчетов и осмыслению поддавалась лишь небольшая часть актуализированного осознаваемого и неосознаваемого психологического материала. Прежде всего попробуем представить общую картину анализируемых исследований. Поскольку они были эмпирическими и основаны на соответствующем практическом материале, их целостное корректное сравнение можно сделать именно на основании квинтэссенции такого материала. Он был получен из личных отчетов участников исследований и рабочих дневников наблюдений руководителей тренингов. Каждый из тренингов ДППТ и ДС длился примерно 7 календарных дней, на протяжении которых проявлялись следующие структурные составляющие, представленные в таблице 1 на основе анализа эмпирических материалов, изложенных в монографиях автора (Ткаченко, 2001) и В.В.Козлова (Козлов, 2001а).

Таблица 1.

Сравнительная характеристика содержания природных тренингов ДППТ и ДС

День	ДППТ	ДС
1	<u>Появление феномена Природы.</u> Как бы начинают «замечаться» ее кра-соты, богатство и сила,	<u>Встреча и знакомство</u> участников. Ознакомление со структурой тренинга. Создание «алтаря группы». Лекция (ввод-

	<p>на которые раньше не обращалось внимание. Определенным образом ощущается и понимается возможность плодотворного контакта с ней с учетом большого целепильного потенциала.</p>	<p>ная). Обустройство участников и групп-лидера .Ознакомление с природными условиями в районе расположения группы.</p>
2	<p><u>Индивидуальная актуализация</u> психических содержаний в психике участников. Интенсивная интросекция, осознание масштабов своей невротичности (неправедности). Проникновение в индивидуальный бессознательный психологический мир. Спонтанное вырезание фигурок индивиду-ально-личностного характера типа «тотемов» и «амулетов» и последующая работа с ними.</p>	<p><u>Структурирование группы и формирование внутренней структуры личностей участников.</u> Лекция. Медитация. Поиск «своего посоха». Холотропное дыхание. Настройка. Подготовка к «христианскому дню».</p>
3	<p><u>Языческая стадия.</u> Вхождение в психо-логический контакт и как-бы «слияние» с Природой. Активное включение во все более актуализирующиеся глубокие психические процессы атрибу-тов окружающей природы в виде сти-мального материала посредством все-возможной символики и метафор, вплоть до архаического бессознательного уровня. Спонтанное вырезание фигурок коллективно-группового характера типа «идолов» и последующая работа с ними.</p>	<p><u>Христианский день.</u> Христианские аскезы, обнаружение «своей» молитвы, «крещение» в изначальном состоянии, молитва в позе «столпника», благие деяния. Медитации. Практики дыхания. Лекция. Внутренние открытия христианства.</p>
4	<p><u>«Прикосновение к вере».</u> Приближение к предельным областям психических содержаний. Актуализация</p>	<p><u>День язычества и шаманских традиций.</u> Языческие и шаманские практики. Прыжки в стремнину горной реки, «путешествие</p>

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

	духовного начала. «Духовный прорыв», обычно происходящий посредством нуминозных, как правило, христианских, сим-волов (ритуалов, атрибутов, понятий, идей, музыки и пр.). Появление одухо-творенных состояний «прикосновения к вере».	за силой животного», «сжигание масок», хождение по углям, прощение с «лодкой смерти». Тантра (правая и левая). Медитации. Лекция.
5	Кризис. Непосредственное появление предельных и запредельных психологических переживаний и состояний. Актуализация «духовных кризисов» и «пиковых переживаний». Очень сильные энергетические психологические проявления. Полное слияние с Природой.	Буддийский день. День тантризма (правая, левая тантры). Возникновение вопросов: «Почему?» и «Зачем?» люди ходят на тренинг. Путешествия в нижние миры. Проговор. Лекция. Радостность.
6	Посткризисная стадия («зачистка»). Проявление посткризисных состояний. Возвращение психики в возможное адекватное состояние, рефлексия своей новой реальности объективного жиз-ненного мира.	День буддийских путешествий и традиций. Глубинный страх уничтожения и жажда жизни. Возникновение вопросов «Зачем я здесь?» Лекция о буддизме. Лекция о язычестве и шаманизме. Языческие практики: соби- рание венков, углехождение, «тропа птиць».
7	Одухотворение. Непосредственное приобщение высокоактуализированной психики к духовным культурным хрис-тианским и другим общечеловеческим ценностям. Формирование высокоду-ховного индивидуального личностного измененного психологического начала.	Шаманские, языческие практики. Углехождение. «Ладья смерти». Венки в реку Катунь. Жертвопри-ношение. Лекция об особенностях русской трансперсональной пси-хологии, культурные отличия. Правая тантра. Переломный тре-нинг. Это не тренинг, это жизнь. Прощание с группой.

Рассмотрим общие характеристики анализируемых явлений ДППТ и ДС.

1. Выделяется достаточно четкая структура психологической (ДППТ) и психосоциальной (ДС) работы. Одинаковая длительность протекания в пределах 7 рабочих дней, оформляющихся как структурные элементы тренингов, содержание которых вполне соизмеримо и сравнимо. В обобщенном виде они идентифицируются следующим образом: 1) подготовка группы к работе (как общая так и индивидуальная), определение общей психологической структуры группы и психических особенностей отдельных участников; 2) психологическая активизация и актуализация, «разогрев» группы и отдельных участников; 3) работа с психологическим содержанием языческого (шаманского) характера; 4) работа с духовно-психологическим содержанием в рамках основной культурной принадлежности (в данном случае христианской); 5) работа с духовно-психологическим содержанием других культурно-исторических направлений (буддизмом, сознанием Кришны и другими, как правило, восточными, практиками); 6) выход на предельные и запредельные духовно-психологическое содержания, эмпирическая рефлексия (апробация) духовности (просветленности); 7) приведение группы и отдельных участников в адекватное состояние, завершение тренинга, «зачистка», экскурсии в духовно и культурно обусловленные места (ДППТ), завершение тренинга и «прощание» с группой (ДС).

2. Проявление характерных культурно-исторических особенностей человека восточно-славянской православной культуры, заключающейся в возможности естественного входа в трансцендентные психологические состояния и содержания духовного феноменологического характера без применения каких-либо специальных химических препаратов, психо-деликов или других специфических психологических техник или практик. Возможность ограничиться лишь разговорными словесными методами психологической работы.

3. Проявление значительной массы духовно-психологического глубинного содержания языческого мистического характера, а также их связи с психосоциальным содержанием культурно-исторического развития, где особенно выделялся тоталитарный период.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

4. Проявление большого активизирующего эффекта реальных естественных условий при психологической работе группы. Резкий рост интенсивности и эффективности. Возможность прихода человека к предельным и запредельным психическим состояниям и процессам только на основании собственного желания и реальной необходимости.

Принципиальные различия анализируемых явлений ДППТ и ДС можно представить в виде следующих характеристик.

1. Эти явления могут рассматриваться как две стороны одной медали духовно-психологической природной практики, где ДППТ условно можно обозначить как своеобразную «психохирургию», то ДС - как «психоанестезию».

2. Диаметральная противоположность базовых концепций психологической (ДППТ) и психосоциальной (ДС) работы. Психологическая работа в рамках ДППТ осуществлялась по принципу «идти на страх» без ограничений, была направлена на *результат* и предусматривала возможность ДЖ-самоопределения человека. Она дифференцирована, детерминирована, целеустремленна, что отвечает принципу детерминизма в построении соотношений человека и мира (по С.Л.Рубинштейну). ДС предусматривают обратное. Это прежде всего *процесс* духовных странствий, исканий, путешествий, который направлен на стремление к радости и спокойствию. Он не предусматривает движения на страх и решение жизненных проблем. Если это и происходит, то как побочный эффект. Как отмечал В.В.Козлов, стремление участников тренинга заниматься «решением эмоциональных проблем, личностным ростом, общением, бессознательным» было основной проблемой духовных странствий (Козлов, 2001а: 32).

3. Относительно структуры и последовательности построения природных тренингов ДППТ и ДС. В случае ДППТ вся работа была построена на движении «к природе» вплоть до слияния с ней. Всевозможные психологические техники использовались уже после определенной природной «подачи», запускающей реальные естественные процессы. Они (техники) должны были как можно точнее «подхватывать» эти естественные процессы в психологической

А. А Ткаченко

работе. Поэтому руководитель (ведущий) тренинга, как значимая фигура, не находился впереди группы, но всегда был «рядом», выполняя функции помощника и в известной мере посредника между участниками и природой, а также между участниками и духовно-культурным наследием народа в окультуривании природных процессов, которые интенсивно развивались. Его заданием было как можно лучше «слушать» Природу и отзываться на ее запросы соответствующими действиями в виде психологической работы, а также рефлексировать взаимоотношения с Другим (жизнью, Миром). Поэтому работа на основании слова оказалась основной и определяющей, а появляющиеся «исповеди», «покаяния», «откровения» оказались наиболее приемлемыми паттернами, соответствующими христианской восточно-славянской культуре. Она начиналась с вхождения в Природу, потом актуализировались языческие, мистические содержания, и уже потом участники тренинга добивались к глубинным духовным содержаниям, основанным на искомой христианской (прежде всего православной) культуре. Если всю психологическую работу символично представить в виде прорабатывания какого-то «невротического дерева» человека, то такой процесс начинался сверху. Сначала убираются мелкие «ветви» в виде прорабатывания осознаваемых психологических невротических содержаний, потом срезается «ствол», символизирующий базовые характерологические проблемы и содержания, и уже потом доходит очередь до «корня» как сути «содееянного», находящегося в глубинной бессознательной области психики и, как правило, концентрирующегося вокруг духовного ядра христианских символов и содержаний, оформляющихся как «вера».

В случае ДС скорее всего имела место обратная картина. Здесь активную организующую роль играл групплидер. Именно он задавал тон в работе с помощью лекций, которые определяли содержательную психологическую направленность и потом предлагал систему техник и практик соответствующей психосоциальной работы. Отдельные элементы тренинга по своему содержанию были частично схожи с ДППТ, но порядок их функционирования оказался скорее обратным. Сразу же после общей настройки и «разогрева» тренинг начинался с работы с «корнем», то есть христианским культурно-психологическим

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения содержанием в виде христианских аскез в ходе христианского дня. Это удавалось осуществить с помощью специальных психологических внешних манипуляций в виде соответствующих техник и практик, как правило, христианского характера (например, «крещение», молитвы в позе «столпника»). Хотя вместе с этим активнейшим образом использовались и сугубо христианские ритуалы, которые имели соответствующий эффект.

И уже потом психосоциальная работа начинала подниматься по стволу «невротического дерева», не задевая его сути и содержания, а как бы окутывая пленкой анестезии. Работа же с невротическими содержаниями происходила как побочный эффект, оставаясь на усмотрение и откуп самого участника. Таким образом, если удавалось все же «свалить» это дерево, то это происходило, скорее, случайно и неожиданно, что могло травмировать неподготовленную психику человека. Таким образом, «невротическое дерево» покрывается защитной пленкой «психоанестезии» в виде разнообразных психологических техник и практик, которые приобретают влияние своеобразного психологического наркотика, потребность в котором со временем возможно будет расти. Поэтому реальная психологическая проблематика так и не отрабатывается. И когда такой человек все же начинает реальную психологическую работу, эта «защитная пленка» сильно ее осложняет. А «невротическое дерево» будет спокойно расти, а при достижении максимальных размеров и постарев все же рано или поздно может свалиться и похоронить под собой и человека. В реальной жизни это часто можно наблюдать по поведению пожилых людей, обремененных нерешенными жизненными проблемами («содеянным»).

Как показал анализ представленных практик психологической и психосоциальной работы, их раздельное функционирование является неэффективным. Применение только ДППТ, как «психохирургии» без соответствующей «психоанестезии», приводит к сильным страданиям, которые человек обычно не выдерживает. Большинство из тех, кто прошел ДППТ, «отрекались» от достигнутого уровня духовности, отказавшись от интенсивного духовного роста, и возвращались в состояние более-менее комфортного существования. В случае

А. А Ткаченко

использования только ДС как «психоанестезии» человек формировал какую-то иллюзию духовности («просветления»). Профессор В.В. Козлов так и не отметил за все время проведения природных ДС-тренингов ни одного просветленного (Козлов, (2001a)). Таким образом, напрашивается идея объединить данные направления духовно-психологической работы, что может позволить получить что-то третье, качественно иное и более эффективное. Попробуем гипотетически сформулировать суть такого направления природной духовно-психологической работы.

1. Как в процессе ДППТ (ориентация на самоопределение и результат) отмечались признаки ДС (ориентация на процесс в виде странствий), так и наоборот. В отдельных ситуациях, если основной акцент делался на результате и самоопределении, «странствия» играли роль процессуального «фона» и наоборот. Напрашивается сочетание этих практик, подобно сочетанию хирургии и анестезии в медицине. В таком случае необходимо очень тщательное дозирование психоанестезии в зависимости от степени естественного «психохирургического» вмешательства, зависящего от уровня глубины залегания эпицентра («корня») обрабатываемого «содеянного».

2. Такая духовно-психологическая практика должна, с одной стороны, основываться на отечественной научно-психологической школе, базирующейся на принципах соотношения человека и мира в рамках деятельностного подхода, а с другой, ориентироваться на духовный фактор и его культурно-психологические особенности в рамках поступкового подхода в ДЖ-формате.

3. Основным системообразующим стержнем данной работы является высшее предназначение как изначальная человеческая суть. Поэтому практическая сторона этой работы должна ориентироваться на человека как субъекта жизненного мира, а ее цель должна фокусироваться на ДЖ-самоопределении.

4. Рабочим фоном или наиболее благотворной стимулирующей средой такой духовно-психологической практики может быть Природа как естественная сфера существования человека.

5. Особенную важность имеет фактор органического соединения или слияния «естественно-природного» и «духовного»

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения факторов. Поэтому важно предусматривать в природных тренингах закрепление обретенной духовности на основе существующих культурно-исторических традиций, символов, сооружений и местностей, соответствующих искомой культуре и религии.

В ходе представленной в ДППТ духовно-психологической работы также были обнаружены около ста различных эффектов и закономерностей, из которых можно выделить следующие, наиболее характерные.

Эффекты:

Эффект взросления внутреннего психологического личностного, внешнего социального в лице тренинговой группы и практического профессионального, касающегося как отдельных участников, так и ведущего психолога. Окончательным результатом взросления стало научное обобщение полученных материалов в монографии.

Эффект спонтанного дрейфа тренинговой группы, проявляющийся в виде естественного перемещения места психологической работы как на локальном уровне (по выбранной рабочей территории), так и на социокультурном уровне (по различным культурно и духовно обусловленным местам Украины), определявшихся и рефлексировавшихся интуитивно и чувственно.

Довольно четко проявлялись *эффекты внутренней и внешней психологической работы* а также их взаимосвязь. Внутренняя глубинная работа проявлялась в актуализации пренатальных психологических содержаний, связанных с содеянным, как правило, родителями, особенно матерями. В отдельных случаях участник шел еще дальше, добирался до еще более ранних родственников и соответствующего содеянного. Затем начинала работать окружающая природа. Участник переключался на нее и уже во внешнем мире пытался отыскивать причины содеянного, обнаруженного в процессе психологической работы с внутренним миром. В более общем виде и анализе были выделены также эффекты, свидетельствующие о культурно-историческом развитии человека в филогенезе и биологическом онтогенезе. Так, во внешнем мире довольно четко были отмечены такие стадии: внешняя фиксация природы как таковой, ее красот, оригинальности, отдельных особенностей и т.д.;

А. А Ткаченко

языческая стадия, связанная с проявлением мистических содержаний и соответствующих атрибутов в виде вырезания фигурок, символизирующих различные божества, идолов, образы животных; стадия «прикосновения к вере», характеризующая этап христианства с соответствующими символами и понятиями; «одухотворение» на основе имеющихся культурных и духовных символов-сооружений, характеристик местности и т.д.

Во внутреннем мире проявлялись такие стадии: осознание и понимание природы как таковой, ее особенностей и красот; актуализация индивидуальных невротических содержаний, фиксация их масштабности и общего уровня психологической проблематики (общей тяжести содеянного); мистические переживания, эмоциональное отражение содеянного; духовные переживания «прикосновения к вере» как к собственному духовному стержню, ощущение и рефлексия собственной духовности; внешнее закрепление обретенной духовности на основе известных сооружений, местностей и других символов культуры народа, «одухотворение».

Эффект закономерной случайности являлся одним из основных и наиболее активно и эффективно работающий, особенно в глубинных областях психики. Именно случайные ситуации, выражавшиеся в появлении всевозможных событий, «знаков», «примет» и т.д. практически безошибочно обозначали содержание психологической работы, прогнозируя и регулируя ее. Нужно было только замечать, идентифицировать и адекватно реагировать на эти случайности. Создавалось впечатление, что таким образом природа и ее одухотворенная сущность общается с человеком.

По мере приближения к предельному уровню количество таких случайностей возрастало, при этом снижалась роль человека (психолога) и возрастала роль природы. Попытки психолога как-то нарушить эту закономерность неизбежно заканчивались для него неудачей. Логическая причинно-следственная закономерность, основанная на правде жизни, переходила в смысловую, случайную закономерность, основанную на ассоциациях, рефлексии веры в духе.

Эффект совместного «видения», особенно ярко проявлявшийся при работе в пренатальной области. Кроме этого, он также отмечался

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения и во время глубинной работы на уровне чувственного познания. «Видение» в данном случае имело обобщенное значение, под которым подразумевалась вся чувственная информация, которая фиксировалась сознанием человека в состоянии глубинной психологической работы.

Данный эффект также проявлялся и в процессе индивидуальной глубинной психологической работы в присутствии «видящего» в качестве стажера психолога. Это позволяло после завершения работы при коллективном обсуждении уточнять детали содеянного. В случае работы с мистическим материалом эта работа усложнялась за счет мистифицированности психики «видящего».

Эффект погружения в пренатальную область психики оказался одним из наиболее мощных актуализирующих факторов, после которого психологическая работа значительно активизировалась и переходила на иной уровень. Если до этого момента она ограничивалась лишь вербальным общением, то с момента возникновения данного эффекта общение все больше становилось невербальным, чувственным и интуитивным, участники начинали понимать, а вернее чувствовать друг друга без слов.

Эффект сопричастности, обнаруженный в ходе работы в пренатальной области. При этом родовые психические переживания как бы разделялись на двоих участников, находящихся в состоянии сопричастности: рожавшей (матери) и рожавшегося (ребенка). Этот и предыдущий эффекты в некоторой степени напоминали известное явление глубинной психологии, именуемое как «мистическая сопричастность».

Наиболее важным был обнаруженный нами *эффекты «прикосновения к вере»* или «*одухотворения*». Такой эффект начинал проявляться в области предельных психологических состояний. Он обычно сопровождался возникновением как бы ниоткуда понимания и переживания особых ощущений христианских атрибутов, таких, как молитвы, обряды, изображения святых ликов и др. Люди вдруг начинали искренне молиться и принимать духовность, как единственное, наиболее значимое и важное для себя состояние. Его можно было назвать «прикосновением к вере», поскольку именно

А. А Ткаченко

некритичное и безоговорочное принятие всего того, что предлагала природа и порождало данное состояние. Такое «прикосновение к вере» довольно часто объективизировалось особым состоянием духовности, в котором возникало невербальное общение и понимание, буквально спасавшее от ухода в мистические глубинные содержания и состояния, порождающие неадекватное восприятие действительности. Такое состояние возникало в момент начала осознания *содеянного* или *своего дела жизни*. Как результат проявления такого эффекта можно рассматривать уход в монастырь и принятие монашества одним из участников, прошедшего природные тренинги, позволившие идентифицировать *содеянное* его родственниками во время голодомора в 20-х годах прошлого века, связанного с каннибализмом.

После завершения природного тренинга и переживания эффекта одухотворения большинство участников под влиянием действительности и реалий жизни отошли от данного состояния, что можно квалифицировать (идентифицировать) как *эффект «отречения»*, испытывая угрызения совести, насмешки со стороны и личный психологический дискомфорт. Некоторые даже делали попытки заниматься целительством, используя более упрощенные, скорее, мистические, парапсихологические, нежели научные методы.

Эффект отречения проявлялся в отказе участников природных тренингов после их завершения от обретенной духовности (соответствующего состояния веры). Попав в условия реальной жизни, большинству участников не удавалось удержаться в созданном на природном тренинге личном духовном пространстве или поле правды и праведности. Происходил отказ от обретенных состояний и заложенных жизненных позиций, они «становились как все». Лишь немногим это состояние все же удавалось сохранять ценой очень больших, порой предельных психологических усилий. Это требовало большой силы как моральной, так и физической. Нужно было *устоять*. Со стороны окружающих проявлялась нескрываемая неприязнь и даже откровенная агрессия.

Эффект откровения оказался наиболее важным в дальнейшей психологической работе. Он представлял собой материал, содержащий высказывания и нарративные тексты глубинного и

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения вершинного характера, которые принимали в зависимости от содержания несколько форм. Наиболее яркими из них были откровения в форме «обвинительной речи», «исповеди», «покаяния». Этот эффект проявлялся четко, ярко и характерно, так, что его невозможно было не идентифицировать.

Обычно к «откровению» участник приходил в процессе довольно интенсивной психологической работы в течение нескольких тренинговых дней, он как бы «зрел» и в определенный момент оно начинало проявляться или, скорее, прорываться. По содержанию и психологической сущности это можно было разделить на два вида. В первом случае это были глубинные высказывания, касающиеся собственных невротических переживаний и содеянного, имеющие выраженную внутреннюю направленность, напоминающие исповеди и покаяния. В других случаях такие высказывания имели вершинный характер и уже касались внешних событий и были направлены на дело или дело жизни, напоминали обвинительную речь или наставления. В нашем случае это касалось матерей, которые в силу собственной инфантильности не хотели принимать на себя ответственность за своих детей и семью и даже пытались совершить групповой суицид вместе с детьми.

Особенно следует отметить психологические состояния в тренинговой группе во время таких откровений, выделяющиеся особенной напряженностью, возвышенностью и ответственностью. Обычно стояла тишина, звучал только голос откровеничающего, слова проникали в самые глубинные и отдаленные участки психики и души слушающих, достигали сути проблем каждого. А во время обвинительной речи они буквально вбивались в психику и сознание людей, особенно тех, кому были адресованы.

Эффект чистого зеркала. Если на чистое зеркало направить луч света, он отражается в сторону его источника. Если же зеркало не является чистым или является «кривым», то такое отражение становится гораздо менее четким или искажается. Если обретенное духовное пространство и личную духовность человеку после прохождения ДППТ удалось сохранить и утвердиться в уже новой для себя, одухотворенной ипостаси, достаточно заметно начинала

А. А Ткаченко

меняться жизнь и социальное окружение, которое попадало в это пространство. Если такой человек занимал определенное место в обществе, то можно было говорить об одухотворении ближайшего социума и общества. При этом, как затем было практически и эмпирически отмечено, в случае спокойного и адекватного реагирования вся внешняя агрессия обращалась против самого же источника. Из всей активной группы участников, составляющей 32 человека, всего двое в значительной степени в течение 5-7 лет после окончания природного тренинга и постоянной психологической работы к этому приблизились.

Эффект командной работы с состоянием одержимости проявился, когда в группе возникла критическая психологическая ситуация, связанная с попаданием в такое состояние одной из участниц, прошедшей через «исповедь» и «покаяние». Данный эффект был сравним с процедурой соборования, издревле применяемой православными священниками для работы в особо тяжелых случаях. В нашей ситуации на полностью интуитивном чувственном уровне несколько участников (5 человек) довольно спокойно, каждый заняв свое, как потом оказалось, соответствующее ситуативному смыслу положение, обеспечили безопасное и успешное его завершение. Как потом выяснилось, существование этого эффекта оказалось краткосрочным. Он просуществовал ограниченное время и специально для конкретного случая. Хотя, в последующей индивидуальной психологической практике подобная групповая работа находила свое место. Этот эффект мы связываем с рассмотренной ранее глубинной психологической сопричастностью.

Закономерности:

В процессе глубинной психологической работы в пренатальной области была отмечена *закономерность чередования чувственных переживаний предельных состояний и последующее осознание соответствующих жизненных ситуаций и содеянного*, после чего энергетическая насыщенность и чувство страха резко снижались. Особенно значительно снижение таких переживаний происходило после «видения» или «слышания» событий в пренатальной области в период собственных «родов». Подобная закономерность наблюдалась и в других подобных ситуациях.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Наиболее устойчиво и масштабно проявлялась *закономерность прямой зависимости объекта мистического содержания и степени тяжести, а также сложности психологической работы по обнаружению и осознанию содеянного*. Чем больше была степень мистифицированности психики и наполненность ее мифическими понятиями демонического характера, тем она была психологически тяжелее и негативно энергетически насыщенной. В данном ключе проявлялись и другие закономерности. Оказалось, что не только количественная, энергетическая, но и качественная модальная характеристики мистических содержаний имели определенные закономерные смысловые связи с психологической проблематикой индивида. Подобно интерпретации снов ставало возможным через интерпретацию мистических содержаний идентифицировать сущность содеянного. Наиболее тяжелым было, как правило, содеянное, связанное с религиозными мистическими содержаниями и демонической духовной феноменологией языческого и христианского характера. Исходя из этого, можно даже предположить, что определенные религиозные группы концентрируют людей по характеру мистических психических содержаний, связанных с наиболее тяжелыми событиями в период тоталитаризма, соответствующих содеянному в культурно-историческом процессе.

В природных тренингах в процессе ДППТ была отмечена *закономерность изменения ведущей роли в психологической работе со стороны психолога и природы*. По мере приближения к предельным состояниям это соотношение изменялось в сторону природы. И в момент наступления предельных трансцендентных состояний активность психолога становилась минимальной или даже практически нулевой. Любые его попытки искусственного проявления такой активности заканчивались неудачей. Их можно расценивать как следствие творческих проявлений самого психолога.

Определенная *закономерность* была отмечена *между содержанием, качественной характеристикой всевозможных проявлений мимики, пантомимики, голоса, движений, поз и т.п. с сущностью и содержанием психологических невротических состояний, порожденных содеянным*.

А. А Ткаченко

ДППТ позволила выявить общую глобальную закономерность функционирования всей духовно-психологической природной практики как духовно-природного образования, направленного на душевное совершенствование человека. Это взаимоотношение между внутренними и внешними психическими образованиями и содержаниями в человеке, которым соответствует необходимое соотношение ориентирующей и определяющей психологической работы. Это в конечном итоге приводило к пониманию, осознанию и принятию содеянного, дающего право на выполнение соответствующего дела и дела жизни. Причем, здесь нельзя говорить о какой-то закономерной очередности функционирования таких ориентирующих и определяющих факторов. Как показала практика, как только активизировался один, сразу же происходила соответствующая реакция другого. Главной закономерностью здесь являлся вполне определенный и гармоничный баланс их активности. Это было основой оптимальной организации функционирования духовно-психологической природной практики. При нарушении такого баланса происходило торможение в психологическом развитии человека в виде психологического «зависания» (при избытке внутренней, ориентирующей составляющей) или «трудоголизма» (при избытке внешнего фактора в виде определяющей составляющей).

5.3 Индивидуальная и групповая образовательная ДЖ-практика

Если на уходящем индустриальном техногенном этапе общественного развития доминировали натуралистические и инженерно-технические образовательные направления, обеспечивающие технический прогресс, то в современном глобализирующемся информационном мире основным фактором общественного прогресса становится духовное развитие человека, когда основную роль играют гуманитарные направления. Это требует от системы профессиональной подготовки специалистов обеспечивать не столько передачу знаний, накопленных в предыдущие периоды и уже мало пригодных для будущего развития, сколько формировать способность производства принципиально новых, индивидуально ориентированных знаний, способствующих самоопределению и

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения саморазвитию. Эта идея, в частности, заложена в «Национальной доктрине развития образования в Украине» («Національна доктрина», 2002) и в сущностной основе Болонского процесса, предусматривающих формирование общеевропейского образовательного пространства на основе гуманистических ценностей. Происходит переориентация учебного процесса на формирование умений самостоятельного овладения знаниями, применение личностно ориентированных технологий, направленных на самоопределение, самообучение и саморазвитие своих жизненных возможностей, обеспечивающих жизнеспособность.

Говоря о смысле жизни, В. Франкл отмечал, что основная задача образования состоит не в том, чтобы довольствоваться передачей традиций и знаний, а в том, чтобы совершенствовать способность, дающую человеку возможность находить уникальные смыслы (Франкл, 1990). Говоря о «школе как мастерской людей», как единственном исторически обусловленном духовном чистилище, предусматривающем развитие в человеке человеческого / человечности, академик РАО В.А. Пономаренко вслед за Я.А.Коменским (Пономаренко, 1991) анализирует данную проблему в контексте соотношения в образовательном процессе свободы и ответственности. На первое место ставятся не знание и образование как таковые, они рассматриваются лишь как путь к развитию человечности и духовности, а учитель и его личность как единственный источник развития духовного начала ребенка. Основными реальными заказчиками школы являются семья, представляющая личность, и государство как два альтернативных социальных института. В этом ключе выделяются два глобальных задания - императива образования, базирующиеся на принципах соответственно свободы и ответственности. Свобода, как категория духовности, рассматривается как фундаментальная социальная основа личности, на которой базируется вера в достижение вершин духовного бытия и развитие человечности в человеке, поэтому она направлена на разгосударствление образования. Принцип свободы в образовании ассоциируется с внутренними психологическими факторами и больше присущ негосударственному образованию,

А. А Ткаченко

которое уже сформировалось в нашем социокультурном пространстве как самостоятельная система. Принцип ответственности больше ассоциируется с внешними, социальными, цивилизационными требованиями, которые олицетворяются государством и государственным заказом. Государственнические императивы в образовании ориентированы на «другого», а негосударственные – на формирования человечности и собственного «Я». Таким образом, в системе образования создается диалогический механизм развития человека как личности на основе моральных, духовных принципов, а в теории и истории педагогики возникает потребность в методологической переориентации из познавательной - когнитивных на морально-этические ценности овладения смыслом человеческого назначения, которое предусматривает доминирование правды в выборе жизненного пути. В нашем подходе это происходит за счет создания психолого-педагогического «поля правды».

Практика внедрения идей Болонского процесса показала, что проблема заключается в противоречии между сущностью западной и отечественной систем образования, которые создавались независимо, каждая в собственном социокультурном пространстве. Духовное возрождение нации начинается с духовного возрождения образования- это известная жизненная истина. Как не нужна дорога, которая не ведет к Храму, так не может быть жизнеспособным образование, которое не готовит человека к выполнению своего высшего предназначения, - это лейтмотив одухотворения отечественного образования в измерении предлагаемой нами образовательной ДЖ-практики.

Теоретико-методологическая концепция ДЖ-подхода предусматривает изменение парадигмы образовательной практики, согласно которой «идеологическая» уступает место «психологической», где вместо деятельностного функционального механизма начинает работать поступковый, а глобальным объектом становится высшее предназначение, укорененное в душе человека. Благодаря этому происходит естественная эволюция, когда внешнее идеологическое трансформируется во внутреннее психологическое. Оказывается, что основные механизмы, наработанные на протяжении многих лет идеологизированной образовательной практики, не

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения уничтожаются, а видоизменяются, совершенствуются от «делового» до «дело-жизненного» функционального уровня. Советская система образования была признана лучшей в мире именно благодаря ориентации на достижение высшего предназначения человека путем формирования «советского человека» и построения «коммунистического общества» как высшего уровня личностного и общественного развития. Тогда это достигалось благодаря навязыванию отстраненной и, в большей части, фантастической идеи, что побуждало к осуществлению соответствующих поступковых как аморальных и безнравственных действий и накопления соответствующего «содеянного», так и высоконравственных деяний, позволяющих творить духовный продукт.

В настоящий момент для выделения и сохранения накопленного позитивного и прорабатывания негативного опыта развития личности и общества в достижении высшего предназначения практика навязывания отстраненной идеи, рассматриваемая нами как идеологическая ДЖ-практика, должна переосмысливаться как личная правда жизни благодаря психологической ДЖ-практике. Основы такой личностной и общественной трансформации должны закладываться в сфере образования, где начинать нужно с подготовки соответствующих специалистов-психологов как духовных профессионалов в системе высшего образования. Базовым методологическим ориентиром такого перехода является «человеко-центризм», о котором говорит академик В. Г.Кремень (Кремень, 2006б) и обеспечение доминирования правды, истины и реальности, что позволяет человеку достигать осознания личностного и общественного духовного стержня, когда происходит ценностная переориентация с когнитивно-интеллектуальных на эмоционально-этические, духовные принципы, что нуждается в разработке педагогики «сильного духовного действия» (по словам профессора И.Д. Беха на международном конгрессе «Украинское образование в мировом пространстве», октябрь, 2006 г., Киев). Он также выделял справедливость как существенную морально-духовную ценность личности (Бех, 2006). Честность и справедливость непосредственно связаны с психологией правды и поступка, что в рамках

А. А Ткаченко

образовательной ДЖ-практики особенно привлекательно. Оказалось, что образовательная практика, направленная на ДЖ-самоопределение выходит на уровень трансценденции между материальным и духовным естеством человека. Для понимания такой трансформации проанализируем взаимосвязь понятий «поступок» и «правда», «свобода» и «ответственность» в контексте предложенного нами теоретико-методологического подхода.

По В.А. Роменцу «поступок» рассматривается как самостоятельная категория, которая определяет коммуникативный акт, универсальное средство самовыявления, самоусовершенствования, самотворения и самоутверждения, которое осуществляется между личностью и миром (Роменец, Маноха, 1998). Целью функционирования поступкового психологического механизма в ДЖ-формате является рефлексия духовной действительности, а средством – понимание жизненной реальности. Их отношение формирует рабочую понимаемо-рефлексивную субстанцию.

Наша практика и исследование показывают, что психологический механизм поступка, как инструмент сознательного жизнетворчества, начинает вызревать на этапе выбора пути подготовки к осуществлению «дела жизни», когда накапливается необходимый потенциал знаний, профессионального и жизненного опыта. Это начало активного периода окультуривания (пайдейи) души как осуществление дела жизни «для себя», что обычно возникает у студентов приблизительно посередине процесса учебы в ВУЗе. Согласно исследований российских психологов, именно с этим связан кризис самоопределения у студентов-психологов 2-4 курсов (Буякас, 2000б; Любимова, 2000).

«Правда» в наиболее полном и глубинном понимании является важнейшим компонентом морального, этического, духовного развития человека. Создавая в процессе ДЖ-практики «поле правды», как необходимое условие работы поступкового механизма, нам удавалось достигать морально-этических состояний, выходить на осознание истины реальной жизни и духовного бытия человека. Наши исследования свидетельствуют, что той истиной, которая приводит к пониманию правды жизни и объективной реальности бытия, является стремление человека достичь своего высшего предназначения.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

По В.В. Знакову, сущностное понимание правды проявляется на фоне познания истины, но в более широких масштабах. Правда является категорией духовности, которая соединяет истину с моралью. Основным признаком правдивости является соответствие требованиям справедливости, а ее степень определяется целями и осознанным смыслом тех, кто говорит и слушает. «Психологическим стержнем» правдивости является личностная ориентация на такие типы понимания правды, как инструментальный, этический, рефлексивный (Знаков, 1999).

Степень правдивости в ДЖ-формате рассматривается на психологическом, жизненном и духовном уровнях. На психологическом уровне человек реализует достижение значимой для себя цели, которая часто может иметь утилитарный, невротичный, искаженный характер, который рассматривается как «неправда». На жизненном уровне человек выражает свое осознанное кредо, убеждение мировоззренческого характера, стремится к этическому и духовному самоусовершенствованию, которое рассматривается как истина. На духовном уровне уже сугубо рефлексивно человек стремится к позитивному нравственному действию, пытается способствовать этическому совершенствованию другого человека и продуцирования духовного продукта «для другого». Так мы представляем психолого-педагогическое «поле правды» как условие существования ДЖ-формата, где одновременно функционируют практическая (основанная на правде) и исследовательская (основанная на истине) психолого-педагогическая работа, субъектом которой является ученик и учитель. Каждый акт такой работы нельзя считать завершенным, пока он до конца не проработан практически, не исследован с соответствующими валидными выводами и не осмыслен и отрефлексован так, чтобы правда отвечала истине.

Эта идея стала основой для нашего исследования профессиональной подготовки операторов особо сложных систем управления как ярких представителей техногенной эпохи и психологов как ярких представителей психогенной эпохи. Успешное решение этой проблемы зависит от создания соответствующей методологии образования как психо-духовного инструмента

А. А Ткаченко

личностного развития и последующей жизни человека, стремящегося к достижению своего высшего предназначения.

5.3.1.Профессиональная подготовка операторов особо сложных систем управления в ДЖ-формате

С проблемой выполнения профессиональной деятельности в критических ситуациях мы впервые столкнулись в подготовке операторов особо сложных систем управления, в частности пилотов воздушных судов гражданской авиации. Как известно, количество авиационных происшествий и катастроф по вине человеческого фактора на протяжении последних десятилетий, а также за последнее время не только не снижается, а в определенных случаях растет и достигает 90%, несмотря на проведение большого количества научных исследований и достижения технического прогресса. Мы это связываем с глобальными трансформациями техногенной эпохи в психогенную, переходом в более масштабный формат взаимоотношений человека не просто с техникой, а с интеллектуально-компьютерными системами, связанными с ноосферой. Речь идет о кардинальной переформатизации такой психологической организации человека-оператора, которая должна ориентироваться не просто на выполнение профессиональных функций, а на основе этого обеспечивать переход в духовные измерения и достижение высшего предназначения. Речь идет о ДЖ-подходе, когда категория деятельности, на которой построены современные научно-теоретические, практические и образовательные подходы, должна уступить место категории поступка, когда на первое место выходят жизненные и духовные содержания. В этом контексте В. Ф. Присняков и Л. М. Приснякова даже говорят о новом научном направлении на основе синергетического подхода, возникшем на стыке социологии, политологии, психологии. Ими разработаны оригинальные модели и впервые получены решения задач с количественным учетом духовной составляющей поведения человека. Представлена модель взаимосвязи физического, интеллектуального и мысленного миров, описывающая творческое состояние универсума. Прогнозируется наступление критического состояния в отношениях между Природой и Человеком. Представлены методы и примеры

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения построения моделей с определяющим влиянием интеллекта человека: образовательного пространства, информационного состояния индивидуума, эффективности интеллектуальной деятельности человека, его эмоциональной устойчивости. Развиваются идеи математического моделирования научного прогресса с позиций деятельности человека как звена социально-экономической системы (Присняков, 2005; Присняков, Приснякова, 2004).

Очевидно, в научном подходе при решении этой проблемы необходимо начать с ключевого понятия, определяющего поведение человека в критических условиях – понятия профессиональной надежности. Дело в том, что в его современной сущностной формулировке заключается противоречие, фокусирующееся на деятельностном подходе. Так, по определению Р.Н. Макарова (Макаров, 1990), под профессиональной надежностью понимают стабильность интеграции мотивационных, эмоциональных, интеллектуальных, психофизиологических, психологических и физических компонентов деятельности, направленных на эффективное выполнение профессиональных функций в экстремальных режимах в заданное время. При этом профессиональная деятельность изначально предусматривает целеполагание полученных в процессе подготовки знаний, умений и навыков, а также профессионального опыта.

В то же время, тем же автором акцентируется, что чуть ли не основным фактором надежности является способность переформатирования деятельности путем отказа от сформированных в процессе профессиональной подготовки знаний, умений и навыков, а также опыта для продуцирования совершенно новых, качественно иных знаний и смыслов, позволяющих находить и реализовывать единственно правильное решение и избежать катастрофы в критических условиях.

К такому выводу мы пришли еще в конце восьмидесятых годов прошлого века после проведения исследования в рамках кандидатской диссертации автора, посвященного возможности формирования профессиональной надежности пилотов воздушных судов гражданской авиации средствами специальной теоретической

А. А Ткаченко

подготовки (Ткаченко, 1988). Тогда впервые была сформулирована идея совмещения реальных критических ситуаций профессиональной деятельности пилота с процессом его подготовки путем введения в учебный процесс функционального содержания этих ситуаций, связанных с изучаемой техникой на основе специально разработанной модели процесса обучения. Основными компонентами такой модели были задания на экстраполяцию признаков отказов, проблемные ситуации, ролевые игры и моделирование реального полета в критических условиях на тренажере изучаемой техники. Такая подготовка позволяла еще в процессе теоретического обучения создать необходимые условия для моделирования ситуаций, переформирующих учебный процесс с деятельностной на поступковую основу, когда профессиональная подготовка трансформировалась из обучения как деятельности в обучение как поступок. При этом обучение реально осуществлялось не только согласно поставленным целям и задачам, а учитывало случайно возникающие ситуации – это была профессиональная подготовка не только по целям и задачам, а и по ситуации. Такой формат обучения задавался прежде всего преподавателем, использующим активные методы обучения, предусматривающие возникновение поступкового действия, что сопоставимо с контекстным обучением, предложенным А.А.Вербицким (Вербицкий, 1991).

Тогда, в конце 80-х годов прошлого века в такой жестко регламентированной сфере профессиональной подготовки и деятельности, как авиация, принятие и внедрение подобных позиций было затруднительным. Но научно-нравственные исследования академика В.А. Пономаренко уже тогда положили начало коренному перелому, легализовавшему духовность профессионала как явление, прежде всего, авиационное, связанное с нахождением летчика во время полета в критических ситуациях (Пономаренко, 1997, 1998, 2004). Благодаря этим исследованиям и практике нам впоследствии удалось применить ее основные положения и идеи уже в профессиональной подготовке психологов как наиболее ярких представителей уже новой психогенной эпохи.

Тогда мы предложили целостный научно-практический технологический цикл организационно-дидактических основ

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения моделирования подготовки пилотов, который включал:

- оптимизацию информационной структуры (наполнения) учебного процесса на основе разработанного структурного элемента (кванта обучающей информации) с учетом входной и результирующей педагогической модели обучения, предусматривающей логико-структурный анализ содержания учебного процесса;

- разработку оптимизированной модели профессиональной подготовки, ориентированной на формирование надежности через поступок путем введения критических ситуаций в учебный процесс в виде экстраполяций признаков отказов, проблемных ситуаций, ролевых игр и моделирования реальных критических ситуаций на тренажере;

- разработку системы оценки, ориентированной на определение способности принимать и реализовывать правильные решения в критических ситуациях, что фактически переформатировало учебный процесс с «делового» на «дело-жизненный» формат и способствовало ДЖ-самооп-ределению личности, в том числе и личности самого преподавателя-исследователя.

В настоящее время одной из важнейших проблем обучения будущих авиаспециалистов, особенно в управлении воздушным движением в экстремальных ситуациях, является недостаточная информированность о типичных ошибках, возникающих в процессе профессиональной деятельности, по причине отсутствия в процессе обучения творческого анализа авиационных происшествий, инцидентов и предпосылок к ним. К примеру, специфика обучения будущих диспетчеров управлению воздушным движением на международных воздушных трассах заключается в том, что полученные знания, навыки и умения они должны безошибочно применять в экстремальных условиях профессиональной деятельности. На диспетчера управления воздушным движением, в задачу которого входит воссоздание образа полета по информации, передаваемой ему экипажем воздушного судна на международном авиационном языке радиообмена, воздействует множество факторов риска. Известно, что одной из стрессоустойчивых характеристик

А. А Ткаченко

личности, способствующих качественному выполнению профессиональных задач в критических ситуациях, является умение гибко и быстро использовать знания и видоизменять доведенные до автоматизма действия в соответствии со складывающейся обстановкой.

Несмотря на то, что сейчас уже появилось много исследований в области обучения пилотов и диспетчеров, в частности, посвященных научно-исследовательской работе диспетчеров международных авиалиний как способу формирования профессиональных умений (Щербина, 2001), профессиональной подготовке пилотов к ведению радиообмена на международных воздушных трассах (Півень, 2001), методике обучения курсантов-пилотов на международных авиалиниях (Пащенко, 2003), методике профессиональной подготовки курсантов-штурманов к действиям в экстремальных условиях (Селезньов, 2004), методике обучения пилотов ведению радиообмена на международных воздушных трассах в условиях дефицита времени (Кміта, 2005), методике обучения будущих диспетчеров управлению воздушным движением в экстремальных ситуациях на международных воздушных трассах (Тарнавская, 2008), методике оценки навыков пилотирования курсантов-летчиков в процессе летной подготовки (Сіненко, 2008) и др., решение проблемы формирования профессиональной надежности в процессе обучения на основе моделирования критических ситуаций на качественном уровне существенно не продвинулось и требует разработки качественно новых подходов, основанных на поступке.

5.3.2 Профессиональная подготовка психологов в ДЖ-формате

Такая образовательная ДЖ-практика реализовывалась на уровне профессионально-ориентированных дисциплин в рамках специальной профессиональной подготовки психолога-консультанта, на основе принципа «совмещения несовместимого» в «поле правды» благодаря поступку, которая подробно изложена в соответствующих учебно-методических пособиях автора (Ткаченко, 2009в; Ткаченко, 2009г).

При этом создавалась «расширенная» методологическая структура, позволяющая в едином процессе творения духовного

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения продукта совмещать, по меньшей мере, практику, науку, искусство и религию. Как считают Г.П. Щедровицкий (Щедровицкий, 1995; Щедровицкий, 2004, 2005) и А.В. Фурман (Фурман, 2005, 2006), основной рабочей субстанцией такой методологической системы является понимаемо-рефлексивная, захватывающая необходимые методы, практики и предметы, когда используется правило: «все, что понимается, должно рефлексироваться, все, что рефлексировано, должно пониматься». Отделение понимания от рефлексии лишает систему всякой способности к одухотворению, что часто присуще современной репродуктивной учебной деятельности, а самостоятельное оформление рефлексии может приобретать патологические признаки, приводить к созданию психологического «болота» из искаженных (деформированных) индивидуальных личностных смыслов.

В ДЖ-формате психолого-педагогическая практика функционирует в «поле правды» и направлена не только на усвоение знаний, но и на очистку сознания благодаря «включению» поступкового психологического механизма с момента сочетания учебной и научно-исследовательской профессиональной деятельности как поиска истины по актуальной проблеме. Актуализируется взаимодействие правды и неправды, возникает эмоциональное напряжение и конструктивный конфликт, уровень которого определяет готовность к поступковому действию, обусловленному внешне детерминированной жизненной ситуацией, что и становится базовым «знаком» начала функционирования поступкового механизма в понимаемо-рефлексивной рабочей субстанции на всех уровнях ДЖ-самоопределения. Здесь на первый план выходят взаимоотношения преподавателя-мастера, использующего методы актуализации личности студента, когда основной акцент делается на *самоопределении* и *саморазвитии*.

Как показал наш практический опыт учебно-воспитательного процесса, проводимого на основе такой ДЖ-практики на психологическом факультете высшего учебного заведения, в таком формате как студент, так и преподаватель получают возможность максимально активизировать свои внутренние психологические

А. А Ткаченко

ресурсы и духовный потенциал путем рефлексии и понимания самоопределения и самореализации с ориентацией на свое высшее предназначение. На первое место выступает человекоцентризм, а технологический фактор, как основное условие реализации кредитно-модульной системы, позиционируется как наиболее эффективный инструмент.

В эмпирико-практическом исследовании нами была выдвинута следующая теоретическая гипотеза: если в процессе профессиональной подготовки психологов при преподавании профессионально ориентированных дисциплин применять активные методы обучения путем сочетания учебной и реальной профессиональной деятельности, это позволит ситуативно создавать психолого-педагогическое «поле правды» и активизировать поступковый психологический механизм благодаря человекоцентрированному фактору, где студент и преподаватель являются субъектами не только учебного процесса, но и реальной профессиональной деятельности и жизни, становятся способными на поступок и выход на уровень жизненного и духовного самоопределения, тогда возникает возможность выбора пути подготовки к осуществлению будущим психологом-профессионалом своего «дела жизни» и достижения своего высшего предназначения.

Суть экспериментального метода заключалась в активизации личности студента на всех психических уровнях (интеллектуальном, эмоционально-чувственном, интуитивном), переориентации образовательного процесса с познавательного-когнитивного на эмоционально-чувственный и рефлексивный. Основной акцент делался не на фиксации и запоминании учебного материала, а на всестороннем исследовании и развитии личности студента-психолога как основного «инструмента» практической деятельности как, что сопоставимо с «функциональной личностью» (по А.Ф.Бондаренко).

Основным педагогическим приемом было совмещение реальной профессиональной деятельности и жизни с обучением путем введения в учебный процесс на правах дидактической компоненты элемента реальной профессиональной деятельности в виде жизненного эксперимента в профессионально ориентированных дисциплинах «Экспериментальная психология» и «Основы психологических

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения исследований». Педагогическая идея заключалась в том, чтобы вместе с преподаванием основных научно-теоретических понятий дисциплины их осмысливать, опредмечивать и рефлексировать в реальном жизненном эксперименте. Это не следует рассматривать как реализацию известного принципа обучения в деятельности, а как реализацию обучения в поступке и жизни. Таким образом достигалась непосредственная связь учебного процесса с жизнью.

Методика реализации реального эксперимента совпадала по содержанию со структурой дидактического наполнения. Например, если в теоретическом курсе рассматривалась тема «Проблема исследования», то параллельно в эксперименте студенты-испытуемые определяли реальную проблему. Таким образом, методика включала такие структурные конструктивные составляющие: вступительная часть; тема исследования и ее выбор; проблема исследования и ее формулировки; гипотеза исследования и ее определения; определение основных экспериментальных переменных (независимой и зависимой); выбор методов исследования; подбор экспериментальной выборки и распределение ее на группы; построение плана исследования; выбор процедур и методов психологического измерения и его осуществления; проведение исследования, сравнение реального и идеального эксперимента; первичная обработка и интерпретация результатов; представление результатов экспериментального исследования.

В результате эмпирико-практического исследования были выявлены следующие уровни ДЖ-самоопределения.

Профессионально психологический уровень самоопределения, который представлял собой реакции в виде предметно-деятельностных характеристик учебного процесса и соответствующих психических состояний и проявлений. Таковые можно было отнести к инструментальной правде (по В.В. Знакову), операционным установкам (по А.Г. Асмолову), переживанию возможного как деятельности (по Ф.Е. Василюку). Здесь обычно выделялись «технолого-центрированные» реакции на содержание и методику подачи учебного материала и «человеко-центрированные» реакции на личность преподавателя как реализатора экспериментального метода.

А. А Ткаченко

Эти реакции в целом можно разделить по эмоциональной окрашенности на позитивные и негативные, которые, как правило, перманентно меняли друг друга в учебном процессе. Но, независимо от того, какая из них была актуальной, фиксировалась активизация понимаемо-рефлексивных процессов на психологическом и жизненном уровнях. В некоторых случаях это сопровождалось соматическими реакциями, которые обычно возникали у студентов-испытуемых с высоким уровнем потребности самоопределения. Таких экстерииризованных реакций у студентов-испытуемых негосударственного ВУЗа было зафиксировано вдвое больше, чем у государственного, где они, очевидно, оставались интериризованными и внешне не фиксировались.

Жизненный уровень самоопределения, как правило, проявлялся в виде характеристики собственных жизненных актуальных переживаний и их осознания и описания в форме морально-этико-философских размышлений относительно наличия основных ценностей и их осмысления, которые можно отнести к этической правде (по В.В. Знакову), целевым установкам (по А.Г. Асмолову), переживанию невозможного (по Ф.Е. Василюку). Интересно, что во время таких реакций студенты-испытуемые не только фиксировали и усваивали учебный материал, но и осмыслили собственную жизнь. Такая реакция была больше присуща исследуемым государственного ВУЗа. Можно сказать, что у исследуемых негосударственного ВУЗа учебный материал усваивался непосредственно на фоне жизненного понимания, а у исследуемых государственного ВУЗа, наоборот, усваивался опосредствованно и выступал фоном для жизненных размышлений и рефлексии. Следует отметить, что по результатам обычного рубежного контроля уровня учебной подготовки все студенты показывали приблизительно одинаковые знания, которые в сравнении с контрольной группой были более глубоки и содержательны.

Духовный уровень самоопределения был зафиксирован лишь в отдельных фрагментах отчетов-откровений, написанных на протяжении лекционного курса и после рубежных контрольных работ, и касались общих впечатлений и личного мнения относительно экспериментального активного метода. Здесь фиксировались

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения характеристики рефлексивной правды (по В.В. Знакову), смысловой установки (по А.Г. Асмолову), переживание возможности невозможного (по Ф.Е. Василюку). Кроме того, студенты-испытуемые негосударственного ВУЗа в основном выражали комментарии относительно собственного восприятия экспериментального метода, выделяли отдельные позитивные и негативные моменты, которые мало дополняли уже изложенное в послелекционных отчетах-откровениях. Зато студенты-испытуемые государственного ВУЗа оказались менее многословными, но более откровенными и обстоятельными. Они меньше комментировали экспериментальный метод как таковой (такие комментарии по содержанию были схожи с характеристиками исследуемых негосударственного ВУЗа), зато больше высказывались относительно общих жизненных проблем и возможности их решения благодаря активным методам обучения.

Например, так выразила свое откровение одна из студенток психолого-педагогического факультета государственного педуниверси-тета: *Что такое типичность? Это мы все, те «творческие люди», из которых делали и будут делать солдат, - такая методика преподавания меня раздражает. Все говорят об индивидуальном, дифференцированном подходе, но в действительности наши «учителя» относятся к нам как к стаду! Личностей они отметить не могут! На уроках мы отвечаем как дети первого класса - можно я отвечу. Это очень возмущает. Все очень привыкли к старой традиционной системе образования и просто боятся изменить себя. Это и является ОГРОМНЫМ фактором недоверия в образовательном процессе. Никто не хочет слушать собственное мнение студента. Я не хочу превратиться в «злючку-учиху».*

Такие нестандартные подходы (имеется в виду экспериментальный метод - авт.) преподавания очень полезны, они развивают творчество, фантазию, воображение, критическое мышление. Хотя это иногда вызывает огорчение и злость, но я запомню только таких преподавателей. Так думаю не я одна.

В процессе экспериментального исследования были также отмечены следующие характерные эффекты, возникшие в моменты повышенного психологического нервно-эмоционального напряжения.

Особенное внимание привлекал *поступковый* эффект, который обычно возникал дважды на протяжении каждого экспериментального курса и был обусловлен созданием психолого-педагогического «поля правды». Первый раз это происходило в начале, после вступительной части, когда студентам был предложен экспериментальный метод и определены условия преподавания курса на основе активного метода и «Рабочего конспекта лекций», предусматривающего предварительное ознакомление с учебным материалом, который на лекции творчески прорабатывался в контексте реального эксперимента. Этот поступковый эффект был ситуативным и локальным. Он возникал лишь в отдельных исследуемых, больше других актуализированных относительно экспериментального метода и проявлялся по-разному: в виде конфликтного поведения и протеста против экспериментального метода, который впоследствии принимался; или в виде позитивного изменения своего отношения к обучению и принятия экспериментального метода с самого начала. Происходило ситуативное профессионально-психологическое самоопределение на морально-этическом уровне, побуждающее к переходу на более «взрослый» и ответственный уровень обучения. Этот период обычно длился несколько лекций и у студентов государственного и негосударственного ВУЗов имел несколько различный характер. Если у студентов государственного ВУЗа он сопровождался заметным снижением интенсивности («замиранием») психических реакций, то у студентов негосударственного ВУЗа лишь немного уменьшались темпы их роста. Это можно объяснить разными базовыми приоритетами чувства «ответственности» и «свободы». Если студент негосударственного ВУЗа, как изначально более свободный в своем поведении, но менее ответственный за его результаты, начинал чувствовать ответственность, что лишь уменьшало интенсивность реакций, то у студента государственного ВУЗа, как изначально более ответственного, но менее свободного, получившего возможность за счет свободы определить разногласия между реальной жизнью и содержанием обучения, вызывало чувство

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения страха за свои откровенные реакции, что и уменьшало их активность. Это вызывало дополнительное внутреннее эмоциональное напряжение, проявляющееся в агрессивном отношении к экспериментальному методу вплоть до отказа принимать участие в эксперименте, что обычно завершалось выходом всей группы на качественно другой по соотношению свободы и ответственности уровень профессионально-психологического и морально-этического самоопределения.

Второй поступковый эффект возникал в процессе защиты проведенного эксперимента и представления его результатов инициативной группой в форме, отвечающей научно-исследовательской практике. Именно здесь окончательно решались все вопросы и «интриги», возникавшие в процессе исследования, что приводило к появлению ситуации диалога как духовного общения и группового поступкового эффекта как более масштабного и целостного.

Психотерапевтический эффект, который особенно четко наблюдался во время спонтанного рисования и написания отчетов-откровений, предусмотренных исследованием, что обычно происходило при повышении психологического эмоционального напряжения и потом, при «вырисовывании» или «выписывании», такое напряжение уменьшалось благодаря осмыслению и осознанию собственного психического состояния.

Эффект *целостного осознания* возникал также в моменты повышенного психологического напряжения, когда в какой-то момент исследуемый как бы погружался в себя, собственные жизненные переживания и размышления как сугубо личностного, так и общечеловеческого характера и содержания. При этом одновременно фиксировался и учебный, и жизненный материал. Но какой-то из них фиксировался непосредственно, а какой-то опосредствовано («автоматически»).

Эффект *агрессии к преподавателю* обычно возникал в моменты особенной интенсификации учебного процесса, умственного и эмоционального напряжения, когда необходимо было осмысливать

А. А Ткаченко

учебный материал и применять его в реальной профессиональной деятельности, связывая с жизнью.

В результате экспериментального исследования можно сделать такие выводы.

1. Проверка экспериментальной гипотезы показала, что совмещение в психолого-педагогической ДЖ-практике учебной и реальной профессиональной деятельности приводило к самоопределению на профессионально-психологическом, личностном, и жизненном уровнях. Но такого эффекта удавалось достигать немногим студентам-исследуемым. Большинство из них останавливались на профессионально-психологическом уровне самоопределения.

2. Сравнение студентов-исследуемых государственного и негосударственного ВУЗов лучше всего определяется по критериям «ответственности» и «свободы». Так, студентам-исследуемым государственного ВУЗа было больше присуще базовое наличие ответственности и дефицит свободы, студентам-исследуемым негосударственного ВУЗа наоборот, было больше присуще базовое наличие свободы и дефицит ответственности. Экспериментальная методика базировалась на необходимости органического сбалансирования этих показателей ради эффективного сочетания учебной и реальной профессиональной деятельности в непосредственной связи с жизненными реалиями. При этом студентам-исследуемым государственного ВУЗа при реализации экспериментальной методики основной акцент приходилось делать на свободе психических реакций, а студентам-исследуемым негосударственного ВУЗа - на ответственности за учебную деятельность. В результате значительно повышалось психологическое и эмоциональное напряжение и в обоих случаях происходило распределение по профессионально-психологическим и жизненным уровнями самоопределения. Те, кого мы отнесли к контрольной группе, пытались вообще отстраняться от всякого самоопределения и самоосознания.

Следует отметить, что у студентов-исследуемых государственного ВУЗа такой эффект достигался на фоне жизненного понимания-рефлексии, которое выражалось в глубоком самоанализе

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения себя как субъекта жизни, обобщении жизненных ценностей относительно собственной личности, значимых жизненных выводов и инсайтов. У студентов-исследуемых негосударственного ВУЗа это происходило по большей части на психологическом фоне, что сопровождалось актуализацией собственных психологических состояний и реакций, когнитивных учебных характеристик.

Это свидетельствует о том, что повышение уровня свободы до уже существующего базового уровня ответственности больше связано с потребностью в жизненном понимании-рефлексии, а повышение уровня ответственности до существующего базового уровня свободы больше связано со стремлением к психологическому пониманию-рефлексии. Это позволяет говорить о возможности в будущем ДЖ-самоопределения данных студентов как личностей на психологическом жизненном и духовном уровнях в соответствии с ДЖ-методологией.

Специальная профессиональная подготовка психолога-консультанта осуществлялась на основе тренинга профессионального мастерства, отнесенного к «определяющим» (Ткаченко, 2009в). Вместе с «ориентирующими» такие тренинги являются элементом психосоциальной технологии ДЖ-самоопределения. В соответствии с предложенной технологией эти тренинги рассматриваются как единое функционально-технологическое образование, которое обеспечивает профессиональную («определяющие») и духовно-профессиональную («ориентирующие») апробацию личности в ДЖ-формате. Подробная сущность и общая характеристика таких тренингов была представлена ранее, поэтому напомним лишь наиболее важные положения.

Основная сущность «определяющих» тренингов в ДЖ-формате заключается в создании условий для возникновения критической ситуации, которая в своем преодолении должна была привести к необходимости осуществления «возможности невозможного», что содействует реальному психическому и духовному развитию человека. Такие эмпирические ситуации реальной профессиональной деятельности обеспечивают наиболее объективную идентификацию, демонстрацию и апробацию полученных в процессе обучения умений.

А. А Ткаченко

В каждом случае важно адекватно и профессионально использовать два основных принципа, которые предусматривают создание ситуации «возможности невозможного» (для участников) и «расскажи и покажи» (для ведущего). Кроме этого, «определяющий» тренинг обязательно должен предусматривать присутствие независимого эксперта, роль которого заключается в рефлексии группы в реальной социально-профессиональной ситуации, отрабатываемой на тренинге. Благодаря этому создается ситуация диалога, и эксперт становится тем «другим», кто гарантирует профессионально-психологическое развитие, и жизнеспособность участника тренинга.

Реализацию подобного подхода можно наблюдать в очень популярных телепроектах по выявлению талантов. Здесь желаемый результат достигается именно за счет поступка, а создаваемая критическая ситуация является тем самым ДЖ-форматом. В этих телепроектах, с одной стороны, создается ДЖ-формат как критическая ситуация (с наличием ее составляющих: стресса, фрустрации, конфликта, кризиса) за счет активизации мотивации в реализации имеющегося «клада» в виде таланта претендента (танцора, певца и т.п.) как условия достижения высшего предназначения человека. С другой стороны, происходит оценка «другим», функции которого выполняет экспертная комиссия, состоящая из состоявшихся профессионалов - мастеров высшего класса, реализовавших свои таланты. Поэтому, такие проекты являются демонстрацией процесса осуществления дела жизни в больших масштабах страны. Здесь «человеку с улицы» предлагается продемонстрировать свой «клад» перед «другим» и получить в результате возможность осуществления дела жизни.

В предлагаемом психологическом тренинге имеет место, по сути, та же, но по форме иная ситуация. Здесь уже претендент на функции «другого» (психолога-консультанта как мастера) сам пытается продемонстрировать свой «клад» перед «человеком с улицы» в виде проведения реальной психологической консультации. При этом таким же образом создаются условия для возникновения критической ситуации и ДЖ-формата.

Для уточнения критериев самоопределения в профессиональном уровне психолога-консультанта как мастера обратимся к мнению

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

А.Ф. Бондаренко, который отмечает, что именно содержательные характеристики, объем, степени свободы и способы понимания этической проблематики служат предпосылкой и основой личностного самоопределения консультанта. Этические нормы вынужденно принимают форму некоего нравственного императива, что осложняет работу психолога-консультанта из-за низкого уровня развития общественного сознания и отсутствия правовой защищенности его личности. Такие качества могут быть выработаны только на основе живой практики социопсихотерапии, которая нуждается, в свою очередь, в правовой и иных видах социальной регуляции. Психолог-практик, делая свой первый нравственный выбор, определяет свою профессиональную деятельность либо как получение выгоды (удовольствия), либо как служение (делу или же другим людям). В моменте пересечения «Я-функционального» (профессионального) и «Я-экзистенциального» (нравственного) сталкиваются в неповторимом взаимодействии уровни и аспекты профессиональных и личностных проявлений психолога-практика, образуя многомерный и многообразный «жизненный мир» такого рода профессионалов. Мир, в котором психологически невозможна слишком большая дистанция между обоими «Я». Отсутствие профессиональных знаний (в широком смысле этого слова, включая и овладение соответствующими техниками работы), осознаваемый или, что гораздо хуже, неосознаваемый эклектизм в работе и создают тот личностный дискомфорт (тревожность, неуверенность и т.п.), который затрудняет путь профессионального самоопределения отечественного практикующего психолога (Бондаренко, 1993; Роджерс, 1997).

Исследование осуществлялось на основе тренинга профессионального мастерства психолога-консультанта. В нашем исследовании он проводился в виде спецкурса на завершающем этапе профессиональной подготовки специалиста-психолога. Он предусматривал: подготовку к профессиональной работе; выделение наиболее важных умений психолога-консультанта; презентацию себя как специалиста психолога-консультанта; демонстрацию заявленных профессиональных умений; формирование рабочих подгрупп; полевою работу, состоящую в поиске «клиента с улицы»;

А. А Ткаченко

предоставление заявленных психологических услуг в виде проведения реальной консультации «клиента с улицы»; профессионализацию и завершение тренинга.

Тренинг, как психотехнологический механизм, состоял из 8 относительно автономных модулей, образующих в свою очередь отдельные дидактичные структуры. В полном формате он проводился на протяжении 5 рабочих дней.

Основная психопрактическая концепция тренинга заключается в формировании общей возможности и умения превращать (трансформировать) «невозможную» ситуацию в «возможную», нормально относиться к «ненормальным» явлениям, что предлагает реальная жизнь. Это позволяло адекватно вести себя в неадекватных ситуациях, с которыми сталкивается практикующий психолог-консультант. Для этого ведущий тренинга должен был иметь достаточный опыт консультационной работы в жизненной парадигме, постоянно работать с клиентами как практикующий психолог-консультант, а участники должны быть профессиональными психологами, слушателями факультета последипломного образования или учиться на выпускном курсе соответствующего факультета. В таких тренингах в экспериментальном варианте приняли участие более 100 человек.

5.4 Индивидуальная ДЖ-практика взаимодействия психолога и священника

В ходе наших эмпирико-практических исследований было отмечено, что при погружении в духовный опыт и его изучение на уровне символических феноменологических понятий выделяются позитивная духосфера и негативно-трагическая «масса страданий», обычно символизируемая соответствующей духовной феноменологией, непосредственно связанной с реальными достижениями научной психологии и национальным культурным достоянием. В этом контексте следует особо выделить неординарное явление, определяемое в православной традиции как демоническая «одержимость», трактующееся как имеющее внутрен-ний психологический характер, основные признаки которого проявляются как знания сокровенного и ненависть к священному. Оно

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения обычно отрабатывается священником с помощью процедуры «вычитки», направленной на этическое и духовно-психологическое сбалансирование личности с помощью специальных заклинательных молитв (Белорусов, 2000). Это и стало предметом создания творческого практического тандема психолога и священника, психопрактическую и научно-теоретическую трактовку которого мы попытаемся рассмотреть на основе интеграции культурно-исторической, деятельностной и поступковой психологических теорий, понимания мифа и символизма в рамках предложенного нами ДЖ-подхода.

Ранее отмечалось, по А.Ф. Лосеву, что на философском уровне в парадигме категории мифа идеальная форма личности проявляется как высшая цель развития человека и больше всего ассоциируется с понятием «чудо». Диалектическая формула мифа основана на понятиях личности, истории, чуда, слова и выглядит как «в словах данная чудесная личная история», где окончательным смысловым ядром является «раз-вернутое магическое имя», наиболее глубокую первичную трактовку которого можно найти в христианских молитвах и текстах. Миф здесь не означает сказочность или фантастичность убеждений, а является способом открытия человеку действительности, в зависимости от его внутреннего состояния и внешних социо-исторических условий (Лосев, 1991). Миф как живое субъект-объектное взаимодействие включает в себе собственную истинность и смысловую сеть, искажение которой проявляется в явлении демонической «одержимости», которое естественно вписывается в традиционное, историческое, органически целостное христианское мировосприятие, где оно считается редким, потому остается на периферии духовной жизни (Белорусов, 2000).

Соотношение мифа и дела жизни фокусируется на осмыслении человеком своего развернутого магического имени в жизненном бытии как его личностное содержание. В известной мере на этот вопрос эмпирически отвечает результат «вычитки», когда «одержимый» в процессе этой процедуры под воздействием специальных молитв (как слова духовной истины) с большими энергетическими проявлениями и другими характерными эффектами

спонтанно озвучивает собственное «развернутое магическое имя» обычно в понятиях демонической феноменологии, поскольку на тот момент оно имеет именно такое смысловое наполнение. В практическом рабочем тандеме психолога и священника это происходит более полно и психологически адекватно, что позволяет говорить о «вычитке» и психологической работе в таком формате, как наглядном примере ДЖ-практики.

Тогда в расширенном научном понимании «дело жизни» вырисовывается как субстанционально-процессуальное жизненное образование (жизнетворчество), играющее роль медиатора (посредника-переходника), связывающего начальную (младенец) и конечную идеальную («чудесную») модели личности человека. Такое образование в жизненном хронотопе существует одновременно как ДЖ-формат (отвечающий текущему идеалу) и смысловое наполнение (отвечающее реальной жизни) с поступковым механизмом функционирования. Если в какой-то момент реальное содержание не отвечает идеальной форме и в результате «дефектов» жизни появляется «содеянное», накапливающееся в виде «масссива страданий», возникают расхождения, пропорционально наполненные отрицательной энергией. Это впоследствии побуждает человека к необходимости его осмысления как неправильных (неправедных) деяний, что и есть в данном случае содержанием ДЖ-практики. Независимо от того, как живет человек, правильно (согласно идеала) или неправильно (влекомый удовольствиями и страстями), происходит процесс окультуривания («пайдейи») и работы («праксиса») души, активность которого определяется разрывом между тем «что есть» и тем «что нужно». Наиболее ярким проявлением такой ситуации является демоническая «одержимость», где в символическом виде содержится смысл «содеянного». Сложность заключается в том, что это часто происходит в бессознательном состоянии. Поэтому, психолог, как внешний наблюдатель, с позиции «другого» должен как можно более объективно зафиксировать все эти проявления, чтобы потом помочь человеку их осмыслить и осознать. Если же человек живет правильно, проявляется позитивная энергия, направленная на развитие идеальной

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения формы путем продуцирования духовного продукта «для Другого», что происходит непринужденно и вдохновенно.

Энергия такого медиатора как «духовной вертикали», соединяющей в человеке материальное и духовное, в целом прирастает за счет разницы потенциалов между объективной и субъективной составляющими онтологического и феноменологического планов путем осмысления содеянного (смыслопостижения) и жизнетворчества (смыслообразования) с помощью поступкового механизма как «двигателя» духовной жизни. Энергия поступка трансформируется в энергию личности, которая расходуется на осуществление новых поступков. Она регулируется ДЖ-мотивом, способствующим функционированию соответствующего индивидуального методологического механизма, формирование которого является одним из основных заданий психологической работы. Таким образом, личность накапливает «смысловую энергию», как бы «пересиливая» свой медиатор и не позволяет ему стать больше себя, расширяет сознание и приближается к своему Идеалу, что по А.Ф. Лосеву есть чудо в мифе. Тогда можно предположить, что демоническая «одержимость» является проявлением обратной ситуации, когда медиатор энергетически превышает личность, о чем сигнализирует характерное содержание смыслоде-фицитного демонического характера. Энергетическая мощь этого состояния превышает психологические возможности личности человека, не постигшего необходимые смыслы. Когда расхождение между тем, что необходимо, и тем, что в действительности существует, становится особенно большим, человек выходит за пределы своего сознания, срабатывает своеобразный «предохранитель» от психической перегрузки и возникает состояние «одержимости», которое мы связываем с ДЖ-мотивом. Без внешней помощи «другого» с этим справиться очень сложно, особенно, когда к идеальной личности предъявляются высокие требования. Для осмысления таких проявлений необходимо их зафиксировать извне и потом предложить человеку в процессе психологической работы, на чем и строится совместная работа психолога и священника. Эмпирически было замечено, что подобная ситуация чаще возникает в

А. А Ткаченко

одаренных, образованных и благочестивых личностей (Белорусов, 2000).

Наша ДЖ-практика взаимодействия психолога и священника предполагает, что когда человек попадает в состояние «одержимости» во время «вычиток» с помощью специальных молитв как обобщенного «развернутого магического имени», в свернутом виде проявляется «содеянное» как индивидуальный миф. По-видимому, не случайно А.Ф.Лосев, как пример такого мифа, приводит фрагмент молитвы из чина изгнания нечистой силы из трюбника Петра Могилы (Лосев, 1991). Можно сказать, что основным «героем» психологического анализа «содеянного» является «деформированная» личность как продукт прошлых жизненных деяний, образующих т.н. «демонический» комплекс, который является крайним проявлением уже известных «автономного психологического комплекса» (по К.Г. Юнгу) и «системы конденсированного опыта» (по С. Грофу). Этот комплекс манифестируется как «индивидуализированное обобщенное магическое имя» из демонической феноменологии, значение которого имеет соответствующий архаичный смысл, являющийся базовым для анализа. Он аккумулирует очень большую психологическую энергетику, сильно неуравновешенную по причине большого несоответствия архаичного мифического значения и его современного действительного жизненного смысла в реальной жизни человека. В процессе осмысления собственного жизненного пути на протяжении психологической ДЖ-практики архаичный «демонический герой» (как демоническая субличность) трансформируется в реальную ДЖ-личность с соответствующим смыслом жизни. В этом заключается глубинная суть психологического анализа содеянного, - это есть переход от «демонического» комплекса как архаического, мифического значения к ДЖ-личности, соответствующей действительному смыслу жизни человека.

Что собой представляет «демонический» психологический комплекс, с которым работает священник в рамках ДЖ-практики? Можно допустить, что это тот «наблюдатель», «толкатель», «гарант», который дается человеку с рождением вместе с душой, чтобы он (человек) смог реализовать свое высшее предназначение, то есть осуществить свое дело жизни. Поэтому его можно рассматривать как

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения энергетическую основу для формирования «деложизненного психологического комплекса». Такой комплекс, несущий в себе энергетический потенциал выполнения дела жизни, имеет базальный характер и является основным предметом психологического анализа содеянного, где смысловое наполнение должен обнаружить (постичь) сам человек, приобретая необходимые знания, жизненный и профессиональный опыт для дальнейшего творения духовного продукта. По мере этого высвобождается психологическая энергия, которая должна как можно скорее направляться на достижение высшего предназначения. Иначе может появиться другой, порочный «демонический» потребитель этой энергии, что может закончиться трагически для человека.

Исходя из определения «демонического» комплекса как основы «деложизненного», кардинально корректируется и задание священника, проводящего «вычитки». Оно должно пониматься не как «изгнание» непонятно чего, а как актуализация этого комплекса с целью недопущения отвлечения или отстранения человека от реализации своего предназначения. Мерой такого отвлечения может быть энергетическая насыщенность таких демонических проявлений.

Основным методологическим принципом осмысления символического содержания во время процедуры «вычитки» является адекватность и соизмеримость масштабов актуального сознания и «демонического» психологического комплекса. Под действием определенного слова молитвы или слова правды этот комплекс из бессознательных глубин осуществляет мощную интервенцию в сознание, которую психика человека должна воспринять путем осмысления сущности этого психологического давления и понимания, для чего все это нужно, - то есть выход на дело жизни и эксклюзивный духовный продукт. Для этого необходимы практические установки «на веру» в виде слова молитвы (у священника) и «на правду» в виде слова правды (у психолога), подтвержденной ответственностью за себя и свое дело жизни. Такая установка создает необходимый импульс для расширения сознания и одухотворения психики человека.

Как отмечает автор (священник Родион, 1999: 60), св.Иоан Златоуст выделял такие причины допущения Богом возможности существования дьявола: 1) чтобы ты познал, что стал сильнее дьявола; 2) чтобы ты находился в смиренности и не возвышался дарами; 3) чтобы лукавый дух удостоверился в твоём полном отступлении от него; 4) чтобы ты сделался сильнее и тверже; 5) чтобы иметь ясное сообщение о сокровищах, которые тебе доверены, потому что иначе дьявол не подступался бы к тебе. Исходя из этого, можно следующим образом трактовать ДЖ-практику. Первые четыре пункта касаются усовершенствования и окультуривания собственной души, то есть осуществления дела жизни «для себя», а пятый пункт касается творения духовного продукта «для другого». Отсюда можно совершенствовать и работу священника, проводящего «вычитки», в направлении учета не только осознания содеянного, но и отыскания «сокровища», что можно трактовать как его ДЖ-самоопределение. Здесь четко проявляется необходимость практического тандема священника с психологом как духовников.

Основными действующими фигурами-субъектами такой практики являются психолог, священник и лицо, которое обращается за помощью. Психолог работает как практик, исследователь, наставник, обеспечивает проработку «искаженных» жизненных смыслов, накопление необходимых теоретических знаний, практического и жизненного опыта и формирование собственной методологии осуществления дела жизни, где основным инструментом является *слово правды*, как единица жизненного культурно-исторического процесса. В современной психологии большим подспорьем для такой практики может служить опыт общепсихологического исследования переживания и молитвы, предложенный Ф.Е. Василюком, рассматриваемый в трех планах: непосредственного переживания (как деятельности), его выражения и осмысления (Василюк, 2005). Священник актуализирует глубинный ДЖ-мотив и проявление индивидуального «развернутого магического имени», основным инструментом которого выступает *слово молитвы*, воплощающее духовную истину. Лицо, которое обращается за помощью, выступает как реальная личность, которая стремится

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения осуществлять свое дело жизни ради достижения высшего предназначения как идеальной личности.

В практике психологии переживания, рассматриваемой Ф.Е. Василюком в контексте общепсихологического исследования опыта переживания молитвы различается три плана протекания этого процесса – план непосредственного переживания, план выражения и план осмысления. При этом переживание рассматривается исключительно как деятельность личности.

Процесс переживания молитвы начинается с акта предложения, входом в который служит специфическая жалоба, в которой человек как бы выкладывает ее перед Богом, осуществляя внутренние действия обращения к Ты и постановку своей души под Его взор, что ставит личность перед необходимостью заниматься своим переживанием, иначе переживание займется ею. Далее происходит акт «наречения имени», выражающий душевное состояние как «что испытывается» (уныние, скорбь, горесть и т.д.) и кем (феноменологический субъект переживания). Такое «имя» обычно состоит из целого Я («моя душа скорбит», «тесно мне») и его отдельных «функциональных органов» (сердце, душа, око, утроба и пр.). Субъект молитвы актуализируется в феноменологических фигурах «Я», «Ты», «душевное состояние» и «отношение Я к душевному состоянию». При этом душевное состояние проходит два рождения, первое носит черты субстанциональности как «в себе и для себя пребывающее бытие» (по Г. Гегелю), второе - процессуальности и интенциональности в отношении Бога как «Другого». В конечном итоге, «наречение имени», возвращаясь к Я, приобретает статус «личности с Богом». Для этого необходимо тройное усилие – удержание вопроса (фаза вопрошания), удержание состояния (фаза замирания-прислушивания), удержание открытости в неотступном искании смысла (фаза принятия ответа).

Субъективными признаками получения ответа на молитву являются: ощущение несомненной связанности события ответа с молитвенным вопрошанием; сопровождающее это событие благодатное чувство, не зависящее от его содержания; удивляющая

А. А Ткаченко

психологическая и логическая невыводимость ответа из всей экзистенциальной ситуации молящегося. Получение ответа на вопрошание о смысле, существующем лишь энергично как установка и возможность действия, предполагает не только перемену ума, образа мысли, но и образа действий, это не только задача сознания, но и воли, требующая решимости и мужества на его воплощение, осуществление. Внутри молитвы эта задача осуществляется актом «Аминь». В молитве ответ семантически более многомерен, чем вопрос, он ставит под вопрос сам вопрос. Человек ощущает общее повышение жизненной энергии как «играние» в нем жизни, новое мироощущение, общее чувство объективной правды. Свет правды обнимает и его личную жизнь, вызывая чувство оправданности жизни. Появляется ощущение ясности пути, становятся осмысленными значимые цели и задачи.

Человек приходит к старцу с «вопросом», без ответа на который он не может дальше жить, а уходя, с удивлением обнаруживает, что не может по-настоящему понять, почему, собственно, это его так мучительно тревожило. Богослова интересует «высокий», прежде всего аскетический духовный опыт, а психолога «низкий» обыденный опыт духовно-практического «фольклора». Суммируя задачу на смысл: молитва восполняет дефицит или утрату смысла, предметной деятельности, ставшей на нижней ступени «суетой», а на верхней придает ей характер «священнодействия». Бегство от смысла, стремление снизить невыносимое напряжение, реализуется двумя стратегиями – «невротизмом» и «цинизмом». Невротизм выбирает мишенью правду, а цинизм – добро, выражаясь в «окаменении сердца».

Акт вникания рассматривается как соединительное звено между переживанием и молитвой. (Такому соединению мы уделяли особое внимание, поскольку от этого зависел успех дальнейшей работы. Если этого не случается и человек «зависает» в переживаниях или в молитве, дальнейшего развития не происходит - **авт.**). Случаем удачи такого акта является покаяние, предполагающее свободу воли и сознания, в качестве своей высшей цели оно ставит жажду правды и стремление к «Другому». Главная миссия покаянной практики заключается в высвобождении в душе

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения человека пространства для роста и места встречи с «Другим», совершая работу сублимации, отделяя внутри мотивации истинное и ложное, высшее и низшее. В случае неудачи акта вникания, сознание может проваливаться в эмоциональную стихию («содеянного» - акт.), пленяется аффективными потоками и уносится вдаль от молитвы и «Другого».

Рассматриваются следующие типы сочетаний между переживанием и молитвой. 1) «Параллель» - параллельное, непересекающееся существование переживания и молитвы, опасность которого состоит в усыплении совести внешней благочестивостью, выражающейся состоянием прелести, что потом проявляется в болезни, пьянстве, неожиданных взрывах страстей и т.п. 2) «Поэмка» - когда переживание поработает молитву, но его можно использовать как подручное средство для перехода к подлинной молитве без необходимости преодоления барьера ложного благочестия. 3) «Конфликт» - когда молитвенная установка вступает с переживанием в напряженное противостояние, что может дискредитировать ценности обоих. 4) «Организм» - когда переживание перерастает в молитву и органически соединяется с нею, становясь в пределе актом соборным, имеющим не локально-субъективное, а космическое и онтологическое значение.

Ф.Е. Василюк приходит к выводу, что деятельность, переживание и молитва, являясь самобытными, незаменимыми, могут вступать друг с другом в разнообразные отношения. Методологический анализ этой категориальной триады порождает изучение переходов процесса переживания в молитву и их последствий для переживания. Взаимоотношения переживания и молитвы мыслятся как две сложные структуры, способные «срачиваться» между собой и образовывать различные по форме душевно-духовные «функциональные органы».

Отсюда проступает методологический облик психологической практики как синергичной психотерапии, определяющей ее отношения с православной духовной традицией («примыкающая

А. А Ткаченко

стратегия»), с психологией («психотехничность»), с практическим опытом («клиничность») (Василюк, 2005).

В ДЖ-практике с учетом поступкового механизма это выглядит следующим образом. Сначала в процессе психологической практики человек, постигая жизненные смыслы, формирует мотивацию для их реализации. После этого, когда человек идет в жизнь, в отдельных случаях в актуализированном состоянии глубинных наиболее тяжелых психологических образований «содеянного», принимающего демонический характер в виде «одержимости», создаются условия «ожидания ситуации», детерминированной Другим. Появляются этические переживания и интенциональная направленность уже на духовную работу со священником. В какой-то момент такая жизненная ситуация возникает и человек попадает на православную службу – «вычитку». На такой службе под влиянием специальных молитв человек получает возможность осуществить поступковое действие, состоящее в попадании в состояние демонической «одержимости» и окончательном решении «отдаться» Другому, выйти на предел и за предел собственной личности. Это состояние идентифицируется как катарсис, когда в символической форме демонической духовной феноменологии проявляются «личина» или некие «сущности», которые в виде мифических образов манифестируют «содеянное». Часто таковыми могут быть последствия негативного воздействия магических манипуляций, осуществляемых соответствующими «специалистами»-парапсихологами, фигурирующими у «одержимого» как «колдуньи», «ведьмы», «ведьмаки» и т.п., отражающие имена демонической духовной феноменологии. Реже это проявляется в символических именах самого «хозяина тьмы». В диалоге со священником они вынуждены экстериоризироваться и «рассказывать» все о себе и о содеянном. Часто после завершения «вычитки» человек ничего этого не помнит и адекватно не осознает. Катарсис заканчивается, когда человек начинает себя осознавать, что специально контролирует священник. Все это фиксируется психологом на аудио- или видеоносителе. После этого появляется состояние преображения (одухотворения), поскольку такое действие позволяет интериоризироваться в глубинные предельные психические сферы. И

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения здесь в работу должен включаться психолог, поскольку идентификация и уровень такого преобразования оценивается только в реальной жизни. Суть и содержание психологической работы заключается в рефлексировании и осмыслении результатов катарсиса. Только после адекватного понимания и осознания завершается работа поступко-вого механизма творением духовного продукта в виде новых смыслов и наполнения разума, что и есть формирование ДЖ-личности.

В современной жизни существует два основных направления работы с этим явлением - медицинское и теологическое. Медицинский подход рассматривает его как болезнь (психическую форму эпилепсии) и предлагает человека *лечить*. Теологический подход рассматривает его как одержимость «нечистой силой», предлагая человека *спасать* путем ее «изгнания». В отечественной православной традиции считается, что такая «сила» не привносится извне, а возникает во внутренней, психологической сфере человека и процедура «вычитки» лишь побуждает ее выявление. Как показывает практика и жизнь, ни «лечение», ни «изгнание» желаемого эффекта не достигают. Поэтому мы предлагаем третий подход, успешно реализованный Ф.М.Достоевским, всю жизнь страдавшим этой «болезнью», с которым соглашаются и психиатры, когда на первое место выступало сохранение духовного ядра личности путем критического отношения к ней. Именно поэтому творческий продукт писателя-пророка до сих пор имеет большую силу психотерапевтического воздействия и духовного возрождения многих людей (Мелехов, 1997). Ему удалось болезнь превратить в мощную мотивацию жизни и творчества. На основе такой психологической позиции, которая направлена на *развитие* человека, мы и подходим к этому явлению в практическом творческом тандеме психолога и священника.

Как оказалось, здесь не хватало еще одного звена, чтобы на фоне спасения и лечения обеспечить жизнеспособность и развитие человека, что является сферой деятельности психологии, где благодаря стремлению к духовному росту и осуществлению дела жизни, «эпилепсия» и демоническая «одержимость» рассматриваются

А. А Ткаченко

как мощный «деложизненный» мотив. Тогда, в психопрактических взаимоотношениях системы «психолог - клиент/прихожанин - священник» образуется целостный практический «медиатор», позволяющий человеку понимать и рефлексировать жизнь с позиции своего Идеала.

В итоге можно сформулировать такое теоретическое предположение, что проявления «одержимости» являются неким «знаком» о входе человека в активную фазу процесса творения Идеальной личности как «избранной». Другим, что побуждает расширение сознания к уровню личностного Идеала в ДЖ-практике. Позитивные результаты такой практики обычно проявляются тогда, когда в процессе следующих процедур «вычиток» человек уже пытается удерживаться в сознании и не теряет ощущения реальности, не попадает в состояние «одержимости», соединяет несоединимое «расширяя» сознание, прорывается в духовные сферы с «очищенными» смыслами.

Для эффективного осуществления такой практики мы полностью соглашаемся с мнением, представленным в работе (Бимбат, 2004), что в своем взаимодействии священник, психотерапевт и психиатр должны понимать собственную сферу деятельности, свои цели и задания, не смешивая и не путая их, а лишь взаимодополняя друг друга. Это в полной мере относится и к психологу. Наиболее правильным является разумное и полностью осмысленное разделение и сочетание пастырской, врачебной и психологической помощи.

Особое значение в таком взаимоотношении имеет рассмотрение общего характерного психологического состояния, которое мы обозначили как «ипостась духовника». Перед практическим тандемом «священник-психолог» стоит общая задача помощи человеку в спасении души и ее развитии путем осуществления своего дела жизни и достижения высшего предназначения на основе ДЖ-личности как психо/духовно практической ипостаси «священника-духовника» и «психолога-духовника».

На основании принципа «совмещения несовместимого» как производного от соловьевского «всеединства», основная задача ДЖ-личности священника как «ипостаси духовника» состоит в совмещении своей духовной личности как ипостаси Святого Духа,

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения определяющей принадлежность Духовному миру и тварной человеческой личности, обитающей в рациональном материальном мире. Для этого священник использует в качестве основного инструмента внесения духовной истины слово молитвы и в качестве вспомогательного – слово правды, несущее и отражающее праведность реальной жизни. При этом основная ответственность священника состоит перед Богом и Духовным миром.

Основная задача ДЖ-личности психолога как «ипостаси духовника» состоит в «совмещении несовместимого» с другой стороны: тварной человеческой личности, обитающей в материальном мире, дефор-мированной содеянным и погрязшей в грехах, с Идеальной личностью, предназначенной для обитания в Духовном мире. Для этого психолог использует в качестве основного инструмента слово правды, отражающее индивидуальный личный смысл реальной жизни и развития личности, а в качестве вспомогательного - слово молитвы для взаимоотношений с Идеальной личностью и Духовным миром с помощью священника. При этом основная ответственность психолога, как продукта жизни и человеческих отношений, стоит перед жизнью и людьми, что существенно уступает степени ответственности священника.

Таким образом, на основе диалога и поступкового механизма как духовного общения образуется общая «ипостась духовника», охватывающая как психолога, так и священника, где и происходит совмещение несовместимого как тварного низшего и идеального духовного высшего в человеческой личности (прежде всего, у самих психолога и священника) и творение духовного продукта, что затем индуцирует нечто подобное в личности прихожанина/клиента, обращающегося за помощью. Представим это в виде следующей схемы на рисунке 7.

Эмпирико-практическое исследование взаимоотношения личностей психолога и священника в работе с клиентами/прихожанами происходило в три этапа. *На первом* (ознакомительном) этапе (1998-2004г.г.) возникли заочные взаимоотношения благодаря необходимости работы в рамках психологической и духовной практики с проявлениями демонической

А. А Ткаченко

«одержимости» приблизительно одновременно во время соответственно исследования явления «духовно-природной психотерапии» (Ткаченко, 2001) и церковных служб (материалы которых были опубликованы в виде нескольких телепередач на областном телевидении). Началось опосредованное сотрудничество благодаря людям, которые параллельно обращались за помощью и к

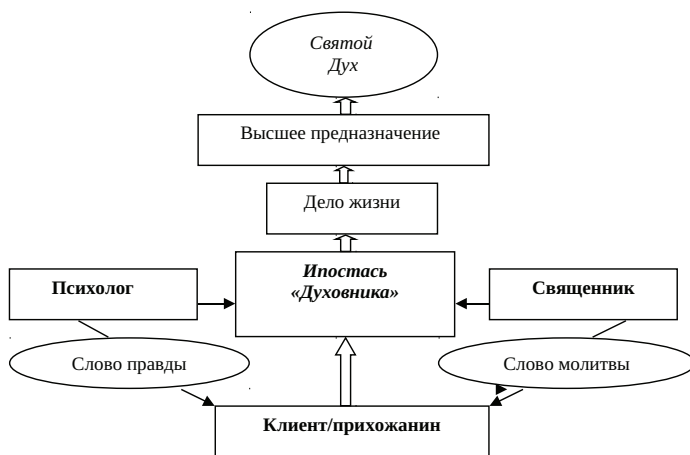

Рис. 7. Схема взаимоотношения психолога и священника в ипостаси «духовника»

психологу и к священнику, что позволило начать накопление практического опыта с последующим теоретическим обобщением и осмыслением.

На втором этапе (2004-2007г.г.), когда образовался реальный очный практический тандем психолога и священника, была проведена первая серия пилотных исследований непосредственно в процессе «вычиток». Здесь использовался метод наблюдения, который предусматривал аудио- и видеозаписи, осуществляемые исключительно по личным заказам, и нарративный метод, предусматривающий написание и анализ отчетов-откровений относительно данной ситуации. Всего было зафиксировано и проанализировано больше 30 служб. После каждой из них проводился диалог психолога и священника, что позволяло осмысливать и рефлексировать все происходящее, искать оптимальные варианты

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения работы с людьми, используя полученный материал. Стало понятным, что этот процесс нужно не столько тормозить путем «лечения» и удалять путем «изгнания», сколько активизировать интенсивное развитие личности, особенно ее творческие способности, путем осмысления «содянного» и выявления конкретных деяний, ставших искомой причиной данных состояний.

В результате двух этапов мы пришли к заключению, что более глубокое и масштабное эмпирическое исследование этого явления может пролить свет не только на явление «одержимости» и сущность ДЖ-практики, но и психологическую науку и практику как адекватную современной жизни. Научно-теоретический и философско-психологический анализ всего накопленного материала позволил прийти к общему выводу, что явление «одержимости» в известной мере непосредственно связано на уровне субъект-объектных отношений с достижением высшего предназначения человека, потому может рассматриваться как предмет психологической практики и исследования на уровне ДЖ-мотива на теоретическом и эмпирическом уровнях при условии тесного сотрудничества психолога и священника как основных субъектов этого явления.

На третьем этапе возникла необходимость выяснить возможности личностей самих психолога и священника, особенно распределение ответственности в их практическом взаимоотношении. Для этого в августе 2007 г. был проведен эмпирико-практический эксперимент-тренинг на базе древнего пещерного монастыря, расположенного в Крыму на горе Шулдан³, предполагающий возникновение критических ситуаций.

Экспериментальная гипотеза состояла в следующем: если совместная психо-духовная практика осуществляется в естественно

³ Монастырь Шулдан (отдающий эхо) включает два пещерных храма и до 20 сопутствующих им помещений, расположенных в два яруса. Согласно первоначальным исследованиям монастырь был основан в VIII - IX вв. монахами-иконопочитателями, бежавшими в Крым из центральных областей Византии в период господства иконоборцев. Согласно другим исследованиям, христианский культовый комплекс в скале Шулдан мог возникнуть в XIII-XIV вв. и являлся одной из резиденций Готского митрополита. С конца XV в., после захвата Крыма турками, вероятнее всего, комплекс практически не функционировал и использовался местными жителями для хозяйственных нужд (Бабенчиков, 1935; Могаричев, 2005)

А. А Ткаченко

возникающей критической ситуации, тогда появляется необходимость вхождения личностей психолога и священника в особое состояние, обозначенное нами как «ипостась духовника», позволяющее осуществлять собственное «дело жизни» и оказывать эффективную помощь в этом своим клиентам/прихожанам.

Предполагаемая возможность возникновения критической ситуации состояла в том, что в данном монастыре на момент проведения эксперимента по определенным причинам длительное время не удерживались настоятели и монахи, поэтому его можно было считать как «не самоопределившийся». И действительно, реальная критическая ситуация возникла вполне естественно и была обусловлена тем, что монастырь оказался заселен криминальными элементами, препятствовавшими проведению программы исследования, что и заставило психолога и священника актуализироваться до уровня ДЖ-личности как «ипостаси духовника».

Экспериментальная группа включала 8 человек, куда кроме психолога и священника вошли 6 клиентов/прихожан. Среди них были художник с женой, психолог реабилитационного детского центра, бухгалтер, рабочая-хлебопекарь и водитель, которые отбирались по критериям наличия жизненного и профессионального опыта (средний возраст составил около 50 лет, а стаж работы около 20 лет) и опыта психологической и духовной работы с психологом и священником (от 5 до 9 лет).

Реальная цель, о которой знал только экспериментатор, состояла в исследовании возможности и особенности взаимодействия личности психолога и священника в критических жизненных условиях, которые могли возникнуть при проведении серии служб в «несамоопределившемся» пещерном монастыре. *Формальная цель* состояла в посещении пещерного монастыря Шулдан как культурного памятника и святого места и выяснение возможностей проведения совместной психологической и духовной работы в этих условиях.

Духовная практика осуществлялась на основе специально подобранных церковных служб, включающих освящение храма, маслособорование и «вычитку». Психологическая практика осуществлялась на основе авторского группового природного

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения тренинга. Психологическая реакция регистрировалась с помощью видеозаписи поведения участников исследования, нарративного материала, полученного на основании письменных и аудиоотчетов-откровений.

Результаты эксперимента.

1. Проявилось четкое разделение функций психолога и священника, которые символически были обобщены как «сила» (психолог), проявляющаяся в слове правды, и «вера» (священник), проявляющаяся в слове молитвы. Именно на этих двух опорах, согласно анализу нарративного материала, держалась вся духовная и психологическая работа. И если какая-то из них ослабевала, что обычно происходило за счет ситуативной личностной несостоятельности священника или психолога, это приходилось компенсировать за счет активизации дополнительной функции другой.

2. В критических ситуациях ярко проявлялись личностные особенности. Особенно сказывалась психологическая личностная неотработанность священника, что требовало постоянной компенсации со стороны психолога для обеспечения необходимого уровня работоспособности психопрактического тандема в целом.

3. Уровень ответственности (согласно личных ощущений, рефлексии и нарративных материалов участников) священника при выполнении своей функции оказался намного большим, нежели у психолога. Особенно ярко это проявилось в сравнении общего влияния слова молитвы во время церковных служб, что сбалансировало высокий уровень напряженности в критической ситуации, возникшей в монастыре при встрече его обитателей (криминальных элементов) с экспериментальной группой, потребовавшей психологической работы на основе целенаправленного индивидуального слова правды как отражения жизненной реальности их совместного пребывания.

4. Влияние тренинга-эксперимента на его участников оказалось достаточно значительным и привело к серьезной переоценке личностных и жизненных ценностей, которые в последствии были разделены как жизнь «до» и «после» Шулдана.

Наиболее важным результатом проведенного исследования стало эмпирическое определение *ипостаси* духовника в психопрактическом тандеме психолога и священника следующим образом. Это особое пси-хическое состояние, возникающее в критических ситуациях, переживаемое, рефлекслируемое и понимаемое как духовное на основе слова правды (для психолога) и слова молитвы (для священника) как целостного образования соответствующего действия (как знака), его переживания и осмысления (как значения), образующего индивидуальный личностный смысл жизненных реалий (для психолога) и представляющего в обобщенном символическом виде смысл духовной истины (для священника), принадлежащих соответственно человеческому психическому миру и Духовному миру. Таким образом, при образовании практического тандема психолога и священника в их непосредственных диалогических отношениях в критических ситуациях возникает общая «ипостась духовника» на основе слова молитвы и слова правды в «поле правды и праведности», образующих духовную вертикаль, соединяющую материальный и духовный миры, когда слово правды жизни индивидуума наполняется духовной истиной через слово молитвы.

Можно утверждать, что профессиональная подготовка практического психолога должна предусматривать прохождение этих этапов и окончательным продуктом может быть его (психолога) преобразование в новой ипостаси уже как психолога-духовника. После этого необходимо пройти еще и практическую апробацию в виде стажировки непосредственно в работе с клиентами, когда сама жизнь раскроет истину.

Определенный интерес в профессиональной реализации как психолога имеют люди с т.н. «ведовскими» способностями. Они представляют большой интерес и как клиенты и как будущие психологи в рамках их эффективности в психологической практике как праксиса души. Основной идеей подготовки специалистов в парадигме ДЖ-практики является форматирование или при необходимости переформатирование «ведовских» способностей в профессионально-психологические. Как показывает опыт, один из скрытых мотивов прихода на психологический факультет состоит в реализации именно этих способностей, которые обычно изначально

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения находятся в бессознательной сфере. Во время их актуализации в определенных жизненных ситуациях (кризис ДЖ-самоопределения) появляется сильное желание «что-то сделать». Их реализация зависит от самого человека, что обычно сводится к дилемме: «в добро» (на благо отдельным людям и обществу в целом), или «во зло» (в личных эгоистических интересах). Изначально такие способности даны не для того, чтобы их использовать в собственных, несправедливых целях, а для того, чтобы реализовывать «высшие» цели и продуцировать духовный продукт. И присваивать эти способности человек в принципе не может, потому что они принадлежат Другому, а человек лишь их реализует как исполнитель и пользователь.

Поэтому в использовании этих способностей нужно иметь методу перехода к высшему духовному уровню. В результате главная задача ДЖ-практики на первоначальном этапе заключается в «неделании», то есть, несмотря на большое желание и стремление «что-то сделать» просто ничего не делать, пока не отработано «содеянное» (смыслообретение). Единственное что можно и нужно, это осуществление дела жизни «для себя»: самоусовершенствование и сублимирование своих влечений и желаний в ДЖ-формате. Для этого лучше всего для начала получать специальное высшее психологическое образование, выходить на соответствующий образовательный и практический профессиональный уровень, позволяющий в будущем работать в ипостаси «психолога-духовника». Если нет возможности получать образование, можно избрать профессиональную деятельность, не связанную с сомнительной психологической практикой, не имеющей ничего общего с реальными научными знаниями и подходами. В конечном итоге выходит так, что «ведовские» способности осмысляются и осознаются при изготовлении наилучшего материального продукта и таким образом приобретают наилучшее качество и становятся соответствующими высшему, духовному уровню. Главная практическая формула здесь выглядит как «вкладывать душу» в материальный продукт, его одухотворяя. Если же такая деятельность связана с психологией, тогда необходимо выходить на уровень «слова правды и праведности», чтобы все, что делается, полностью осознавалось и оценивалось.

А. А Ткаченко

Такому специалисту кроме получения диплома об образовании, прохождения соответствующей психологической практики и подтверждения способности работать «словом правды», желательно получить благословение от священника, чтобы потом отвечать перед «высшим Другим».

Вырисовывается суть практики взаимодействия психолога и священника на основании «ипостаси духовника». Основной задачей психолога является подготовка человека к полноценной исповеди или покаянию у священника. Базовым признаком мастерства психолога-духовника является одновременное самоусовершенствование (выполнение дела жизни «для себя») путем помощи в таком же самоусовершенствовании «другому». Это также является сочетанием эгоцентризма и децентризма как главных принципов мастерства (по В.А. Роменцу). Мастерство психолога в «ипостаси духовника» проявляется в лаконичности и ограниченности лишь форматом сути (истины) своей работы, чтобы не позволить ее результату «раствориться» в невротичных искаженных смыслах. Важным психологическим признаком такой работы является наличие характерного психологического эмоционального состояния «тонуса души», являющегося актуализацией душевного праксиса.

Вместе с тем, заданием священника является актуализация глубинной духовной сферы человека для осознания и осмысления правды своей личности и жизни с помощью психолога. Это священник-духовник, имеющий Божий дар как особенное доверие Всевышнего на сохранение традиционных (конечных, предельных) смыслов верования относительно человеческого существования, которое базируется на многовековом духовном опыте. Одним из таких может быть священник-духовник, проводящий «вычитки», работающий на начальном этапе одухотворения человека (этапе очистки от скверны как отработки «содеянного»), когда речь идет о выполнении дела жизни «для себя». Основным инструментом священника является слово молитвы. У священника, проводящего «вычитки», это специальные заклинательные молитвы, направленные на изгнание «нечистой силы». На следующем этапе творения духовного продукта более эффективным становится священник-

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения духовник, работающий как наставник (духовный отец, старец), когда речь идет о выполнении дела жизни «для Другого».

В завершение несколько общих слов о личности священника-духовника, осуществляющего «вычитку» и психолога-духовника, работающего с ним в тандеме. Из уже устоявшейся практики, такой священник обычно является человеком аскетическим, ведущим монашеский образ жизни, поскольку «бесы» буквально выбивают его окружение. Он должен отвечать необходимым требованиям святости в вере и духе (молитвы, посты и т. п.). Научно-познавательная форма духовного продукта, реализуемая психологом-духовником, выражается в поиске индивидуального личностного смысла, содеянного «для себя», и осмысление дела жизни как духовного продукта «для Другого», где основным инструментом является слово правды. Здесь дифференцируются специализации психолога – духовника как «психоаналитика», работающего с «содеянным» (смыслопостижение) и психолога-духовника как наставника, работающего с творческим духовным продуктом (смыслообразование). Эти две профессиональные ипостаси существенно отличаются. В первом случае используются сугубо психологические, психотерапевтические методы и техники, во втором это уже больше психолого-педагогические наставления и установки. Психолог-духовник должен быть полноценным участником общественных отношений и жизни (быть социальной личностью, профессионально успешным, материально независимым, иметь семью и строить отношения наилучшим образом), исполнять роль моста между духовностью и реальной жизнью на основе слова правды, чтобы помогать предметно осознавать содеянное, находить смысл и реализовывать дело жизни.

Глава 6. СОЦИАЛЬНАЯ «ДЕЛОЖИЗНЕННАЯ» ПРАКТИКА

6.1 Социальная ДЖ-практика в культурно-историческом контексте поступка

Ранее мы определили, что социальная ДЖ-практика предусматривает достижение высшего предназначения путем опосредованного участия идеологии и психологии в общественной жизни личности через различные социальные институты. Рассмотрим данный вопрос в культурно-историческом контексте через призму христианской идеи богочеловека как достижение высшего предназначения в развитии личности.

Взаимоотношение человека как личности и материального мира представлено в культурно-исторической теории Л.С.Выготского, что объясняет возникновение и развитие психического в человеке. Но это не позволяет говорить о применении этого подхода в решении искомой проблемы, предусматривающей взаимоотношение человека с духовным миром. Если в первом случае момент контакта человека с материальным миром отражается в психике благодаря категории деятельности как базовой в развитии отечественной научной психологии, то во втором случае такой контакт может быть определен на основе категории поступка, которую на философско-

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения психологическом уровне в разное время и в разные культурно-исторические периоды XX века формулировали М.М. Бахтин (Бахтин, 1986), К. Войтыла (Войтыла, 2003), В.А. Роменец (Роменец, 1983; Роменец, 1989; 1990; 1993; 1995; 1998; 2001). Приходя к общему мнению относительно сущности поступка как основного признака духовного бытия в человеке, М.М. Бахтин акцентировал на безальтернативности духовных устремлений личности к высшему «другому» по принципу «вне-алиби-бытия», К.Войтыла отмечал нравственную самооценку личности и стремление к духовному в себе, В.А.Роменец попытался обобщить поступок как психологическую категорию, предложив его структуру и механизм функционирования. С учетом предыдущих, в нашем анализе мы опираемся на подход В.А. Роменца, наиболее полно раскрывающий сущность достижения высшего предназначения, когда базовым механизмом является поступковый. Первый поступок в идее богочеловека совершил сам И.Христос.

Следует обратить внимание на механизм взаимоотношения человека с материальным и духовным мирами на основе соответственно Деятельности и поступка. В случае деятельности он выглядел как «цель-мотив-действие-результат». В случае поступка как «ситуация – мотивация - поступковое действие – последствие». По Л.С. Выготскому, в Деятельности происходит как бы «вычерпывание» материального мира и его субъективное отражение в психическом согласно целевой установки личности, где реальный мир субъективизируется и приобретает индивидуально-личностный характер, принадлежащий неповторимому индивиду. Высшим уровнем такой субъективизации являются научные знания. При этом возможна и обратная ситуация, когда человек воздействует на материальный мир с целью его изменения в своих целях и интересах.

В случае поступка происходит иной по своей сущности процесс. Его задает некий Другой с помощью поступкового механизма. Происходит как бы «вычерпывание» Другим определенных психических содержаний человеческого мира в духовный. Но далеко не все психические содержания и не всегда достойны этого. Здесь также возможен обратный процесс в виде озарений, откровений,

А. А Ткаченко

инсайтов. В этом состоит сущность осуществления «дела жизни» и достижения высшего предназначения.

Сам человек пока не может влиять на духовный мир в достаточной степени, но, по возможности, субъективизирует его по мере достижения уровня Идеальной/Богopodobной личности. Тогда он будет способным выполнять свою основную миссию - осуществлять взаимосвязь материального и духовного, где основным инструментом является душа, механизмом ее функционирования - поступковый, сферой бытия - ДЖ-формат.

Понимание социальной ДЖ-практики будем рассматривать на основе «великой логики поступка» в историко-психологическом контексте поступкового механизма по В.А.Роменцу, представленного как: ситуа – ция – мотивация – действие - последствие (Роменец, Маноха, 1998). Ситуация соответствует мифологическому этапу древнего мира и античности. Мотивация соответствует этапу эпохи Возрождения. Поступковое действие и последствие соответствуют этапу конца XIX-начала XXI веков, отражающих психические содержания, накопленные в период советской и постсоветской эпохи, а также развития современного общества. Подробно остановимся на последних двух этапах как представляющих особый интерес, поскольку именно они определяют актуальные психологические и социокультурные содержания современной личности и общества, являющиеся основным предметом ДЖ-практики. Этапы действия и последствия определяют сущность и содержание социальной ДЖ-практики в современный период развития общества и обозначаются соответственно как идеологическая (практика поступкового действия как одухотворение) и психологическая (практика поступкового последствия как смыслообразование).

Социальная идеологическая ДЖ-практика соответствует поступковому действию, включающему подготовку (детерминируемую ситуации-ей), осуществление (детерминированное поводом) и завершение. Ее основное содержание связано с накоплением поступковых деяний как моральных и высоконравственных, так и аморальных и безнравственных. Моральные и высоконравственные определяются отвлеченным героизмом, подвигом, самопожертвованием во имя великой идеи. Они накоплены в процессе

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения освободительных войн, социалистического строительства новой страны, трудовых побед в различных областях. Аморальные и безнравственные определяются накопленными переживаниями, наполненными страданиями, где выделяются различные идеологически обусловленные репрессии. Среди них наиболее масштабными и психологически тяжелыми стали голодоморы, поскольку связаны с растянутой репрессией, часто заканчивающейся или смертью, или искажением сознания на глубинном уровне формирования основного инстинкта (инстинкта голода) существования человека как биологической субстанции. Для этого была необходима великая отстраненная идея, толкающая на не всегда понимаемые деяния вопреки инстинкту самосохранения, активизируя пассионарную энергию.

Социальная психологическая ДЖ-практика соответствует по содержанию поступковому последствию, включающему: интериоризацию, катарсис (субституцию), преобразование. Интериоризация обусловлена постижением смысла «содеянного» как личностных деформаций в результате аморальных безнравственных поступковых деяний, связанных прежде всего с репрессиями и особенно голодоморами. Как механизм сопротивления и выживания вынужденно были сформированы соответствующие защитные психологические комплексы, которые приняли базальный характер и оформились для украинцев как «неполноценностно-жлобистский» (НЖ-комплекс), для россиян как «имперско-бунтарский» (ИБ-комплекс). На этапе *катарсиса* эти комплексы переформируются (замещаются) в общее для украинцев и россиян морально-этическое социокультурное образование, которое можно обозначить как «соборность» - целостность личности как «делоужизненной», способной к достижению высшего предназначения. На этапе *преобразования* окончательно формируется Идеальная/Богоподобная Личность как основная сущность христианской идеи.

Можно утверждать, что де-факто начинается новый период развития общества. В такой общественной ситуации современная психологическая практика ориентирована на жизненные общечеловеческие ценности. Одной из центральных проблем

А. А Ткаченко

рассматриваются взаимоотношения социальной идеологической ДЖ-практики, как атрибута тоталитарного общества, и социальной психологической ДЖ-практики, как атрибута нового общества, назовем его «общество высшего предназначения». В тоталитарном обществе функции ДЖ-практики были подчинены идеологии, когда человеку извне навязывались определенные «идеологеммы» власти. На идеологии, как на станом хребте, держалась советская социально-политическая система. Сейчас идеология отошла в прошлое и кардинально изменились способы социального взаимодействия, они переориентировались с внешнего локуса контроля на внутренний. Если в советском обществе человека *формировали* посредством соответствующей *идеологической* практики на основании целевой установки, то сейчас посредством *психологической* практики человек *самоопределяется* и *самореализуется* на основании смысловой установки. К решению данной проблемы приблизился Ф.Е. Василюк в контексте «понимающей психотерапии» (Василюк, 2007) и психологии переживания как деятельности, обосновав методологический смысл расщепления психологической науки и практики (Василюк, 1984; 1996; 1998). Практическая психология – это опосредованное участие психологии в социальной жизни через медицину, образование, спорт и прочие социокультурные сферы. Психологическая практика – непосредственное участие психологии в решении жизненно значимых задач. Обе одинаково важны для ее полноценного развития (Василюк, 2007).

Реальные задачи, которые сейчас возникли перед обществом, требуют от социальной ДЖ-практики решительных шагов, чтобы обеспечить научное понимание и практическую реализацию перехода общества на новые нравственные критерии и ценности. Она призвана концентрировать и овеществлять в себе основную сущность человеческой жизни, - воспитание души и производство духовного продукта в ДЖ-формате, обусловленном высшим предназначением. Исходя из этого, социальную психологическую ДЖ-практику мы рассматриваем как общесоциальное явление, приобретающее в нашем обществе все большую значимость. По своей глубинной сущности в динамике общественного развития она должна стать достойной

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения альтернативой социальной идеологической ДЖ-практике. Главное, чтоб в таком переходе не был потерян основной гло-бальный предмет, который мы определяем как «дело жизни» и психо-логический механизм поступка, являющийся общим для обеих практик. Объектом остается душа человека. Меняются лишь методы и технология работы с этим предметом.

Чтобы такой переход произошел конструктивно, путем органического вытеснения и эволюции без особенных конфликтов и революций, новая социальная психологическая ДЖ-практика должна быть более со-вершенной и эффективной. Основным ориентиром и критерием такого перехода должно стать доминирование правды жизни и истины бытия в психологической работе. Можно считать, что смысл современной жизни заключается в поиске правды ради определения истины относительно реалий бытия и законов мирового развития. Как отмечает российский психолог В.В.Знаков, правда является категорией психологии понимания, выражающей наполненность смыслом, категорией духовной сферы в историческом и культурном фундаменте общественной жизни народа и находится в отношениях как с «внешней сферой», состоящей во взаимодействии граждан с бездушной государственной властью, так и с «внут-ренней сферой», связанной с межличностным общением на основе христианской морали (Знаков, 1999). В наиболее полном и глубинном понимании правда является важнейшим компонентом духовного развития человека и человечества. Создавая в процессе психологической практики «поле правды» и характерное состояние «духовного прорыва», нам удавалось выходить на реальность духовного бытия человека (Ткаченко, 2009б; 2009в; 2009г). Можно утверждать, что той истиной, которая приводит к пониманию правды жизни и объективной реальности бытия, является выполнение «дела жизни» посредством соответствующей психологической практики на основе психологического механизма поступка. В нашей ДЖ-практике понимание правды жизни занимало особое место. На ее идентификации и адекватной оценке в большинстве случаев строилась психологическая работа с человеком в направлении ДЖ-само-определения. Если предметом идеологической практики были

А. А Ткаченко

идеоло-геммы, построенные на целевой установке и отражающие отстраненную от жизненных реалий высшую идею, побуждающую к поступковым деяниям, то предметом психологической практики является смысл как составляющая психики личности, так и отражающая идею достижения высшего предназначения на индивидуальном и общественном уровне.

Если в конце XIX начале XX века перед обществом стоял вопрос «Что делать?» и «Кто виноват?», отражающие смыслопостижение, то сейчас стоит вопрос «Что сделано?», «Какой смысл сделанного?» и «Кто ответит?», отражающие смыслообразование, между которыми расположено одухотворение как поступковое действие. Очевидно, многочисленные и масштабные репрессии, имевшие место в мировой, европейской и особенно отечественной истории за истекшее столетие и были основным инструментом и «полигоном» такого одухотворения на основе потупкового механизма. В концептуальном понимании современную общественную психологическую ДЖ-практику, как альтернативу идеологической, можно рассматривать в виде сочетания соответствующей формы и содержания.

По содержанию это смыслопостижение „содеянного” и осмысление деяний как смыслообразование в виде духовного продукта, по форме - социальная технология деложизненного самоопределения. (содеянное понимается как психологический результат жизни-поступка человека и предопределяет «массив страданий» как психологический эквивалент «болезней», накопленных на протяжении предыдущей жизненной истории народа, осознание и осмысление которого должно привести к глубинному общественно-политическому и культурному сдвигу всего постсоветского социокультурного пространства благодаря психологической очистке и одухотворению личности и общества как социального субъекта). В своей сущности такая практика, направленная на поиск реальности бытия за счет создания социокультурного «поля правды», способствующего развитию человека и общества, единению с Миром и в известной мере со Вселенной. Тогда социальная психологическая ДЖ-практика представляется как система, состоящая из формы как социальной

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения технологии и содержания, как смыслопостижение содеянного и смыслообразование, как одухотворение/вразумление на индивидуальном и общественном уровне, достижение в развитии идеальной/богоподобной личности и общества высшего предназначения. Мы рассматриваем такую практику как одновременное функционирование практической, исследовательской и образовательной работы в общественных институтах (образования, права, социальной защиты и др.), субъектами которой являются ДЖ-личность и соответствующие мастера как духовные профессионалы в соответствующих областях.

Тогда содержательной методической сферой функционирования правды в предлагаемой практике следует считать постижение смысла «содеянного» и смыслообразование «дел». Психологическая работа с «содеянным» представляла собой понимание и осознание деятельностно-смыслового наполнения соответствующего деяния, породившего личностные деформации как невротический след в виде «дефектности» жизненного мира человека и осуществление дела жизни «для себя». Психо-логическая работа с «делами» заключалась в формировании определенных смысловых установок и создании необходимой интенциональности относительно осуществления дела жизни «для другого».

6.2 Социальная идеологическая ДЖ-практика как поступковое действие

Принципиальные составляющие социальной ДЖ-практики, по своей сущности в известной мере воспроизводят различия между Прошлой «идеологической» и современной «психопрактической» парадигмами общественного бытия соответственно на «советском» и «постсоветском» социокультурном пространстве, которая концентрировалась в государственном укладе. «Прошлую» жизнь и все предыдущие модели государственного уклада можно в целом определить как имеющие направленность на официальную, но формальную целевую установку, обозначающую отстраненную идею, и неформальную реальную целевую установку, направленную на собственные потребности. Это привело к криминализации и

А. А Ткаченко

тенизации экономики и всей жизни в целом. Государственный и жизненный общественный уклад советского периода заложил основы формирования как защитного механизма личности, глубинных психологических «деформаций» как своего рода базальных психологических комплексов, которые можно обозначить как «неполноценностно-жлобистский» (Украина) и «имперско-бунтарский» (Россия). Это создало благоприятные условия и привело к необходимости постижения смысла «содеянного», содержащее накопленную «массу страданий» как духовный потенциал общества. Одним из наиболее действенных и показательных способов накопления «массы страданий» стали голодоморы, выступившие тем *experimentum crucis* (решающим экспериментом) относительно достижения духовности через страдания, подобно тому, как это происходило в концлагере Освенцима, глубоко и подробно описанного в дневниках его руководителей (Освенцим глазами СС, 1991) и одним из немногих выживших его узников В.Франклом, который отмечал, что «...быть человеком означает быть обращенным к смыслу, требующему осуществления, и ценностям, требующим реализации. Это значит жить в поле напряжения, возникающего между полюсами реальности и идеалов, требующих материализации» (Франкл, 1990).

Осмысление такой массы страданий можно начать с понимания психофизиологической инстинктивно-рефлексивной сущности психологической реакции на голод. У тех, кто умер, мужественно приняв смерть, не поступившись достоинством и морально-этическими принципами, она была связана с духовным подвигом и героизмом, духовным взлетом и преображением, подобно мученической смерти Христа, страдавшего за все человечество, и многих его последователей (понимаем в широком смысле, не только и не столько апостолов, но и многих великих людей науки, искусства, общественных деятелей и простых граждан из народа). Благодаря этому был накоплен громадный духовный потенциал нации и народа в целом. Он должен быть соответственно осмыслен и представлен миру как основа духовного развития нации в достижении своего высшего предназначения. Не случайно такая мученическая смерть наиболее почитаема в христианстве.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Большую сложность и соответственно практический интерес составляет психологическое содержание поведения тех, кто выжил. В его основе лежит инстинкт голода как наиболее важный из основных в самосохранении биологического вида. Его психологический механизм выглядит следующим образом. Психология утверждает, что проявления голода и его удовлетворение аналогичны всем видам психологического поведения. В аналитической психологии выделяются следующие стадии инстинкта голода, имеющие прямое отношение к психологическим характеристикам: предентальная (к нетерпению), инцизорная (к деструкции и агрессии), молярная (к ассимиляции). Здесь голод как первичный инстинкт самосохранения, считается основным и наиболее важным из всех остальных групп инстинктивных факторов, таких, как творчество, рефлексия, деятельность, сексуальность (Зеленский, 2000). В гештальт-психологии инстинкт голода обеспечивает самосохранение отдельного человека с помощью агрессии (Паттерсон, Уоткинс, 2004). На основе генетических механизмов инстинктов может формироваться жестко запрограммированная цель, мотив и соответственная определенная модель поведения. Голод вызывает не только мотивацию поиска пищи, но в первую очередь, избегание неприятного внутреннего ощущения (состояния дискомфорта). Такая ситуация «избегания» создается внутренними физиологическими процессами, которые запускаются внутренними или внешними сигналами. (Очевидно, отсюда мы и сейчас часто слышим от переживших войны, репрессии, голодоморы: «лишь бы не было голода» или «лишь бы не было войны»). Можно представить, какой мощный реф-лекс «избегания» голода сформировался в процессе трех невиданных в мировой истории по масштабам голодоморов на Украине 1921-22г.г., 1932-33г.г. и 1946-47г.г.). Приблизительная схема инстинкта голода выглядит так: доминирующая мотивация; цель (подчиненная); мотив (подчиненный); положительная эмоция; смещенная отрицательная эмоция; отрицательная эмоция; состояние дискомфорта, стресса; генетическая программа, нарушение гомеостаза. При включении генетической программы (врожденные реакции) или при нарушении гомеостаза в организме возникают

А. А Ткаченко

физиологические изменения, вызывающие ощущение дискомфорта (внешнее или внутреннее раздражение), что по аналогии с болевой реакцией можно трактовать как безусловную реакцию (рефлекс). Более сложной безусловная реакция становится не только составляя цепи безусловных реакций, но и усложняясь при продвижении по указанной схеме в обратном порядке, обрстая эмоциями и мотивами. Поисковая активность тем или иным способом ослабляет это напряжение, однако понятие «удовлетворение потребности» в психологическом смысле не совпадает по времени с действительным физиологическим удовлетворением и, как правило, опережает его. Механизм психологического удовлетворения имеет фантомный характер, что направляет поведение в ситуации избегания в сторону ослабления внутреннего напряжения обеспечивая сложные формы поведения (Иванов, 2003).

В. Франкл, прошедший в качестве узника концлагеря смерти Освенцим все тяготы и лишения, включая и голод, отмечал, что именно пищевая потребность становилась основным содержанием, вокруг которого вращались все мысли и желания, вытесняя сексуальную тему. Психика заключенных характеризовалась апатией и агрессией, большинство страдали от своеобразного чувства неполноценности, поскольку они были никто. Вместе с тем, телесно-душевный упадок зависел от духовной установки, в которой человек был свободен. Нацеленность на какой-то момент в будущем образовывал духовную опору, способную защитить человека от разрушительного действия сил деградирующего социального окружения. Немногочисленные люди, избравшие для себя возможность сохранить свою человечность, никогда не рассматривали лагерную жизнь как простой эпизод, но скорее как испытание, кульминацию их жизни. В моральном отношении они испытали прогрессию, претерпев эволюцию в моральном и религиозном отношении. Кто уже не мог больше верить в свое будущее, был потерян, он утрачивал и духовный стержень, внутренне ломался и деградировал телесно и душевно. Для людей, не рассчитывающих на выживание, первым, последним и вечным собеседником был Бог. Было важно отношение к страданию и смерти, с которым человек был готов страдать и умереть, т.к. «наша» смерть задана и мы несем за нее

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения ответственность также, как и за заданность жизни. Каждый знал, что должен «быть достоин своих мучений» (по Ф.М.Достоевскому), что позволяло достойно принять мученическую смерть.

В концлагере люди жили в царстве смерти, уйти от которой можно было только в духовную жизнь. Это было микрокосмическим отражением мира людей вообще, раскрывало самые бездонные глубины человеческой души. Его становление, проявление и исчезновение содержало в себе, как в образце, всю сумму зла и страданий, которые во всех других местах существуют более расплывчато и менее зримо, однако действуют столь же реально, помогая человеку осознать то, чему не следует быть. Главный опыт, полученный в концентрационных лагерях как жизни в бездне, сводится к тому, что мы узнали человека, как может быть не знало его ни одно из предшествующих поколений. Это существо, постоянно принимающее решения, оно изобрело газовые камеры, но оно же и шло в эти газовые камеры с гордо поднятой головой и с молитвой на устах. Упрямство духа реально существует, а концлагерь стал в этом отношении *experimentum crucis* (решающий эксперимент). Пока мы способны к страданию, мы остаемся живыми духовно. Ф. М. Достоевский всегда боялся только одного, что он может оказаться недостойным мучений, выпавших на его долю (Франкл, 1990).

Ярким примером переживания страданий, во многом перекликающимся с описанным В. Франклом, является процесс переживания горя, психологические особенности которого в отечественных культурологических условиях изложены Ф. Е. Василюком. В отличие от взглядов западноевропейских психологов, человеческое горе не является деструктивным (забыть, оторвать, отделиться), оно конструктивно, призвано собирать и творить психологическую память, когда парадигма «забвения» меняется на парадигму «памятования». В этом контексте рассматриваются такие фазы переживания горя. Начальная фаза характеризуется шоком и оцепенением («не может быть»). На следующей (фазе поиска) человек стремится вернуть утраченное отрицанием самого этого факта. На третьей (фазе острого горя, отчаяния, страдания и дезорганизации) начинается отделение, разрыв и уничтожение старой связи, но

А. А Ткаченко

рождается новая связь, когда человеку удается сначала полно погрузиться в прежнюю жизнь, а затем выйти из нее, отделив в себе «героя», остающегося в прошлом, от «автора», эстетически наблюдающего из настоящего за его жизнью, отвоевывая у боли позитивный опыт для памяти. На четвертой фазе жизнь входит в свою колею, восстанавливаются физиологические функции и профессиональная деятельность, жизнь нормализуется на основе обретенных нравственных норм в продолжающемся процессе смыслообразования (Василюк, 1991).

В доступной отечественной научной литературе психология голода, отражающая состояние человека во время переживания голодомора, пока освещена очень скудно, поэтому приходится довольствоваться публицистическими работами. Автор работы (Мельник, 2005) анализирует исследования социально-психологических последствий голодомора на основе исследований, проведенных профессором Д.Б. Франком непосредственно во время голодоморов, опираясь на его работы «Голод и психика» (1922 г.), «Людоедство» (1926 г.). Здесь описываются такие стадии состояния голодающих, как возбуждение, угнетение и терминальная (смертельная). В соответствии с этим предлагается динамика изменения обобщенного социально-психологического портрета голодающего. Сначала имеет место быстрое и живое понимание, память не изменяется до обнаружения склонности к грезам наяву. Несколько позже в голове возникает пустота, отсутствие мимики (лицо принимает окаменевшее, несколько грустное и пугливое выражение), исчезает брезгливость (в пищу употребляются тошнотворные вещи, не вызывая отвращения). В итоге исчезает связь между близкими и родными. Д.Б. Франк отмечал случаи убийства и поедания собственных детей, чем занимались, как правило, женщины. Вместе с тем, голодающие были склонны к оптимизму до последней минуты жизни. Даже после многомесячного голодания и при отсутствии всякой надежды на спасение они сохраняли уверенность, что помощь близка. В выводах отмечалось, что отдаленные последствия голода состоят в обнаружении тенденции к длительным изменениям психики в сторону пагубного отражения их на потомстве и его вырождении. Профессор В.П. Войтенко отмечает, что то, что мы

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения сегодня имеем от голодомора в социально-психологическом плане, это то же самое, что мы имели от него сразу после этих страшных лет. Профессор Е.И. Головаха отмечает, что голодомор породил: страх сопротивления власти, обусловленный возможностью осуществления растянутой репрессии, приводящей к смерти; истребление воли к сопротивлению режиму как социально-психологический феномен «выученной беспомощности»; стремление к «доеданию» в последующей жизни, что связано с умиранием от переедания; веру в то, что именно государство должно обеспечить всем необходимым, в результате сами граждане отучаются заботиться о самих себе (Каковы, 2003). Эти характеристики в полной мере можно отнести к основным факторам социокультурного базального украинского НЖ-комплекса.

Авторы работы (Обушний, Воропаева, 2009) исследовали психологические особенности людей, переживших смерть своих родителей, братьев и сестер в годы голодомора 1932-1933 гг., которые в большинстве случаев воспитывались в интернатах и детских домах. У них была выявлена выраженность: неосознанного комплекса неполноценности; советских стереотипов; склонности к конформизму; высокого уровня тревожности; низкого уровня субъектности, самоактуализации и притязаний; неадекватной самооценки; ощущения отчужденности от национальных интересов; поведенческих тенденций к избеганию; депрессивных настроений; низкой самооэффективности; фобийных расстройств; внутриличностных конфликтов; «убегания от реальности»; регрессии поведения, приводящей к неадекватности действий в новых условиях; различных психосоматических расстройств. В исследовании (Стасюк, 2007), посвященном деформации традиционной культуры украинцев в конце 20-х – начале 30-х гг. прошлого века, на основе анализа процесса искажения традиционного поведения крестьян в условиях репрессий власти обнаружены социокультурные новообразования и их негативное влияние на психологию поведения. Выявлены процессы изменений в семейной обрядности в сторону разрушения христианских высоконравственных традиций и навязывания упрощенных, отстраненных от духовных корней нации.

Прослежен механизм уничтожения религиозности и насаждения советских праздников, разрушение культурных механизмов функционирования народных ремесел и промыслов. Все это привело к взращиванию национального НЖ-комплекса, проявившемся в новом типе поведения как способа защиты и приспособления к власти.

В наших эмпирико-практических исследованиях мы впервые столкнулись с проявлениями психологических последствий голодомора в процессе глубинной психологической работы, описанной в монографии автора (Ткаченко А. 2001а). У одного из участников исследования началась регрессия и аффективные проявления «содеянного», связанного с наиболее безнравственными действиями (каннибализмом и торговлей продуктами из человеческого мяса), обнаруженными в родственных связях предположительно, во время одного из первых голодоморов. Как потом выяснилось, подобные случаи в тот период действительно имели место. Для того, чтобы удержаться в адекватном сознании после проявления и актуализации этих переживаний, участнику тренинга пришлось буквально бежать к священнику-духовнику и затем искать успокоения в православном монастыре.

Исходя из культурно-исторических исследований последствий голодомора, отраженных в многочисленных свидетельствах очевидцев, которые сейчас интенсивно собираются и накапливаются, можно констатировать следующее:

1. Во время голодоморов нация накопила огромный «массив страданий», а значит, пассионарный энергетический потенциал, и как возможное следствие, духовный потенциал, проработав и постигнув смысл которого она получает реальную возможность одухотворения.

2. Очевидно, что основные направления такого осмысления деяний в периоды массовых репрессий, приводящего к одухотворению, содержатся в изучении содержания способов выживания во время голодомора. Следовательно, суть психологической работы должна заключаться в том, чтобы через душевную рефлекссию этих способов-деяний добраться до их осмысления и осознания как осуществления дела жизни.

3. Как может выглядеть механизм такой психологической работы. Сначала на основе тщательного анализа свидетельств о

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения голодоморе необходимо обнаружить и проанализировать содержание основных способов выживания. Самый общий анализ позволяет разделить их на «праведные» и «неправедные».

Праведные: 1) наем на работу в государственные учреждения и получение пайки; 2) умелое укрывательство продуктов и скота; 3) умение прятать продукты и скрывать их место нахождения любым способом, даже путем обмана; 4) помощь со стороны других, совестливых и высоконравственных людей, в том числе и «активистов»; 5) смекалка, умение из ничего находить и приготавливать еду, по принципу «голь на выдумки хитра»; 6) выезд за пределы зоны голода, привоз продуктов из других районов.

Неправедные: 1) услужение власти и выполнение функций «активистов», получение соответствующей оплаты; 2) выдача мест расположения продуктов у других и клевета на них, чтобы получить за это пайку; 3) воровство продуктов у соседей; 4) употребление в пищу отребья, мертвечины; 5) каннибализм (как людоедство, голодное помешательство).

Последствия эти способов выживания в настоящий момент существуют на уровне инстинкта самосохранения и соответствующих рефлексов в бессознательной сфере как эмоции страха и ужаса человека и нации в целом, аккумулируясь и оформляясь в бессознательных глубинах психологической памяти среднестатистического украинца в виде базального НЖ-комплекса и диктуют образ поведения в современной жизни.

4. Очевидно, что уровень неправедности может отвечать уровню накопления страданий как потенциального материала для психологической работы, количественной энергетической эмоциональной характеристикой которого может быть уровень чувства страха. Поэтому основным принципом, указывающим направление и характер материала психологической работы, является - «идти на страх». По мере прорабатывания массива страданий интенсивность и энергетическая насыщенность страха должны уменьшаться, а удовлетворение от выполненной работы увеличиваться, что и является критерием ее эффективности.

5. Таким образом, через осмысление и осознание голодомора открывается магистральный путь одухотворения личности и нации (в частности украинской) в целом.

6. Для успешности такого процесса одухотворения нации важно четко определить смысловое содержание его основных значений. В настоящий момент существует два обозначения голодомора, как «геноцид» и как «трагедия». В энциклопедическом словаре (Энциклопедический словарь, 1963, 1964) геноцид (от греч.-род, племя и лат.-убиваю) - это один из тягчайших видов преступлений против человечества, физическое уничтожение отдельных групп населения по расовым, национальным и религиозным признакам. Трагедия (от греч.- песнь о козле, которого при-носили в жертву богу Дионису) - вид драмы, основу которой составляет напряженный конфликт определенных общественных сил. Согласно словаря С.И Ожегова (Ожегов, 1983), геноцид – это истребление отдельных групп населения, целых народов по расовым, национальным или религиозным мотивам; трагедия - потрясающее событие, тяжкое переживание, несчастье. Очевидно, что оба этих определения несут необходимый смысл как смысл жизни народа, который, предположительно, может выглядеть так: принесение себя в жертву ради одухотворения христианского мира способом геноцида, который был осуществлен тоталитарным сталинским режимом. Отсюда следует, что настоящее осуществление дела жизни нации заключается в постижении этого смысла жизни.

7. Есть еще одно направление психологической работы – «деложитренное», связанное с пассионарной направленностью. Если исходить из того, что в данном случае мы имеем сформированный безусловный рефлекс как результат инстинкта самосохранения во время голодомора, психологическое содержание которого можно толковать как НЖ-комплекс, то лучший способ его отработывания – это антиинстинктивное (пассионарное) поведение и высвобождение большого энергетического духовного потенциала. С учетом ДЖ-подхода и концепции пассионарности можно говорить о четкой связи голодомора с накоплением духовного потенциала в виде массива страданий, который в настоящий момент должен реализоваться как социокультурная и социально-психологическая основа ДЖ-практики

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения на основе отслеживания психологической и смысловой связи голодомора с современностью, проявляющейся через способы выживания в то время. Исходя из анализа свидетельств, умирали люди мученической смертью, в некоторых случаях очищаясь и одухотворяясь. А выживали все по-разному и не всегда праведно. Очевидно, что способы такого выживания в настоящий момент превратились (трансформировались) в социокультурное и культурно-психологическое содержание современной жизни в виде базального НЖ-комплекса, определяющего и отражающего психосоциальное состояние общества.

Именно ориентация личности на достижение своего высшего предназначения, зафиксированна в ДЖ-самоопределении на основе соответствующей смысловой ДЖ-установки, позволит принципиально отойти от сформировавшегося защитного НЖ-комплекса, мешающего развитию как отдельного индивида, так и всей нации и народа, путем его трансформации в культурно-психологические содержания, которые можно обозначить как «соборность». Попытки разработки методик психологической работы такого уровня уже предпринимаются примерно так, как предлагает автор (Ксендзюк, 2004). Правда, пока они не совсем вписываются в понятийные рамки традиционной психологии. В этом случае смыслопостижение «содеянного» путем поступка как одухотворение нации, оставляет в прошлом «массу страданий» и высвобождает пространство для наполнения смыслом (смыслообразованием) уже нового, соборного общества – «общества высшего предназначения».

Дело в том, что деяние (поступковое действие) как суть дела жизни, уже осуществлено, и остается его осмыслить. Нация уже выдержала самое тяжелое, пережила и осуществила деяние, открывающее путь к достижению своего высшего предназначения. Теперь осталось его осознать – это и есть суть современной национальной идеи как смысла жизни, высшей цели и миссии наших народов, проживающих на постсоветском пространстве.

6.3 Социальная психологическая ДЖ-практика как поступковое последствие

6.3.1 Кризис постсоветского общества как интериоризация действия в поступковом последствии

Согласно В.А.Роменцу, поступковое последствие начинается с интериоризации как перехода характера межличностных отношений во внутренний план сознания, в середину бытия индивида, где происходит формирование духовного мира личности, внутренних структур психики посредством отражения внешних социальных отношений и адаптации к изменчивости общественного бытия. Согласно мнения Дж. Шоттера (Шоттер, 1996), рассматривающего интериоризацию как «феномен границы» в совмещении подходов М.М. Бахтина и Л.С. Выготского, это позволяет выходить на «границу пропасти» между смыслом и духовным миром для наведения «моста» из одухотворенного смысла как смыслообразования благодаря диалогу украинского и российского базальных культурно-психологических НЖ и ИБ-комплексов. В таком диалоге, пытаясь воздействовать друг на друга, они становятся способными к творческому преодолению «пропасти», что применительно к индивиду означает возникновение интериндивидуальной и интересубъективной идеи как «живого события», разыгрывающегося в точке диалогической встречи, приводящей к соборности двух близких по своему культурно-психологическому содержанию народов.

Обобщая вышеизложенное, можно обозначить общий предмет такой практики - НЖ-комплекс (для украинского культурно-психологического содержания) и ИБ-комплекс (для российского культурно-психологического содержания). В терминологии А. Маслоу (Маслоу, 1997) будем это понимать как «дефицитность», что трактуется как пси-хологическая несостоятельность, проявляющаяся в невротичном стремлении лишь к самосохранению, что в конечном итоге, приводит к самоуничтожению. В качестве его внешней социальной производной представим «невротический национализм». Все это является проявлением «больной» психосоциальной составляющей общества.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

НЖ и ИБ - комплексы, как отражающие характерные признаки украинского и российского обществ последних лет, мы рассматриваем как контрастные феномену «соборности», выражающему идею всеединства в условиях отечественной культуры, который в научно-психологическом понимании А. Маслоу (Маслоу, 1997) рассматриваем как «бытийность», что означает стремление к самоактуализации и развитию. «Соборность» мы будем понимать как коллективное начало, личностную и общественную целостность, реализацию идеи объединения. Это общее качество как отдельного человека, так и нации или народа. Соборная личность не существует вне народа. Соборное самоопределение человека в процессе духовного возрождения приводит к слиянию с родиной, где человек становится ее живым органом (Буданцев, 2001). Это направленность на «другого», жизнь по принципу «все для ближнего». Кроме этого, соборность следует рассматривать и в психологическом варианте, который еще Ф.М.Достоевский определил как «соборность мысли» (Словарь современного русского литературного языка, 1908; Словарь русского языка, 1961), имея в виду целостный коллективный интеллект, способный порождать принципиально новые знания на высшем духовном уровне.

Внешнюю социальную производную соборности представим как «бытийный национализм» или «геосоциальный» уровень развития и, согласно идее Н.Бердяева (Бердяев, 1990), будем понимать как стремление к всечеловечности, взаимопроникновение наций, когда каждая из них растет и развивается во взаимосвязи с другими, при этом не теряя собственной индивидуальности и особенности. Это проявление «здоровой» психосоциальной составляющей общества, когда происходит самоопределение и становление самодостаточных личностей, способных входить в самые разные взаимоотношения как в своей стране, так и за ее пределами на уровне полноправных субъектов международного сообщества. Такой соборный государственный и общественный уклад жизни в национальном варианте можно рассматривать как ДЖ-ориентированный.

По этим признакам можно выделить в обществе так называемые «худшее большинство» и «лучшее меньшинство», исходя из

предположения, что первых больше, чем вторых. Самым большим недостатком демократии является то, что она гарантирует власть «худшего большинства», представители которого в своих жизненных приоритетах стремятся к получению удовольствий и самосохранению, утверждаясь в материальном, физическом существовании, что в итоге ведет к самоуничтожению. Они принципиально не стремятся к пониманию и принятию духовности, поэтому не могут квалифицировано судить о перспективах реального развития личности и общества. Можно также утверждать, что до недавних пор доминирующим психосоциальным явлением в жизни постсоветского общества было жесткое противостояние этих противоположных факторов на всех уровнях жизни-бытия, от внутреннего, индивидуально-психологического до внешнего, обусловленного социальным развитием и общественной иерархией, начиная от рядового работника и заканчивая высшим руководством страны. Происходила определенная психологическая и социальная поляризация, что в Украине впоследствии привело к катарсису в виде «оранжевой» революции и кардинальным качественным изменениям в обществе. Чтобы устоять в этом противостоянии и прийти к соборности, отдельные индивиды и общество в целом должны были опираться в первую очередь на свою *духовную силу*. Вместе с экономическим фактором это является основным залогом возрождения как Украины, так и России. Культурно-исторически такая духовная сила имеет глубокие корни, уходящие к истокам Киевской Руси. Как целостное образование нации, она зримо проявилась еще украинским, а затем русским казачеством, впоследствии была зафиксирована Т.Г. Шевченко и Н.В. Гоголем в своих произведениях и затем неоднократно проявлялась в самые тяжелые периоды русской и украинской истории, в том числе и в процессе «оранжевой» революции. До недавнего времени она практически не использовалась, была «унижена и оскорблена», ее основная масса находилась в глубинных психологических образованиях личности как субъекта жизни, которая еще не была готова овладевать новыми смыслами и действовать в интересах возрождения и развития общества. Здесь было необходимо мощное социальное потрясение, которое могло бы обеспечить «попадание»

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения Украины как нации в «дело жизни» через деяние глобального масштаба (поступковое действие), которое произошло в виде феномена «майдана». Еще в конце прошлого века украинские авторы психологической концепции поступка отмечали, что новая эпоха развития заключается в переживании противоречия между действием и смыслом, побуждающего к попытке осмыслить содеянное. Завершающим аккордом исторического становления поступка является достижение обществом состояния катарсиса, внутреннего очищения путем осознания своих истинных ценностей, настоящего смысла бытия (Основи психології, 1995: 407-408).

Можно утверждать, что основной путь перехода от «идеологической» к «психопрактической» парадигме жизненного бытия лежит через социальную психологическую ДЖ-практику на основе правды. Для этого в обществе должна создаваться своеобразная «критическая масса» «лучших людей» как ДЖ-личностей, которые дадут толчок необратимым психосоциальным процессам духовного возрождения. Напомним, что «лучший» человек- это тот, который не склоняется перед материальными искушениями, непрестанно ищет работы на дело божье, любит правду и когда нужно, начинает служить ей, бросая дом, семью и жертвуя жизнью (по Ф.М. Достоевскому), это «пассионарий», аккумулирующий энергию поступка в кризисном обществе (по В.А. Роменцу и Л.И. Гумилеву). Согласно результатам нашей психологической практики, «лучшим» человек может становиться лишь временно, в определенном динамическом состоянии, которое определяется как так называемая «ипостась духовного профессионала». В психологической ДЖ-практике это может проявляться как ипостась «психолога-духовника». Основным признаком такого человека является способность трансформировать невозможную ситуацию в возможную, нормально существовать в «ненормальной» среде, обретая новые смыслы и успешно выполнять «дело жизни».

Внешние наблюдения показали большую неравномерность индивидуального распределения людей в нашем обществе по указанным психологическим содержаниям. В целом они

А. А Ткаченко

классифицируются по трем характерным признакам. Еще Л.Н.Толстой в своих «Дневниках» так распределял людей по отношению к вере и совести (в контексте наших исследований будем это понимать как способность к одухотворению). Первые - это те, которых совесть не тревожит. Они могут спокойно делать зло. Это невинные. Вторые - это те, которых совесть тревожит и мучит. Нужно что-то делать, а именно то, что советуют «духовные врачи»: жертвы, молитвы, раскаяние и вера. Это «сумасшедшие». Третьи - это те, у кого совесть нуждается в деле, изменении жизни, приближении к тому, на что указывает разумная любовь. Это разумные (Толстой, 1952б: 12).

Согласно нашей классификации, появившейся в процессе ДЖ-практики, *первые* – это те, которые уже практически не способны психологически отработать свою «массу страданий», осмыслить все «содеянное». Их психика блокирована от одухотворения, они не могут и не желают все это адекватно осознавать и принимать. *Вторые* – это те, у которых накоплена достаточно большая «масса страданий», но при условии соответствующей психологической работы они способны осознать «содеянное» и выполнять дело жизни. *Третьи* – это те, которые уже в процессе жизни смогли отработать свою «массу страданий», осознав «содеянное», прийти к духовности и вере. Они свободны и независимы. Именно такие люди являются реальными «лучшими», способными стать опорой духовного возрождения и развития общества. Им не страшна внешняя агрессия, которая, в конечном счете, направляется против ее источника. Сломить таких людей может только собственная духовно-психологическая несостоятельность.

Психологическая практика показывает, что в количественном соотношении наибольшую массу составляют первые, намного меньше вторых, а третьих - буквально единицы. Независимо от рода деятельности такие люди в своем психологическом и профессиональном развитии в определенные моменты жизни «падают» в ДЖ-формат, что приводит к возникновению «ипостаси духовного профессионала».

Современную Украину можно рассматривать как такую, которая сейчас «падает» в ДЖ-формат, начинается духовное возрождение и идентификация нового, «геосоциального» статуса. Исторические

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения реалии свидетельствуют о том, что Украина и морально, и материально уже «расплатилась» за свое возрождение, поскольку украинский народ взял на себя большую часть «мирового зла», связанного в основном с тоталитаризмом, выразившемся в голодоморах, войнах, репрессиях и т. п. Это народ-мученик. Этот процесс можно рассматривать в двух направлениях: *первое* - возрождение Украины на фоне и за счет международного сообщества; *второе* - влияние Украины на развитие и стимуляция позитивных изменений в самом международном сообществе.

Но прежде чем говорить об Украине как о субъекте геосоциальных отношений в ДЖ-формате, обратимся к общим представлениям Вл. С. Соловьева о взаимоотношении европейских восточной и западной цивилизаций в контексте реализации идеи Богочеловечества.

По его мнению, *согласно разделению исторического труда, одинаковые народы, как типологические социокультурные образования, не могут осуществлять две мировые идеи. Великим смыслом и назначением развития западной цивилизации является обеспечение отрицательной безусловности, состоящей в отделении человеческих природных сил от божественного начала и исключительном самоутверждении. Западная цивилизация осуществляет отрицательный переход от религиозного прошлого к религиозному будущему через несостоятельность и роковой неуспех этого стремления, состоящего в самоотрицании, приводящему в итоге к свободному воссоединению с божественным началом. Освободившись таким образом, западная цивилизация признала отрицательную безусловность человеческой личности, отвергнув всякое начало безусловности в положительном смысле. Поэтому положить начало самому этому религиозному будущему суждено другой исторической силе. Речь идет о восточноевропейской цивилизации.*

Для существа, подчиненного условиям материального бытия, представляется искушение сделать материальное благо целью, а свою божественную силу средством для его достижения. Свободному от материальных побуждений Богочеловеку

А. А Ткаченко

представляется новое искушение - сделать божественную силу орудием самоутверждения своей человеческой личности, подпасть под влияние греха ума – гордости. Самое сильное искушение - употребление насилия и зла для целей блага, ибо благо само по себе не имеет силы. Это было бы признанием того, что зло сильнее блага и поклонением началу зла, владычеству над миром. Западное человечество, создавшее антихристианскую культуру, издевавшее на опыте ложность таких трех широких путей, испытав обманчивость этих великих искушений, рано или поздно должно обратиться к богочеловеческой истине. Восток не поддался этим искушениям злого начала, сохранив в душе своих народов истину Христову. Когда на Западе увидят свою собственную несостоятельность, тогда западное человечество будет готово к принятию религиозного начала, истинной религии.

Представителями неподвижной божественной основы в человечестве является церковь и народы восточного мира, представителем человеческого начала - народы западного мира. Разум должен в условиях свободы развить все свои силы. Для этого сперва в достаточной степени обособившееся человеческое начало, которое затем познав свою немощь, способно вступить в свободное сочетание с божественною основой христианства, сохраняемой в Восточной церкви, и вследствие этого свободного сочетания породить духовное человечество (Соловьев, 1999).

Говоря в этом контексте о геосоциальном возрождении и одухотворении Украины, необходимо в первую очередь учитывать отношения с двумя полюсами внешнего мира, которые обычно определяются как Восток и Запад и олицетворяются соответственно Россией и Западной Европой. Россия символизирует положительную безусловность и является гарантом духовного возрождения, исполняя роль «психолога-духовника». Западная Европа символизирует отрицательную безусловность и является гарантом материального роста, потребительского благосостояния и цивилизованного входа в международное сообщество с соответствующим национальным лицом и статусом. Первый шаг может быть сделан в отношениях с Россией. В сформированной системе жизненных феноменологических понятий они трактуются как взаимоотношения «младшего и старшего

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения братьев». Если быть более точными, то это, скорее, отношения «младшей» и «старшей» сестер, имя которым соответственно Малая Русь и Большая Русь. Продолжая «семейную» тему, вспоминаем, что Киев как «мать городов русских» территориально сейчас располагается в Украине. Исходя из психологической ДЖ-практики, проблемы детей обычно закладываются родителями в виде «содеянного». А это значит, что необходимо начинать с возрождения Малой Руси (современной Украины) на основе глубинной психосоциальной работы с «Киевской Русью» как архетипическим образованием, в сфере которого находится духовная сила «русской» (имеется в виду современных украинской и российской) нации.

Нечто подобное в отдаленной перспективе может наблюдаться и в отношениях Старого и Нового Света, то есть современных Европы и США. Но для этого опять же Европа должна прийти к духовности. А, как известно, одним из первых культурных центров Старой Европы была Киево-Могилянская академия, находящаяся на территории современной Украины. Поэтому можно допустить, что возрождение Украины может стать определяющей точкой отсчета и для христианского мира. В геосоциальном плане это может выглядеть таким образом. Социальная психологическая ДЖ-практика в отношении комплекса «младшего» (сейчас НЖ-комплекса) на Украине позволит отработать необходимую «массу страданий» и обеспечить достижение достаточным количеством людей «ипостаси духовных профессионалов». Это в свою очередь может инициировать подобные процессы в России в работе с комплексом «старшего» (сейчас ИБ-комплексом). Таким образом, приход к духовности через выполнение «дела жизни» обретение соборности на Украине может способствовать одуховорению в России и наоборот.

Если эти процессы в наших странах пройдут успешно, это в свою очередь станет «зеркалом» для Запада, в котором уже он (Запад) увидит свою несостоятельность (прежде всего, духовную). Геосоциальная модель взаимоотношений «Малая - Большая Русь» может быть использована и во взаимоотношениях «Старый - Новый Свет». В результате, возможно возникновение «лучших» людей и

А. А Ткаченко

соответствующего общества в едином геосоциальном, социокультурном пространстве в пределах христианского мира.

6.3.2. Феноман «майдана» как катарсис в поступковом последствии

По общему мнению и оценкам мировой общественности, явление «майдана», ставшее эпицентром «оранжевой» революции в Украине во время президентских выборов 2004 года, в тот момент буквально взбудоражило не только украинскую нацию, но и все мировое сообщество. Об Украине и украинцах с интересом и уважением заговорил мир. Прошедший после этих событий период показал, что они и дальше продолжают в значительной мере определять современную жизнь. Сейчас у нас есть возможность на них взглянуть с позиции независимого исследователя и попробовать научно осознать, что же собой в действительности представлял феномен «майдана».

В процессе исследования этого феномена непосредственно во время событий украинскими психологами была обнаружена уникальность этого явления, которое тогда не получило надлежащего научного объяснения. Немного погодя, невзирая на то, что события «оранжевой» революции и феномен «майдана» достаточно широко обсуждались в разных научных, популярных, а также интернет-изданиях, современная психологическая наука пока еще не предложила обоснованной целостной картины этого явления. Не принимая во внимание чисто конъюнктурные материалы, сегодня можно говорить лишь об отдельных исследованиях мировоззренческого, социологического и политического характера, в которых преимущественно изучаются изменения мирового имиджа Украины, социально-политические установки молодежи и динамика политического сознания студентов, психологические проблемы социального творчества в контексте революции, основные факторы психологии победы украинского народа, феномен личности народного кандидата в президенты, динамика эмоциональных состояний участников революционных событий, социокультурные аспекты «оранжевой» революции в контексте индивидуальных поступков ее участников, отдельные характеристики феномена «майдана» и т. п.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения (Білоконь, 2004; Губенко, 2005а, 2005б; Зливков, 2005; Найдьонова, 2005; Дроздова, 2005; Пашукова, 2005; Слисаренко, 2005; Степаненко, 2005). Имеются также и серьезные публицистические анализы, представляющие мнения известных политологов, политтехнологов и других специалистов, изложенные, например, на интернет-сайте «Диалог» под рубрикой «Майдан, год спустя» или в материале Л.Финберга «Украинская революция 2004 года» (журнал «Континент», 2005, №126) и т.п.

В наших исследованиях была предложена психологическая концепция, базирующаяся на ДЖ-подходе и соответствующей социальной психологической практике как альтернативе имеющимся подходам в психологической науке и системе жизненного бытия. В этом контексте оказалось возможным и уместным осветить психологическую, социальную и духовную сущности феномена «майдана» как целостного образования. Для этого были сформулированы следующие эмпирическая и теоретическая гипотезы.

Эмпирическая гипотеза должна пролить свет на жизненную, духовную сущность этого явления, которое априори видится нам как начало процесса преобразования, «второго рождения» или одухотворения украинской нации благодаря поступку-подвигу народа как на глобальном национальном, геосоциальном, так и на индивидуальном и личностном уровнях, которые в единстве отображают сущность феномена «майдана».

Теоретическая гипотеза предусматривает научно-рефлексивное осмысление феномена «майдана» на основе гипотез, выдвинутых свыше ста лет тому назад В. Джемсом (Джемс, 1910) и предложенной нами «деложизненной» психологической концепции. Отсюда вытекает следующая авторская концепция. На основе анализа и обобщения большого количества религиозного (духовного) опыта В.Джемс сформулировал гипотезы, в которых допускалось: 1) существование подсознательной психической сферы человека, совмещающей его с «потусторонней» (неземной) жизнью; 2) формирование у индивида личных «сверхрелигий», которые становятся собственным достоянием в единении с Богом и то, что 3) последующая стадия жизни мира и его судьба должны освободиться

А. А Ткаченко

от влияния индивидуального религиозного (духовного) переживания, что порождает более широкую космическую перспективу человека, которой будет присуща совсем другая естественная сущность (Джемс, 1910).

В наших изысканиях подсознательное, соединяющее человека с его духовной природой, предметно связывается с «массивом страданий», который накопился за всю витакультурную (природно-культурную) историю существования украинской нации и ее психосоциального развития в виде «содеянного» как на индивидуально-психологическом, так и на социальном, общенациональном уровнях. Отработка содеянного в рамках социальной психологической ДЖ-практики создает духовный потенциал нации. Это дает основания говорить о протаривании нацией пути к своему «акме» и выполнении ею дела жизни «для себя» как глобальное окультуривание народной души, что созвучно с формированием индивидуальной «сверхрелигии». Более широкая космическая перспектива украинства, на наш взгляд, связана с выполнением дела жизни «для Другого» и творением духовного продукта для Мира и Вселенной, что и является основным залогом выживания и развития Человека, Нации и Человечества.

Нам удалось, насколько это возможно, за короткий срок в формальных обстоятельствах создать исследовательскую группу, провести глубинное пилотное эмпирико-практическое психологическое исследование феномена «майдана», активно существовавшего в течение трех недель, и получить достаточно объективные результаты. На внешнем уровне феномен «майдана» априори рассматривался нами как триединое социокультурное образование, интегрировавшее киевский «майдан» (тех, кто находился в Киеве на площади Независимости), донецкий «майдан» (тех, кто находился в Донецке на центральной площади) и внешний «майдан» (тех, кто активно наблюдал за всеми событиями через СМИ). На внутреннем уровне под феноменом «майдана» априори понимались актуализированные психосоциальные образования (процессы, состояния, проявления, эффекты и т. п.), которые возникали у людей, особенно активно ориентированных на события «оранжевой» революции. Главным признаком принадлежности к участникам

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения «майдана» было определено количество дней активного непосредственного участия в данных событиях или наблюдения за ними. Для исследования анализируемого феномена был использован метод опроса, который осуществлялся с помощью специально созданной анкеты и написания так называемой «личной жизненной истории» (ЛЖИ) пребывания/наблюдения за событиями на «майданах» и была направлена на исследование глубинных психодуховных процессов и состояний в период «оранжевой» революции. В результате анализа эмпирического материала была получена психологическая картина динамики существования феномена «майдана» по показателю его интенсивности.

Наибольшую общую интенсивность на протяжении трех недель актуального существования исследуемого феномена по представленным характеристиками имели киевский и внешний «майданы» в сравнении с донецким. Общей чертой всех «майданов» оказались наивысшие показатели проявления вершинных характеристик. Основные различия были такими: на киевском «майдане» самыми выразительными были национально-культурная, геокультурная, социальная и психологическая составляющие, тогда как на внешнем «майдане» - геосоциальная, социальная и психологическая, а на донецком - психологическая, социальная и мистическая.

Характерной для каждого из «майданов» оказалась динамика изменения интенсивности национально-культурных, мистических, геосоциальных и социальных составляющих массового революционного действия. Безальтернативным лидером национально-культурного утверждения стал киевский «майдан», которому существенно уступал донецкий. Зато в проявлении мистических ориентаций, особенно на протяжении последней недели, единоличным лидером был последний, а в Киеве мистификация восприятия реальности была минимальной. В динамике проявления геосоциальных и социальных характеристик лидировал внешний «майдан». Кроме того, существенное отличие киевского и донецкого «майданов» заключалось в противоположном развитии динамики изменений их интенсивности. Если в Киеве максимальная

А. А Ткаченко

интенсивность и психосоциальное напряжение наблюдалось в первую неделю, а в последнюю было минимальным, тяготей к минорным настроениям, то в центре Донецка, напротив, сначала интенсивность революционных событий была минимальной, а на этапе их завершения значительно превышала напряжение киевского «майдана». Поэтому донецкие участники «майдана» пошли в жизнь с мажорным настроением.

Согласно качественной характеристике по результатам ЛЖИ, в первую неделю на киевском «майдане» происходила внутренняя борьба двух противоположных психологических состояний - негативного и позитивного. Они были закономерно порождены двумя группами противоположных чувств - большой несправедливостью, возникшей как реакция на действия власти, и верой в победу демократии. В итоге такого пограничного внутреннего конфликта, как на общенациональном, так и на индивидуальном уровнях, народу удалось актуализировать свое психо-духовное состояние на принципах веры в победу. Отсюда, собственно, появилось непреодолимое желание ехать в Киев, чтобы защищать молодую украинскую демократию, что затем привело к формированию вершинного духа «майдана», благодаря которому удалось абсолютно четко контролировать огромные массы людей, исповедовавших лишь внутренние возвышенные состояния, независимо от деструктивного внешнего влияния, которое не имело особого эффекта. Поэтому, словно в один миг, утверждалось предчувствие того, что «что-то не так», и в то же время возникало безудержное желание все исправить конкретными действиями. Всяческие агрессивные проявления лишь еще больше сплывали людей и принуждали действовать еще решительнее и, вместе с тем, благоразумнее. Абсолютно четко выполнялась установка относительно ненасильственного и миролюбивого характера всех действий. Решающую роль в создании исключительной духовной атмосферы «майдана» сыграли киевляне.

На донецком «майдане» в первую неделю также наблюдалась внутренняя борьба и психологический конфликт негативного и позитивного состояний, но с другими, почти противоположными, акцентами. Достижение вершинного (духовного) состояния здесь происходило по большей части путем внутренней фильтрации

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения людьми негативных переживаний по поводу действий киевского «майдана» и вообще «оранжевых». Это порождало разные чувства - обиды, страха, обеспокоенности, разрушения надежд, разочарования. В это время внешний «майдан» имел признаки обоих вышеназванных, но с некоторым приоритетом киевского.

Таким образом, на протяжении первой недели наивысший уровень духовного состояния наблюдался на киевском «майдане», что больше всего олицетворялось киевлянами. Причем это состояние имело больше геосоциальный, национально-культурный, чем индивидуально-психологический характер. В это время киевский «майдан» представлял собой уникальное единое целое и был актуализированной «душой нации», разбуженной глобальным поступком народа.

Уже в конце первой и на протяжении второй недели центр пограничных переживаний и состояний начинает перемещаться из общего психосоциального формата в индивидуально-личностный. Как следствие, персонифицируется поступковый психологический механизм, а «майданы» начинают сближаться по интенсивности базовых характеристик. В частности, на киевском возникает окончательная уверенность в победе, формируется чувство необратимости желаемых событий, эмоциональные всплески возникают реже и становятся более локальными, несколько позже локально возникают расслабленность и меланхолия. Пребывание на «майдане» теряет эффект глобального поступкового деяния, начинает приобретать характер обычной «работы», когда уже адекватнее воспринимаются и анализируются влияния внешних факторов. В Донецке еще больше растет общая негативная атмосфера, преобладает ощущение враждебности к сложившейся ситуации, а также персонифицируются обиды, злословия и обескураженность, напоминающие коллективную «душевную драму». Внешний «майдан» переживает как духовный всплеск победы, успеха, так и обиду, пренебрежение, моральную усталость и потерю надежды на новую жизнь. Признается тот факт, что настоящая революция состоялась в сердцах и душах людей.

В последнюю неделю полностью исчезает внешнее проявление вершинного эффекта «майдана», что свидетельствует о появлении обыденности. Заметное изменение касается значительного увеличения внутреннего предела психологической и социальной свободы людей. При этом из разных «майданов» каждый участник вынес что-то свое - как общее, так и специфично-персональное: из киевского - низкую действенную интенсивность, расслабленность, раскованность и свободу помыслов; из донецкого - высокую экспрессивность, негативные переживания и разочарования; из внешнего - взволнованность, амбивалентность чувств, «радость со слезами на глазах».

Общий итог нашего исследования феномена «майдана» сводится к выделению и подтверждению в нем основных признаков механизма поступка, детально обоснованных В.А. Роменцом, но нуждающихся в отдельных пояснениях.

Эмпирическое исследование феномена Майдана показало, что по полученным результатам это глобальное действие следует рассматривать по крайней мере с двух позиций - внешней социальной и внутренней, собственно психологической. В интерпретационном контексте первой все анализируемые «майданы» образовывали единый эпицентр украинской нации в виде «Национальной Души», хотя и развивались по собственным тенденциям, предопределенным ее этнокультурными, социально-политическими и ментальными особенностями. В итоге природно-культурного (ковитального) деяния и состоялся взрыв духовного потенциала нации, которая ощутила самоуважение, что и заставило мировое сообщество обратить внимание на Украину и украинцев. По своему феноменальному наполнению все отмеченные составляющие оказались достаточно схожими, не взирая на их территориальное разграничение. С глубинно-психологических позиций понятно, что феномен «майдана» включает в себя «истинный майдан», «постмайданный эффект» и «пост-майданный синдром». «Истинный майдан» в своей сущности интегрирует признаки *поступка-подвига* украинского народа, а потому может рассматриваться как психологический механизм выполнения дела жизни нации. «Постмайданный эффект» также имеет признаки поступков, которые, однако, осуществлялись на

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения индивидуальном уровне и представляют собой психологический механизм реализации дела жизни каждого участника. «Постмайданный синдром» по своим отдельным признакам характеризует обычное дело человека, которое осуществляется ради удовлетворения собственных потребностей существования и самосохранения и уже не имеет отношения к выполнению дела жизни.

С позиций представленной нами «деложизненной» психологической концепции теоретически проанализируем феномен «майдана» на основе трехуровневой взаимодополняющей градации содержания ново-введенных категорий «дело» и «дело жизни», где выделяются «творческое дело», «дело переживания» и «неделание», а также «смысл» и «смысл жизни», которые рефлексированы в трех разноуровневых плоскостях, - психологической, жизненной и духовной.

В психологической плоскости анализа имеет место простая реализация обретенного смысла в виде определенного *творческого дела*, которое в основном связано с наиболее эффективной профессиональной деятельностью. Здесь находит свое место *постмайданный синдром*, который можно рассматривать как обычное деловое (или деятельностное) отношение к миру, предопределенное собственными потребностями физического существования и самосохранения человека. Здесь актуальным является внешнее влияние, в том числе и в виде различных психологических и политических технологий. Этот синдром оказался наиболее распространенным и реально наполнил содержание социального сознания в настоящем.

В *жизненной* плоскости главными являются действия общественного субъекта, направленные на выживание, то есть на существование как материально-духовной субстанции. Здесь первичность принадлежит предметной деятельности, которая делает возможным как обычное дело, поддерживающее, независимо от его осмысления, физиологические функции и обеспечивающее добывание «хлеба насущного», а также развитие собственной души, ибо «не хлебом единственным живет человек». Это – сфера существования *дела переживания*, являющегося своеобразной общей

А. А Ткаченко

характеристикой полезной массы прожитой жизни, ориентированной на обеспечение пайдеи (развития, окультуривания) собственной души. В этом контексте данное явление трактуется как *постмайданный эффект* – особенное деяние - творение и накопление духовного продукта ради собственного развития и выполнения дела жизни «для себя», в первую очередь путем совершенствования своей души. Этот эффект остался актуальным в сознании сравнительно небольшого количества людей, которых можно назвать «истинными майданниками».

В *духовной* плоскости, существующей как независимая самоорга-низующаяся инстанция, своим присутствием вытесняющая две предыдущих, происходит реализация смысла и выполнение дела жизни в большей части благодаря *неделанию*, которое обеспечивает отстранение от «дела» и приобщения к «делу жизни» как интенциональное творение духовного продукта «для Другого». Именно в этом смысле находит свое место *истинный майдан* в своей вершинной феноменальности, когда поступковый механизм коллективного деяния проявился в виде непри-менения насилия, а следовательно, образовался критический рубежный уровень внутреннего психологического напряжения нации. Таким образом, состоялся качественный скачок и, при полном отсутствии насилия, создались условия для трансформации негативных переживаний в позитивное духовное состояние – «ожила» и «заработала» Национальная Душа Народа. Именно такое неделание и было тем поступком-подвигом народа, обеспечившим восхождение (проявление) духовного ядра украинской нации. В итоге происходило историческое выполнение украинством своего дела жизни и одновременно творение национального духовного продукта «для Другого». В этом, собственно, и заключается духовное содержание феномена «майдана». Этот «истинный майдан» как рубежное проявление наилучших моральных, духовных качеств нации, просуществовал не дольше одной недели. Его можно также интерпретировать как глобальный духовный продукт, созданный для Мира и Вселенной.

Вместе с тем, если феномен «майдана» можно считать психологическим механизмом начала процесса духовного

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения возрождения нации, то логично выдвинуть теоретические гипотезы относительно его протекания, которое, вероятнее всего, может происходить на индивидуально-психологическом, межличностном (групповом), общенациональном и глобальном уровнях. Эти гипотезы перекликаются с ранее упоминавшимися, выдвинутыми В.Джемсом и центрируются нами на выполнении «дела жизни».

Нулевая гипотеза является основанием для двух последующих. Она касается создания духовно-психологической базы и связана в нашей концепции с психологической составляющей ДЖ-практики, которая организуется как анализ «содеянного». Ее суть заключается в том, что потенциальной духовной основой, как на индивидуальном уровне, так и на общенациональном, является *массив страданий*, который был накоплен каждым индивидом и нацией в целом на протяжении существования в течение всей жизненной истории. Есть все основания предположить, что все необходимое для духовного возрождения Украины уже было сделано и теперь основным заданием является его осмысление, осознание и реализация. Если предыдущую жизненную историю украинской нации по своей форме можно считать *действенной*, то последующая жизнь в своем формопостроении должна стать *смысловой*. Когда совокупное «содеянное» будет осмыслено - это будет означать завершение подготовительного периода дела одухотворения.

Объектом в исследовании и практической отработке этой гипотезы должны быть деяния, которые привели к возникновению невротического «следа» в жизни человека в виде страданий, составляющих эмоционально-психологическую суть «содеянного». Они субъективизируются и опредмечиваются, становятся реальным достоянием жизненного опыта индивидов и нации в целом. Тогда *предметом* становятся смыслы, соответственно заложенные в этих деяниях.

Первая гипотеза объясняет базовую форму выполнения дела жизни «для себя», то есть характеризует развитие собственной души до необходимого уровня ее зрелости, для которого ориентиром является состояние «акме» как вершина психологического развития и здоровья.

Объектом здесь избирается индивидуальная душа человека, которая постоянно совершенствуется, возвращается, развивается, окультурируется и достигает необходимой зрелости, способной к продуцированию духовного продукта. Такой объект не может быть полностью опредмечен и потому остается вещью в себе. И все же *предметный вес* в этой ситуации приобретают смыслы наивысших достижений, которые способны развивать и совершенствовать душу.

Субъектом в этой гипотезе является полезный жизненный опыт, наработанный на протяжении психологического анализа «содеянного», но сориентированный уже не столько на осознание и осмысление невротических переживаний, сколько на творение-самореализацию личности вплоть до «акме» ради совершенствования души. Так на индивидуальном уровне появляется духовный человек, способный преумножать духовное достояние, а на глобальном – утверждается нация, способная выступать полноценным субъектом геосоциальных отношений, обогащая духовный потенциал современного мира. В этом формате феномен украинского «майдана» – первый шаг такого жизненного хронотопа нации.

Вторая гипотеза касается взаимоотношений духовной личности и духовной нации с Универсумом, предметом которых является духовный продукт «для Другого», а объектом – Мир и Вселенная. «Истинный майдан» как ситуативное наличие наилучших моральных, духовных качеств нации является проявлением такого глобального продукта. И если впоследствии выяснится, что его окажется достаточно, то можно ожидать последующего конструктивного развития украинской нации в направлении одухотворения, но уже не на национальном, а геокультурном уровне, например, в форме явления «взреления» и «дрейфа» «майдана».

В этом контексте изложим еще одну **специальную гипотезу**. Она была получена чисто эмпирически в процессе практики проведения природных тренингов и исследования явления «духовно-природной психотерапии» в виде эффекта «взреления» тренинговой группы от «детского» до «взрослого» уровня и одновременного ее «дрейфа», который происходил в виде спонтанного перемещения места психологической работы по различным культурно и духовно обусловленным местам Украины, определявшихся и

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения рефлекслирующихся на интуитивном, чувственном уровне. Проводя параллели между явлениями «духовно-природной психотерапии» и «майдана», можно предположить, что украинский «майдан» также будет подвержен последующему взрослению и дрейфу, поскольку является началом глобального процесса одухотворения. Зафиксированный нами феномен «майдана» можно по всем признакам, отмеченным в процессе исследования «духовно-природной психотерапии», считать «детским». Как и каким образом будет (если будет?) происходить его последующее взросление и дрейф, точно сказать невозможно. То ли это останется локальным, чисто национальным украинским явлением, то ли это будет происходить в региональных рамках постсоветского социокультурного пространства, или объединенной Европы, то ли это будет общемировое явление одухотворения и выполнения дела жизни земной цивилизацией. Во всяком случае, в таком контексте интерес к явлению «украинского майдана», объективно зафиксированный практически во всем мире, еще более возрастает.

В этом контексте представляет интерес ***постмайданный период развития украинского общества***. По истечению нескольких лет после «оранжевой» революции стало возможным говорить не только об отдельных характеристиках, но и о системном видении этого явления, сформировавшемся в социологическом, психокультурном, психополитическом, социально-психологическом ракурсах.

Социологический ракурс, обобщенный в работах (Головаха, 2005; Ручка, 2005; Сподівання на іншу Україну, 2005; Степаненко, 2006; Степаненко, 2005; Українське суспільство 1994–2005, 2005), акцентирует внимание на содержании и характере протекания событий «оранжевой» революции, общественных настроениях и поведении людей на основе динамики изменений социально-политических, экономических, социокультурных отношений в современном украинском обществе. Значительная часть «победивших» во время революции глубоко разочаровались, их ожидания на быстрое улучшение жизни оказались неоправданно завышенными и потому обернулись крахом надежд. Их тогдашние

А. А Ткаченко

«проигравшие» противники, не имевшие особых надежд на улучшение своей жизни, ничего не потеряли и поэтому сохранили оптимизм.

Основной внешней причиной такой ситуации считается раскол в «оранжевой» команде, коррупционные скандалы, экономический спад и много непродуманных спонтанных решений. Более глубинная причина, выраженная автором работы (Головаха, 2005), заключается в том, что общество не было институционально (дополним, и психологически) готово к подтверждению своих завышенных ожиданий. Не учитывались «болезни», накопленные на протяжении предыдущей истории периферийной жизни украинского народа в рамках Российской и Австро-Венгерской империй, советского периода и нескольких лет независимого кризисного существования. Люди, которые поддержали «оранжевую» революцию, наивно надеялись, что с приходом к власти новой политической силы в кратчайшее время удастся избавиться от «болезней», накапливавшихся веками.

Эту мысль продолжает автор работы (Степаненко, 2006), отмечая, что общественная мобилизация, обеспечившая победу, актуализировала базовые морально-этические характеристики социального и духовного капитала населения Украины, который обозначил лишь первый, протестный этап формирования новых форм гражданской активности. В целом стало понятно, что именно внутренние многовековые глубинные трансформации украинского общества подготовили культурную и общественную почву для этой неожиданной революции, которая обозначила качественно новые формы общественной активности, сформировала новый социальный опыт успешной политической мобилизации широких слоев населения. Эти события стали выразительной манифестацией глубинного общественно-политического и культурного сдвига всего огромного посткоммунистического евразийского материка. Сейчас украинских политиков и общество ожидают сложные проблемы по консолидации и формированию новых смыслов не только для пока еще позиционно разъединенной «оранжево-голубой» украинской нации, но и всего общеевропейского социокультурного пространства. Возникает необходимость формирования новых психодуховных механизмов

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения развития общества и соответствующих форматов внутренней и внешней политики.

В *психокультурном* контексте авторов работы (Афонін, Донченко, Антонечко, 2006) отмечается, что с обретением независимости в развитии украинского общества сначала доминировала либеральная тенденция, которая вдохновляла политиков на реформирование центральных органов государственной власти и привела к заострению системного общественного кризиса в Украине. Затем, в период «кучмизма», доминировала авторитарная тенденция, выглядевшая как своеобразная апробация жизнеспособности политических нововведений, связанных с принятием новой Конституции. Современный постреволюционный этап разви-тия в известной мере повторяет в пределах нового социально-политического цикла либеральный реформаторский период, приобретая качественно иные – «человеческие» (психологические) признаки, когда «новая психосо-циальная культура украинского общества, которая появляется и закрепляет себя в политической культуре «оранжевой» революции, превращается в источник (и в то же время в предохранитель необратимости) последующих общественных реформ» (Афонін, Донченко, Антонечко, 2006).

Особенного внимания заслуживает мнение этих авторов относительно национального характера и менталитета, который сравнивается с психологией социального субъекта (личности, общества, цивилизации) как самого сильного и природного фактора в жизни народа в сохранении энергетической связи со своим Творцом и надежное средство гармонизации внутренней жизни социума, что исторически обеспечивало его самопринятие и развитие. Успех нынешних социальных реформ лежит в плоскости отношений между материальным и идеальным, внешним и внутренним, психическим и социальным в человеческой природе. Конфликты, которые сопровождают социальные преобразования и реализацию государственно-политических решений, сосредоточены преимущественно в психокультуре политико-управленческой элиты и украинс-кого социума. Традиционные идеологии не выдерживают

А. А Ткаченко

испытания правдой собственного народа, они только увеличивают пропасть между народными избранниками и широкими социальными слоями.

В *психополитическом* фокусе, представленном работами (Гордієн-ко, 2006; Луковенко, Магера, Фурман, Якушик, 2006), украинская «оранжевая» революция проявляется больше как морально-мировоззренческая и народная, чем специально подготовленная и реализованная политиками. Она актуализировала вопросы экзистенциального характера относительно выбора украинцами политической перспективы в направлении поиска новой национальной идеи, современной конкурентно-способной украинской идентичности, более совершенного формата государственного развития, социальных трансформаций, что и обусловило всем демократическим мировым сообществом. безоговорочную поддержку «помаранчевых» событий.

Наивное ожидание быстрых и радикальных изменений стало наибольшим обманом участников протестов, глубоко травмировавшее тонкую и восприимчивую украинскую душу. Автор работы (Гордієнко, 2006) считает, что это ведет к кризису национальной идентичности, который является основным источником и главной движущей силой новейшей украинской революции. Критическая ситуация, переживаемая государством, является следствием того, что «оранжевая» революция трансформировалась в перманентную, которая ведет общество к хаосу и стагнации. Вместе с тем, благодаря кризису «оранжевой» команды, Украина фактически отошла от модели постсоветских президентских режимов и стремится к политике консенсусного согласия. Такая ситуация, скорее, не разрушает, но еще больше укрепляет и развивает многострадальную украинскую душу, принуждает ее быть в тонусе и практиковать (а значит осуществлять свое «дело жизни» - **авт.**).

Политический истеблишмент постреволюционной Украины оказался не готовым к работе в демократической среде. Новой элите не хватило духовно-волевой составляющей для ведения политики на принципах компромисса, толерантности, рациональности. Эгоистические интересы оказались сильнее, чем демократические ценности. Это не только привело к дрязгам и кадровой чехарде во

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения властной команде, но и заострило социально-политическую ситуацию в государстве и стране. Не было учтено, что современное информационное общество требует от политических менеджеров быть не столько элитой власти, денег или богатства, сколько элитой знаний и духа, что присуще таким высшим проявлениям личности, как пассионарность и духовность.

Констатируется очевидный факт, что постреволюционное украинское общество стало качественно другим. Состоялись радикальные трансформации в общественном сознании, в корне изменились ментально-ценностные установки людей. «Оранжевая» революция положила начало новым критериям общественного сознания на основе моральных ценностей (достоинства, чести и свободы личности, прозрачности и демократизма власти, ее верность украинскому народу). Однако, лицо самой власти остается неизменным. Нынешний кризис убедительно продемонстрировал, что отечественная (украинская) политическая элита не способна ставить национально-государственные интересы выше личных.

«Майдан» стал революцией в душах и умах многих людей, но в их представлениях о государственном устройстве остается политической технологией замены одной правящей «элиты» другой, одинаково отстраненных от интересов народа. «Майдан» не перерос в масштабный проект позитивного участия в политическом процессе общественных и политических сил, осуществлявших революцию. Народ, ставший главной движущей силой и творцом революции, поставлен в условия невозможности цивилизовано отстаивать свои права, благодаря коррупции, манипуляциям массовым сознанием, он не рассматривается как партнер и важнейший участник общественно-политического процесса. Украина не воспользовалась предоставленной возможностью сформировать активную позицию стратегического игрока на международной арене.

Наряду с этим справедливости ради следует отметить позитивную позицию президентской власти, выраженной в попытке перехода ее институтов от режима «наместничества» к организации общенационального стратегического процесса. Но отсутствие серьезной проектно-аналитической работы и соответствующей «карты

А. А Ткаченко

трансформаций» не позволило это осуществить должным образом. Авторы работы (Луковенко, Магера, Фурман, Якушик, 2006) приходят к общему выводу, что пренебрежение к созданию стратегической коммуникативной платформы ведет к ослаблению институтов государственного управления ради процветания нации, бесперспективности имеющихся методов управления и потому мобилизация человеческого потенциала является недоступной. Выход из такой ситуации видится в перспективах развития института Президента, где пока еще отсутствует субъект-лидер, ответственный за общественное развитие нации.

Социально-психологический анализ осуществлялся на основе теоретических и практических принципов ДЖ-подхода, ориентированного на достижение высшего предназначения человека, предусматривающего пайдею (окультуривание) и работу (праксис) души. Такой «дело-жизненный» путь, сориентированный больше «на другого», на психологическую методологическую базу теории поступка, рассматривается как *жизнь-поступок*. Как контрастная, также рассматривается категория «дело», которая связана лишь с собственными потребностями физиологического существования человека. Этот «деловой» жизненный путь, ориентированный лишь «на себя» и самосохранение, отстранение от моральных, духовных ценностей, что соответствует деятельностной психологической методологической базе, рассматривается как *жизнь-деятельность*.

ДЖ-подход предусматривает формирования *национальной идеи* как реализации высшего предназначения на основе следующих базовых этапов/уровней реализации. Первый этап заключается в том, чтобы отработать (осмыслить) содеянное нацией и ее отдельными индивидами, которые на это способны, создать духовную базу для выполнения дела жизни. Как результат, должна сформироваться необходимая критическая масса пассионарных, духовных личностей (в первую очередь духовных профессионалов), что даст необратимый толчок для одухотворения всего общества. Второй этап заключается в одухотворении всего украинского общества и выполнении дела жизни «для себя», своей нации. Третий этап заключается в создании необходимых условий и духовно-психологических механизмов для

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения одухотворения международного сообщества и выполнения дела жизни «для другого».

В своих изысканиях явление «майдана» мы связываем с ранее исследуемым явлением «духовно-природной психотерапии», где выделялись такие характерные эффекты: «отречение» (когда после актуализации духовно-психологических образований человека, под давлением условий реальной жизни он отстранялся от приобретенной духовности и «опускался» к обыденному уровню, который все же оказывался несколько выше, чем начальный); «социальное взросление» (когда исследовательская тренинговая группа после очередного духовно-природного тренинга приобретала психологические характеристики, которые по своему содержанию отвечали всем признакам социально-психологического развития личности от ребенка к взрослому человеку) и «дрейф» (когда вместе с «взрослением» происходило спонтанное перемещение исследовательской тренинговой группы по разным культурно и духовно обусловленным местам Украины, которые определялись и рефлексировались на интуитивном чувственном уровне). Проводя параллели между явлениями «духовно-природной психотерапии» и «майдана», можно предположить, что украинский «майдан» по социально-психологическим признакам является «детским» и потому склонен к последующему «взрослению» и «дрейфу» в выполнении высшего предназначения, поскольку есть основания считать, что он стал началом глобального процесса одухотворения не только украинской нации. Следовательно, судьба украинского общества сейчас находится в руках «психологических детей», которым еще предстоит «взрослеть», при этом не теряя приобретенных на «майданах» высших моральных и духовных ценностей.

Говоря о предназначении человека в универсуме как объекта его «дела жизни», можно предположить наличие соответствующего «коридора» свободы выбора, что в любом варианте приводит к достижению им своего предназначения. Отсюда, резюмируя предыдущий анализ, можно сформулировать **общую проблему** постреволюционного украинского общества и особенно политического истеблишмента, которая заключается в том, что на

А. А Ткаченко

глубинном психологическом уровне они находятся в состоянии **«активного неделания»**, обеспечивающем нахождение в жизненном «коридоре», где такое состояние может оказаться наиболее оптимальным для последующей реализации осуществленного на «майдане» «деложизненного» выбора. Это позволяет говорить об ожидании какой-то неожиданной перспективы его последующего развития в виде «закономерной случайности», которая окончательно ориентирует Украину в направлении реализации своего высшего предназначения. В дальнейших рассуждениях о будущем Украины будем больше опираться на рефлексивный исследовательский материал.

Национальная идея – выполнение высшего предназначения. На глубинном психологическом уровне «майдан» разделил людей на «лучших» представителей нации, душами и умами которых овладели правдивость, соборность, духовность (таких оказалось немного), и «других», которые стремились лишь к эгоцентрическому удовлетворению собственных потребностей (таких оказалось значительно больше). В целом украинцам удалось выдержать «высший» экзамен на цивилизованность и ненасилие, сохранить приоритет высших человеческих ценностей на фоне огромного напряжения и взрыва национального самосознания. «Майдан» стал не только национальным, но и геополитическим явлением, направленным на мировое развитие. Как механизм прямого народного правления страной – это был выбор нацией пути выполнения своего предназначения, пути одухотворения и развития. Этим украинцы заявили о себе как о великой нации с глобальной мировой миссией.

Поэтому, украинский политикум до тех пор будет находиться в неопределенном состоянии, пока не осознает и не самоопределится в истинных идеях «майдана», где главное место принадлежит народу и нации. Пока, находясь в состоянии «пост-майданного синдрома», он демонстрирует, что «первые становятся последними». Лишь некоторые из его представителей идентифицируются в жизни как индивидуально переживающие «постмайданный эффект» – свой поступок морально-психологического очищения и одухотворения. В состоянии «истинного майдана» должен был находиться Президент,

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения прошедший «испытание смертью», ситуативно попадая в «ипостась Мастера» как «политика-духовника».

Возникает вопрос, а что же будет дальше? Ясно, что «последние» первыми не станут (в нашей советской истории попытка тех «кто был никем, стать всем», закончилась сокрушительным фиаско). Зато вполне возможно, что в какой-то момент те, кто себя сейчас считают «всем» (например, наша политическая «бизнес-элита»), неожиданно окажутся «ником».

«Оранжевая» революция в России. Российский писатель и пророк XIX века Ф.М. Достоевский предрекал события октябрьской («красной») революции 1917 г. Тогда все закончилось буквально морем крови и миллионами невинно убиенных. В последние годы существования СССР другой российский писатель и пророк А.И.Солженицын в своих предложениях «Как нам обустроить Россию» (Солженицын, 1990) предрекал его распад и соответствующие последствия. Незадолго до смерти в своем интервью программе «Вести недели» он прямо говорил о возможности возникновения в современной России «оранжевой» революции, подобной украинской, которую он расценивал как враждебную России, а ее глубинную суть связывал с февральской революцией 1917г., после которой возникла «красная» революция, переросшая сначала в кровопролитную гражданскую войну, а затем в целую эпоху страданий народа, связанных с войнами, репрессиями, голодоморами. Автор работы (Гордієнко, 2006) отмечает, что украинская «оранжевая» революция по своей сути и обретаемым в борьбе фундаментальным ценностям почти тождественна американской (1776г.) или французской (1789г.). Она положила начало эпохальным общественно-политическим изменениям в Украине, которые можно сравнить лишь с событиями лета 1648 года, когда вся нация восстала во главе с Б. Хмельницким, или осени 1917 г., когда украинцы объединились вокруг Центральной Рады.

Во всех перечисленных случаях прогнозы российских пророков и уроки истории оказались вне поля зрения политиков, которые до сего дня так толком и не поняли действительный смысл содеянного тогда и сейчас. Современные украинские политики с завидной

А. А Ткаченко

настойчивостью повторяют те же ошибки, игнорируя истинную идею и глубинную суть уже «оранжевой» революции.

А.И. Солженицын также неоднократно говорил об общем культурном корне российской и украинской нации – Киевской Руси, - которую в современной России он рассматривает как основное условие «сбережения народа» - суть российской национальной идеи. Основным условием сохранения народа во время российской «оранжевой» революции, предрекаемой А.И. Солженицыным, также должно стать ненасилие, как это произошло в Украине. Сейчас украинцы и россияне, как братские народы, «повзрослели» и стали независимыми. Окончательно это произошло после украинского «майдана», когда осуществилась национальная идентификация украинцев как великой нации. Теперь, имея опыт ненасилия на фоне колоссального напряжения, украинцы в состоянии помочь «братьям» россиянам. Сам себя из болота не вытянешь, хотя многие в России на это надеются.

Мудрое государство – сильный народ. Прошло время, наполненное целым рядом «отставок», «предательств», «разочарований» в «оранжевой» власти, что можно сравнить с выявленным нами эффектом «отречения». На основе приобретенного опыта авторской психо-духовной практики представляется все более очевидным, что феномен «майдана» – это та «печка», от которой нужно танцевать при определении национальной идеи и последующем обустройстве Украины как самой себя, так и своего места в мировом сообществе. Для этого Украине не нужно *сильное* государство, которое демонстрирует свою силу в первую очередь перед собственным народом, делая его слабым. Украине необходимо *мудрое* государство, которое даст возможность проявить силу собственному народу, - это продемонстрировал «майдан».

Недавно в Украине четко вырисовывались две политических силы, которые противопоставлялись друг другу, - это институты Президента и премьер-министра. В идеале их взаимоотношения должны были способствовать реализации национальной идеи как достижение высшего предназначения, когда на институт Президента по определению возлагается «деложитвенная» функция непосредственной реализации национального высшего

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения предназначения, а на институт премьер-министра возлагается «деловая» функция содействия выполнению первой. Их взаимоотношения могут приобретать жесткий бескомпромиссный характер, когда касается борьбы с коррупцией, конъюнктурной манипуляцией национальным сознанием на пути к моральному и духовному очищению и возрождению.

Институт Президента за счет мудрости политической системы по определению и назначению должен опираться на «лучшее» меньшинство, которого в нашем истеблишменте очень мало, хотя самого Президента избирает «худшее» большинство. Поэтому, чтобы активно контролировать ситуацию в стране, ему, как гаранту, в современных условиях необходимо активизировать силу народа, чтобы тот становился все более сильным, мудрым и «лучшим». Возможно, такие люди могут вырасти из числа «майданников», хотя первая попытка это сделать пока закончилась неудачно. Очевидно, потому что все это происходило как-то наивно, примитивно, по-детски, а не профессионально и талантливо. Стало понятно, что этим должен заниматься не сердобольный «папа», для которого лучшим контингентом являются «дети». Встречаясь с трудностями, они чаще «обижаются» и обвиняют друг друга, вместо того, чтобы вместе их преодолевать. Будущее Украины - с мудрыми Мастерами, до которых еще нужно дорасти. Такому «взрослению» должны способствовать не только государство и его институты, но и гражданское общество – вся нация.

За советом можно обратиться к тому же Ф.М.Достоевскому, приз-нанному во всем мире Мастеру духа, который в своем «Дневнике писателя» к «лучшим» причислял не столько «денежных мешков», «генера-лов», «образованных», сколько, обращаясь к опыту народа, тех, которые «не склоняются перед материальными искушениями, непрестанно ищут работы на дело божье, любят правду и когда нужно, начинают служить ей, бросая дом, семью и жертвуя жизнью» (Достоевский, 1981:153-161).

Отсюда вытекают такие *принципы* «дело-жизненного» существования Украины: *ненасилия* (неделания) – создает условия для вмешательства «Другого»; *поступка* (задействие механизма

А. А Ткаченко

поступка) – инструментальный принцип, создающий условия для постоянного функционирования механизма творения духовного продукта «для другого»; *правдивости* – создание постоянно существующего в социуме «поля правды», в котором только и может существовать ненасилие и поступок.

О будущем Украины. Перспективы Украины не в «сдвиге» то ли в сторону Западной Европы, то ли к России. Жизнь уже показала несостоятельность этого пути. Они в «расширении» Украины и на Запад и к Востоку одновременно. Это должно происходить исключительно в социальном и индивидуальном самосознании украинского народа, состоящего как из украинцев, так и из россиян, относительно архетипического центра «Киевская Русь», географически и психологически находящегося в Киеве, который стал эпицентром украинской «оранжевой» революции. Это напоминает известный в современной психологии эффект «расширения сознания», связанный с предельными состояниями и большим психическим напряжением, трансценденцией, выходом за пределы собственной личности, что обычно происходит при совершении поступка.

Учитывая, что именно Киевская Русь в лучшие времена своего существования была культурным и торговым центром Европы, можно предположить, что при ее глубинной актуализации возможно духовное окультуривание уже всей Большой Европы.

Теперь относительно механизмов такого обустройства, как «расширение». Сначала отрабатывается «содеянное», которое оформилось в виде общенационального НЖ – комплекса, возникшего как защитный «панцирь характера» (это понятие связано с психотерапией характера, предложенной В.Райхом (Райх, 1999)), который позволил украинцам выжить как нации и стал содержанием их национальной идентичности. Сейчас, когда факт сохранения национальной идентичности подтвердился, от этого комплекса нужно освободиться, высвободив индивидуальную и национальную душу.

В России подобный «панцирь» сформировался как ИБ-комплекс. В момент российской «оранжевой» революции возможно столкновение этих украинского и российского «панцирей» ради сохранения ненасилия, что приведет к их взаимно – само -

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения уничтожению и высвобождению русской (как украинской, так и российской) Национальной Души и одухотворению обеих наций.

Отсюда проявляется исключительно важная роль современного института Президента Украины, который по определению должен взять на себя миссию ответственного за «Киевскую Русь» как «Мать городов русских», как «Дом Богородицы» для «сбережения народа», как эпицентр не только украинской, не только российской, но и общеевропейской души и достижения Большой Европой своего высшего предназначения. Это уже транснациональная идея-миссия для Украины. Может в этом и заключается великий смысл «красной» революции, которая перерастает в «оранжевую» ценой переживания украинским народом громадной «массы страданий», накопленной в войнах, репрессиях, голодоморах, социальной несправедливости. Тогда основным смыслом «оранжевой» революции становится осознание и понимание содеянного как первый этап активной реализации высшего предназначения украинской нации.

* * *

В завершение этого параграфа во втором издании рассмотрим ***развитие психологического феномена «майдана» как морально-этической и духовной терапии общества***. Девять лет тому назад мы начали исследовать феномен Майдана, ставший эпицентром «оранжевой революции». Уже тогда был предложен вариант осмысления и соответствующей трактовки этого явления, а также предложена гипотеза относительно возможности «взросления» и «дрейфа» Майдана как начала глобального процесса одухотворения и реализации «дела жизни» украинского общества (смотри начало параграфа). Прошло время. И вот он возник опять в 2013 году, но уже как Евромайдан. Еще в «пассивной» фазе его существования мы провели первый пилотный срез основных характеристик и обнаружили признаки подтверждения предложенной ранее дополнительной гипотезы «взросления». Если тогда Майдан можно было считать «детским», то в настоящий момент он обнаруживал все признаки «подросткового».

Зафиксированный по всем признакам «детский» феномен Майдана тогда был порожден «отцом» (тогдашней властью в лице ее

А. А Ткаченко

самого яркого представителя В. Януковича) и «матерью» (тогдашней оппозицией в лице ее самого яркого представителя Ю. Тимошенко). Принимая такую «семейную» психологическую терминологию как символическое определение сущности этого явления, получаем интересную картину. Очевидным является то, что Евромайдан - 2013 остается «сиротой», поскольку «мать» очутилась за решеткой, куда ее отправил «отец», который сам вообще отрекается от своего детища. А «мачеха» (современная оппозиция) оказалась неспособной достойно о нем заботиться и наставлять на «путь истинный». Вот такая невеселая картина семейного раздора образовалась на тот момент в Украине.

С другой стороны, мы также ранее определили культурно-психологическую структуру Майдана, которая включает Истинный Майдан (или Дух Майдана) - как целостный духовно-социальный субъект, основанный на высших ценностях украинской нации. Пост-майданный эффект (или «Индивидуальный Майдан») - как индивидуальное личностное отражение Истинного Майдана в психологии его наиболее активных участников – т.н. «майдановцев», как «лучшего» меньшинства украинского народа). Пост-майданный синдром - как «болезнь» общества в лице «худших» его представителей, ориентированных на борьбу с Майданом, дабы свести на нет его достижения. Так произошло в прошлый раз после «оранжевой революции».

Для более полного осмысления этой проблеме в направлении развития феномена Майдана мы предложили еще одну трактовку, которая рассматривает это явление как модель (инструмент) творения нового общества, о котором в контексте Евромайдана чаще всего говорят как «гражданское общество». По-видимому, это может быть определенной ступенью, но не конечным ориентиром развития. Основной целью может стать так называемое «общество высшего предназначения», о таковом пойдет речь далее, определенные признаки которого можно было фиксировать на Майдане. Можно предположить, исходя из нашей гипотезы относительно «взросления» Майдана, что нас ожидает еще по крайней мере два таких явления, - «юношеского» и «взрослого» уровня. Они будут энергетически намного мощнее и поэтому более масштабно актуализировать взросление общества. Это обстоятельство уже сейчас можно учесть в

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения последующей организации государственного и общественного творения, обратив особое внимание на развитие «майдановца» как ДЖ-личности и наиболее вероятной модели личности творца будущего общества.

На третьем месяце существования Евромайдана можно было с уверенностью говорить, что его основным открытием стал психологический феномен майдановца. Ведь не случайно рейтинг «200 самых влиятельных украинцев» в 2013 году по данным журнала «Фокус» возглавил «Человек Майдана» - Гражданин Украины, носитель суверенитета и источник власти».

По результатам наших исследований в сравнении с психологическим феноменом Майдана 2004, Евромайдан 2013 оказался более интенсивным по показателям выраженности основных характеристик, но особенно отличался высоким уровнем самоорганизации, самосознания и самоопределения майдановца как личности. Это следует считать одним из важнейших достояний Евромайдана. Вполне возможно, что майдановец станет влиятельной фигурой будущего украинского общества в определении направления развития и построения нового образа жизни. Поэтому попробуем обобщенно определить содержание психологического феномена «майдановца», используя предложенную психологическую структуру.

На уровне Истинного Майдана феномен майдановца рассматривается как ноосферное явление, которое продуцирует высшие личные, социальные и духовные ценности человека как творца геокультурной цивилизационной миссии. Это следует из зафиксированных проявлений Майдана, который удивлял и даже приводил в восторг не только европейское но и мировое прогрессивное сообщество и держал его в напряжении длительное время. Такого уровня майдановец достигает в наиболее напряженные, судьбоносные моменты, когда речь идет о его существовании, остро стоит вопрос «жизни и смерти», «быть или не быть». Именно тогда появлялись символические образы «героя» наподобие «Жанны Дарк» (в лице Ю.Тимошенко в 2004 г. или певицы Русланы и Небесной сотни в 2013 г.), реально способного к самопожертвованию ради высшей идеи и своего народа. В такие моменты актуализируются

высшие духовные переживания на волне преодоления комплекса неполноценности и обретения национального достоинства, способности творить будущее своей страны и мира. Именно в такие моменты происходит накопление критической массы майдановцев, актуализирующей духовный потенциал нации, образуется связь с ноэтическим (в терминологии В. Франкла) высшим смыслом.

На уровне пост-майданного эффекта происходит основное формирование майдановца как личности, способной к душетворению на основе личного принятия Истинного Майдана как высшей духовной ценности и готовности защищать это «до конца». Как показали наши исследования майдановцев 2004 года, обретенные на Майдане ценности со временем не исчезают, а наоборот, все больше оформляются как собственное высшее достижение, которым можно гордиться перед будущим поколением. Такие ценности часто сохраняются при изменении социального статуса, уровня образования, партийной принадлежности и т. п. Они существуют как самодостаточное образование, которое становится выше экономических, политических и других конъюнктурных потребностей. Поэтому, именно на этом уровне и творится основное духовно-этическое и психологическое ядро Майдана, которое в любой момент способно актуализироваться и в коллективном единении выходить на высший уровень Истинного Майдана. Это придает силы и позволяет «стоять до конца», «до окончательной победы».

На уровне пост-майданного синдрома, который рассматривается как пост-майданная «болезнь», - это скорее об «антимайдане». Здесь стоит акцентировать внимание на таком важном моменте. Именно на этом уровне достаточно эффективно может осуществляться подготовка личности к формированию майдановца. Ведь подавляющее большинство людей в Украине, независимо от территориальной, партийной, религиозной или какой-то иной принадлежности, похожи по своему мировоззрению и шкале высших ценностей. Разница лишь в уровне самоопределения относительно Майдана, то есть, уровня сформированности «майданной установки». Психологии известно о сходстве механизмов установки и контр-установки, которые при определенных условиях срабатывают в одном направлении. Майдан и «антимайдан» были заполнены

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения приблизительно одинаковыми людьми по критерию ценностных психологических содержаний, разница между которыми состояла лишь в направленности установки («майданной» или «антимайданной»). На вопрос «За что вы стоите?» и те и другие отвечали одинаково – «За народ». Поэтому, если взглянуть на «антимайдан» не как на «врага», с которым нужно бороться, а как на потенциального «друга», который так же страдает, но пока еще просто «заблудился» под воздействием разнообразных политических манипуляций, обусловленных потребностями совсем других, иногда аморальных лиц, тогда получаем существенный потенциал для развития Майдана и его идеи.

Можно выделить такие **основные атрибуты** (морально-этические, психологические характеристики) майдановца.

Ненасилие – рассматривается как способность сдерживать собственную агрессию и страсти, тем самым высвобождать духовную энергию и сублимировать ее в расширение собственного сознания и наращивание морально-этического, духовного потенциала и высших ценностей – достоинства, правдивости, веры в лучшее будущее и т. п.

Правдивость – означает честность в первую очередь перед собой, отстаивание собственной правды жизни и убеждений на основе высших ценностей как относительно себя и своих близких, так и всего общества.

Готовность к поступку – означает способность к выходу за пределы собственных интересов ради «идеи Майдана», преодоления критических ситуаций, способность «идти до конца».

Ситуативность – способность безошибочно ориентироваться в ситуациях, которые возникают случайно, вроде бы сами по себе и соответственно действовать, если это даже противоречит каким-то общим призывам, продиктованным чьими-то конъюнктурными потребностями и интересами.

В критических ситуациях у отдельных майдановцев эти атрибуты как добродетели одновременно актуализируются и достигают максимального уровня. Тогда они становятся образцом для других, достигая уровня ситуативного лидера. Такой пример на Евромайдане ярко наблюдался в лице певицы Русланы, которая в

течение многих дней практически непрерывно выступала со сцены с поддержкой майдановцев, особенно во время штурма бойцами спецподразделения. Это принесло ей место в ТОП-10 самых влиятельных женщин мира в 2013 году по версии российского журнала Forbes Woman. Ведь именно наличие критических ситуаций является основным условием возникновения и функционирования Майдана и майдановца. В этом смысле давление со стороны власти становится лучшим стимулом к такому функционированию, актуализируя и «выдавливая» из майдановца «раба», который для украинца в большей части оформился в виде НЖ-комплекса. Именно эти комплексы являются основным «врагом» майдановца. И чем такое давление больше, тем майдановец больше актуализируется, достигая собственной критической точки и соответственно накапливается критическая масса протестного потенциала, который неминуемо приводит к взрыву.

На протяжении почти двухмесячной «пассивной» фазы мирного протеста создалась критическая масса таких «радикально настроенных» майдановцев. А принятие «диктаторских» законов существенно оживило «раба» и поставило майдановца перед выбором – или признать победу в себе «раба» и надолго забыть о достоинстве и своих высших ценностях, или перейти к радикальным действиям. Здесь наилучшим вариантом было бы, например, предложить соборную идею на уровне национальной, способной сплотить всех. Но такого не случилось, не хватило то ли мудрости, то ли соборности в том числе и у самих сторонников Майдана. Это привело к резкой радикализации Майдана и майдановцев и вполне закономерно перевело их протест в «активную», даже агрессивную фазу как способ защиты своих прав. Таким образом был нарушен сугубо мирный ход протестов и сорван стоп-кран движения локомотива украинского общества к обновлению. Именно от последующего развития событий на Евромайдане и особенно от уровня соблюдения основных добродетелей майдановцев на должном уровне зависит эффективность этого движения. Позитивным моментом здесь можно считать морально-этический акт принятия «обета» определенной частью активных майдановцев, как духовного обязательства перед Богом и Нацией. Ведь важнейшим на данный момент есть то, чтобы

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения такое движение не остановилось, или не перешло в деструктивную фазу, которая могла бы стать морально-этической катастрофой для всего украинского народа.

На Евромайдане с обеих сторон баррикад стояли одинаковые люди с практически одинаковыми высшими ценностями, которые отличались лишь уровнем сформированности внутреннего «раба» и конъюнктурными интересами и потребностями, в отличие от «власти», где таковое доминирует, что и подталкивало к противостоянию. Очевидно, у лиц Восточного и Южного регионов Украины внутренний «раб» достиг большей силы, чем в Западном и частично Центральном (здесь очевидно сложилось оптимальное соотношение потенциальной силы «раба» и способности его преодолевать – вспомним события Холодного Яра в 20-х годах прошлого столетия). По-видимому дали о себе знать отголоски массовых репрессий и голодоморов советских времен, которые и вырастили в людях способность выживать благодаря «синдрому выученной беспомощности» как основы для отмеченных ранее комплексов.

В последующем развитии событий было важно четко определить, или даже квалифицировать, смысл того, что происходит на Евромайдане. Такие, расхожие и простые определения как «толпа», «массовые беспорядки», «революция», «гражданская война», «народное восстание», «война» и т.п. лишь заостряли ситуацию, поскольку больше касались пост-майданного синдрома (то есть «болезни»), что предполагало насилие. Очевидно, более продуктивной могла быть попытка осмыслить это явление на высших уровнях существования Майдана. Например, как «духовное оздоровление» или «морально-этическая терапия общества». Это уже касается пост-майданного эффекта или даже Истинного Майдана, где доминирует духовный рост личности, а насилие рассматривается как неприемлемое в принципе. Такая переквалификация направленности осмысления феномена Евромайдана из *массовых беспорядков* в *морально-этическую терапию* могла бы стать более продуктивным выходом из критической ситуации, сложившейся в Украине.

Для этого необходимо было бы создать т.н. «зону мира и тишины» (например в Центральном регионе), а также соответствующие «площадки» в СМИ где внедрить жесткое право голоса лишь для материалов, несущих «высокие смыслы» относительно ситуации и исключить всяческие политические и иные конъюнктурные призывы и лозунги, направленные лишь на невротизацию ситуации, подстрекание и деструктивные действия. Таким образом, в последующем развитии критической ситуации существования Евромайдана можно было бы избежать деструктивных процессов, направленных на искусственный раскол народа, создав условия для появления «терапевтической» фазы его развития, ведущей к соборности. В развитии этой фазы актуально существующее противостояние народа и властей, в котором основной целью являлось свержение (или удержание) власти, в конечном итоге не находит продуктивного смысла, ибо нет никакой гарантии, что следующая власть будет лучше. В случае переквалификации «противостояния» в «духовное оздоровление» стремление к власти становится не целью, а всего лишь средством терапии и творения нового смысла дальнейшего общественного строительства того же «гражданского общества». А это в принципе не предусматривает насилия но опирается на творение.

В таком развитии Евромайдан имел возможность прийти к формированию соборной идеи, которая была бы приемлема для всех и имела признаки общенациональной. Это могло бы выглядеть таким образом. Украинское общество больше всего страдает от проблемы «сдвига» то ли на «запад» (к Евросоюзу), то ли к «востоку» (к России), что и является основным камнем преткновения и раздора. В развитии этой проблемы в контексте нашей гипотезы «взрождения» Майдана, становится все больше понятным, что ее решение заключается в «расширении» Украины одновременно-синхронно и на «запад» и к «востоку» как реализация механизма соборности. Все механизмы и решения о таком «расширении» должны обсуждаться и приниматься в Украине (например в Киеве). Это требует роста достоинства украинской нации до наивысшего уровня и рассмотрения ее в контексте глобальной мировой миссии. Остается вопрос олицетворения этой идеи на уровне то ли знакового лица украинского

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения политика такого уровня, то ли самого Майдана как социального субъекта в виде коллективного интеллекта, которые имели бы соответствующий авторитет и могли бы собрать высокое общество из наиболее авторитетных представителей Востока и Запада в Украине.

В процессе всего периода существования Евромайдана довольно четко проявилась «странная» закономерность периодичного чередования возобновления активизации совершенно нелогичного с позиции обычных причинно-следственных связей давления со стороны власти, как только он начинал затихать. Каждый раз это приводило ко все большему разрастанию масштабов и энергетической мощности Майдана, пока власть не была свергнута. Но этого тоже оказалось мало и дальнейшая «странная» логика продолжилась уже с помощью внешнего давления в виде «странной войны» в Крыму, что привело к появлению критической массы майдановцев и фактическому разрастанию Майдана уже до масштабов всей Украины. Для украинского народа это открывает возможность наконец окончательно перебороть своего «раба» и начать строить новое достойное общество, реализуя свое высшее предназначение. В этом мы усматриваем принципиально иную, *высшую смысловую логику*, согласно которой и развивается феномен Майдана.

В завершение немного о дальнейшем развитии Майдана как глобальной морально-этической терапии общества, что может быть связано с подтверждением другой, предложенной ранее, специальной гипотезой его «дрейфа», т.е. перемещения в пространстве. Направление такого перемещения может определяться следующими факторами:

1. Основным ориентиром подобной терапии является «страх перед Майданом» (майданофобия). Это может означать, что Майдан возможно будет перемещаться туда, где его больше всего боятся как признак того, где он больше всего нужен.

2. Другим важным фактором является непредсказуемость пространственно-временных характеристик возникновения Майдана. В этом случае более продуктивным может быть не искусственное наращивание деструктивной майданофобии, а наоборот, как можно лучшая подготовка к его принятию, используя прежде всего

А. А Ткаченко

накопленный позитивный терапевтический майданный опыт соборности.

6.3.3 Формирование «общества высшего предназначения» как преобразование в поступковом последствии

Проведенный философский, научно-психологический анализ, а так-же авторская ДЖ-практика позволяют констатировать, что человеческая личность и человечество в целом стали перед четкой дилеммой: либо осуществление кардинальной трансформации до уровня человека-одухотворенного/вразумленного, способного обеспечивать непрерывность развития и наполнения разума в соответствующем адекватном обществе как целостном геосоциокультурном образовании в рамках новой земной цивилизации, что в христианской терминологии рассматривается как стремление к богоподобию, либо саморазрушение путем самосохранения человека только как рациональной материальной субстанции и конец цивилизации и человечества, что противоречит воле Бога Отца и позиционируется как греховное демоническое. Это означает, что неизбежной является как «смерть» старой техногенной цивилизации, основанной на неадекватных обществах паразитического индивидуалистического потребления и насильственного коллективного распределения, так и «рождение» новой психогенной цивилизации, основанной на адекватном обществе коллективного справедливого распределении в зависимости от индивидуального вклада каждой личности в достижение высшего предназначения человека.

В общих чертах представим метаонтологию возникновения и формирования «общества высшего предназначения» (ОВП) на основе анализа фашизма, демократии и тирании как наиболее известных способов общественной организации, опираясь на «философию ненасильственного развития» И.Н.Острцова (Острцов, 2002) и авторский ДЖ-подход. Для фашизма, как прелюдии либеральной демократии, социальная справедливость являлась злейшим врагом. При этом интеллектуальные творческие возможности человека подчинялись свободной экономической деятельности. Демократия, опираясь на власть «худшего большинства», высвобождая интеллект и экономику

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения в рыночных отношениях, привела к образованию общества потребления, опираясь исключительно на материалистическое понимание природы, исчерпавшей свои резервы, поэтому также не способствует развитию разума. В конечном итоге, в экономической элите остаются только «черные», что приводит к наиболее изощренным и масштабным преступлениям против человечества. Советское социалистическое общество, как наиболее масштабный при-мер тирании, было примитивным «черновым» вариантом и стало преддверием появления следующего, полноценного «чистового» варианта построения ОВП как «общества разума». В «черновом» варианте доминирует внешний идеологический фактор, олицетворяемый «тираном» (уподобившимся «богу» или «высшему разуму») и его ограниченной «элитой». При этом все осуществлялось исключительно на коллективистской основе, где личность играла роль «винтика». Советская тирания насильственно декларировала принцип социальной справедливости и, подобно адекватному обществу, развивалась согласно разумным программам «кесаря», но на примитивном уровне.

В этом контексте А.А.Гусейнов отмечает, что в основе тоталитаризма лежит представление о человеке как потенциально добром существе и поэтому основная цель состоит в преобразовании среды таким образом, чтобы разумно продуманные условия общественной жизни поз-воляли людям адекватно обнаружить свою нравственную сущность. Демократия основана на представлении о человеке как существе, способном на зло, поэтому ограничивает свою цель тем, чтобы блокировать общественно опасные деструкции человеческого поведения. Далее А.А. Гусейнов высказывает предположение, что в советском строе, как в древе познания, была заключена тайна, до которой нельзя дотрагиваться (Гусейнов, 2009).

Мы считаем, что именно в бытийном опыте существования советского общества скрыта истина будущего развития человека и человечества. Тогда, в «чистовом» варианте использования этого опыта основной акцент должен делаться на личности и ее психологии как душеведению. Личность и Коллектив становятся равноправными и полноценными факторами субъект-объектных и объект-субъектных

А. А Ткаченко

отношений, выступающими по отношению друг к другу в роли «другого». Высшим третейским судьей (Другим для обоих) является Высший Разум (Бог Отец). В адекватном обществе каждая Личность, осуществляя дело жизни «для себя», одновременно выполняет внешний заказ Коллектива как дело жизни «для другого» в условиях полной свободы вне всякой зависимости. Вырождаются и исчезают как бессмысленные известные пороки человеческого бытия уходящей эпохи, остается лишь необходимость наилучшим образом осуществлять дело жизни, формируя Идеальную личность и творя духовный продукт, прежде всего в уже существующих общественных институтах науки, образования, искусства, духовничества, имеющих непосредственное отношение к общественному духовному производству. Тогда получаем вариант христианской аксиомы Троиинства: **Вселенский Разум - Коллективный Разум – Индивидуаль-ный (Личностный) Разум.**

Геосоциокультурное пространство бывшего социалистического ла-геря во главе с СССР, где основным ядром была Россия, сейчас оказа-лось в условиях, наиболее адекватных для осуществления дела жизни не только для себя, но и для всей земной цивилизации. Поэтому закономерно, что современная Россия как правопреемница Советского Союза, совокупно с другими странами, принявшими социалистические идеи (прежде всего с Китаем и Индией), является интеллектуальной духовной основой развития всего человечества. Для этого, прежде всего, необходима полная социальная и личностная свобода, которую современное российское общество пока не выдерживает. Россиянам по-прежнему нужен «царь» для ограничения бессмысленного и беспощадного, но неизбежного и бесперспективного бунта (по А.Пушкину), который и сейчас остается актуальным, что подтверждает конституционный кризис двух ветвей российской власти 1993 года (во времена Б.Ельцина). До сегодняшнего дня существуют старые и даже появляются новые «горячие» точки, постоянно возникают локальные вооруженные конфликты и теракты. Современная, наихудшая из когда-либо существовавших в России, властная «элита», как продукт сгнившей советской верхушки (по И.Острцову) существует лишь благодаря

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения ограничению социально-политической свободы и нарушению принципа ненасилия.

Истинной элитой России всегда был её народ, который скоро потребует свободы для восстановления справедливости и выполнения своей вселенской миссии – это неизбежно, но в одиночку невозможно. Пожалуй, только Украина, ненасильственно пережившая «оранжевую» революцию, эпицентром которой был феномен «майдана», когда напряжение доходило до предела, затем с горем пополам выдержавшая пост-майданный синдром и наконец следующий, Евромайдан 2013/2014года, - в состоянии помочь России. Идея состоит в том, что во время российской «оранжевой» революции, которую предрекал А.И.Солженицын и априори так боится современная российская власть, «великоросский» социокультурный архетипический ИБ-комплекс вполне может быть нивелирован его антиподом, «малоросским» НЖ-комплексом, примерно так, как это происходило в первую неделю существования феномена «майдана» 2004 года, когда напряжение достигло апогея (согласно общеизвестной версии, в результате прибытия российского спецназа). Тогда «имперское» стремление российской «элиты» подмять Украину путем провокации кровавого «бунта», натолкнулось на неспособность украинской «элиты», как «неполноценной», принять решение и нежелание отдать власть. А общее состояние народного духовного подъема на гребне обретаемого национального самосознания, свободы и правды, проявляющееся как «соборность», окончательно вразумило обе стороны. В те дни на майдане Независимости родилась модель ОВП и просуществовала не более одной недели - это мы зафиксировали в нашем исследовании и назвали феноменом «истинного майдана» (Ткаченко, 2006а). Еще более яркое столкновение российского ИБ и украинского НЖ – комплексов проявилось в терапевтической фазе Евромайдана 2013/2014 года во время т.н. «странной войны» вторжения российских войск в Крым, что стало шоком для всего мира. Возможно, что эта «война» откроет магистральную дорогу для «дрейфа» уже существенно повзрослевшего Майдана и возникновения его еще более

А. А Ткаченко

«взрослого» проявления, которое уже будет намного более мощным и масштабным.

Механизм и движущая сила перехода к ОВП строится на двух предположениях.

Первое. Если в условиях советского социалистического общества реализовывался «черновой» вариант формирования ОВП на основании социальной идеологической ДЖ-практики, где личность была «винтиком» большой идеологической машины, построенной на примитивных, часто невротизированных представлениях «вождя-тирана» и его «элиты», тогда на этой основе может реализовываться «чистовой» вариант формирования ОВП на основе индивидуальной психологической ДЖ-практики, где личность полностью свободна в своем стремлении достижения высшего предназначения как Идеальной и Богоподобной и творении духовного продукта, чему подчинены внешние социально-экономические условия.

Второе. В христианской идее, как религии мирового масштаба, центральной кульминационной точкой было страдание Христа как способ искупления принятых на себя грехов человечества. Отсюда можно предположить, что именно способность переживания страданий является главным критерием и способом в образовании стохастической выборки личностей, способных достигать высшего предназначения и формировать новое адекватное общество.

Тогда суть механизма перехода от «чернового» к «чистовому» варианту формирования ОВП состоит в трансформации (переформатировании) «социальной идеологической практики», построенной на обобществлении и социализации в «индивидуальную психологическую практику», построенную на индивидуализации и психологизации путем отработки (осмыслении/вразумлении) личностных деформаций, соответствующих накопленному «массиву страданий» как исходному материалу для одухотворения/вразумления.

Основной *движущей силой* реализации этого механизма в современном обществе является *Мастер* как духовный профессионал, уже сейчас самостоятельно осуществляющий дело жизни в различных сферах человеческой деятельности. При накоплении определенного количества таких Мастеров процесс перехода к формированию ОВП

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения стает необратимым. Это первейшая задача сегодняшнего дня, которая решается, прежде всего, в системе образования и науки.

В «черновом» варианте (советской тирании) к этой функции были привлечены люди иного личностного склада, обремененные гипертрофированным уровнем эгоцентризма и даже психическими отклонениями, без излишнего груза морали и нравственности, полностью подчиненные компартийному «уму, чести и совести». Нужно было просто выполнять волю «тирана» как «другого», не смотря ни на что, даже ценою собственной жизни. Обществом и личностью владела и двигала довольно примитивная и иллюзорная компартийная идея. В результате, советское общество сначала потеряло миллионы людей в голодоморах, войнах, репрессиях, концлагерях фашизма и ГУЛАГа. Затем, после некоторой либерализации, оно стало наполняться высвобождающимися человеческими пороками и греховностью, что сейчас, в условиях практически неограниченной свободы (особенно на Украине), перешло всякие моральные и нравственные пределы. Такое впечатление, что на поверхность сознания всплыли «авгиевы конюшни», накопленные за всю социокультурную историю существования «русского бытия». Наряду с этим, ценою громадного «массива страданий», советское общество дало миру величайшие научные открытия, произведения искусства, выдающихся личностей и, главное, – «черновой» опыт формирования нового адекватного общества высшего предназначения и надежду на будущее.

Предположительно, **запуск** этого механизма уже осуществлен в виде феномена «майдана» в 2004 году, выглядевшего как внешний вселенский «знак», зафиксированный во всем мире и развит Евромайданом 2013/2014 года. После этого украинское общество радикально изменилось и сейчас находится в трансформационном состоянии, развивающемся динамично и непредсказуемо, больше иррационально, без адекватного осмысления и понимания. Это предопределило особое место Украины в современном мире. Как геосоциокультурное новообразование, возникшее на разломе тысячелетий и стыке двух различных христианских цивилизационных образований, украинское общество в идеале направлено на

А. А Ткаченко

формирование «свободного человека как высшей ценности в справедливом государстве» (Вільна людина..., 2005). Начинается новый период общественного развития, предусматривающий как возможность трансформации, духовного возрождения личности и общества, так и нравственную деградацию и саморазрушение, поскольку в реальной жизни преобладает катастрофическая девальвация общечеловеческих ценностей, «черные» получили доступ к управлению государством на основе коррупции, бандитизма и правового хаоса.

Истоки формирования такого механизма находятся во взаимоотношениях России и Украины. Россия выступает как основная движущая сила, мировой обладатель энергетических природных ресурсов и интеллектуального потенциала. Это великий народ, способный создать толчок к развитию новой мировой цивилизации, начиная с самотрансформации. Украина владеет пусковым механизмом формирования ОВП и стабилизирующими возможностями, гарантирующими от саморазрушения при его функционировании благодаря культурным и духовным корням, архетипически сохраненным как «Киевская Русь» и «Мать городов русских», пробиться к которым возможно лишь в тесном взаимодействии и взаимосодействии двух народов как составляющих данного целостного архетипического образования. Другие российские культурные и духовные истоки, проистекающие из нехристианских восточных культур и религий, являются скорее дестабилизирующим фактором. Но, в перспективе, это открывает пути распространения формирующего влияния творения нового общества на Великий Восток, где существуют давние исторические и культурные традиции российского присутствия.

Современная Украина уже начала осуществлять дело жизни «для себя», проявившееся в феномене «майдана» 2004 и 2013/2014 годов как национальной духовной идентификации, а дело жизни «для другого» может проявиться во взаимоотношениях с Россией и дальнейшей трансформации международного сообщества. Культурно-исторические реалии свидетельствуют о том, что украинский народ, как народ-мученик, уже «уплатил» за свое возрождение, взяв на себя большую часть мирового зла, заложенного в голодоморах, войнах,

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения репрессиях и т. п. Говоря о международном возрождении Украины, необходимо учитывать ее расположение между двумя различными геосоциокультурными частями мира, которые можно определить как Великий Восток и Великий Запад, олицетворяемые соответственно Россией и Западной Европой (включая США). Россия является гарантом духовного возрождения, исполняя иррациональную функцию Мастера. Западная Европа является гарантом материального благосостояния и исполняет рациональную функцию технологического обеспечения. Они входят во взаимоотношения через соборную функцию «расширяющейся» Украины, благодаря которой Мастер приобретает/одухотворяет технологии для творения духовного продукта и наполнения Разума.

Перспективы Украины состоят сначала в соединении Великого Востока и Великого Запада путем «расширения» на Запад и к Востоку одновременно. При этом сначала отрабатывается «содеянное», оформив-шееся как общенациональный НЖ-комплекс, возникший как защитный «панцирь характера», позволивший украинцам выжить как нации и став-ший содержанием их национальной идентичности. В результате высвобождается духовный потенциал, активизируя индивидуальную и национальную душу, творящую духовный продукт, развивающий и наполняющий Разум. Эту функцию уже реализует Майдан 2004 и 2013/2014 годов. В России подобный «панцирь» сформировался как ИБ-комплекс. В момент российской «оранжевой» революции возможно столкновение этих украинских и российских «панцирей» ради сохранения ненасилия, что приведет к их взаимно - самоуничтожению и высвобождению русской (как украинской, так и российской) Национальной Души и одухотворению/вразумлению обоих народов. Эту функцию может реализовать следующий, «повзрослевший» Майдан.

Отсюда вытекает исключительно важная роль не столько институтов власти, сколько гражданского общества Украины и России, которые должны взять на себя миссию ответственных за «Киевскую Русь» как «Мать городов русских», как «Дом Богородицы» для «сбережения народа», как эпицентр не только украинской, не только российской, но и общемировой души и

А. А Ткаченко

реализации Человечеством своего высшего предназначения. В этом заключается великий смысл насильственной «красной» революции, давшей «черновой» вариант ОВП, трансформирующейся в ненасильственную «оранжевую» и наконец «революцию достоинства» как реализацию идеи соборности ценой переживания и осмысления нашими народами громадной «массы страданий» как переход к «чистовому» варианту ОВП.

Таким образом, необходимым условием формирования и развития ОВП является образование некоей геосоциокультурной целостности «Великого Востока-Запада», способной устоять в катастрофе старой цивилизации. Она формируется поэтапно на душевно-психологическом уровне одновременно с Идеальной личностью в межличностных взаимоотношениях «восточного» и «западного» человека, соответствующих «Великому Восточному» и «Великому Западному» обществам. Ради этого им необходимо пройти через «безумие» одухотворения/вразумления, которое для «восточного» эсхатологически ориентированного человека является вполне приемлемым, а для «западного» человека среднего класса – рассматривается как ненормальность и патология. Наиболее эффективной является их душевно-психологическая гармония в совместном осуществлении дела жизни и достижении высшего предназначения, когда «восточный», ориентированный «на другого», обретает личностный и жизненный опыт «западного», ориентированного «на себя» и наоборот.

В таком глобальном процессе возникновения и развития ОВП просматриваются следующие характерные *основные этапы*.

Нулевой этап. На этом этапе находится современное общество. Это переход от примитивного «чернового» варианта формирования ОВП, наиболее полно реализованного в советской социалистической общественной формации, к полноценному «чистовому». При этом решаются задачи трансформации - полного разрушения (самоуничтожения) старого и возникновение зачатков нового.

На основании бердяевского культурно-психологического представления о личности, «восточный» человек приемлющий коллективизм (коммунитарность и общительность), ориентирован на творение духа (духовного продукта) и осуществление дела жизни

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения «для другого», за что ему приходится принимать неприемлемый тоталитаризм и ограничение свободы, что активизирует праксис души, проявляющийся как страдание. Такая личность отличается внешним культурно-психологическим «панцирем», порожденным тоталитаризмом, но внутренней душевной свободой. «Западный» человек, приемлющий индивидуализм (власть и насилие над другими), ориентирован на осуществление дела жизни «для себя», за что ему приходится идти на неприемлемый конформизм, формируя потребительскую личность за счет «продажи» своей души. Это лишает его способности творить духовный продукт «для другого» и полноценно осуществлять дело жизни.

Таким образом, с «восточной» стороны в несвободном обществе сформировался человек с относительно свободной, но исстрадавшейся душой и личностью мученика, сохраненной способностью к творению духовного продукта и развитию разума. С «западной» стороны в относительно свободном обществе сформировался человек с «проданной» (добровольно заключенной в психологическую «клетку» из денег, власти, удовольствий) душой и потребительской личностью, не способной полноценно творить духовный продукт и развивать разум.

Будучи в России в 1992 году, известный западный психолог В.Франкл неоднократно повторял, что тоталитаризм, идущий с востока, не менее страшен конформизма, идущего с запада. По нашему мнению, не случайно современный «западный» человек стремится на восток для реанимации своей души, часто пытаясь это делать путем уже привычных психологических манипуляций в виде всевозможных соблазнов «психотерапией», «религией», рекламой некачественных товаров и т.п., построенных на удовольствиях и деньгах, что в конечном счете является паразитированием.

Сейчас «черновой» этап завершился, и в бывшем социалистическом постсоветском обществе созданы условия для выявления кандидатов на формирование «чистового» варианта, обладающих наибольшим уровнем развития души и способностью творить духовный продукт. Для этого постсоветское общество (особенно украинское) оказалось в условиях практически полной

А. А Ткаченко

экономической («рыночной») и личностной свободы, способствующих ДЖ-самоопределению и выбору дальнейшего жизненного пути. Таким образом, благодаря сохранению души за счет ее изолирования от внешних соблазнов и удовольствий и угнетения «потребительской личности», созданы условия для стохастического отбора ДЖ-личностей, ориентированных на достижение своего высшего предназначения. Поскольку таких людей оказывается мало, возникает необходимость в создании специальной ДЖ-практики, ориентированной на ДЖ-самоопределение и проведение отбора в масштабах всего мирового сообщества.

На первом этапе формирования ОВП в мировом масштабе образуется восточная региональная область высшего предназначения - Великий Восток (Россия, Украина, некоторые другие страны бывшего СССР и соцлагеря, а также Китай и Индия). Объединятся человеческие, природные, интеллектуальные, экономические ресурсы. Это покажет приоритетность психологического прогресса (развития души и творения духовного продукта) перед технологическим и экономическим, представленным Великим Западом (Западная Европа, США и другие страны с «американским образом жизни»). Таким образом, появится одухотворенный регион, включающий почти половину территории и населения Земли, и сделает этот процесс необратимым. Здесь находит свое место Украина как соборная страна, способная стать мостом между одухотворяющимся Востоком и потребительно паразитирующим Западом.

На втором этапе обостряются и доходят до предела противоречия на общественном и личностном душевном уровне между «восточным» и «западным» человеком, когда последний начинает замечать свою душевную несостоятельность, что потребует выхода на полномасштабный уровень взаимоотношения индивидуалистического (характерного для «западного» человека) и коллективистского (характерного для «восточного» человека) факторов. Коллективистский фактор, построенный на высоком уровне душевного развития, и индивидуалистический фактор, основанный на высоких технологиях, во взаимопроникновении образуют единое целое. В итоге развитие души обретает, одновременно его одухотворяя, высокий уровень технологического обеспечения. Это

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения позволит вывести творение духовного продукта и духовное производство в целом на наиболее высокий уровень, соответствующий аксиоме развития Разума.

На третьем этапе происходит окончательное формирование ОВП в рамках новой земной цивилизации. Возникает всеобщее стремление к полной гармонии в развитии души и творении духовного продукта на основе наивысшего технологического уровня. Душевно-духовные структуры «восточного» и «западного» человека объединяются. А это значит, что такой человек Великого Востока-Запада наряду с внутренней душевно-духовной свободой будет обладать такой же внешней, гео - социокультурной свободой, базирующейся на разумных/духовных научных достижениях и высоких технологиях. Это и будет истинное разумное/духовное общество, основанное на фундаментальной христианской науке о человеке – то, что сейчас называют «Царство Божье на Земле».

Заключение

Представлено 2-е издание второй монографии автора, направленной на исследование стремления личности к достижению высшего предназначения человека в контексте развития и наполнения Разума. Если в первой, представляющей эмпирико-практические результаты исследования явления «духовно-природной психотерапии», что можно определить как некое действие по «одухотворению» ранее накопленных и постигнутых жизненных смыслов автора, в первом издании второй представлены ориентиры теоретического осмысления на основе понятия «дело жизни» как «смыслообразование», то по второму изданию можно судить о правильности предложенного ДЖ-подхода и его соответствии стремительно изменяющимся жизненным реалиям.

В процессе творческих поисков было подтверждено, что в решении таких глобальных проблем наиболее весомым методологическим инструментом становится христианский постулат Троиинства, рассматриваемый не в религиозно-символическом, основанном на вере, а в научном представлении, основанном на фундаментальных физических законах и истинном знании. Благодаря этому мы попытались на научном уровне осмыслить феномен Майдана как основной фактор развития Человечества. Такой подход раскрывает перспективы дальнейшего исследования путей развития человека и личности, где основой становится ДЖ-личность как

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения «богоподобная», предусматривающая возможность создания «общества высшего предназначения». В контексте таких рассуждений станут возможными смыслологические аналогии предлагаемого ДЖ-подхода с указанным фундаментальным христианским постулатом, когда ДЖ-методология на смысловом уровне может ассоциироваться с «отцом» как Творцом (универсумным методом формирования и наполнения Разума), ДЖ-личность – с «сыном», а ДЖ-практика, являющаяся основным средством духовного производства - со «святым духом».

В монографии сделана попытка осуществления функции своеобразного «стрелочника», - предложен способ перехода на «путь» жизне-творения, ведущий человека к развитию как духовной субстанции. Такой подход ведет к приоритету духовного производства и формированию духовной автономности (независимости). Речь идет о возможности своеобразного «чуда», которое могли бы сотворить народы бывшего СССР, прежде всего россияне и украинцы. И это не экономическое чудо. Оно совершенно иного рода и сущности, основанное на прорыве к духовному развитию личности. Его основная идея состоит в потенциальной возможности высвобождения громадного духовного потенциала, накопившегося в культурно-исторических корнях наших народов, способного обеспечить их духовную автономию, вывести на самостоятельную орбиту свободного полета. А неутраченный, но нарастающий геосоциальный общецивилизационный кризис, обусловленный феноменом Майдана, в этом случае создает благоприятные условия, стремление к преодолению которых может привести к так долго ожидаемой цели.

Время перемен (вместо послесловия к 1-му изданию)

Современному поколению пришлось жить во время радикального изменения смысла человеческого существования. В предыдущей истории человечества подобное происходило единственный раз. Автор данной книги верно заостряет внимание на ключевой мысли в рассуждении о богочеловечестве одного из наиболее ярких русских христианских философов Вл. С. Соловьева о том, что человеческое начало есть отношение, сущностью которого является разум. Далее он очень точно выделяет следующее: «Если отношение состоит в прямом и непосредственном подчинении природного начала божественному, то мы имеем первобытного человека; если действительность человека принадлежит его материальному началу, тогда мы имеем человека природного; если человеческая жизнь состоит в деятельном согласовании природного начала с божественным, такое отношение составляет духовного человека».

Первый революционный скачок в развитии человеческой цивилизации заключался в осознании человеком своих возможностей в материальном мире и выработке таких организационных форм существования, которые позволили на осознанном уровне использовать возможности природы в интересах человека. Результатом такого осознания явилась наука об окружающем нас мире. Основные принципы построения организационных форм и отношений между людьми в этот период были даны пророком Моисеем в Ветхом Завете в виде Моисеева Закона или Десяти Заповедей. Однако, несмотря на то, что Моисеев Закон обеспечил материалистическое развитие человеческой цивилизации, он оказался настолько противоестественен истинной сути человека разумного, что уже на заре материалистической эпохи в мир пришёл Христос с «Новым Заветом», возвестившим неизбежность наступления эры истинно человеческих отношений между людьми. Без этого человечество не смогло бы выжить в материалистическую эпоху, эпоху жесткого дарвинистского отбора, безоговорочно отвергающего духовную суть человека. В течение двух тысяч лет «Новый Завет»

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения явился тем светочем, который спас род человеческий от самоуничтожения.

«Христос сказал им [фарисеям]: Закон [Моисеев] и пророки до Иоанна [Крестителя]; с сего времени Царствие Божие благовестуется» (Лк.16:16).

Сегодня Ветхий Завет полностью себя исчерпал и превратился в угрозу возможности существования и дальнейшего развития «человека духовного». Моисеев закон в Евангелии называется «иудейским», «законом заповеди плотской», «законом греха и смерти». «Закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин.1:17). «Конец [Моисеева] закона - Христос» (Рим. 9:31-10:4).

В соответствии с этим автор пишет: «С наступлением христианской эпохи высшее предназначение становится основной идеей развития общества и личности как «богоподобной».

Современный мир радикально изменяется. Автор дает эффективный инструмент такого изменения - психологическую категорию «дело жизни». Благодаря этому становится возможным создать новую парадигму психологической науки и практики, ориентированную на активизацию души как основного предмета и средства духовного развития человека и общества.

Написав эту книгу, автор, безусловно, внес значительный вклад в осмысление нашей эпохи и реальных методов «создания» нового человека.

Игорь Николаевич Острецов,
доктор технических наук, профессор,
автор «философии ненасильственного развития», г.Москва

Литература

- Абульханова-Славская К.А. (1991).* Стратегия жизни. М.: Мысль. 299 с.
- Абульханова К.А. (1999).* Психология и сознание личности. М.; Воронеж.
- Агапов Д.А. (2006).* Нарративный дискурс как метод исторической психологии / История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV московские встречи» / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Издательство «Институт психологии РАН». С. 447-453.
- Акмеология (2002).* Акмеология: Учебник / Под ред. А.А. Деркача. М.: Изд-во РАГС. 605с.
- Алексеев П.В. (2003).* Социальная философия: Учебное пособие. М.: ООО ТК Велби. 256 с.
- Ананьев Б.Г. (1980).* Человек как предмет познания // Избранные психологические труды: в 2-х т. Т.1. М.: Педагогика. 232 с.
- Ананьев Б.Г. (2001).* Человек как предмет познания. СПб: Питер.
- Андронов В.П. (2002).* Духовность профессионала // Интеграция образования, №4. С.160-165.
- Анисимова М. М. (2006).* Системное понимание психологии как науки в трудах П.Д. Успенского // Вестник интегративной психологии, Вып. 4. / <http://drupal.psichosfera.ru/nodo/1186>.
- Асмолов А.Г. (2002.)* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл. 480с.
- Афонін Е., Донченко О., Антонечко В. (2006).* Психокультура України: «помаранчевий перехід» // Соціальна психологія, №4.
- Бабенчиков В.П. (1935).* Пещерный комплекс Шулдана // Материалы Эски-керменской экспедиции. Известия института истории материальной культуры. Вып. 117. М.; Л.
- Байденко В.И. (2003).* Болонский процесс: структурная реформа высшего образования Европы.-М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Российский Новый Университет. 128 с.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Баканова А.А. (2000). Отношение к жизни и смерти в критических жизненных ситуациях. Автореферат дис. кандидата психологических наук. Санкт-Петербург.

Балл Г.А. (2006). Психология в радиогуманитической перспективе: Избранные работы.-К.: Изд-во Основа. 408с.

Батышев С.Я. (1997). Блочно-модульное обучение. М. 256 с.

Бахтин М.М. (1986). К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М. С.80-160.

Белорусов С.А. (2000). Психология и проблема бесоодержимости // Журнал практического психолога, №10-11. С.25-51.

Бенеш Н. Л. (2007). Психологические механизмы эмпатии в актерской психотехнике. Автореферат дис. ... кандидата психологических наук. Хабаровск. 24с.

Бердяев Н. (1990). Судьбы России. Опыты по психологии войны и национальности.- М.: Мысль. 206с.

Бердяев Н.А. (1999). Самосознание: Сочинения.- М.: ЗАО Изд-во ЕКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио. 624с.

Бердяев Н.А. (2001). О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Путь в философию. Антология. — М., 2001. 350 с.

Бимбат С.Д. (2004). Психоанализ и религия: о границах исследования религиозного опыта пациентов в психотерапевтической практике//Журнал практической психологии и психоанализа, №1.

Бодалев А.А. (1993). О предмете акмеологии // Психологический журнал, № 5.- Т.14.

С. 73-79.

Бодалев А.А., Ганжсин В.Т., Деркач А.А. (2000). Человек и цивилизация в зеркале акмеологии (и акме как интегральная формула здоровья, самопознания, самоопределения и творческого самоутверждения человека) // Мир психологии, №1. С.89-108.

Бодалев А.А., Рудкевич Л.А. (2003). Как становятся великими или выдающимися? - М.: Изд-во Института Психотерапии. 287 с.

Божович Л.И. (1997). Проблемы формирования личности: Под редакцией Д. И. Фельдштейна / Вступительная статья Д. И. Фельдштейна. 2-е изд. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО МОДЭК. 352 с.

А. А Ткаченко

Болонский процесс (2002). Болонский процесс: нарастающая динамика и многообразие (документы международных форумов и мнения европейских экспертов) / Под ред. В.И. Байденко.- М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 408 с.

Бондаренко А.Ф. (1991). Социальная психотерапия личности (психосемантической подход). Л.: КГПИИЯ. С. 25-38

Бондаренко А.Ф. (1993). Личностное и профессиональное самоопределение отечественного психолога-практика // Московский Психотерапевтический Журнала, №1.

Бондаренко А.Ф. (1997). Психологическая помощь: терапия и практика: (Учеб. пособие для студентов ст. курсов психол. фак. и отделений ун-тов).- К.: Укртехпресс. 216 с.

Бондаренко А. Ф. (2007). Субъектность личности: этическое измерение и предмет отечественной психотерапевтической практики // Журнал практикующего психолога, Выпуск 13.

Братусь Б. С. (1993). От гуманитарной парадигмы в психологии к парадигме эсхатологической // Вопросы философии, №5. С. 3 – 43.

Братусь Б.С. (1997). К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии, №5. С.3-20.

Братусь Б.С. (2000). Психология - наука о психике или о душе? // Человек, № 4.

Брушлинский А.В. (1993). Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал, № 6.

Буданцев Ю.П. (2001). Смысл жизни народа // Психологические и религиозные аспекты смысла жизни: Материалы III-V симпозиумов / Психологический институт РАО / Редкол.: Чудновский В.Э. и др.- М.: Ось-89. С.108-115.

Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. (1998). Психология жизненных ситуаций. Учебное пособие. - М.: Российское педагогическое агентство. 263 с.

Буякас Т.М. (2000а). Личностное развитие в условиях работы самопо-нимания опосредованной символики // Вопросы психологии, № 1. С. 96-108.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Буякас Т.М. (2000б). О проблемах становления чувства самоидентичности у студентов-психологов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, №31. С.56-62.

Буякас Т. М. (2002). Проблема и психотехника самоопределения личности // Вопросы психологии, № 2. С. 28-39

Бех І.Д. (2006). Справедливість-несправедливість у міжособистісних взаєминах // Педагогіка і психологія, №1. С.5-14.

Білоконь І. (2004). Політичні події кінця 2004 року і соціально-політичні настановлення молоді // Соціальна психологія, №4. С.21-31.

Боришевський М.Й. (2000). Національна самосвідомість у громадянському становленні особистості.- Київ. 63 с.

Василюк Ф.Е. (1984). Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций).- М.: Изд-во Моск.ун-та. 200 с.

Василюк Ф.Е. (1988). Уровни построения переживания и методы психологической помощи // Вопросы психологии, №5. С. 27-37.

Василюк Ф. Е. (1991). Пережить горе / В кн.: Человеческое в человеке.— М. С. 230–247.

Василюк Ф.Е. (1992). От психологической практики к психологической теории // Московский психотерапевтический журнал. №1. С.15-32.

Василюк Ф.Е. (1996). Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии, №6. С.25-34.

Василюк Ф.Е. (1998). Психотехнический анализ психотерапевтического процесса // Вопросы психологии, №6. С.40-47.

Василюк Ф.Е. (2005). Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования).-М.: Смысл. 191 с.

Василюк Ф. Е. (2007). Понимающая психотерапия как психотехническая система. Автореферат дисс. ... доктора психологических наук. М. 46с.

Вербицкий А.А. (1991). Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А.А. Вербицкий. – М.: Высшая школа, 1991. – 208 с.

Вернадский В.И. (1989). Биосфера и ноосфера / Вернадский В.И. М.: Наука. 262.с.

А. А Ткаченко

Вернадский В.И. (2002). Биосфера и ноосфера / В.И.Вернадский. М.: Айрис-Пресс. 575 с.

Войтыла К. (2003). Личность и поступок // Иоанн Павел II. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во францисканцев. С. 61-449.

Волкова Е.Н. (1998). Субъектность педагога: теория и практика: Автореф. дис. ... кандидата педагогических наук. М.

Выготский Л.С. (1982а). Собр. соч.: В 6-ти т. Т.1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р.Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика. 488с.

Выготский Л.С. (1982б). Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика.

Выготский Л.С. (2000). Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс. 1008 с.

Вільна людина... (2005). Вільна людина у справедливій державі – найвища цінність нового уряду (2005) // Урядовий кур'єр, 5 лютого, №22. С.3.

Гегель Г.В.Ф. (1999). Лекции по эстетике. В 2-х т. Т. I.СПб.

Гинзбург М.Р. (1988). Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии, №2. С.19-27.

Гинзбург М.Р. (1994). Психологическое содержание личностного само-определения // Вопросы психологии, № 3. С. 43 – 52.

Гинзбург М.Р. (1995). Психологическое содержание жизненного поля личности старшего подростка // Мир психологии и психология в мире, №3.С.21-27.

Гирусов Э.В. (2003). Ноосферный императив пайдеи XXI в. // Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества: 10-я юбил. междунар. конф. Крым 2003: Тр. конф. М. Т. 2. С. 573-576.

Головаха Е.И. (1998). Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка. 144 с.

Головаха Е.И. (2000). Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб. С.23-56.

Гриншпун И. Б., Морозова Е. А. (2000). Психодрама // Основные направления современной психотерапии. М.: Когито-Центр. С. 301-342.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Гроф С. (2000). За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: Институт Трансперсональной Психологии, изд. Института Психотерапии. 497с.

Гумилев Л.Н (1989). Этногенез и биосфера Земли. Л. Изд-во ЛГУ. 496 с.

Головаха Є.І. (2005). Революція очікувань // Сподівання на іншу Україну. Президентські вибори-2004 та навколо них: думки, настрої, оцінки людей. К.: ІС НАНУ. С.32-39.

Гусейнов А.А. (2009). Философские заметки // Вопросы философии, №10. С. 3-16.

Гордієнко М. (2006). Феномен новітньої української революції: криза ідентичності чи шлях до оптимального розвитку національної державності // Персонал, №1.

Губенко О.В. (2005а). Революція в революції, або психологічні проблеми соціальної творчості // Практична психологія і соціальна робота, №8. С.75-80.

Губенко О.В. (2005б). Феномен Віктора Ющенка // Практична психологія і соціальна робота, №4. С.78-80.

Джемс В. (1910). Многообразие религиозного опыта / Пер.с англ.В.Г.Малахеевой-Миронович и М.В.Шик под ред.С.В.Лурье.-М., Издание журнала «Русская мысль». 519с.

Донченко А. (1994). Социальная психика. Киев: Наукова думка. 236 с.

Достоевский Ф.М. (1981). ПСС. Т.23. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 423с.

Дроздова М. (2005). Динаміка політичної свідомості у процесі виборчої кампанії 2004 року // Соціальна психологія, №4. С.32-43.

Жданов И.А., Ткаченко А.А. (1992). Проблема занятости и практика профессиональной диагностики. Кировоград. 85с.

Захарова А. В. (1980). Генезис самооценки: Автореф. дис. ... доктора психологических наук / АПН СССР, Инст. общей и педагогической психологии. М. 44с.

Захарова А. В. (1998). Генезис самооценки. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 135 с.

А. А Ткаченко

Зейгарник Б.В. (1981). Понятия квазипотребности и психологического поля в теории К. Левина / Зейгарник Б.В. Теория личности К. Левина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С.18—32, 43—51

Зеленский В. (2000). Толковый Словарь аналитической психологии. Изд.: БАК. 320с.

Зенько Ю. М. (2000). Трехвековой диалог психологии и религии в России // Христианское чтение: журнал СПб ДА, №19. С. 82-165.

Зинченко В.П. (1993а). Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологи, №4. С.5-15.

Зинченко В.П. (1993б). Кризис или катастрофа? Психология и новые идеалы научности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии, №5. С. 3 - 43.

Зинченко В.П. (1997). Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М.: Новая школа.

Знаков В.В. (1994). Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопросы психологии, №2.

Зинченко В.П. (2002). Размышления о душе и ее воспитании (Час Души) // Вопросы философии. № 2. С. 125.

Зинченко В.П. (2006). Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. Том 1. Выпуск 1. С. 207-231.

Знаков В.В.(1999). Психология понимания правды. СПб.: Изд. Алатаея. 282 с.

Зойя Л. (2004). Индивидуация и пайдейя // Журнал практической психологии и психоанализа, №2.

Зливков В. (2005). Психологія перемоги: віртуальні та реальні чинники // Соціальна психологія, №3. С.33-41.

Ермолаев В. Ю.(1989). Толковый словарь понятий и терминов / Под ред. Л.Н.Гумилева, в книге: Л.Н.Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ.

Иванов В.А. (2003). Психология, сновидения, рефлексы / <http://psy.tom.ru/article.html>.

Иоанн Златоуст. - П.с.с. - Т.3. С.205. / http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z03_1/t03_1.htm#begin

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Исаев Т.Е. (2002). Личностно ориентированный подход к оценке деятельности преподавателя высшей школы // Интеграция образования, №4. С.67-71.

Інтегративно-особистісний... (2012). Інтегративно-особистісний підхід у психологічній науці та практиці : монографія / [Г.О. Балл, О.В. Губенко, О.В. Завгородня та ін.] ; за ред. Г.О. Балла.— Кіровоград : Імекс-ЛТД, — 206 с.

Йегер В. (2001). Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1 Перевод с немецкого А. И. Любжина М., Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. 393 с.

Каковы... (2003). Каковы, социально-психологические последствия Голодомора?// День, №212.

Калина Н.Ф. (2001). Основы психоанализа. Серия "Образовательная библиотека" — М.: "Рефл-бук", К.: "Ваклер". — 352 с.

Кант И. (1964а). Критика чистого разума // Соч. в 6т. Т.2. М. С.206.

Кант И. (1964б). Критика чистого разума // Соч. в 6т. Т.3. М. С.661.

Карпец А. (2004). Пророк высшего предназначения и космического смысла // Зеркало недели, № 10.

Касавин И.Т. (2002). Ситуационные исследования и специальный эпистемологический статус социальной философии // Социемы. Екатеринбург, № 8.

Ксендзюк А. (2004). Человек неведомый: Толтекский путь усиления осознания. М.: ИД София. 368 с.

Климов Е.А. (1996а). Психология профессионала. М.: Изд-во Институт практической психологии, Воронеж: НПО МОДЭК. 400 с.

Климов Е.А. (1996б). Психология профессионального самоопределения. Учебн.пособ. Ростов-на-Дону. 509 с.

Клюева Н.В. (2001). Психолог и семья: диагностика, консультации, тренинг. Ярославль.

Коваленко М.И. (1999). Пассионарность как психологический феномен // Сб. научных трудов «Психологические проблемы самореализации личности». Вып. 2 / Под ред. А. А. Реана, Л. А. Коростылевой. Изд. СПб Ун-та.

Козлов В.В. (2001а). Духовные странствия: три тропы. Заметки по психологии духовности. Ярославль. 288с.

А. А Ткаченко

Козлов В.В. (2001б). Психотехнологии измененных состояний сознания. Личностный рост. Методы и техники. М.: Изд-во Института Психотерапии. 384с.

Коменский Я. (1989). Великая дидактика // Педагогическое наследие. М., 1989.

Кон И.С. (1984). В поисках себя (Личность и ее самосознание). М.: Политиздат. 335 с.

Корецкая М. А. (2007). Интеллектуалы и власть. Эпизод I: кризис античной пайдеи // Вестник Самарской Гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». №2. С.32-41.

Куликова Т. И. (2004). Психолого-педагогические стратегии развития субъективности современного подростка / Автореферат дис. ... кандидата психологических наук. М. 18с

Куликова Т.И. Субъектность как центральное образование человеческой реальности /

<http://www.university.ru/j/images/stories/nir/11/kylikova.pdf>

Кміта Є.В. (2005). Методика навчання пілотів веденню радіообміну на міжнародних повітряних трасах в умовах дефіциту часу / Автореферат дис. ... кандидата педагогічних наук. Київ. 20 с.

Кремень В.Г. (2001). Освіта в Україні: стан і перспективи розвитку // Неперервна професійна освіта: теорія і практика: Збірник наукових праць / За ред.І.А.Зязюна та Н.Г.Ничкало. У двох частинах. Ч.1. К. С.5-14.

Кремень В.Г. (2003). Освіта і наука України. Шляхи модернізації (факти, роздуми, перспективи). К.: Грамота. 216с.

Кремень В.Г. (2006а). Якісна освіта: сучасні вимоги // Педагогіка і психологія, №4. С.5-19.

Кремень В.Г. (2006б). Людино центризм в освіті: сучасний напрям розвитку духовності нації // Педагогіка і психологія, №2. С.17-31.

Кремень, В.Г. (2008). Трансформація особистості в освітньому просторі сучасної цивілізації // Педагогіка і психологія, № 2. С. 5-14.

Кушнір В. (2007). Духовність в особистості учителя // Соціальна психологія, №4. С.124-142.

Левин К. (2001). Динамическая психология: Избранные труды. Смысл. 572с.

Леонтьев А.Н. (1968). Проблемы развития психики. М.: Мысль.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Леонтьев А.Н. (1983). Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т.2. М.: Педагогика. 320с.

Леонтьев А.Н. (1994). Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А.А.Леонтьева, Д.А.Леонтьева. М.: Изд-во Моск.ун-та. 287с.

Леонтьев Д.А. (1999). Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл. 487с.

Леонтьев Д. А. (2006). К психологии поступка // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия, № 2. / http://www.existradi.ru/n9_leon.html

Лосев А.Ф. (1991). Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат. 525с.

Лосский В. (2000). Богословское понятие человеческой личности / Сб.статей В.Лосского «Богословие и Боговидение». М., Издательство Свято-Владимирского братства /

<http://psylib.org.ua/books/lossv04/txt06.htm>

Лоргус А. (2006). Опыт методологического анализа психологических категорий: психика, душа и личность / Рождественские чтения. Секция православной психологии. 2006. /

http://www.fapsyrou.ru/rozhdest_chten06.php#lorgus

Лоргус А. (2005). Психологическая практика и пастырское служение: сравнительный психологический анализ // Русское православие / http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ns_file.cgi?2+2_262

Любимова Г.Ю. (2000). От первокурсника до выпускника: проблемы профессионального и личностного самоопределения студентов-психологов // Вест.Моск.ун-та., серия 14. Психология, №1. С.48-56.

Луковенко Ю., Магера Н., Фурман А., Якушик В. (2006). Півтора роки після Помаранчевої революції. Оцінка ситуації і перспективи // Психологія і суспільство, №2. С.5-20.

Магнуссон Д. (1983). Ситуационный анализ: Эмпирические исследования соотношений выходов и ситуаций // Психологический журнал, № 2.

Макаров Р.Н. (1990). Основы формирования профессиональной надежности летного состава гражданской авиации: Учебное пособие. М.: Воздушный транспорт. 384 с.

А. А Ткаченко

Маркелова Т.В. (2000). Субъектность как фактор успешности педагогической деятельности офицера вооруженных сил. Диссертация ... кандидата психологических наук. Н. Новгород: Изд-во НИРО.

Маркс К. (1967). ПСС. т. 26, ч. I.

Маркс.К. (1973). Капитал. Критика политической экономии. В 3-х т. Т.1. М.: Политгиздат. 907с.

Маслоу А. (1997). Психология бытия. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер. 304с.

Маслоу А. (1999а). Мотивация и личность / Перевод А.М.Татлыбаевой. СПб.: Евразия.

Маслоу А. (1999б) Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл.

Матушанский Г.У. (2000а). Подготовка, переподготовка и повышение квалификации научно-педагогических и инженерных кадров России // Educational Technology & Society. - 2000., №3 (3). pp.535-537.

Матушанский Г.У. (2000б). Образовательные маршруты подготовки педагогических и инженерных кадров в Российской и зарубежной высшей школе // Educational Technology & Society. - 2000., №3 (3). pp.557-563.

Микешина Л.А. (2002). Философия познания: Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция. 624 с.

Мелехов Д. Е. (1997). Психиатрия и проблемы духовной жизни // Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни: Сборник памяти доктора медицинских наук, профессора Д. Е. Мелехова. М.: Свято-Филаретовская Московская высшая православно-христианская школа. С. 5–61.

Мельник С. (2005). На почве голода // Научно-культурологический журнал. История, №1. С. 103. /

<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=308&level1=main&level2=articles>

Мень А. (1998). Сын человеческий / Изд. третье, переработанное и дополненное. FOYER ORIENTAL CHRETIEN, 206, Av.de la Couronne, 1050 Bruxelles-Belgique. 493с. *Минаева Н. С. (2005).* К вопросу о

понятии «душа» в психологии / Н. С. Минаева // Известия Уральского государственного университета, № 39. С. 253-265.

- Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения
Могаричев Ю.М. (2005). Шулдан / «Пещерные города» в Крыму.
Симферополь: СОНАТ. С.96-99.
- Моисеев Н.Н. (2000)*. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки
рус. культуры. 224 с.
- Морозова И.С., Будич Н.Ю. (2005)*. Личностное самоопределение в
период взрослости // Вестник Кемеровского Государственного
Университета, №2 (22). Кемерово: Компания ЮНИТИ. /
<http://hpsy.ru/public/x2466.htm>
- Мухаметзянова Ф.Г. (2002)*. Субъектность студента высшего
педагогического учебного заведения: теория и практика //
Автореферат диссертации ... доктора педагогических наук. Киров.
- М'ясоїд П. (2004)*. Наука і практика у роботі психолога // Психологія
і суспільство, №3. С.5-74.
- Назаров В.Н. (1996)*. Философия в вопросах и ответах: Опыт
философской пропедевтики. Тула.
- Нысанбаев А., Курганская В. (2001)*. Философия и образование:
поиск согласия // Высшее образование в России, №1. С. 39-53.
- Найдьонова Л.М. (2005)*. Емоційні стани учасників масових
політичних акцій в контексті дружніх стосунків // Практична
психологія та соціальна робота, №10. С.65-68.
- Національна доктрина... (2002)*. Національна доктрина розвитку
освіти України у ХХІ столітті // Освіта, 24-31 жовт. С.8-9.
- Неперервна... (2001)*. Неперервна професійна освіта: теорія і
практика / Зб. наук. праць. За ред. І.А.Зязюна та Н.Г.Ничкало.У 2.ч.
Ч.1 К. 391с.
- Ожегов И.С. (1983)*. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.
Шведовой.-14-е изд., стереотип. М.: Рус.яз. 816с.
- Освенцим... (1991)*. Освенцим глазами СС / Р.Гесс, П.Брод,
И.П.Кремер / Под ред. К.Смолень, Т.Ивашко, Ф.Пипер, И.Польская,
Т.Свебоцкая, Д.Чех, Б.Ярош.-Варшава: Издательство Интерпресс.
237с.
- Осинов В. И. (2004)*. История природных катастроф на Земле //
Вестник Российской Академии Наук. Том 74, №11. С. 998-1005
- Осмонова Н.И. (2004)*. Назначение человека в философии И. Канта
и Н.А. Бердяева // Кантовские чтения в КРСУ; Общечеловеческое и

А. А Ткаченко

национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ. Материалы выступлений / Под общ.ред. И.И. Ивановой. Бишкек. С.84-91

Осницкий А.К. (1996). Проблемы исследования субъективной активности // Вопросы психологии, № 1.

Острецов И. (2002). Введение в философию ненасильственного развития: Монография. Ростов на Дону, Комплекс. 231 с.

Обушний М. Воропаева Т. (2009). Політико-психологічні аспекти Голодомору 1932-1933 років // Соціальна психологія, №2. С.39-49.

Основы... (1995). Основы психології: Підручник / За заг. ред. О.В.Киричука, В.А.Роменця. К.: Либідь. 632с.

Панов А.Д. (2004). Кризис планетарного цикла Универсальной истории // Вселенная, пространство, время, №2.

Парсонс Т. (2000). О структуре социального действия. М.

Паттерсон С.Х., Уоткинс С.Э. (2004). Гештальт-терапия: Перлз // Журнал практической психологии и психоанализа, №1, 2004.

Паттерсон С.Х., Уоткенс С.Э. (2004). Теории психотерапии. ПИТЕР, 5-е изд. 544с.

Петровский В. А. (1993). Феномен субъектности в психологии личности / Дис. ... доктора психол. наук. М. 576 с.

Петровский В.А. (1996). Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс. 512с.

Петровский А.В., Ярошевский, М.Г. (1998). Психология. М.

Петухов В.В., Столин В.В. (1989). Психология: Методические указания. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Платон. (1999). Филеб. Государство. Тимей. Критий. / Пер. с древнегреч.; общ. Ред. А.Ф. Лосева и др. М.: Изд-во Мысль. 656 с.

Платонов К.К. (1972). О системе психологии. М.: Мысль. 216с.

Пономаренко В.А. (1991). Размышления о школе // Вопросы психологии, №2.-С.5-14.

Пономаренко В.А. (1997). Психология духовности профессионала. М. 289с.

Пономаренко В.А. (1998). Авиация. Человек. Дух. М.: ИП РАН Универсум. 320 с.

Пономаренко В.А. (2004). Психология духовности профессионала. М.: ПЕР СЭ. 256с.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Поппер К. Р. (1992a). Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». 448 с.

Поппер К. Р. (1992b). Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.

Пригожин И., Стенгерс И. (1986). Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс. 432с.

Пригожин И. (1991). Философия нестабильности // Вопросы философии, №6. С. 46—57.

Присняков В.Ф., Приснякова Л.М. (2004). Человеческий капитал как интеллектуальная сила. Опыт математического моделирования. Монография. Днепропетровск. 225с

Присняков В. Ф. (2005). Власть. Террор. Революция. Катастрофы в гуманитарных процессах. Монография. Днепропетровск. 192с.

Пряжников Н.С. (1996a). Профессиональное и личностное самоопределение. М.: изд. «Институт практической психологии», Воронеж: НПО МОДЭК. 256 с.

Пряжников Н.С. (1996b). Психология элитарности. М. Воронеж: Инс-т практической псих.; НПО Модек. 512с.

Психология... (2000). Психология XXI века: Пророчества и прогнозы // Вопросы психологии, № 1. С. 3-36.

Психологический словарь... (1983). Психологический словарь (1983) / Под ред. В.В.Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др.; Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика. 448с.

Психология. Словарь... (1990). Психология. Словарь (1990) / Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат. 494с.

Пашукова Т. (2005). Імідж України і Росії в умовах політичних змін // Соціальна психологія, №5. С.3-15.

Пащенко Г.С. (2003). Методика навчання курсантів-пілотів льотної експлуатації повітряних суден на міжнародних авіалініях.

Автореферат дисертації ... кандидата педагогічних наук. Харків. 19 с.

А. А Ткаченко

Півень В.В. (2001). Професійна підготовка пілотів до ведення радіообміну на міжнародних повітряних трасах. Автореферат дисертації ... кандидата педагогічних наук. Кривий Ріг. 20 с.

Райх В. (1999). Характероанализ: Техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков: Перевод / Общ.ред. и вступ. ст. А.В. Россохина. М.: Республика. 461с.

Роджерс К. (1997). В мире советского профессионала // Журнал практического психолога, N 3. С. 92-111.

Роменец В.А. (1989). Жизнь и смерть в научном и религиозном истолковании. К.: Здоров'я. 191с.

Рубинштейн С.Л. (1976). Проблемы общей психологии. Изд. 2. Отв.ред. Е.В.Шорохова. М.: Педагогика. 416с.

Рубинштейн С.Л. (2002). Основы общей психологии. СПб.: Питер. 720с.

Рудестам К. (1998). Групповая психотерапия. Спб.: Питер Ком. 384с.

Ручка А.А. (2005). «Посторанжевые» ощущения граждан или кто «выиграл» и кто «проиграл» в результате «оранжевой» революции в Украине // Вестник общественного мнения, № 6. С.17-24.

Роменец В.А. (1983). Історія психології стародавнього світу і середніх віків: Навч. посібник., К.: Вища школа. 415с.

Роменец В.А. (1990). Історія психології XVII століття: Навч. посібник., К.: Вища школа. 365с.

Роменец В.А. (1993). Історія психології епохи Просвітництва: Навч. посібник, К.: Вища школа. 568с.

Роменец В.А. (1995). Історія психології XIX-початку XX століття: Навч. Посібник, К. 614с.

Роменец В.А., Маноха І.П. (1998). Історія психології XX століття: Навч. Посібник, К.: Либідь. 992с.

Роменец В. (2000). Вчинкова організація канонічної психології // Психологія і суспільство, №2. С.25-57.

Роменец В.А. (2001). Психологія творчості: Навч. посібник. 2-ге вид., доп. К.: Либідь, 2001. 288с.

Савельев А. (2003). Реформы высшего образования в Российской Федерации // Высшая школа Украины, №3. С.11-20.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения
Священник Родион. (1999). Люди и демоны. Образы искушения современного человека падшими духами. Изд. Отдел Украинской Православной Церкви. С.60.

Сергеев К.А., Слинин Я.А. (1992). «Феноменология духа» Гегеля как наука об опыте познания / В кн.: Г.Гегель. Феноменология духа. СПб.: Наука. С.7-17.

Серегина И.А. (1999). Психологическая структура субъектности как личностного свойства педагога. Автореферат диссертации ... кандидата психологических наук. М.

Слисаренко И. (2005). Международный имидж Украины после «Оранжевой революции»: информационные вызовы // Персонал, №2. С.26-36.

Слободчиков В.И., Исаев, Е.И. (2000). Психология развития человека. М.

Словарь... (1908). Словарь современного русского литературного языка. Издательство Академии наук СССР. М-Л.

Словарь русского... (1961). Словарь русского языка. М.

Смысл... (2004). Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: В 2ч./ Под ред. А.А.Бодалева, Г.А.Вайзер, Н.А.Карповой, В.Э.Чудновского. М.: Смысл.

Соколов В.М. (1996). Основы проектирования образовательных стандартов (методология, теория, практический опыт). М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов. 116с.

Соколова Е.Е. (1999). Идеи А.Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл. С. 80-117.

Соловьев Вл.С. (1999). Чтение о Богочеловечестве // Соловьев Вл. С. Спор о справедливости: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во Фолио. 864с.

Солженицын А.И. (1990). Как нам обустроить Россию // Комсомольская правда. Специальный выпуск. Брошюра в газете.

Социальная философия / http://socfil.narod.ru/glava_7.htm.

А. А Ткаченко

Станиславский К.С. (1989). Работа актера над собой / В кн.: К.С.Станиславский. Собрание сочинений в девяти томах. Том 2. М.: Искусство.

Степаненко В. (2006). Оранжевая революция — aftermath: природа событий и особенности национальной гражданской активности / <http://www.polit.ru/research/2006/02/27/aftermath.html>

Степанский В.И. (1991). Свойства субъектности как предпосылка личностной формы общения // Вопросы психологии, № 5.

Суходольский Г.В. (1976). Структурно-алгоритмический анализ и синтез деятельности. Л.: ЛГУ. 120с.

Селезнов О.В. (2004). Методика професійної підготовки курсантів-штурманів до дій в екстремальних умовах. Автореферат дисертації ... кандидата педагогічних наук. Харків. 18с.

Сіненко Д.В. (2008). Методика оцінки навичок пілотування курсантів-льотчиків в процесі льотної підготовки. Дисертація ... кандидата педагогічних наук. Харків. 214 с.

Сподівання... (2005). Сподівання на іншу Україну. Президентські вибори – 2004 та навколо них: думки, настрої, оцінки людей . К.: ІС НАН України. 88 с.

Стасюк О. О. (2007). Деформація традиційної культури українців в кінці 20-х - на початку 30-х років ХХ ст. / Дисертація ... кандидата історичних наук: Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. К.

Степаненко В.П. (2005). Українська суспільна трансформація крізь призму помаранчевої революції // Політичний портрет України, № 32. С.34-46.

Степаненко В. (2005). «Нас не подолати!» Соціокультурні аспекти «Помаранчевої» революції // Практична психологія і соціальна робота, №4. С.74-77.

Тарнавская Т.В. (2008). Методика обучения будущих диспетчеров управлению воздушным движением в экстремальных ситуациях на международных воздушных трассах. Диссертация ... кандидата педагогических наук. Харьков.

Татенко В.А. (1995). Субъект психической активности: поиск новой парадигмы // Психологический журнал, № 3.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Татенко В.А. (2004). Объект, предмет и метод психологии как субъекта познания // Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції «Перспективи розвитку соціогуманітарних наук у класичних університетах» (соціологія, психологія, педагогіка): 36. наук. Праць. К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет». С. 60-66.

Ткаченко А.А. (1988). Организационно-дидактические основы специальной теоретической подготовки курсантов-пилотов летных училищ гражданской авиации. Диссертаци ... кандидата педагогических наук. Казань.

Ткаченко А.А., Харченко М.Н. (1995). Специализированный семинар для безработных // Человек и работа, №7. С.47-53.

Ткаченко А.А. (1996). Организационно-дидактическая концепция профессионального консультирования // Человек и работа, №7. С.39-46.

Ткаченко А.А. (2001а). Духовно-природная психотерапия. (Эсхатологический аспект). Личностная и профессиональная элитарность. Кировоград: КОД. 220с.

Ткаченко А.А. (2002а). Эмпирическая концепция психосоциальной технологии духовно-профессионального самоопределения // Социальная психология XXI столетия / Под ред. В.В.Козлова. В 3.-х т. Т.3. Ярославль. С. 186-190.

Ткаченко А.А. (2004). Понятие «дело жизни» и акме / Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: В 2 ч./ Под ред. А.А.Бодалева, Г.А.Вайзер, Н.Л.Карповой, В.Э.Чудновского. Ч.1. М.: Смысл. С.237-239.

Ткаченко А.А. (2009б). «Деложизненный» подход в практике профессиональной подготовки // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение», №2. / <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/2/Tkachenko/>

Толстой Л.Н. (1952а). Полн.собр.соч. В 90 т. Т.48. - М.: Гос. изд. худ. лит-ры, 1952.- 539 с.

Толстой Л.Н. (1952б). Полн.собр.соч. В 90 т. Т.50. М.: Гос. изд. худ. лит-ры. 352 с.

Толстой Л.Н. (1952в). Полн.собр.соч. В 90 т. Т.51. М.: Гос. изд. худ. лит-ры. 289 с.

А. А Ткаченко

Толстой Л.Н. (1953). Полн.собр.соч. В 90 т. Т. 53. М.:
Гос.изд.худ.лит-ры. 561с.

Троцук И.В. (2005). Нарратив как междисциплинарный
методологический конструкт в современных социальных науках //
Вестник РУДН, № 6-7. С. 56-74.

Тюгашев Е.А. (2009). Ситуация как категория социокультурного
анализа: Парсонс - Ясперс - Гегель // Социальные взаимодействия в
транзитивном обществе. Вып. XI / Под ред. М.В. Удальцовой.
Новосибирск: НГУЭУ. С. 23-32.

Ткаченко О.А. (2001б). Психологічні аспекти розвитку особистості
спеціаліста у системі неперервної професійної освіти // Неперервна
професійна освіта: теорія і практика: Зб.наук.праць./За ред.
І.А.Зязюна, Н.Г.Ничкало.-У 2-х ч. Ч. 1.- К. С.310-314.

Ткаченко О.А. (2002б). Деякі психологічні аспекти становлення
професіонала в іпостасі психолога-духівника // Теоретико-
методологічні проблеми генетичної психології:
Матер.міжнар.наук.конф., присв. 35-річчю науков. та пед. діяльн.
акад. С.Д.Максименка.- у 4-х т. Т.4.- К.: Міленіум. С. 371-375.

Ткаченко О. (2005а). «Діло» та «справа життя» як психологічні
категорії // Психологія і суспільство, №1. С.16-27.

Ткаченко О. (2005б). Україна у вимірі психологічної практики
«справа життя» // Психологія і суспільство, №3. С.5-23.

Ткаченко О. (2006а). Психологічне дослідження феномена
Майдану // Психологія і суспільство, №2. С.19-29.

Ткаченко О. (2006б). Тенденції змін життєвих орієнтацій
українського суспільства, обумовлені феноменом «майдану» //
Соціальна психологія, №3. С.25-33.

Ткаченко О. (2007а). Розбудова України після «помаранчевої
революції» // Соціальна психологія, №1. С.26-38.

Ткаченко О. (2007б). Теоретико-методологічна концепція «справа
життя» // Соціальна психологія, №4. С.37-56.

Ткаченко О. (2007в). Взаємодія психолога і священика у форматі
теоретико-практичного підходу «справа життя» // Психологія і
суспільство, №3. С.103-108.

Ткаченко О. (2008а). Духовне відродження освіти і вище
призначення людини // Соціальна психологія, №2. С.141-150.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Ткаченко О. (2008б). «Справожиттєва» особистість // Соціальна психологія, №5. С.48-60.

Ткаченко О. (2009а). Суспільство «вищого призначення» // Соціальна психологія, №2. С. 103-114.

Ткаченко О. (2009в). Тренінг професійної майстерності психологів-консультантів: «справожиттєвий» підхід. Навчальний посібник (експериментальний курс). Кіровоград: КІРУЕ. 92с.

Ткаченко О. (2009г). Експериментальна психологія: «справожиттєвий» підхід. Навчальний посібник (експериментальний курс). Кіровоград, КІРУЕ. 88с.

Ткаченко О.М. (1979). Принципи та категорії психології. К.: Гол.вид. ВО Вища школа. 198с.

Узнадзе Д.И. (1997). Теория установки / Под редакцией Ш.А.Надирашвили и В.К.Цаава. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК». 448 с.

Українське... (2005). Українське суспільство 1994–2005. Динаміка соціальних змін. / За ред. В.Ворони, М.Шульги. К.: Інститут соціології НАН України. 653 с.

Фестингер Л. (1999). Теория когнитивного диссонанса: пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб.: Ювента. 318 с.

Философский словарь (1981) / Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат. 445 с.

Франк С.Л.(1992). Смысл жизни / Духовные основы общества. М. 511с.

Франкл В. (1990). Человек в поисках смысла: Сборник: пер.с англ. и нем. / Общ.ред. Л.Я.Гозмана и Д.А.Леонтьева; вст.ст. Д.А.леонтьева. М.: Прогресс. 388с.

Фурман А. (2005). Модульно - розвивальна організація мислєдїяльностї – схема професійного методологування // Психологія і суспільство, №4. С.40-70.

Фурман А. (2006). Методологічна план-карта освітології як синтетичної наукової дисципліни // Вітакультурний млин. Модуль 4. С.4-19.

А. А Ткаченко

Христианство... (1995). Христианство: Энциклопедический словарь В 3-т.; Т.3 / Ред. Кол.: С.С.Аверинцев (гл. ред.) и др.-М.: Большая Российская энциклопедия. С.268-270.

Цветаева Н.Н. (1999). Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал, №1/2. С.17.

Челпанов Г.И. (1994). Мозг и душа: Критика материализма и очерк современных учений о душе.- М.: Изд. Круг, Психологический институт РАО. 350 с.

Чудновский В.Э. (1988). Проблема субъективности в свете современных задач психологии воспитания // Вопросы психологии, №4. С.15-25.

Чудновский В.Э. (2012). Смысловая вертикаль человеческой жизни / Психологические проблемы смысла жизни и акме: Электронный сборник материалов XVII симпозиума / Под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой, Т.А. Поповой – М.: ФГНУ «Психологический Институт РАО». -С.11-25 / <http://www.pirao.ru/scilife/mpirao/>

Чурсанов С.А. (2006). Богословское понятие личности (proswpon) в структуре методологической парадигмы православной психологии и педагогики. // Развитие личности, № 4. / http://www.fapsyrou.ru/z16_chursanov.php

Шабельников В.К. (2003). Психология души: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия». 240с.

Шапарь Р.Б. (2004). Практическая психология. Инструментарий / Серия «Учебники для высшей школы». Ростов на Дону: Феникс. 768с.

Шоттер Дж. (1996). М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» // Вопросы психологии, №6. С. 107-117.

Шутценбергер А. (2001). Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М.: Изд-во Института Психотерапии. 240 с.

Щедровицкий Г.П. (1995). Избранные труды. М.: Шк. культ. полит. 800с.

Щедровицкий Г. (2000). Методологічна організація сфери психології // Психологія і суспільство, №2. С.7-25.

- Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения
Щедровицкий Г. (2004). Методологічна організація системно-структурних досліджень і розробок // Психологія і суспільство, №2. С.30-50.
- Щедровицкий Г. (2005).* Схема мислєдїяльності – системно-структурна будова, значення і зміст // Психологія і суспільство, №4. С.29-40.
- Щербина С.В. (2001).* Науково-дослідна робота майбїтніх диспетчерів міжнародних авїалїній як засїб формування професїйних умїнь. Автореферат дисертації кандидата педагогічних наук. Харків. 19 с.
- Эльконин Б.Д., Зинченко В.П. (1996).* Психология развития (по мотивам Л. Выготского) // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Философия, психология. М.
- Эммонс Р. (2004).* Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ.; Под ред. Д.А.Леонтьева. М.: Смысл. 416с.
- Энциклопедический... (1963).* Энциклопедический словарь. Т.1 / Под ред. Б.А.Введенского.-М., Советская Энциклопедия. 656с.
- Энциклопедический... (1964).* Энциклопедический словарь. Т.2 / Под ред. Б.А.Введенского. М., Советская Энциклопедия. 736с.
- Юнг К.Г. (1995).* Аналитическая психология. Прошлое и настоящее.- М.: Мартис. 320с.
- Юнг К.Г. (1998).* Практика психотерапии. Санк-Петербург: Университетская книга. 416 с.
- Явкина Т. А. (2003).* Духовное производство: проблемы определения эффективности. Диссертация ... кандидата философских наук. Саранск.
- Янков И.В. (1997).* Нарратив в историческом освоении действительности: феномен обновления и социокультурный смысл. Диссертация ... кандидата философских наук. Екатеринбург.
- Яковлев В.Ю. (2008).* Нарративный метод научного познания // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, №11. С.28-36.
- Ярошевский М.Г. (1996).* Теория «поля» Курта Левина / М.Г. Ярошевский. История психологии от античности до середины XX века. М.

А. А Ткаченко

Ясперс К. (1991). Духовная ситуация нашего времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем.- М.: Политиздат. 527 с.

Ellison, C.W. (1983). Spiritual well-being: Conceptualization and measurement. *Journal of Psychology and Theology*, 19.- P. 35-38.

Epstein, S. (1994). Integration of the cognitive and psychodynamic unconscious. *American Psychologist*, 49.- P. 709-724.

Hall, T.W., Edwards, K.J. (1996). The initial development and factor analysis of the spiritual assessment inventory. *Journal of Psychology and Theology*, 24.- P. 233-246.

Little B.R. (1996). Free traits, personal projects, and idio-tapes: Tree tiers for personality psychology. *Psychological Inquiry*, 7.-P. 340-344.

Malony N. (1988). The clinical assessment of optimal religious functioning. *Review of Religious Research*, 30.- P. 3-17.

Maslow A.H. (1971). *The Farther Reaches of Human Nature.* Harmondsworth: Penguin.

Maslow Abraham H. (1970). *Motivation and Personality (2nd ed.)* N.Y.: Harper & Row.

McAdams, D.P. (1992). The five-factor model of personality: A critical appraisal. *Journal of Personality*, 60.-P. 329-361.

McAdams, D.P. (1996). Personality, modernity, and the storied self: A contemporary framework for studying persons. *Psychological Inquiry*, 7.- P. 295-321.

McCrae, R. R., Costa, P. T., Jr. (1996). Toward a new generation of personality theoretical contexts for the five-factor model. In J.S. Wiggins (Ed.), *The five-factor model of personality: Theoretical perspectives* (p.p. 51-87). New York: Guilford Press.

Pervin A. (1970). *Personality: Theory, assessment and research.* New York etc.

Pervin L. (1978). Definitions, measurements and classifications of stimuli, situations and environments // *Hum. Ecology*. V. 6.

Singer, J.A., Salovey, P. (1993). *The remembered self: Emotion and memory in personality.* New York: The Free Press.

Watts, F., Williamse, M. (1988). *The psychology of religious knowing.* New York: Cambridge University Press.

Дело жизни: достижение личностью высшего предназначения

Научное издание

ТКАЧЕНКО
Александр Анатольевич

Дело жизни:
достижение личностью
высшего предназначения

Монография
Издание 2-е, дополненное и доработанное

Редакция авторская.
Иллюстрации: И.Нейгер

Люблю **КНИГИ**
ljubljudknigi.ru

yes
i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.ljubljudknigi.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

